

МОЛОДОЙ
учёный

III Международная научная конференция

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Москва

Главный редактор: *Г. Д. Ахметова*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, О. А. Авдеюк, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, М. А. Игнатова, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, Н. С. Сенюшкин, И. Г. Ткаченко, А. С. Яхина

Ответственные редакторы:

Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

Вопросы исторической науки: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2015 г.). — М.: Буки-Веди, 2015. — vi, 174 с.

ISBN 978-5-4465-0597-5

В сборнике представлены материалы III Международной научной конференции «Вопросы исторической науки».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Маркова Е.Г.

Сущность, закономерности и социально-экономические последствия научно-технической революции 1

Хамроев Қ.

The use system of pontoon bridges connected with the activity of caravan routes of Middle Asia 6

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Зыкова К.Ю.

Особенности реализации принципов научного менеджмента Ф. Тейлора в компании «Бош» в первой четверти XX века 8

Лукьянов Н.В.

Служба негров в ВМС США во время Второй мировой войны. 11

Мирошниченко И.В.

Проблема компенсации арабской собственности на оккупированных Израилем палестинских территориях в 1948–1967 гг. 13

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Кстаубаева У.А.

Ликвидация казахского байства как класса в конце 20-х годов XX века 17

Мансуров У.У.

Изменения в системе торговли городов Ферганской долины (на примере 1917–1924 годов) 19

Ярыгин В.В.

Главные социально-экономические вопросы и законодательная власть США в период президентства Бенджамина Гаррисона (1889–1893 гг.) 21

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Абдулбокиев Ф.А.**

Resources for the History of Khiva (half of the 19th century beginning of the 20th century). 30

Амочаев П.А.

Политическая борьба и русская артиллерия в послепетровской России 34

Андреец У.М.

Становление и общественно-политическая деятельность комсомольских организаций в дальневосточной деревне (1923–1925 гг.) 38

Аупенова А.У.

Развитие угольной промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны на примере строительства разреза в Карагандинском угольном бассейне 43

Бокова Я.М.

Эволюция ученических производственных бригад на Ставрополье 48

Гойибов Б.С.	
Из истории арабских завоеваний в Согде: к биографии Деваштича, сына Йодахшитака.	51
Давыдов А.Ю.	
Религиозное сознание и общественная мысль Руси XIII – начала XV века: значение для современности	54
Ерофеев Я.А.	
Реализация применения нормативно-правовых актов на местном уровне в деле открытия аптек в городах Тобольской губернии (вторая половина XIX века).	56
Забелин В.М.	
Земский деятель Мальцевский.	61
Зимонин Е.М.	
Реализация культурной политики в Ставропольском крае в 1950-х – начале 1960-х гг.	65
Капытина Т.П.	
Защита животных в эпоху Древнего Мира.	69
Княжева В.В.	
Семь смертельных кругов ада.	78
Кулаков Д.В., Стецюк И.И., Кузовникова К.А., Шатунов Е.А.	
«Красноуфимское восстание» на основе материалов государственного архива Свердловской области.	82
Мадрахимов З.Ш., Нурматов А.	
From the history of the markets in Kokand city (the 70 s of XVIII – XIX centuries)	87
Мирзаджанов Б.Т., Ходжаев Х.	
Проблемы формирования государственного аппарата советов в Туркестане на примере Наманганского уезда (в 20-х годах XX века).	90
Мудрова Н.П.	
Способы сбора и обработки устных (фольклорных) источников северокавказских народов.	92
Мышинников И.А.	
Проблема идеализации христианского образа императора Константина в произведениях Евсевия Памфила.	99
Мышинников И.А.	
Проблема преемственности взглядов на семейные отношения у славян после принятия христианства.	102
Немова В.В.	
Организация благотворительной помощи на Дону солдатам в годы Первой мировой войны.	106
Осмачкин А.В.	
Положение инвалидов Отечественной войны в СССР (на материалах Краснодарского и Ставропольского краёв в 1945 – середина 1950-х гг.)	109
Питкевич В.В.	
Антикоммунистическая деятельность молодёжных организаций, находящихся в структуре либеральных партий России в 2000–2005 гг.	111
Предигер Б.И.	
Вопрос инородцев в системе школьного образования (1903–1917 гг.)	114
Пряшников С.В.	
Выдающиеся священнослужители острова Сахалин: протоиерей Александр Унинский (... 1920 г.) – пастырь, педагог, исповедник.	120
Рыков А.В.	
Положение бригадиров полеводческих бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны.	124
Рыков А.В.	
Состояние коневодства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны.	126
Собиров А.Р.	
Развитие музыкальной науки в Центральной Азии в средние века.	128
Ташкенбаева Д.А.	
Формирование особенностей среднеазиатских геополитических интересов Российской империей.	130

Тленшина Г.М.

Реализация гендерной политики Республики Казахстан (на материалах Акмолинской области). 132

Тургунов М.С.

Академия Улугбека 136

Цыденжапова Д.К., Балдандоржиев Ж.Б.

Алханай — историческое, природное наследие Восточного Забайкалья (историко-культурный анализ категории пространства и времени) 137

Чиркунов И.В.

Место сельской промышленности в трудах В.И. Ленина 139

Шукуров Р.Ж.

Военно-политическое положение Ташкента в конце XVIII — начале XIX века в российских источниках. 142

Якобжанов Ж.Ж.

История Кокандского ханства XVIII — I половины XIX века в историографии российских исследователей 144

5. АРХЕОЛОГИЯ**Попов А.С.**

Историография каменной индустрии хвалынской культуры. 147

Шалахов Е.Г.

Носители сейминско-турбинской традиции и «камень победы» (нефрит в эпоху героев и оловянных бронз) 149

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ**Бекназарова М.А.**

Мясная пища в свадебной обрядности туркмен: традиции и новации 153

Тафаев Г.И.

Исследователь Аллен Франк о болгаризации татарской идентичности 156

7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ**Кожухарь А.И.**

Городской быт Восточной Сибири XIX — начала XX вв. в музейной практике 164

Марыжихин В.Е.

Христианские символы в Российской Императорской армии периода русско-японской войны 166

Соколова Л.М.

Биби-сешанба — богиня или святая? 169

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Сущность, закономерности и социально-экономические последствия научно-технической революции

Маркова Екатерина Григорьевна, студент
Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)

Наука в её современном виде (как особый вид духовного производства, характеризующийся направленностью на выработку и теоретическую систематизацию объективных знаний о действительности, как форма общественного сознания, отражающая реальность в рационально упорядоченных и систематизированных формах знания и, наконец, как совокупность социальных институтов) имеет долгую историю формирования. Элементы научного знания зародились в обществах Древнего Востока (IV тыс. до н.э.). Первыми теоретическими научными системами по праву может гордиться античная Греция. VI—IV вв. до н.э. считают временем первой (аристотелевской) научной революции, в результате которой произошло отделение науки от других форм познания и освоения действительности, выработаны определенные образцы и нормы научного познания и знания. В наибольшей степени эта заслуга принадлежит Аристотелю: им была создана формальная логика, т.е. учение о доказательстве, (главный инструмент выведения и систематизации знания), разработан категориально понятийный аппарат. Им были утверждены каноны проведения и организации научного поиска (история вопроса, постановка проблемы, подбор аргументов за и против, доказательность решения), дифференцировал само знание, отделив естественные науки от метафизики и математики. Следующий этап в развитии науки приходится на XVI—XVIII вв. — период развития классической науки, явившейся результатом так называемой второй (ньютоновской) научной революции. Исходным пунктом этой революции является переход от геоцентрической модели мира к гелиоцентрической. Переход этот был обусловлен чередой открытий, совершённых Н. Коперником, Г. Галилеем, И. Кеплером, Р. Декартом. И. Ньютон подытожил их исследования, сформулировав главнейшие принципы новой научной картины мира в общем виде. В итоге сложилась механистическая научная картина мира, базирующаяся на экспериментальном математическом естествознании.

На рубеже XIX—XX вв. происходит третья (эйнштейновская) революция в науке. Она была обусловлена целой серией открытий (это и открытие сложной структуры атома, дискретного характера электромагнитного

излучения, явления радиоактивности, и др.). В результате подорвана была важнейшая предпосылка ньютоновской классической картины мира — убежденность в том, что все явления природы можно объяснить с помощью простых сил, действующих между неизменными объектами. Наступил период так называемой неклассической науки.

Современный этап становления науки, начавшийся в 70-х гг. XX века получил название постнеклассической науки [5]. Важнейшей характерной чертой его является появление междисциплинарности, обслуживание утилитарных потребностей промышленности, дальнейшее внедрение принципа рассмотрения явлений в контексте эволюции.

Современная эпоха закономерно называется эпохой научно-технической революции (НТР). Это означает, что наука в наше время превратилась в решающий фактор развития не только производства, но и всей общественной жизни, стала непосредственной производительной силой общества.

По выражению известного физика и философа науки Вернера Гейзенберга, «Теперь уже интересовались не природой как она есть, а, прежде всего, задавались вопросом, что с ней можно сделать. Естествознание поэтому превратилось в технику. Точнее, оно соединилось с техникой в единое целое» [1, с. 14]. Именно эта связь науки и техники и выражена в самом термине НТР.

Если проанализировать процесс развития НТР, то можно выделить целый ряд значимых тенденций, свойственных этому процессу:

- прежде всего, превращение науки в ведущий фактор общественного развития, реализующееся через непосредственное влияние достижений науки и техники на все сферы совместной человеческой деятельности (производство и потребление, коммуникацию и образование, рекреационную сферу);

- интеграция производства, управления и образования на базе применения и распространения научно-технических достижений;

- комплексная автоматизация производства и управления, активная замена ручного труда машинным, проникновение машинной техники во все сферы деятельности (вплоть до творчества); огромная роль информационных

процессов, автоматизация и глобализация обмена информацией;

— интенсификация научных исследований, интеграции и взаимообмена наук (как на внутринаучном, так и на межгосударственном уровнях), следовательно, усиление доли и роли исследований прикладного характера; — высокая степень интеграции науки и техники, обеспечивающая резкое ускорение темпов технического прогресса;

— ведущая роль государства в финансировании, планировании, управлении и организации научных исследований;

— увеличение роли социальных наук а также эффективности применения результатов их исследования в материально- и социально-практической деятельности.

— повышение уровня общего и специального образования, профилизация образования в соответствии с кадровыми потребностями науки и техники [7].

Основными направлениями реализации НТР и научно-технической деятельности стали: открытие и использование новых видов энергии, создание материалов с заранее заданными свойствами, освоение космоса, биотехнологии, электронные микротехнологии, глобальная автоматизация информационных процессов и создание глобальных средств массовой коммуникации, создание искусственного интеллекта [6].

Выявляя предпосылки НТР, следует определить две основные составляющих: собственно научную и социальную.

Собственно научные (внутринаучные) предпосылки — это основные достижения естественных и точных наук конца XIX — начала XX столетия. Именно в начале XX в. были совершены крупнейшие открытия в науке и технике, которые и подготовили научно-техническую революцию. За четверть века в физике была раскрыта сложная структура атома (Э. Резерфорд), открыт электрон, установлен корпускулярно-волновой дуализм света и вещества, открыты явления естественной и искусственной радиоактивности, возникла квантовая механика (М. Планк), сформулирована теория относительности (А. Эйнштейн), что ознаменовало прорыв в области микромира. Стали широко использоваться электричество, механизация и автоматизация производства; поистине революционно развивались средства связи: появились радио и телевизор, автомобиль, самолет, электропоезд; открывались новые источники энергии. Успехи в химии привели к разработке технологий органических веществ и методов управления химическими процессами, в частности синтеза многих лекарств, красителей, продуктов питания, взрывчатых веществ, а также к получению новых веществ с заранее заданными свойствами. Ряд поистине революционных открытий в биологии привели к появлению новых наук — генетики, молекулярной биологии, вирусологии и др. [5]

Дальнейшим прорывом в научно-технической сфере были исследования атомной энергии, а также появление и быстрое развитие кибернетики — науки об обработке информации и управлении, и автоматизированных вычис-

лительных средств (ЭВМ), способных к выполнению логических операций. Это привело к значительному ускорению темпов научного прогресса.

Существенное влияние на НТР оказало быстрое развитие электронных технологий, способствовавшее автоматизации хранения и обработки информации с помощью ЭВМ, а затем — комплексной автоматизации производственных процессов

Вторую мировую войну можно считать повивальной бабкой НТР. Именно в ходе Второй мировой войны воюющими странами создаются принципиально новые виды вооружения: реактивный самолёт, реактивный миномёт, первые тактические ракеты, атомная бомба и т.д. Эти плоды прикладных НИОКР огромного количества сверхсекретных военных институтов и конструкторских бюро, в силу понятных политических причин, моментально внедрявшиеся в производство, как ничто другое задали направление третьей НТР.

В послевоенном мире одним из главнейших стимулов ускоренного развития НТП и внедрения его достижений в производство было стремление национальных корпораций в условиях послевоенной международной и внутренней конкуренции обеспечить устойчивое возрастание прибыльности производства.

Очень важную роль в развитии НТР сыграли политические (по сути имперские) амбиции двух сверхдержав того времени СССР и США, длительное соперничество и противостояние двух военно-политических блоков в период «холодной войны». В беспрецедентной по масштабам послевоенной гонке вооружений сверхдержавы сделали ставку достижение технологического превосходства, создание и совершенствование новых видов оружия массового поражения. Вслед за США в СССР создается собственное ядерное оружие, не уступающее американскому, а позднее и превосходящее его. Это стратегические, континентальные бомбардировщики, баллистические межконтинентальные и средней дальности ракеты, произведшие революцию в военном деле, и одновременно создавшие условия для начала эры покорения космического пространства (запуска в СССР первого искусственного спутника Земли и первого пилотируемого человеком космического корабля) [6]. Таким образом, с первых же шагов НТР перед человечеством возник вопрос о сфере использования ее результатов. И первоначально это была преимущественно военная сфера.

В отличие от западных стран в СССР с его сверхцентрализованной экономикой, основанной на использовании методов прямого регулирования (а потому и более затратной, инертной к научно-техническому прогрессу), НТР в большей степени развивалась под воздействием внешнеполитических факторов: сначала этому способствовала военная конфронтация с Западом, а потом в соответствии с доктриной «мирного сосуществования (подразумевалось — соревнования) двух систем». Вот почему применение достижений НТР происходило главным образом в военных областях.

Тем временем, рыночные отношения, основанные на частной собственности и конкуренции, в ведущих странах мира по мере развития НТР все более и более проникали в другие отрасли народного хозяйства. Это способствовало росту производительности труда, и, как следствие, прибыльности производства. Научно-технический потенциал этих стран развивался главным образом под воздействием конъюнктуры рынка, а не под воздействием внешнеполитического фактора.

НТР в своем развитии прошла два этапа.

I этап — с середины 40-х по 60-е гг.: 40-е г. — телевидение, транзисторы, пенициллин, радар, ракеты, атомная бомба, синтетические волокна, компьютеры; 50-е гг. — искусственные спутники Земли, водородная бомба, реактивный пассажирский самолет, электроэнергетическая установка на базе ядерного реактора, станки с числовым программным управлением (ЧПУ); 60-е гг. — лазеры, интегральные схемы, спутники связи, скоростные экспрессы.

II этап — с 70-х гг. и по настоящее время: 70-е годы — микропроцессоры, волоконно-оптическая связь, биотехнология, промышленные роботы; 80-е гг. — сверхбольшие и объемные интегральные схемы, сверхпрочная керамика, термоядерный синтез, компьютеры пятого поколения и Всемирная система общедоступных электронных сетей («Интернет»), геновая инженерия. [6]

Границей же между двумя этапами третьей НТР является создание и внедрение в народное хозяйство ЭВМ четвертого поколения, на основе которых была завершена комплексная автоматизация и начат переход к новому технологическому состоянию всех отраслей экономики.

НТР имеет целостный всеохватывающий характер, оказывая влияние на все сферы не только экономической жизни, но и на политику, идеологию, духовную культуру, быт и психологию людей.

— Влияние на экономику:

Создание и последующее массовое распространение ЭВМ, которым человек передаёт значительную часть своих логических функций и постепенно ряд функций по автоматизации производства, управлению и контролю, способствовали осуществлению огромного рывка в сфере производства. Открытие и использование принципиально новых видов энергии, электронное приборостроение, биотехнологии перестроили всю технологическую базу производства и управления.

Позднее на основе применения уже микропроцессоров пошёл процесс комплексной автоматизации производства, сопровождающийся многократным сокращением количества станков и числа обслуживающего персонала (механиков). Получали развитие и применение такие средства труда, как автоматические производственные линии, автоматизированные цеха, участки, станки с ЧПУ (числовым программным управлением), центры, занимающиеся обработкой информации. Одновременно процесс автоматизации сбора и обработки информации распространился и на прочие сферы хозяйства — управление, финансы,

конструкторские работы и т.д. Само производство информационной техники становится отдельной отраслью промышленности, наука же превращается в мощную индустрию знаний.

Как уже отмечалось, под воздействием НТР ещё в 50–60-е гг. важнейшие изменения происходят в отраслевой структуре народного хозяйства. На втором же этапе НТР на основе повсеместного перехода к ресурсо- и трудосберегающим технологиям, экологически чистым, наукоемким производствам произошла глубокая структурная перестройка народного хозяйства ведущих стран. Информационная революция последней трети XX века привела к изменению самих экономических основ жизни общества (например, появился новый фактор производства — информация, ее производство, переработка, трансляция, возросло значение человеческого фактора производства — интеллектуальной рабочей силы).

— Воздействие НТР на мировые политические отношения

В середине XX в. НТР стал оказывать определяющее влияние на международную политическую жизнь. Создание атомной бомбы показало, что тот, кто владеет передовыми технологиями, тот определяет судьбы всего человечества.

Следующая веха НТР — прорыв человечества в космос: создание искусственных спутников Земли, полет пилотируемых кораблей, исследование космическими аппаратами поверхности и недр других планет, выход человека в открытый космос и высадка на Луну. Эти достижения впервые зародили в человеческих умах идею о единстве человечества.

Позднее, на рубеже XX–XXI веков происходит изменение отношений между государствами (например, посредством использования электронных сетей стираются границы между странами, нациями, людьми, возникают наднациональные центры принятия решений).

— Изменения в сферах образования и бизнеса и организации труда

Понятие «научно-техническая революция» кроме прочего включает в себя революционные изменения в подготовке кадров и во всей системе образования. Новая технология требует нового работника — более культурного и образованного, гибко приспосабливающегося к техническим новшествам, высоко дисциплинированного, обладающего к тому же навыками коллективного труда, что является неременным требованием новых технических систем.

Важнейшей составляющей НТР является также подлинная революция в организации производства и труда, в системе управления. Появляется новая модель развития и использования человеческих ресурсов. Новая модель организации труда предусматривает расширение функций работника, переход к работнику «широкого диапазона», работнику-универсалу, способному осуществлять самостоятельную оценку, проникать в суть проблемы, осуществлять творческий синтез информации, корректив-

ровку технологического процесса, то есть быть движущей силой НТР, а не простым субъектом её производственного освоения.

Происходит также демократизация экономических отношений, называемая у исследователей не иначе как «сотрудничество коллектива с администрацией» и даже как «интеграция коллектива с предприятием». Суть этих изменений — в переходе от жёстких сугубо административных и даже авторитарных форм управления живым трудом к более гибким формам, предполагающим расширение прав рядового работника в управлении производством.

В результате этих новшеств получается, что от работника, формально не являющимся «белым воротничком», все более требуется наличие и проявление способностей, ранее считавшимися исключительной прерогативой организаторов производства — менеджеров. Это своеобразное «размытие границы» между менеджментом и работниками ведет к изменению традиционной иерархии, распределению ответственности между всеми участниками производства. В результате наблюдается эффект «исчезновения сопротивления изменениям» за счёт вовлечённости работников в дела своего предприятия.

В информационном обществе на базе современных технологий происходит непрерывное производство новых знаний, поэтому резко возросли требования к уровню образования и квалификации работников. Кроме того, происходит изменение характера отношений между людьми в процессе совместной производственной деятельности (например, вместо вертикальных связей, отношений должностного и исполнительства, приходят связи горизонтальные, основанные на партнерском взаимодействии). Невиданная прежде скорость обновления информации привела к регулярному устареванию знаний, что породило новую образовательную концепцию, известную как непрерывное образование.

Важнейшей тенденцией в развитии образования является компьютеризация процесса образования; использование новых современных технологий обучения.

Под воздействием НТР происходили заметные изменения в социальной структуре западного общества. Во-первых, ускорился рост всего городского населения. Во-вторых, огромными темпами возрастала доля населения, занятого в сфере услуг. Если число занятых в этой сфере в 1950 г. составляло 33% от всего самодеятельного населения в странах капитала, то в 1970 г. — уже 44%, превысив долю занятых в промышленности и на транспорте. Общественное положение промышленных рабочих неуклонно приближалось к показателям жизни специалистов и служащих. На основе структурных изменений в народном хозяйстве менялся отраслевой состав рабочего класса. Произошло сокращение занятых в отраслях с высокой долей тяжёлого физического труда и увеличивалось число занятых в радиоэлектронике, ЭВМ, атомной энергетике, химии полимеров и других отраслях, возникших именно в процессе разворачивания НТР.

На втором этапе НТР, начавшемся в 70-е гг., рассмотренные процессы усиливаются, приобретают как бы «второе дыхание». Это в частности было связано с тем, что к середине 70-х гг. проходил процесс разрядки международной напряжённости, стали высвобождаться значительные средства, направляемые ранее в военно-промышленные комплексы (ВПК) ведущих стран. Запад все более и более переориентирует свою экономику на обеспечение социальных нужд. Научно-технические программы всё теснее увязываются с социальными, что не замедлило сказаться на росте доходов трудящихся, росте (количественный и качественный) потребления на душу населения, повышении технической оснащённости и качестве труда. В сочетании с реформированием модели государственного регулирования экономики такая переориентация хозяйства позволила на основе развития НТР капиталистическим экономикам избежать депрессивного состояния и начать переход ведущих западных стран на более высокую стадию общественного устройства.

Следует отметить негативные явления, сопровождающие победное шествие НТР. В сфере занятости — это хроническая безработица. Вот три главные причины порождающие это явление: прежде всего, это результат быстрых структурных изменений в экономике и как следствие — высвобождения большого числа рабочих в устаревших отраслях; во-вторых, это результат углубления процесса международного разделения труда и, вследствие этого, массовой миграции рабочей силы; и, наконец, рационализация производства в условиях жёсткой конкуренции.

На втором этапе НТР страны Запада столкнулись с серьёзными проявлениями структурного кризиса, что привело к проведению правительствами этих стран комплекса достаточно глубоких социально-экономических и политических реформ. Только сочетание новационных достижений НТР и социально-политических преобразований позволило этим странам в полной мере воспользоваться достижениями научно-технического прогресса и обеспечить большинству собственных граждан материальный достаток и высокий уровень демократических свобод.

В конце XX в. продукция high technology занимает всё большее место в валовом продукте развитых стран, обеспечивая его прирост; их развитость определяет положение государства в современном мире. Этим и объясняется тот факт, что большинство стран мира прилагают огромные усилия к укреплению научно-технического потенциала, расширению инвестиционных вливаний в наукоемкие технологии, участию в международном технологическом обмене и кооперации, ускорению темпов научно-технического развития. Экономический рост отождествляется прежде всего с научно-техническим прогрессом и интеллектуализацией основных факторов производства. Новые высокотехнологичные производства требуют высочайшей точности, надежности и стабильности. Малейшее нарушение или простая оплошность могут привести к срыву всего производства или ката-

строфы, вот поэтому так высоки требования к квалификации и надежности персонала.

Изменилось и мировоззрение людей. В условиях глобализирующегося мира человечество вновь осознало свое единство. Но нарастают и глобальные проблемы, которые могут быть решены только совместными усилиями (экология, ядерное разоружение, безопасность, строительство и поддержание глобальной информационной и коммутационной инфраструктуры). Высокий профессионализм неотделим от гуманизма и нравственности, цельного видения единства и взаимосвязи природы и общества, Человека и Космоса.

Меняются взаимоотношения человека и природой, людей друг с другом. Жизнь стала продолжительней и комфортней. Бытовая техника оснащается микропроцессорами (возникают так называемые электронные котеджи), используя Интернет можно учиться, общаться, покупать и продавать товары, коллективно создавать энциклопедии, писать книги и др. За счет автоматизации и роботизации деятельности человек вытесняется из производства, растет доля творческого труда, общество должно непрерывно обучаться новому, становиться «обучающимся обществом». Возрастает степень человеческой свободы, но человек еще не готов на благо себе и обществу использовать тот материальный достаток и досуг, который дала ему НТР. Цивилизационные достижения, делающие нашу жизнь удобной и комфортной, отделяют людей друг от друга; ослабляют его физически, притупляя биологическую активность; усиливается давление на окружающую среду.

Увеличение численности высококвалифицированных специалистов становится главной формой накопления в современной экономике, а люди, их интеллектуальный капитал — самым ценным стратегическим ресурсом, за которые ведётся ожесточённая конкурентная борьба, едва ли уступающая по накалу борьбе за сырьевые ресурсы. И если какое-либо государство не готово или не способно финансировать научные исследования, разработки наукоемких технологий и развитие высокотехнологичных отраслей, оно рискует «отстать навсегда».

Между тем, никогда прежде на протяжении всей истории перед человечеством никогда не открывались такие поистине фантастические возможности как для гигантского созидания, так и для столь же глобального разрушения. Атомная и термоядерная энергии, которые в обозримом будущем смогут обеспечить подлинное изобилие энергии, автоматизация и информатизация производства, коренным образом меняющиеся условия и характер труда людей, достижения современной химии, благодаря которым можно создать неограниченное количество материалов с заранее заданными свойствами, фантастические возможности, открываемые кибернетикой, — вот характерные черты современной НТР. Покорение космоса, широчайший комплекс новых средств охраны здоровья и продления жизни и, наконец, быстроразвивающиеся средства воздействия на процессы органической

жизни (на микромолекулярном уровне) — таков далеко не полный перечень созидательных возможностей, открываемых НТР.

Вместе с тем, неуправляемый прогресс таит в себе и настоящую угрозу для человечества. Ядерное оружие, накопленные запасы которого в состоянии уничтожить не только все человечество и все живое на Земле, но и саму планету как физическое тело, средства биологической (бактериологической) войны, глобальное загрязнение биосферы планеты, мирового океана и атмосферы, опасности, которые таит в себе новое направление молекулярной биологии (так называемая геновая инженерия), — таковы лишь некоторые подлинно апокалиптические характеристики разрушительных возможностей этой же революции.

Вот почему первостатейное значение приобретают подготовка общественного сознания к правильному восприятию достижений НТР, разработка эффективных законов, разумно ограничивающих потребление (если последствия этого потребительского эгоизма поистине катастрофичны), повышение уровня компетентности управляющих и правящих. Фундаментальная наука является одной из высших духовных ценностей человечества и несет в себе объединительное начало.

Современной философии и социологии вообще, и философии и социологии науки в частности, свойственна неоднозначная оценка феномена НТР. По традиции выделяются два главных подхода к оценке научного прогресса. Один из них оптимистический по своей сути, более оптимистичен: в рамках него НТР рассматривается как закономерный этап общественного и научного развития в едином контексте модернизации человеческого сообщества, что, в конечном счете, обеспечит дальнейшее прогрессивное развитие человечества. Этих взглядов придерживалось, в частности советское обществознание и науковедение: НТР ими рассматривалось как одно из явлений, способствующих смене капитализма социализмом. Антисциентистский, пессимистический подход представляло общество западных социологов науки от Г. Маркузе и П. Гудмана до К. Хаффнера и П. Вигора) их внимание концентрировалось в основном на негативных последствиях технического развития (угроза ядерного апокалипсиса, экологические бедствия, возможность манипуляции сознанием, отчуждение личности в условиях стандартизации человеческой деятельности, отрицательное влияние техники на организм и психику человека — истощение «пределов возможностей Земли и человеческого организма»). Различны и оценки характера НТР: одни социологи заявляют об уникальности ситуации, вызвавшей к жизни НТР, акцентируя внимание на том, что этот «всплеск» вызван эпистемологической спецификой развития новоевропейской науки, что характерно и ценно только для модернизированной западной цивилизации. Между тем другие считают НТР закономерным этапом эволюции всего человеческого сообщества на путях его грядущей интеграции в единую социокультурную общ-

ность. Все эти противоречия в оценках объяснимы: процесс незавершён, он разворачивается и в наши дни и грядущим поколениям исследователей предстоит поставить все точки над *i*.

Литература:

1. Горелов, А. А. Концепции современного естествознания: учеб. пособие для бакалавров / А. А. Горелов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2012. — 347 с. — Серия: Бакалавр. Базовый курс.
2. Гвишиани, Д. М., Микулинский С. Р. Научно-техническая революция // БСЭ. — Изд. 3-е. — М.: Советская энциклопедия, 1969—1978.
3. Новикова, Е. В. История экономики: учеб. пособие. — М.: МИЭМП, 2010. — 130 с.
4. Лопатников, Л. И. Экономико-математический словарь: словарь современной экономической науки. — Изд. 5-е, перераб. и доп. — М.: Дело, 2003. — 520 с.
5. Дубнищева, Т. Концепции современного естествознания. Учебное пособие. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/dubn/01.php
6. Айсин, Ф. О., Андреева И. А. и др. Всемирная история: учебник для вузов. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.bibliotekar.ru/istoriya/index.htm>
7. Гусейханов, М., Раджабов О. Концепции современного естествознания: Учебник. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/guseihan/21.php

The use system of pontoon bridges connected with the activity of caravan routes of Middle Asia

Хамроев Кувончбек, студент
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Hamrayev Quvonchbek
First year student of master's degree
Urgench State University

With the development of trade roads system in Middle Asia, complex hydro-technical buildings, especially, the constructions of bridges connected with the activity of caravan routes began. Large rivers, streams, comprehensive irrigation constructions crossed the caravan routes in different directions, they were serious natural barriers for trade caravans, military troops and generally, for the movements of passers-by. This is the vital element that requires constructing bridges. If the previous bridges were made of wood and were built over not much of streams, beginning in the first millennium, bridges made of stone and brick started to be bridged (1, c.287—291).

If trade caravans crossed relatively small rivers using convenient crossings in the region, crossing large rivers like Amu-River and Sir-River with large trade caravans, troops with their horses and weapons, temporary and built for a short time bridges were utilized. These kinds of bridges were usually constructed by tying boats together. The construction of these kinds of bridges began in the ancient times in the history of the world.

According to Herodotus, the king of Iran, Kir II crossed his large troops on pontoon bridges made of ships on Amudarya river when he made a military attack to Massagets' land in 530 BC (2, c.92). This is the first written material cited in

the reliable historical source regarding the bridge bridged in Amudarya river.

Tying ships together tightly in old-time and in the Middle Ages, special spun ropes were used in building temporarily used bridges. These spinning ropes were made from papyrus's bark and leaf in ancient time (2, c.363), then in middle ages made from mane of horse (3, c.20).

In the Middle Ages sources, there is much information in respect to pontoon bridges built over large rivers and they were used for military purposes in the region.

It is well-known that, in the Middle Ages near Termiz city situated along the important crossing of Amudarya river, bridges were made of ships and they were utilized for a while. When Makhmud Gaznaviy attacked Mavaraunnakhr in 1025, had sailing bridges by tying ships bridged in the part of Amudarya river lower Termiz, with the help of them he passed his troops from the left bank of Amudarya river to the Prophet Island and from here to the right bank of Amudarya river (3, c.18). His heir, Ma'sud Gaznaviy (1030—1040) also constructed a pontoon bridge over Amu-River and passed it with his army, on he attacked Chaganiyan in December, 1038 (4.c.24—25).

It is stated in sources that, when Chengiz-Khan attacked from Termiz to Balx, he crossed Amudarya river with the as-

sistance of pontoon bridges made of tying ships together too (3.c.18).

In accordance with military-political situation in the region, pontoon bridges were constructed over other crucial crossings of Amudarya river too and they would be used crossing from Mavaraunnakhr to Khurasan.

Chinese monk, Chan Chun also stated that the bridges played a great military-strategic role in crossing Amudarya river.

According to him, in the late of 1221 forces fought against Chengiz-Khan's capture kicked a goal in lighting all bridges and ships in Amudarya river. It took conquerors a few months to rebuild them (5.c.239–240).

Well-known historian, Rashididdin pointed out that, Khan of Mongols, Xulagkhan in the period of attacking Iran, in the beginning of 1258 decreed to build pontoon bridges for Mongol troops to cross Amudarya river. For this, all ships and boats in Amudarya river were gathered (6.c.23–25).

It is clear that pontoon bridges were constructed over another large river of the region, Sirdarya river in the Middle Ages too. For instance, in sources related to the 9th century, there is information that near the flowing point of the Angren River into Sirdarya river, by Banokat city, there was a pontoon bridge and trade caravans used from it too (3.c.21).

Making pontoon bridges of ships over large rivers in Middle Asia was continued in the reign of Amir Timur and Timuriys. Particularly, according to Sharafiddin Ali Yazdiy, Amir Timur had pontoon bridges made of ships built over Sirdaryo and crossed it with his army when he carried out his first military attack on Dashti Qipchoq, against To'xtamishkhan in 1389 (7.c.122).

In this period, bridges made of ships built not only to be used by military troops, but also they were built to be used by trade caravans and passers-by.

For example, as Ibn Arabshox wrote, Banokat city, which had been destroyed by Mongols, was rebuilt in 1392 with the

decree of Amir Timur, it was named Shoxrukhiya and near it a big bridge was built using ships and boats over Sirdarya river (8, c.118).

As we mentioned above, this bridge was used not only for military purposes, but also it had a big role in economic relations of eastern lands with southern and western lands temporarily. Building bridges using ships and boats also continued in the reign of Timuriys. For example, with the decree of Shox Malik who was appointed as the patronage of Ulugbek, pontoon bridges made of ships were bridged near the Kelif crossing of Amu-Daryo in 1405.

In the reign of Mirzo Ulugbek, there also was a pontoon bridge near the Farob crossing on the way to Bukhara and Marv (3, c.19–20). These bridges played an important part in relations of Mavaraunnakhr cities with Khurasan and its center, Khirot. In the late Middle Ages, pontoon bridges made of ships tied together were used to cross over Amudarya river and Sirdarya river. On Shayboniy Abdullakhan II attacked Tashkent, crossed Sirdarya river using pontoon bridges made of ships and boats (9.c.280–281).

When Iran king, Nodirshakh carried out a military attack on the Khanate of Bukhara in 1740, he had masters of Iran and India build pontoon bridge near Chorjuy so as to cross Amudarya river. This bridge was bridged in four five days in the length of two camels to pass at the same time (10, c.159).

So, building temporary bridges using ships over Amudarya river and Sirdarya river considered two large rivers of Middle Asia began in the ancient time.

In the Middle Ages, experience in this field was developed, enriched and became perfected.

Additionally, pontoon bridges were mainly built for military-political situation demands. Constructing them required large force and capital. Therefore, they constantly did not play an essential role in the development of economic trade relations.

References:

1. Мавлонов Ў. Марказий Осиёнинг қадимги йўллари: шаклланиши ва ривожланиш босқичлари. — Тошкент: Академия, 2008. — Б. 287–291.
2. Геродот. История. В девяти книгах / Пер. с греческого и коммент. Г. А. Стратановского. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. — с. 92.
3. Массон М. Е. Среднеазиатские мосты прошлого и проблемы их изучения. — Ташкент, 1978. — с. 20.
4. Абулфазл Байҳакий. Таърихи Масъудий // Мозийдан садо. — Тошкент, 2002. — № 2 (14). — Б. 24–25.
5. Бартольд В. В. Туркестанский край в XIII веке (По рассказу китайского путешественника) // Соч. в 9 томах. — М.: Наука, 1965. Т. III. — с. 239–240.
6. Рашид ад-Дин. Джамии' ат-таварих. Сборник летописей / Пер. с персидского А. К. Арендса. — М. — Л.: Изд. АН СССР, 1946. Т. 3. — С. 23, 25.
7. Шарофуддин Али Йаздий. Зафарнома / Мухаммад Али ибн Дарвиш Али ал-Бухорий таржимаси. Сўз боши, таъдир, изоҳлар ва кўрсаткичлар муаллифлари А. Аҳмад ва Х. Бобобеков. — Тошкент: Шарқ, 1997. — Б. 122.
8. Ибн Арабшох. Ажойиб ал-мақдур фи тарихи Таймур (Темур тарихида тақдир ажойибатлари). 1-китоб / Сўз боши, араб тилидан таржима ва изоҳларни филология фанлари номзоди Убайдулло Уватов тайёрлаган. — Тошкент: Меҳнат, 1992. — Б. 118.
9. Ҳофиз Таниш Бухорий. Абдулланом. 1-китоб... — Б. 280–281.
10. Труды института востоковедения. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. II. — с. 159.

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Особенности реализации принципов научного менеджмента Ф. Тейлора в компании «Бош» в первой четверти XX века

Зыкова Ксения Юрьевна, ассистент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В статье раскрываются ключевые принципы научного менеджмента Ф. Тейлора, определяются основные трудности их внедрения на предприятии. Выявлены особенности процесса их реализации на фабриках «Бош». Делается вывод, что благодаря сопроводительным мероприятиям компании их воплощение в целом можно считать эффективным.

Ключевые слова: научная организация труда Тейлора, принципы научного менеджмента, компания «Бош», сдельная оплата труда, рационализация производства.

История реализации принципов научной организации труда, разработанные американским инженером Ф. Тейлором, на предприятиях компании «Бош» началась в 1908 г. с основанием отдела по организации сдельной работы. Зарплата каждого сотрудника зависела теперь от его собственных усилий, т.е. являлась для него мотивирующим фактором, следовательно, должна была привести к повышению производительности труда и экономической выгоде для самого предприятия [6, S. 210]. Однако руководство компании отрицало тот факт, что реализует тейлоровские принципы организации труда, так как существовала опасность, что рабочие воспримут негативно это нововведение. Причиной возможного недовольства стал сложившийся в Германии стереотип, что тейлоризм и крайняя эксплуатация — это одно и то же. Существовало выражение: сдельная работа — смертельная работа (*Akkordarbeit ist Mordarbeit*) [9, S. 34]. В итоге, с одной стороны, большинство рабочих полагало, что их интересы противоположны интересам предпринимателей, против Тейлора выступали профсоюзы, а сами предприниматели не решались пропагандировать его систему [1]. С другой стороны, научная организация управления Тейлора, по мнению А.И. Кравченко, доктора социологических наук, «исходит из твердого убеждения, что истинные интересы руководства предприятия и рабочих вполне совпадают, т.к. благосостояние для предпринимателя не может иметь места в течение долгого ряда лет, если оно не сопровождается благосостоянием для занятых на его предприятии рабочих, и обратно» [1]. Более того, Тейлор подчеркивал необходимость осуществления руководителями грамотного подхода в реализации его принципов научного менеджмента, в противном случае их неверное применение приведет к ряду проблем. Сложность введения системы Тейлора заключалась не только в опасности не-

верной интерпретации его идей, но и в неверном руководстве. Тейлор предостерегал: «Один и тот же механизм, который приносит превосходные результаты, если применяется в соответствии с основными принципами научного управления, приводит к неудачным и губительным последствиям, если сопровождается неправильным пониманием этих принципов со стороны тех, кто ими пользуется» [1]. Например, слишком быстрый переход от старой системы управления к новой может явиться причиной забастовок рабочих [2, с. 16]. С чем и столкнулось в 1913 г. руководство компании «Бош», когда рабочие, опасаясь сокращения рабочих мест на предприятиях и настаивая на улучшении условий труда, устроили забастовку против мер рационализации производства [4, S. 205]. Данная стачка является единичным случаем в истории компании «Бош». Поэтому особый интерес для изучения вызывает комплекс мероприятий, сопровождающих внедрение принципов научной организации труда в компании «Бош», как одной из самых социально-ответственных в Германии, и призванных компенсировать и предотвращать негативные аспекты такой политики предприятия.

Ключевое место в теории Тейлора при организации сдельной оплаты труда занимало обоснование необходимости четкой рационализации производства. Под рационализацией производства в самом широком смысле понималось улучшение и оптимизация производства одновременно по нескольким направлениям, позволяющим, с одной стороны, облегчить работу сотрудников, а с другой, ускорить выпуск продукции. К этим направлениям относились: разделение процесса производства на определенные этапы и специализация рабочих на конкретном участке работы; рациональная организация рабочего места, позволяющая держать все необходимые инструменты и материалы под рукой; четкое и точное выпол-

нение ручной работы; автоматизация производства, совершенствование работы техники путем её модернизации и адаптации под определенную производственную задачу. Своей первоочередной задачей руководство компании «Бош» видело в рационализации производства, поскольку мощностей и оборудования завода не хватало, чтобы отвечать постоянно растущему спросу на магнето [6, S. 210]. Тем не менее, руководство компании «Бош» заменило понятие тейлоровской научной организации труда декларацией проведения ряда мероприятий по увеличению производительности труда, улучшению организации производственного процесса и удовлетворению потребностей работников [6, S. 219]. Стоит заметить, что на предприятии «Бош» был четко определен размер заработной платы за выполнение конкретного участка работы согласно установленной временной норме, что полностью соответствует теории Тейлора: за фиксированный промежуток времени нужно было произвести строго определенное количество деталей. Сотрудники компании получали высокую заработную плату, превышающую на 20–30% среднюю заработную плату по стране [6, S. 269], что также соответствовало принципам научного менеджмента: всякий раз, когда рабочий с успехом выполнит заданный ему урок в пределах указанного ему срока, он получает прибавку от 30 до 100% к своей обычной плате [2, с. 7]. Однако принципиальная идея основателя и руководителя компании Роберта Боша, что каждый получает настолько много, насколько он может заработать, привела к установлению высоких темпов работы. При этом Тейлор отмечал, что ни в коем случае от рабочего не может требоваться работа в таком темпе, который мог бы быть вреден для его здоровья. Рабочий урок всегда должен быть урегулирован таким образом, чтоб человек, хорошо приспособленный для производства своей работы, будет чувствовать себя великолепно, работая, таким образом, в течение долгих лет, и станет счастливее и благополучнее, вместо того, чтобы переутомляться своей работой [2, с. 7]. Интенсификация труда на предприятиях «Бош» привела к увеличению уровня травматизма и несчастных случаев на производстве, с которым впоследствии эффективно боролись, строго контролируя выполнение техники безопасности и организуя рабочий процесс и рабочее место таким образом, чтобы снизить уровень травматизма [10, S. 43–46].

В рамках рационализации производства «Тейлор пытался сделать более эффективным ручной труд. Он пришел к новому разделению трудового процесса, установив различие между процессами высокоценными и менее ценными, а также между специальными отраслями труда» [1]. Так, например, разделение на этапы процесса изготовления одной детали избавило рабочего от лишних движений и перемещений, и, следовательно, привело к ускорению темпов выпуска, повышению качества и количества произведенной продукции, и увеличению уровня заработной платы. Сам Тейлор обуславливал повышение скорости производства введением макси-

мально ускоренных методов ручной работы. Под ручной работой подразумевалась такая работа, которая зависит исключительно от ловкости рук и скорости каждого отдельного работника, а не от производительности его машины. Сам Тейлор подчеркивал, что экономия времени вследствие применения научных методов в ручной работе оказалась во многих случаях значительно большей по сравнению со временем, выигранным при введении рационализованной работы с машинами и оборудованием [2, с. 13]. Тогда как на предприятиях «Бош» большое внимание уделялось в том числе и рационализации производства, связанной с улучшением работы техники и оборудования. В 1904 г. впервые была апробирована система автоматизации труда [6, S. 211–212]. При этом работа всех устройств и механизмов была основана на быстром движении рук, а рабочее место оборудовалось таким образом, чтобы все необходимые материалы и инструменты всегда находились под рукой. Как говорилось на фабрике: «Прыжки с переворотами компания не оплачивает» [6, S. 212]. Для введения таких методов работы необходимо было провести тщательный анализ ручной работы, производившейся рабочим. На основе этого анализа давались рекомендации, как лучше организовать свой труд, чтобы избежать лишних перегрузок во время работы, не допустить утомления и сохранить высокий уровень производительности. Так, например, в 1925 г. в седьмом выпуске корпоративной газеты «Бош-Цюндер» («Das Bosch — Zünder») под заголовком «Разнообразные рабочие правила» приводились рекомендации по рационализации ручного и физического труда в рамках профессиональной деятельности, позволяющие рабочим добиваться в работе максимального результата. Например, как правильно нагружать мышцы, как перераспределять нагрузку между различными группами мышц, особенно при статической работе, чтобы не испытывать чувство усталости, когда необходимо взять паузу для отдыха, как снизить долю бесполезных движений, каким должен быть рабочий темп, какой должна быть рабочая одежда. Кроме того, большое внимание уделялось таким факторам, как освещение, проветривание, обогрев, чистота и порядок, поскольку от них также во многом, зависел уровень производительности [6, S. 212].

Кроме рационализации производства также и другие основополагающие принципы научного менеджмента, сформулированные Тейлором, нашли свое воплощение в политике управления компании «Бош». Один из принципов заключался в том, что администрация брала на себя выработку научного фундамента, заменяющего собой старые традиционные и грубо практические методы, для каждого отдельного действия во всех различных разновидностях труда, применяемых на предприятии. На предприятиях «Бош» вводилась похожая система организации, перераспределялись обязанности между работниками. Так основная задача отдела по сдельной работе заключалась в том, чтобы свести к минимуму время простоя. Для достижения этой цели мастера освобождались

от распределения заданий и могли посвятить больше времени выполнению своих прямых обязанностей, т.е. контролю над производством и разработке мер по его улучшению, планированию [6, S. 210]. Таким образом, отдел по сдельной работе на предприятиях «Бош» во многом выполнял функции предложенного Тейлором распределительного бюро. Основная задача последнего сводилась к определению урока (задания) для каждого рабочего и составлению подробной инструкции по его выполнению, включающей технические и организационные аспекты, таблицы расчета времени и скорости [2, с. 15].

Для реализации другого принципа администрации необходимо было проводить на основе научно установленных признаков тщательный отбор рабочих, организовывать их обучение и способствовать дальнейшему профессиональному росту [2, с. 7]. Представителям администрации предприятия вменялось в обязанность обучать всех подчиненных им рабочих наиболее быстрым способам производства [2, с. 13]. Руководство компании «Бош» также следовало этому принципу, уделяя большое внимание уровню подготовки хороших специалистов, поскольку интенсификация труда требовала от рабочих развития навыков быстрой и точной работы руками и способности к высокой степени концентрации. При приеме на работу кандидаты проходили специальные тесты, а в 1913 г. в компании была организована первая учебно-производственная мастерская [6, S. 273–274].

Переход к научной организации управления производством предполагал не только установление надлежащих скоростей работы машин и улучшение орудий труда, но также и полнейшую моральную перемену в отношении всех рабочих завода к своей работе и к своим хозяевам [2, с. 13]. Данный принцип состоял в том, что администрация должна была стремиться к сердечному сотрудничеству с рабочими [2, с. 7]. Проблема разобщенности коллектива существовала и на предприятиях «Бош», поскольку система сдельной оплаты труда приводила к тому, что у сотрудников отсутствовало ощущение, что у них есть общая цель, что они являются сотрудниками крупной транснациональной корпорации [8, S. 154]. Решение этой проблемы заключалось в создании атмосферы общности в компании и проведении мероприятий по сплочению коллектива сотрудников, особенно, в свободное от работы время: концерты, вечера встреч для пенсионеров, совместные поездки, катание на лыжах, походы в горы, курсы по ведению домашнего хозяйства для женщин. Руководство компании поддерживало инициативы сотрудников в образовании творческих и спортивных коллек-

тивов: оркестр, хор, фотокружок, шахматы, футбольная команда [5, S. 22–23]. Руководство стремилось к формированию у рабочих чувства патриотизма по отношению к компании [8, S. 404] и созданию особого «духа компании Бош» («Bosch-Geist») [6, S. 268]. У сотрудников возникало ощущение принадлежности к определенной социальной корпоративной группе со своими особыми порядками, законами, привилегиями. Р. Бош стремился к тому, чтобы рабочие на его предприятии чувствовали себя равными, свободными, независимыми и полностью ответственными за свой труд [6, S. 276].

Кроме того руководство компании предпринимало попытки создать положительный имидж проводимой политики управления, вести разъяснительную работу, формировать положительное отношение работников к сдельной оплате труда. Одним из таких примеров может служить публикация во втором номере «Бош-Цюндер» за 1924 г. статьи «О сдельной работе» мастера предприятия «Бош» В. Зайца (W. Seiz). В этой статье дается положительная оценка сдельной работы, а также объясняется, что она позволяет узнать себестоимость продукции, рассчитать производительность труда по количеству выпускаемой продукции (поштучная оплата труда) [9, S. 34]. Скорее всего, автор статьи был знаком с теорией научного менеджмента Тейлора, о чем свидетельствуют некоторые тезисы статьи, повторяющие основные «Принципы научного менеджмента». Так, например, в статье высказывалось мнение, что сдельная работа приведет к удешевлению изготавливаемой продукции, а это, в свою очередь, обеспечит постоянно растущий спрос на товар и, следовательно, высокую прибыль компании и увеличение уровня заработной платы рабочих [9, S. 34], этот же механизм действия приводился Тейлором в главе «Научное управление обеспечивает справедливые интересы, как рабочих, так и предпринимателей и приносит выгоду всей нации в целом» [2, с. 17].

Таким образом, Р. Бош успешно адаптировал для своей компании основные принципы научного менеджмента Тейлора. Кроме организации сдельной оплаты труда, рационализации производства, улучшении условий труда и высокой зарплаты об этом свидетельствует также строгий отбор сотрудников, организация профессионального обучения на предприятии, создание атмосферы сплоченности и сотрудничества в коллективе, а также разъяснительная работа с рабочими о преимуществах аккордной системы труда, включая рекомендации, как им сделать свою деятельность более эффективной и прибыльной.

Литература:

1. Кравченко, А. И. Человек с секундомером: уроки Фредерика Тейлора — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.elitarium.ru/2010/12/29/frederik_teijlor.html (дата обращения: 16.01.2013)
2. Тейлор, Ф. У. Принципы научного менеджмента — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.improvement.ru/bibliot/taylor/index.shtml> (дата обращения: 29.01.2013)
3. Allerlei Arbeitsregeln // Das Bosch — Zünder. — 1925. — № 7. — S. 281–282.

4. Aus der Chronik des Hauses Bosch // Bosch-Zünder. — 1936. — N 9. — S. 194–197.
5. Bosch 1961: ein Bildband vom Hause Bosch und seiner Arbeit. Stuttgart: Robert Bosch, 1961. — 230 s.
6. Fünfzig Jahre Bosch 1886–1936. — Stuttgart: Robert Bosch AG, 1936. — 293 s.
7. Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Bestand E 130 b. Bü 3159. N 38. Bosch R. Achtstundentag und Wiederaufbau // Der Wiederaufbau. Zeitschrift für Weltwirtschaft. — 1922/23. — No 17. — S. 249–253.
8. Heuss, T. Robert Bosch: Leben und Leistung. — Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1986. — 659 s.
9. Seiz, W. Über Akkordarbeit // Das Bosch — Zünder. — 1924. — № 2. — S. 34–35.
10. Winkler, R. Vor 80 Jahren begann der Kampf gegen den Betriebsunfall. // Bosch-Zünder. — 1962. — N 2. — S. 43–46.

Служба негров в ВМС США во время Второй мировой войны

Лукиянов Николай Владимирович, студент

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград)

Настоящая статья посвящена изучению службы негров в рядах ВМС США во время Второй мировой войны. Из-за господствующей в рассматриваемый период времени расовой сегрегации в США, их использование на флоте имело ряд особенностей, о которых и пойдет речь.

Негры служили в ВМС США еще с самого основания страны, но их всегда было мало. После окончания Первой мировой войны, в результате общего сокращения ВМС призыв негров был прекращен. Формально оставался их набор на флот в качестве разносчиков пищи и поваров, однако в период с 1919 по 1932 годы на эти должности набирали только филиппинцев. До 1 июня 1942 года основной части рекрутируемых негров можно было идти только на должности общего обслуживания флота. К моменту начала Второй мировой войны, только шесть негров служили в регулярном флоте не на обслуживающих должностях, 23 были возвращены на флот после ухода в отставку и 14 находились в резерве флота. Это были в основном люди, прошедшие Первую мировую войну, некоторые из них имели звание чиф петти офицер. Перед Второй мировой войной был создан первый лагерь для подготовки «цветных» рекрутов в районе Великих озер, который получил название «Роберт Смолл», в честь афроамериканца, награжденного за заслуги перед Федеральным флотом в годы Гражданской войны. [1, р. 4–5]

В связи с накаляющейся международной обстановкой и новыми судостроительными программами межвоенного периода, назрела необходимость увеличить личный состав ВМС США. В 1940 г. Был создан новый Рекрутский закон, согласно его преамбуле набор в ВМС США осуществлялся на добровольной основе. В третьем разделе данного закона указывалось, что «Любому человеку, независимо от расы или цвета кожи в возрасте от 18 до 45 лет должна быть предоставлена возможность служить в армии и ВМС США по выбранным специальностям. Не должно быть никакой дискриминации по расовому признаку во время распределения рекрутов». [2, р. 205]

Еще одним шагом к демократизации призывного законодательства США стало создание 2 июля 1941 года,

комитета, в составе капитана и командера ВМФ, полковника Морской пехоты и помощника Министра ВМС, который должен был следить за интеграцией негров в ВМС США. Этот комитет провел три заседания. По итогам расследования использования негров на флоте было сделано несколько выводов. Например, что их вербовка в межвоенный период уменьшилась всего на 2.1 % по сравнению с периодом Первой мировой войны. Некоторые из чернокожих имели право дальнейшего продвижения по службе в качестве младших офицеров. Большинство членов комитета пришли к выводу, что использование негров на боевых должностях на флоте не является целесообразным и несет разрушительные последствия. Тут явно можно проследить влияние расовой сегрегации, распространенной не только в армии, но и во всех сферах жизни США 1930-х годов. Итоговое решение комитета от 24 декабря 1941 г. постановило, что негры являются составной частью американского общества, поэтому каких-либо корректирующих мер по их призыву в ВМС не требуется. [1, р. 11]

Однако, прозвучало и противоположное мнение. Оно было представлено администрацией Министра ВМС и заключалась в том, что в условиях начала Второй мировой войны, данные ограничения наносят вред национальному самосознанию негров. Было принято решение использовать незначительное число квалифицированных негров, для комплектования команд небольших патрульных судов. Однако, данный проект так и не был реализован до начала войны. Следует отметить, что именно нападение Японии на Перл-Харбор стало толчком для первых попыток изменения положения негров в ВМС США. Уже 9 декабря 1941 г. под эгидой Министра ВМС была проведена конференция Национальной ассоциации прогресса цветного населения, которая рассматривала положение негров-новобранцев в связи с усиленной кампанией мобилизации, открытой после нападения японцев. Однако, конференция ничего не решила. Ассоциация направила президенту Рузвельту протест. 31 декабря 1941 г. на встрече Президента и Министра ВМС было принято решение снизить

сегрегационную политику на флоте, с тем чтобы обеспечить его стабильным притоком новобранцев. [3, р. 7]

16 января 1942 г. Министр ВМС приказал Главному управлению ВМС США разработать план призыва на флот 5000 негров на боевые должности, а не разносчиками пищи как это делалось ранее. Данное решение обосновывалось тем, чтобы наиболее рационально использовать рекрутов в военное время. 3 февраля 1942 г. Генеральное управление ВМС США представило план, по которому команды нескольких малых патрульных судов комплектовались из негров в качестве матросов, некоторые из них были назначены на должности петти-офицер, также управление постановило, что смешивание на больших судах негров и белых неизбежно приводило к конфликтам на расовой почве и общему понижению эффективности команды в боевых условиях. [2, р. 28–209] В свою очередь Генеральное управление ВМС США представило доклад, в котором говорилось о том, что расовая дискриминация на флоте является неотъемлемой частью политики сегрегации на всей территории США не только по отношению к неграм, но и к другим не белым нациям, проживающих в США. Исходя из данной политики было выведено два пункта, которые ограничивали доступ представителям не белых национальностей на офицерские должности:

1. Белый человек никогда не допустит того, чтобы им командовал «цветной».

2. Белые считали, что являются представителями высшей расы, поэтому никогда не будут относиться к «цветным» как к равным. [1, р. 26]

В связи с этим, было решено брать негров на службу в ВМС преимущественно на должности обслуживания, однако при невозможности исполнения данного решения допускался их набор на боевую службу в качестве матросов и унтер-офицеров.

Такому решению снова выразил протест президент Рузвельт, поэтому пришлось вновь скорректировать рекрутское законодательство. 25 февраля 1942 г. Главное управление ВМС США представило список должностей, на которые можно было брать негров:

001. Строительные батальоны на судовых верфях и доках.

002. Военно-морские береговые учреждения (работа на складах боеприпасов, обслуживание авиации военно-морских сил)

003. Обслуживание плавучих портовых сооружений (причалы, плавучие доки, краны и т.д.) [1, р. 13–14]

Позднее данный список был расширен службой на малых патрульных судах. Таким образом, начиная с 1 июня 1942 г. было решено призывать на вышеуказанные должности до 14 тыс. афроамериканцев в год.

Уже к 30 июня 1942 г. в регулярный флот было призвано 5026 негров (практически все обслуживающий персонал), этот показатель составлял около двух процентов от общего числа рекрутов других национальностей. На 1 февраля 1943 г. их было уже 26909 чел., 18227 чел. из них были судовыми поварами, 6662 чел. в других сферах обслуживания ВМС, 2020 чел. проходили службу в Мо-

бильном строительном батальоне ВМС США. К 31 декабря 1943 г. на действительную службу в ВМС было призвано 101573 негров, к 30 июня 1945 г. уже 165500 чел. [3, р. 8]

Каждая служба ВМС США направляла в рекрутские центры данные о необходимом количестве «цветных». К 1943 г. Береговая охрана США затребовала в свое распоряжение 2000 чел., Морская пехота США — 1041 чел. Начиная с 1 апреля 1943 г. местные призывные комиссии были проинструктированы, чтобы заполнять свои квоты, регистрируя рекрутов в соответствии с их порядковыми номерами без учета цвета кожи. Ранее существовали раздельные призывные пункты и отдельные списки призывников. [1, р. 15]

26 февраля 1943 г. было решено увеличить квоты набора чернокожих до 5000 чел. в апреле и по 7350 чел. в остальные месяцы года. Обслуживающий персонал в столовых увеличивался до 2700 чел. в месяц, 4750 прошли обучение по техническим специальностям, 1000 чел. отправились в Мобильный строительный батальон ВМС США. [4, р. 114]

Главное управление ВМС США приняло решение не сокращать призыв «цветных» до конца войны, чтобы поддерживать обслуживание новых береговых объектов, введенных в эксплуатацию. Тогда же была приведена в жизнь идея создания кораблей с экипажами, набранных преимущественно из «цветных». Первым таким кораблем стал эсминец «Мэйсон», где белыми были только старшие офицеры. После «Мэйсона» были введены в строй эминцы серии «РС», команды которых были укомплектованы «цветными». Следует отметить такой факт, что командование кораблем, экипаж которого состоял из негров, был очень непопулярен на флоте, поэтому назначение на такой корабль чаще всего использовалось в качестве наказания провинившихся в чем-то белых офицеров. [1, р. 18]

Что касается индивидуальной подготовки чернокожих, то она проходила в лагере «Роберт Смолл» в районе Великих озер и в лагере Морской пехоты США в Маунтфорд Пойнт. Обучение шло отдельно от белых, только после окончания Второй мировой войны появились совместные центры подготовки.

В целом курс обучения чернокожих представлял собой урезанный вариант курса для белых. Основным отличием являлось то, что в курсе для чернокожих были снижены баллы на вступительных тестах по английскому языку и математике. Это объяснялось и как более низким уровнем образования негров и тем, что из них не стремились сделать высококлассных специалистов, планируя использовать в основном на низкоквалифицированной работе. Начальный уровень одиночного обучения предусматривал строевую и физическую подготовку, изучение патрульной службы. Кроме того, изучались: уставы и инструкции, порядок и прохождение корабельной службы, история военно-морских сил США, кодекс чести, права и обязанности военнослужащего ВМС, устройство и во-

оружие корабля. На данном этапе рекруты также проходили курс самообороны, методы выживания на воде, стрелковую и медицинскую подготовку. Большое внимание уделялось групповым спортивным играм и гребле. После окончания начального курса одиночного обучения, рекруты проходили повторное медицинское освидетельствование. [5, р. 3–4]

Особое внимание уделялось физическому состоянию каждого отдельного новобранца. В период учебы в специализированных школах, куда рекруты распределялись после окончания первого этапа обучения, а также во время службы на кораблях и в частях, физическая подготовка проводилась в виде плановых занятий в составе подразделений. [6, р. 47] На этом подготовка «цветных» заканчивалась, в дальнейшем их распределяли непосредственно на места прохождения службы. Те, кто попал на технические специальности, в морскую пехоту или в Мобильный строительный батальон ВМС могли дослужиться до звания петти офицер второго класса, остальные довольствовались сферой обслуживания флота.

Литература:

1. The Negro in the Navy. Bureau Of Naval Personnel. 1941. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/USN/Admin-Hist/084-Negro/index.html> (дата обращения: 25.11.2014).
2. Reddick, L.D. The Negro in the United States Navy During World War II//*The Journal of Negro History*. April, 1947. № 2. P. 201–219.
3. News of Interest to The Naval Reservist and The Naval Veteran// The Naval Reservist and the Naval Veteran Newsletter. July 1, 1946. P. 3–8
4. Andrews, P., Engel L. Navy Yearbook. N.Y. 1944. 252 p.
5. War Instructions United States Navy 1944. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/USN/ref/WarInst/index.html> (дата обращения: 27.11.2014)
6. The Farragut Naval Training Station — History and Guide. Idaho. 1944. 83 p.

Проблема компенсации арабской собственности на оккупированных Израилем палестинских территориях в 1948–1967 гг.

Мирошниченко Илья Витальевич, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Одной из актуальнейших проблем составляющих вопрос палестино-израильского урегулирования является факт существования израильских населенных пунктов, построенных на месте бывших арабо-палестинских деревень. В результате застройки в 1948–1967 гг. происходит нарастание социальных и гуманитарных проблем в лагерях беженцев, а также сохраняется неурегулированность ближневосточного конфликта. В силу этого представляется важным рассмотреть историю возникновения этого аспекта арабо-израильского конфликта.

Современные исследователи в некоторой степени разнятся в своих оценках количества оставленных ара-

Несмотря на изменения в рекрутском законодательстве, к концу 1943 года стало ясно, что планируемое число негров в ВМС набрать не удастся, из 10% от числа всех военно-морских специалистов, набрали только 5%. Основной причиной было то, что подавляющую массу чернокожих готовили на неквалифицированную работу на флоте, лишь часть из них, дошла до чинов унтер-офицеров различных технических служб.

Таким образом, можно заключить, что в условиях начала Второй мировой войны, Правительством и Командованием Военно-морских сил США были предприняты шаги по изменению рекрутского законодательства с целью облегчения вступления в ряды ВМС представителей не белых национальностей. Это было сделано для того, чтобы обеспечить флот низкоквалифицированной рабочей силой в условиях укрупнения инфраструктуры ВМС. Неграм был закрыт доступ на командные должности, только после распоряжения президента Трумэна о десегрегации в 1948 г., а фактически с середины 1960-х гг. афроамериканцам был открыт доступ на офицерские должности в армии и на флоте США.

бами поселений. Согласно одним источникам во время Первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. в силу разных причин обезлюдели 377 арабских деревень [1, р. xiv–xviii], согласно другим за один только 1948 г. количество покинутых населенных пунктов составляет порядка 427–429 [2, р. 5]. Другие авторы оценивают общее количество реквизируемых арабских поселений за период 1948–1967 гг. в 404 [3, р. xxv–xxvii]. На месте многих разрушенных или покинутых поселений появились еврейские кибуцы.

Бо льшее согласие обнаруживается у исследователей в вопросе механизмов превращения некогда арабской

собственности в еврейскую. Помимо исключительно силовых способов, существовали и юридические средства. Так, с момента учреждения государства Израиль и по сей день действуют Постановления об обороне (чрезвычайном положении). Сами постановления были унаследованы израильскими властями от английской мандатной администрации, которая приняла их еще в 1945 г. В данном законе существовал раздел под названием «закрытые зоны», в котором говорилось следующее: «Военный начальник может, согласно распоряжению, объявить любой район или место закрытыми в целях соблюдения настоящего положения. Любой человек, который в любое время, когда на какой-либо район или место распространяется действие настоящего положения, покидает или входит в данный район или место без письменного разрешения от имени Военного начальника, должен быть обвинен в нарушении этих положений» [4].

Этот закон стал начальным звеном в механизме конфискации арабской собственности, поскольку согласно Закону о собственности отсутствующих от 14 марта 1950 г. лицо, находившееся за пределами Израиля или своего обычного места жительства в Палестине в любое время между 29 ноября 1947 г. и 19 мая 1948 г. лишалось своей недвижимости, переходившей под юрисдикцию Попечителя — председателя Опекунского совета по делам собственности отсутствующих. Далее Попечитель имел право (при согласии специального комитета) передавать имущество отсутствующих другим собственникам, в результате чего на фактически конфискованных землях появились еврейские поселения [5].

Подобным образом был создан юридический механизм конфискации и перераспределения собственности, отправным пунктом в котором было недопущение арабов на свои родные места согласно Постановлениям об обороне 1945 г., а конечным — конфискация их собственности по Закону о собственности отсутствующих 1950 г. под предлогом того что арабы находились за пределами своего обычного места жительства. Эта схема позволила конфисковать собственность у многих тысяч арабов, которые просто переехали в соседнюю деревню, находившуюся в нескольких километрах от места их регистрации.

Имеется другая, более подробная схема этого же механизма. Согласно ей на первой фазе собственность арабов объявлялась собственностью отсутствующих, на второй — принимались законы о собственности отсутствующих и расширении полномочий (передачи прав собственности) 1950 г., на третьей фазе был принят Закон о приобретении земли 1953 г. и, наконец, на последней фазе арабская собственность преобразовывалась в израильскую [6, р. 809–825].

Существовали и иные способы «избавления» от арабских собственников, например, государственные дотации и помощь предоставлялись в первую очередь еврейским сельскохозяйственным кооперативам и предприятиям, что способствовало подрыву экономической самостоятельности арабских предпринимателей [7, с. 131, 159].

Все описанные выше средства и механизмы являлись неотъемлемой частью, так называемой, политики свершившихся фактов (или ползучей экспансии), в результате которой, по данным историка Б. Морриса, на месте брошенных 377 арабских деревень (или около них) появились 186 израильских поселений [1, р. xviii–xx]. Подобная застройка была осуществлена только лишь за период 1948–1949 гг., но согласно другим данным за период 1948–1967 гг. на месте бывших арабских населенных пунктов появилось 161 поселение, а всего к 1967 г. израильтяне успели построить 346 колоний-поселений [8, р. 2].

Еще больший разброс наблюдается в оценке площади и стоимости конфискованной у арабов земли. Не существует единства в данных, приводимых различными израильскими ведомствами, которые колеблются в диапазоне от 2 до 16,5 млн. дунамов (1 дунам = 1000 м² или 0,001 км²) конфискованной в 1948–1962 гг. земли, стоимостью от 13 до 140 млн. фунтов стерлингов (1 фунт стерлингов 1948 г. = 4,03 долларам США 2003 г.). Отчасти схожие оценки приводят различные комиссии ООН: площадь земель от 3,5 до 16,3 млн. дунамов стоимостью от 100 до 225 млн. ф. ст. [2, р. 369–380]. Впечатляющей на фоне этих цифр выглядит сумма компенсации, которую требуют арабские страны — ее потолок находится на уровне 1,9 млрд. ф. ст. Все данные приводятся в ценах 1948 г. Большая часть приведенных оценок не включают в себя стоимость, а также количество палестино-арабских потерь во время и после войны 1967 г.

Правительство Израиля, понимая, что не сможет выплатить компенсацию даже по минимальным оценкам, начало пытаться выпутаться из сложившейся ситуации. В ответ на конфискацию арабской собственности правительства Ирака, Сирии и Египта заморозили, либо национализировали имущество евреев, проживавших в этих странах. Некоторые израильские политики заявили, что такие действия освобождают Израиль от выплаты компенсации палестинцам. Позднее, созданная в 1975 г., Всемирная организация евреев из арабских стран заявила, что абсорбция иммигрировавших евреев стоила Израилю 11,5 миллиардов дол. США [9, р. 10–11].

Проблему арабской собственности Израиль пытался увязать с расходами на абсорбцию иммигрировавших в Израиль евреев. Однако в 1950-х, к огорчению израильского истеблишмента, установленные размеры стоимости имущества евреев в арабских странах были сравнительно малы — 103 млн. дол. США, что было значительно меньше утраченного арабами на бывших палестинских территориях имущества. Были продолжены поиски новых источников компенсации — предполагалось даже связать репарации ФРГ евреям за преступления нацистского режима с компенсацией палестинскому населению. Однако единственным претворенным в жизнь мероприятием данного периода оказалось разблокирование банковских счетов беженцев в Израиле [2, р. 177, 188–191, 195].

В первой половине 1960-х Израиль пытался решить вопрос компенсации негласным путем через индивиду-

альные выплаты. Израильское правительство вело секретные переговоры с палестинскими беженцами, поселившимися на Кипре о выкупе их земель в Палестине. Однако, как только слухи о подобных операциях дошли до Арабской лиги, она издала специальную резолюцию, согласно которой арабским странам запрещалось передавать Израилю какую-либо информацию о размерах недвижимого имущества палестинцев. Действие резолюции было направлено в первую очередь на Иорданию, поскольку именно она имела данные о количестве брошенных палестинцами земель [2, р. 210–212].

К началу Шестидневной войны 1967 г. Израиль подошел с нерешенной проблемой компенсаций, усугубившейся после окончания конфликта. В ходе него разрабатывались различные варианты урегулирования проблемы арабской собственности и статуса приобретенных территорий. Разведывательное управление ЦАХАЛа предложило принцип «территории в обмен на мир», а именно освобождение захваченных Израилем в 1967 г. территорий и создание на них независимого Палестинского государства [10, с. 20–22].

Рассматривался вариант образования на захваченных территориях палестинского анклава, объединенного с Израилем в раках федерации. Предполагалось поселить беженцев в Эль-Арише на Синайском полуострове. Разведывательные структуры Израйля — Моссад и АМАН настаивали на немедленном создании Палестинского государства на территориях Западного берега р. Иордан и сектора Газа. При этом допускался ограниченный обмен территориями, на которых большинство составляли арабы, а также создание международного фонда для компенсации беженцам, часть средств в который внес бы Израиль [10, с. 27–39].

В проекте генерала И. Алона выдвигалась идея создания защитного пояса израильских поселений, окружавших территории с арабским населением. Рассматривая проблему беженцев, сначала он предлагал

расселить их в районе Эль-Ариша или переселить в Ирак, впоследствии он скорректировал свою позицию и настаивал на передаче Иордании Западного берега и сектора Газы, на которых образовывалась палестинская автономия [10, с. 58–64]. Кроме Ирака правительство Израйля рассматривало варианты отправки беженцев за пределы Палестины в следующие страны: Австралия, Бразилия, Канада, США [11, р. 14, 16].

Каждый из предложенных проектов имел своих сторонников, что привело к дискуссии в израильском руководстве и воспрепятствовало претворению в жизнь какого-либо из них. Сложно судить насколько решительно были настроены сами авторы приводившихся выше предложений — ведь ни один проект не содержал в себе никаких карт, включавших территории, которые Израиль был согласен уступить. Тогда израильское правительство считало, что время работает на него, но с позиции сегодняшнего дня сложно с этим согласиться.

Возвращаясь к проблеме компенсации беженцам, хочется добавить, что современные исследователи кроме вариантов с непосредственной реституцией или индивидуальными компенсациями предлагают также использовать доход от сданной Еврейским национальным фондом в аренду бывшей палестинской собственности в качестве источника денежных выплат палестинским семьям. Однако реалии современной израильской экономики таковы, что дефицит государственного бюджета на 2014 г., согласно данным Центрального статистического бюро Израйля, составляет более 20 млрд. новых израильских шекелей (1 нов. изр. шекель = 0,282406 дол. США) [12].

Таким образом, проблема компенсации палестинским беженцам была создана Израилем в ходе его собственной поселенческой политики. С 1950-х гг. Израилем предпринимались некоторые попытки решения этой проблемы, однако расчет на то, что проблема решится сама собой не оправдался. В настоящее время долг палестинцам значительно превышает экономические возможности Израйля.

Литература:

1. B. Morris. The birth of the Palestinian refugee problem revisited. Cambridge, Cambridge University Press, 2004—640 pp.
2. M. Fischbach. Records of Dispossession: Palestinian refugee property and the Arab-Israeli conflict. New York, Columbia University Press, 2003—467 pp.
3. R. Davis. Palestinian village histories: geographies of the displaced. California, Stanford University Press, 2011—360 pp.
4. Постановления об обороне (чрезвычайном положении). Ст. 125 URL: <http://nolegalfrontiers.org/military-orders/mil02?lang=en>
5. Закон о собственности отсутствующих. Статьи: 1 (a, b), 2 (a), 4 (a-1,2), 28 (a, b) URL: <http://www.israellawresourcecenter.org/israellaws/fulltext/absenteepropertylaw.htm>
6. G. Forman, A. Kedar. From Arab land to 'Israel Lands': the legal dispossession of the Palestinians displaced by Israel in the wake of 1948//Environment and Planning D: Society and Space. 2004, vol. 22, p. 809—830 URL: <http://out-of-place.haifa.ac.il/library/Israel2.pdf>
7. Е. Д. Пырлин. 100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы. М.: РОССПЭН, 2001 г. — 480 с.
8. I. Matar. Jewish settlements, Palestinian rights, and peace (Information paper number 4). Center for Policy Analysis on Palestine, 1996. p. 1—23 URL: <http://www.thejerusalemfund.org/images/JewishSettlementsPalestinianRightsandPeace.pdf>

9. D. Peretz. *Palestinian refugee compensation* (Information paper number 3). Center for Policy Analysis on Palestine, 1995. p. 1–20 URL: <http://www.thejerusalemfund.org/images/PalestinianRefugeeCompensation.pdf>
10. А. Д. Энштейн. Израиль и (не) контролируемые территории: *уйти нельзя остаться*. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2008 г. — 287 с.
11. T. Segev. The June 1967 War and the Palestinian refugee problem//*Journal of Palestine Studies*. Vol. 36, No. 3 (Spring 2007). p. 6–22 URL: <http://prn.mcgill.ca/research/papers/segev.pdf>
12. Центральное статистическое бюро Израиля. Статистический обзор Израиля. 2013 г. http://www1.cbs.gov.il/reader/shnaton/templ_shnaton_e.html?num_tab=st10_10&CYear=21http://www1.cbs.gov.il/reader/shnaton/templ_shnaton_e.html?num_tab=st10_11&CYear=2013

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Ликвидация казахского байства как класса в конце 20-х годов XX века

Кстаубаева Умитшах Ануарбековна, магистр педагогических наук, преподаватель
Колледж общественного питания и сервиса (г. Астана, Казахстан)

В статье на основе архивных источников из Центрального государственного архива Республики Казахстан и архива Президента РК, рассматривается процесс ликвидации байства как класса в Казахстане, в конце 20-х годов XX века.

В конце 20-х годов XX века в Казахстане начинается масштабная акция по дебаизации зажиточных скотовладельцев в рамках общегосударственной концепции «раскулачивания», потому что они якобы «своим имущественным и общественным влиянием препятствуют советизации аула». Обосновал ее еще в 1919 году сам Ленин. Когда делегаты из Казахстана спросили его, как можно подорвать экономическую силу баев в ауле, вождь пролетариата ответил: «Очевидно, вам придется раньше или позже поставить вопрос о перераспределении скота» [1, 179].

26 июля 1928 года на совещании в Крайкоме ВКП (б), рассматривались вопросы создания комиссии, проведения предварительной кампании, методах и сроках конфискации баев и полуфеодалов. Здесь же обсуждался проект декрета, о том кого и по каким критериям будут выселять и конфисковывать. Указывалось, что «речь идет о тех крупных скотоводах из коренного населения, которые сохранили полуфеодалные, патриархальные и родовые отношения, своим имущественным и общественным влиянием препятствуют советизации аула».

Предполагалось конфисковать и выселить тех, у кого в переводе на крупный скот в кочевых районах было свыше 400 голов скота, в полукочевых же районах — 300, в оседлых — свыше 150 голов. Так вот, таких подлежащих выселению было не более 500 человек по всему Казахстану. Ко второй группе относили бывших ханско — султанских потомков, несменяемых волостных управителей, получавших награды от царского правительства, словом «антисоветский элемент, который могут и имущества иметь меньше, но выселить их нужно. Сразу возник вопрос, как представлять хозяйства по типам, поскольку у них не было единого критерия. Первоначально предполагалось, что конфискации должны будут подвергнуты 4300 хозяйств, за основу бралось количество поголовья скота от 80 до 100, но затем в ходе корректировки было оставлено не более 500—600 хозяйств.

На совещании решался вопрос: «Куда выселить?». Было принято решение, что выселяться будут «уральцы,

букеевцы в восточный район, из восточного в западный, с севера — на юг». И сразу идет оговорка, что «вернее будет широтное выселение лучше, чем меридиональное, потому что этот последний путь, путь кочевания, будет легче для обратного возврата». Были определены такие сроки экспроприации. Приступить было предписано в начале сентября.

На заседании бюро Казкрайкома 18 августа 1928 года было принято решение о создании комиссии по конфискации, которую возглавил Е. Ерназаров. В состав комиссии вошли Н. Нурмаков, Г. Токтабаев, У. Джандосов и другие. Заниматься конфискацией на местах должны были окружные комиссии. Были назначены уполномоченные. В Акмолинскую область выехал С. Сафарбеков, Кустанайскую — У. Кулумбетов. Выезд предполагался 23 августа. Партийные комиссии должны были установить суммарные цифры конфискуемых хозяйств. У. Джандосов и Г. Тогжанов должны были составить письма — обращения к аульным ячейкам, коммунистам и комсомольцам.

27 августа 1928 года был принят декрет ЦИК и СНК Казахстана «О конфискации и выселении крупнейших байских хозяйств и полуфеодалов», по которому началась кампания по конфискации байских хозяйств с выселения семей экспроприруемых в другие районы.

При конфискации имущества баев и последующей их высылке часто допускались вопиющие злоупотребления. Например, фактически количество баев, действительно имевших большое количество скота, было сравнительно немного — 3% от общего количества. Поэтому уполномоченные шли на различные ухищрения, используя в своих интересах такие низменные человеческие чувства, как жадность, зависть, желание выслужиться.

Лжебелсенды ставили в известность о баях, которых нужно конфисковать по их мнению. Например, в своем письме житель аула № 3 Айткул Юсупжан сообщает о бае Ергебеке, которого нужно подвергнуть конфискации, поскольку, по его мнению, он бедняков настраивает против власти, а его сын Сауранбай в течение 18 лет был волостным управителем.

Были и коллективные заявки на конфискацию. Так, в телеграмме секретаря комиссии по конфискации Муценека Сырдарьинской окружной комиссии по конфискации, сообщается о заявлении пяти граждан Аулие — Атинского района с ходатайством о выселении Есенбая Худайбергенова «как злостного эксплуататора и потомка крупного бая». Батрак Каратбеков пошел еще дальше в своем рвении выслужиться. Он отправляет телеграмму в Москву в ЦИК М. Калинину. В ней он сообщает о двух баях Салакбаеве Кармане и Юсулбекове Батырбеке, которые «проводят, не признавая власти, свою политику, берут кун. А местные власти не обращают внимание» [2, 86]. Далее он просит «принять меры».

Помимо этого, списки баев, которые должны были быть подвергнуты конфискации и выселению, постоянно корректировались: убирались одни фамилии и вписывались другие. Основания для исключения были следующие:

- у человека не хватало количества скота;
- бай был «слишком смирный, не противодействует Советской власти».

Взамен предлагались фамилии других людей. И здесь аргументы приводились железные «потомственный волостной», «награжден царским правительством» и т.д.

Для того, чтобы выполнить план, уполномоченные нередко объединяли членов нескольких семей и таким образом получали недостающий процент. То обстоятельство, что скота определенно не хватает, чтобы отправить человека в ссылку, а имущество конфисковать, особо не смущало ретивых исполнителей. Например, в хозяйстве Нурманова Аймухана было всего 35 голов, однако его причислили ко второй группе. Уполномоченный по Терень — Узьякскому району Сырдарьинской области, Ахмеджанов в донесении окружной комиссии по конфискации байских хозяйств, сообщает, что «... хотя это хозяйство средняцкое, но все же его владелец Аймухан является представителем прежде существовавшего отца — полуфеодала и теперь вредным и чуждым элементом для аульной бедноты. Поэтому хозяйство его нужно конфисковать и его выселить» (орфография и стиль оригинала сохранены — прим. — К.У.). При этом он отмечает, что «беднота аула, хотя и единодушно приняла решение на своем собрании по поводу конфискации его хозяйства, но все же не так стоит против него, как в отношении других баев из этого аула» [3, 37].

Когда составляли списки, подлежащих выселению, у баев оказывалось чуть ли не вдвое меньше скота, чем предполагали уполномоченные. Например, согласно сведениям о конфискации баев только по одному Кызыл — Ординскому округу из предполагавшихся 27644 голов реально в хозяйстве оказалось лишь 18202 [4, 13].

Вполне закономерно, что выселяемые пытались обжаловать решения комиссий. В заявлении гражданина Исе-номанова Кабыша, жителя аула № 6 Илийского района Алма — атинского округа говорится о том, что его и его брата выселили из Уральского округа, объединив их хозяйство. По его словам он в течение 20 лет проживал от-

дельно и платил сельскохозяйственный налог самостоятельно. Однако ретивые комиссары объединили его хозяйства и хозяйство брата Хайруллы в одно. Объединенные хозяйства вместе имели 71 голову скота. Такое количество скота, по его мнению «при наличии 15 душ не может считаться байским хозяйством» [5, 2—3]. В другом случае в одно объединили целых три семьи.

По мнению заявителей при составлении списков члены комиссии допускали злоупотребления, брали взятки. Комиссии работали по своему усмотрению, а не по декрету, то есть оставляли тех баев, у которых получали взятку, конфисковывали тех, кто не давал взятку (из жалобы Т. Байбашина председателю ЦИК РСФСР М. Калинину 28.02. 1929 г.) [6, с. 29].

Однако жалобы выселенных в большинстве случаев не брались во внимание. Как свидетельствует анализ протоколов окружных комиссий содействия конфискации байских имуществ, большинство ходатайств отклонялись, как не соответствующие действительности [7, с. 121].

Ф.И. Голощекин в своем докладе на пленуме Казкрайкома об итогах конфискации подводит предварительные итоги кампании и своей политики «Малого октября». Он резюмирует, что конфискация заканчивает собой сумму мероприятий, направленных на расчистку аула от патриархально — родовых и полуфеодалных пут и подводит казахские партийные и советские органы к задаче окончательной советизации аула. «Пленум, говорится в докладе, — констатирует, что выселение проведено, в общем, успешно, вся работа была проведена в рамках законности. В результате создано 293 новых колхоза и организовано 5 совхозов. Все акции привели к осереднячиванию аула» [8, с. 33].

Однако на деле обстояло совсем не так. Имеющиеся сводки из материалов укомов, райкомов и уполномоченных противоречат выводам Ф. Голощекина. Например, в сводке от ноября 1928 года укома Маркакольского района отмечается, что «решение правительства правильное, но здесь не учтено одно, что, экспроприруя байство, мы разводим нищету — бедняку негде будет заработать. Лишаясь крупного хозяйства, мы тем самым пожираем самих себя» [9, с. 25]. Уполномоченный Уланского района сообщает о конфискации и выселении бая Бекембаева: «Наиболее консервативным оказался подрод Жакимбек, к которому принадлежал бай Бекембаев. Значительное число бедноты, не говоря о середняках, «разделяли горе» Бекембаева. Последний при выезде получал от некоторых подарки (деньги, лошадей)» [10, с. 26]. В архивных документах описывается отрицательное отношение женщин к конфискации. В одном из районов Каркаралинского округа, например, они в знак протеста против выселения местного бая покинули собрание. Такие факты, вероятно, дали основание Ф. Голощекину утверждать, что работа среди женщин, подготовка и участие их в конфискации поставлены очень слабо [11, с. 360].

Конфискация проводилась насильственными методами, что зачастую вызывало сочувствие к баям у аульной бедноты, что вынужден был признать и Ф. Голощекин,

заявляя, что отдельные бедняки укрывали байский скот и выступали в защиту своего бая.

Национальная интеллигенция также выступала в защиту конфискованных, о чем свидетельствуют архивные данные. В докладной записке на имя Ф. Голощекина о предварительных итогах конфискации байских хозяйств по Кустанайскому округу отмечается, что «старая алашордынская интеллигенция» занимается агитацией, направленной на срыв конфискации. Их агитация сводилась к тому, что якобы экспроприация подрывает экономическую мощь аула, направлена против казахской нации, а не против баев.

К баям в случае сопротивления применялись меры административного воздействия, а иногда и сугубо военные методы подавления. Согласно сводкам административной власти было арестовано 148 человек [12, с.367].

По данным Центркомиссии по конфискации выселению и принудительному изъятию скота и имущества подверглись 696 крупных собственников, бывших волостных управителей и потомков ханских и султанских родов, представлявших опасность для режима. Из них 80,75% от общего числа прошли по 1-ой группе конфискации, по 2-ой — 19,25%. На самом деле эти цифры были искажены, их было более тысячи (1053 хозяйств), причем по 1-ой категории были экспроприированы 65,71%, а по 2-ой — 34,29% [13, с. 6].

Литература:

1. Дахшлейгер, Г. Ф. Социально — экономические преобразования в ауле и деревне Алма — Ата. 1965. — с. 179
2. Центральный государственный архив Республики Казахстан Ф. 135 О. 1 Д. 8.
3. ЦГА РК Ф. 135 О. 1 Д. 6.
4. ЦГА К Ф. 195 О. 1 Д. 366
5. ЦГА РК Ф. 135 О. 1 Д. 17.
6. ЦГА РК Ф. 135 О. 1 Д. 17.
7. ЦГА РК Ф. 135 О. 1 Д. 8.
8. Там же
9. Архив Президента РК Ф. 141 О. 1 Д. 1988.
10. Там же
11. Там же
12. АП РК Ф. 141 О. 2 Д. 198
13. Жакишева, С. Баи — полуфеодалы на рубеже 20—30-х гг XX века: историко — источниковедческий анализ проблемы. Автореф. канд. дисс. А. 1996. — с.6

Изменения в системе торговли городов Ферганской долины (на примере 1917–1924 годов)

Мансуров Улугбек Умарович, старший преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Торговля в городах Ферганской долины в основном велась на рынках. Основные предметы торговли на рынках, составляли: продукты сельского хозяйства, различные пред-

В ходе проведения этой репрессивной акции в отношении байства к конфискации и выселению (по существу физическому вымиранию), была приговорена наиболее опытная и грамотная часть населения кочевых и полукочевых районов Казахстана, подорвана хозяйственно — организаторская функция самой образованной, авторитетной верхушки традиционного аула. У баев было изъято 144 474 голов скота (в переводе на крупный). Из числа 58,6% было передано в пользование 25061 маломощным хозяйствам, а остальной скот перераспределен между колхозами. Однако конфискованного скота не хватило для удовлетворительного обеспечения всех бедняцких хозяйств и, тем более, подтягивания их до уровня середняцких; немалая часть полученного скота в этих хозяйствах пошла на продажу, оплату долгов и налогов и т.д.

В ходе репрессий пострадало в большей степени сельское хозяйство, т.к. были уничтожены целые социальные слои общества, которые в массе своей всегда были носителями многовекового опыта и знаний о сельском хозяйстве, в т.ч кулачество и байство.

Сталинский эксперимент по уничтожению баев, удался, о чем он не преминул отметить в статье «Год великого перелома», в газете «Правда», которая стала предтечей страшной катастрофы, обрушивавшейся на казахов в 30-е годы.

меты труда, изготовленные со стороны местных ремесленников, продукты местного шелкового производства, обувь, одежда, ковры, бахчевые и сельхоз продукты. Ко-

личество рынков в области в 1914 году составляло 90, к 1917 году их осталось 30. В экономическом развитии Ферганской области важную роль играли торговые отношения с Кашгаром. Такие города как Файзобод, Маралбоши, Янгишсар, Ёркент, Хотан считались важными торговыми центрами Кашгарской области [1, с 214]. Ведущую роль в торговых связях Кашгара и Ферганы занимала торговля шелковыми тканями. В одном только 1914 году из Кашгара в Фергану импортировалось товаров на сумму 3410000 рублей, таких как: шелковые и другие виды тканей, войлок, кожаные предметы, ковры, чай черный и другие продукты. Из Ферганы в Кашгар в 1914 году было отправлено товаров на сумму 3624000 рубля, состоящие из таких предметов, как: хлопковые и шелковые ткани, предметы из железа и стали, различные виды стеклянных продуктов, спички, табачные изделия, швейные машинки, бархатные и шелковые ткани [2, с 103].

Если в городах товарообмен велся только на основе денежных обменов, то в кишлаках товарообмен проводился на смешанной денежной или бартерной (путём обмена товаров). Например, соль, обувь, хозяйственные товары обменивались на пшеничную муку, масло, мед и другие продукты.

После октябрьского переворота на территории всего Туркестана начались проводиться важные планы мероприятий в сфере формирования новой системы торговли. Так, в 1917 году было начато формирование потребительских союзов Туркестанского края. Была сформирована первичная государственная торговля. Также возникли такие организации, как управления обеспечения рабочих (в железнодорожной, горной промышленности), военной торговли и других видов торговли. Система торговли и общественного питания в Ферганской долине в качестве самостоятельной отрасли начало развиваться с 20-х годов. Так к примеру, в обеспечении населения Наманганской области товарами широкого потребления и организации общей торговли основную роль начала играть потребительская кооперация.

В 1917 году в городе Намангане существовали различные виды торговли. Вокруг торговых предприятий и чайхан города были расположены отдельные специализированные лавки занимавшиеся торговлей продуктов питания, фруктов и овощей, мясом и другими видами продуктов хозяйства. Одним из особенно известных рынков города являлся рынок «Раста» [3, с 3], где торговцы занимались торговлей продуктами промышленного производства. Также город Наманган имел важную значимость в качестве центра ремесленничества. В городе были развиты различные виды ремесленничества, такие как: металлообработка, ювелирное дело, гончарное производство. Также на рынках находились чайханы и места питания, где готовились различные виды национальной кухни.

Торговля также велась на рынках и в Наманганском уезде, где в 1923 году их количество составляло 19 рынков [4, с 5]. В августе 1924 года были созданы крупные

торговые объединения (синдикаты), у которых существовали оптовые базы и сети частичной розничной торговли. Оборот государственного банка начавшего свою деятельность в городе Намангане с 1 декабря 1923 года составил к 1 октября 1924 года 476600 червона [5, с 6]. В 1923 году было образовано Наманганское потребительское объединение «Узбекбирлашув». Наманганский отдел «Узбекторга» занимался оптовой, розничной, частной торговлей. Открытие с 1 декабря 1922 года государственного банка в городе Наманган (с оборотным капиталом в 476690 червона) дало толчок для заметного развития потребительской и государственной торговли [6, с 192]. Государственный банк города выделял кредиты торговым предприятиям для покупки товаров. В результате развития промышленности в Намангане наметился и рост бюджета города. Бюджет города Наманган в 1924—1925 годах составил 331974 рублей [7, с 4].

В 1917 году были получены доходы в следующем порядке: с весов торговых рынков кишлаков Скобелевского уезда 28025 рублей, с весов хлопковых амбаров воскресных рынков города Скобелева 7520 рублей, со скотобоен города Скобелева 4000 рублей, с вывешенных на улицах города объявлений (рекламы) 85 рублей.

В 1917 году на рынках города Скобелева один пуд рисовой соломы стоил 10 копеек, мясо 80 копеек, один пуд картошки 40 копеек, один фунт гранат 17 копеек, высушенные абрикосы 12 копеек, яблоко 15 копеек, хлопковое масло 20 копеек, бараний жир 30 копеек, картофельная мука 8 копеек, высушенные грибы 2 копейки, чай 40 копеек, один сажень сухих дров 3 рубля [8, с 9].

В городе Наманган один фунт белого хлеба стоил 2 копейки, домашний хлеб 3 копейки, капуста 3 копейки, свекла 80 копеек, картошка 50 копеек, морковь 50 копеек, сахар копейки, корова 50 рублей, лошадь 195 рубля, осёл 35 рублей, тысяча штук спичек 5 копеек.

На рынках города Андижан одна штука домашнего хлеба стоила 15 копеек, один пуд моркови 20 копеек, один пуд высушенных яблок 5 копеек, гранат 5 копеек, один фунт свежих виноградов 15 копеек, высушенные абрикосы 18 копеек, 100 штук яиц 1 рубль 75 копеек, средняя овца 5 рублей, лошадь 10 рублей, корова 25 рублей, коза 3 рубля, один сажень сухих дров 2 рубля, ивовые дрова 1 рубль, одна штука мешка из кенафа 50 копеек, накидка из шкуры барана 50 рублей а также доставка товара из Андижана в город Ош 50 копеек [9, с 10].

На рынках города Ош один пуд редьки стоил 10 копеек, один пуд высушенного винограда 1 рубль, один пуд русского меда 3 рубля, один фунт гранат 10 копеек, молоко 6 копеек, сметана 20 копеек, средняя овца 5 рублей, один сажень сухих ивовых дров 4 рубля, вытканная вручную одна пара головного убора 1 рубль а также доставка товара из Оша в город Маргилан 5 рублей.

На рынках города Старый Маргилан один пуд кукурузы стоил 45 копеек, один пуд мяса 2 рубля, один фунт винограда 10 копеек, один стакан молока 5 копеек, сметана 30 копеек, 100 штук яиц 50 копеек, крупная овца 30 рублей, корова 40 рублей [10, с 11].

В 192 году проводились работы по переписи населения городов Туркестанского края. На их основании 23% рабочего населения крупных городов и 18% рабочего населения мелких городов в основном работали на промышленных предприятиях. Сельским хозяйством занималось 19% населения крупных городов и 26% населения мелких городов. На государственной службе и торговле было занято более 25% от общего числа населения.

К концу 1923 года посредством 43 существовавших кредитных объединений Ферганской области было выделено ссуды на сумму в 139755 рубля. Эти кредитные объединения распределялись в следующем порядке: в Андижане 17, Коканде 5, Оше 5 и Маргилане 16 [11, с 189]. В начале 1926 года товарооборот в торговле городов со-

ставлял 40.5 процента, в потребительских объединениях 24.5 процента и в частной торговле 35 процента.

Заклучая можно сказать, что социально-экономические и политические изменения происходившие в колониальный и советский период проявились также в жизни городов Ферганской долины. В 1917–1924 годах произошли заметные изменения в торговой отрасли городов Ферганской долины. Несмотря на условия экономической зависимости и политического беспорядка, невозможности полного проявления своего потенциала населением городов Ферганской долины оно смогло проявить черты трудолюбия и свободолюбия и сохранить существующие национальную культуру и ценности и передать её будущим поколениям.

Литература:

1. ЦГА РУз, фонд — Р.25, опись — 1, дело — 932, оборот листа — 214.
2. ЦГА РУз, фонд — Р.37, опись — 1, дело — 409, лист — 103.
3. ГАНО, фонд — Р.796, опись — 1, дело — 117, лист — 3.
4. ГАНО, фонд — Р.796, опись — 1, дело — 117, лист — 5.
5. ГАНО, фонд — Р.796, опись — 1, дело — 117, лист — 6.
6. Абдуллаев, О. Фаргона водийси: ижтимоий-иқтисодий ривожланиш жараёнлари. — Наманган, 2000. — Б.192.
7. ГАНО, фонд — Р.796, опись — 1, дело — 117, лист — 4.
8. ЦГА РУз, фонд — И.19, опись — 1, дело — 35219, оборот листа — 9.
9. ЦГА РУз, фонд — И.19, опись — 1, дело — 35219, оборот листа — 10.
10. ЦГА РУз, фонд — И.19, опись — 1, дело — 35219, оборот листа — 11.
11. Якубов, Б. Из истории партийной организации Ферганы. — Ташкент: Фан, 1967. — с. 189.

Главные социально-экономические вопросы и законодательная власть США в период президентства Бенджамина Гаррисона (1889–1893 гг.)

Ярыгин Вадим Владимирович, аспирант

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Последняя треть XIX столетия в истории США характеризовалась слабостью президентской власти и значительным усилением влияния Конгресса на жизнь в стране. Этот период являлся временем, так называемого партийного правления, в историческую науку он вошёл как «Позолоченный век». Депутаты верхней палаты американского парламента оказывали тогда сильнейшее влияние президентов. Исключением их этого правила можно назвать только Гровера Кливленда — первого демократа, занявшего Белый дом после Гражданской войны.

Одним из главных вопросов изучения двухпартийной системы США конца XIX в. является отношение обеих основных политических партий к тем социально-экономическим проблемам, которые волновали тогда американское общество. В первую очередь это касается вопросов о денежном стандарте, системе национального протекционизма (так называемый «вопрос о тарифах») а также отношения к крупному бизнесу, поскольку именно тогда

Америка встала на путь монополистического капитализма. Тогда по отношению к данным проблемам можно было практически безошибочно определить партийную принадлежность любого американца. Поскольку обе основные партии США занимали диаметрально противоположные позиции по данным проблемам, и противостояние республиканцев и демократов «Позолоченного века» основывалось именно на принципиальном расхождении во взглядах на денежный стандарт, монополии и таможенные пошлины. Два из трёх законов, принятых по этим вопросам, связаны с именем видного деятеля Республиканской партии второй половины XIX в. — сенатора от штата Огайо Джона Шермана.

Противостояние сторонников и противников биметаллического денежного стандарта уходит корнями 1873 г., когда в США была проведена первая попытка перейти на золотой доллар. Носительницей доктрины о твёрдой валюте являлась Республиканская партия, тесно связанная

с финансово-промышленными кругами экономически более развитого Северо-востока страны. В то время как демократы поддерживали идею о так называемых «дешёвых» деньгах (под ними подразумевались серебряные доллары и бумажные гринбеки). Сторонники биметаллического стандарта обвиняли правительство в сращивании с «золотыми жуками» Нью-Йоркской Уолл-стрит и называли приостановку чеканки серебряных долларов в 1873 г. «преступлением 73-го года» [41, р. 3; 57, р. 2; 28, р. 4]. Демократы последовательно отстаивали идею биметаллизма и «верили в честные деньги, в серебряную и золотую чеканку согласно Конституции» [14, р. 375; 15, 16]. В широком смысле за «дешёвые» деньги выступали те слои, которые извлекали экономическую пользу из инфляции. С конца 1870-х годов движение за дешёвые деньги, опиравшееся до этого почти исключительно на фермерство, получило ощутимую поддержку со стороны владельцев серебряных рудников Запада, которые в результате стремительного роста добычи этого металла столкнулись с проблемой явно недостаточного спроса на него. Их лозунгом стало требование увеличения чеканки серебряной монеты [5, с. 296]. В этом их поддерживали Демократическая партия и «серебряная» фракция республиканцев из штатов Среднего Запада. Сенатор-республиканец Эдвард Уолкотт из Колорадо, где находились многочисленные серебряные рудники, ясно выразил секционные требования своего региона в вопросе денежного стандарта: «Благополучие горных штатов и территорий на Западе должно покоиться на продукции их шахт» [12, р. 6165].

Демократ Ричард Бленд — один из авторов закона 1878 г. об ограниченной чеканке серебра заявлял, что Соединённые Штаты должны перейти к неограниченной чеканке, иначе стране грозит «национальное банкротство и появление национального банка» [Ibidem, р. 5720]. Всякие мысли, о котором демократы отвергали со времён Эндрю Джексона, ликвидировавшего второй национальный банк США в 1836 г. Противостояние сторонников и противников «дешёвых» денег американский историк Чарльз Бирд назвал «одной из острейших политических битв в американской истории» [10, р. 453].

В обе палаты Конгресса поступали многочисленные петиции от жителей Соединённых Штатов об увеличении объёма чеканки «дешёвых» денег. Всего же за время президентства Бенджамина Гаррисона, включающего Конгрессы 51-го и 52-го созыва, обе палаты американского парламента получили на рассмотрение 45 законопроектов о свободном обращении «дешёвых» денег [22, р. 131; 23, р. 50; 24, р. 123; 25, р. 20]. Они должны были заменить закон Бленда-Эллисона от 1878 г., который предусматривал чеканку серебряных долларов из слитков, закупаемых по рыночной цене правительством Соединённых Штатов на сумму от 2 до 4 млн. долларов ежемесячно [35, р. 1092].

В начале 1890 г. республиканцы смогли перехватить инициативу, чтобы, что называется, выбить из-под ног у демократов почву в вопросе о денежном стандарте в Со-

единённых Штатах. А также представить себя перед лицом избирателей как сторонников «дешёвых» денег, для этого они решили провести в Конгрессе закон о чеканке серебряных долларов. Тем самым показать, что «Великая старая партия» отвечает на чаяния и требования населения страны, которое связывало с «дешёвыми» деньгами и инфляционным повышением денежной массы решение своих финансовых трудностей, в первую очередь это касалось оплаты долгов. Республиканцы вспомнили, что в их политической платформе от 1888 г. содержатся слова о поддержке «и серебра, и золота в качестве платёжного средства» [32].

Законопроект, известный как «серебряный» билль сенатора Джона Шермана был впервые представлен в Палате Представителей 20 января 1890 г. под номером H. R. 5381 Филиппом Постом — конгрессменом из Иллинойса [12, р. 708]. Со слов самого Шермана, он принял только небольшое участие в его создании, до того момента, как билль вышел на рассмотрение [26, р. 1069]. Обсуждение законопроекта о чеканке серебряных долларов в нижней палате началось только 6 июня 1890 года. Газета «Los Angeles herald» назвала этот день «Великим для Белого Металла» [27, р. 3]. Но к недовольству сторонников неограниченной чеканки, новый законопроект её не санкционировал. По рассматриваемому биллю казначейство США получало право ежемесячно покупать 4,5 млн. унций серебра в слитках и чеканить из него доллары. В отличие от закона 1878 г. закон Шермана предписывал производить закупку не на определённую сумму денег, а на вес (в унциях) [4, с. 331].

В палате представителей «серебряный» билль Шермана был принят в ходе голосования, которое началось 7 июня 1890 г. в 3 часа дня [7, р. 1]. После принятия он отправлен на рассмотрение в сенат. «За» проголосовало 135, «против» — 119, воздержались — 73 конгрессмена [12, р. 5814–5815]. При этом из 119 противников вотируемого законопроекта 111 принадлежали к Демократической партии. Несмотря на все свои предвыборные заявления о том, что страна нуждается в «дешёвых» деньгах, как средстве спасения должников и обнищавших фермеров, демократы отдали 111 голосов «против» ещё 40 представителей штатов воздержались от голосования. Положительно за билль Шермана не проголосовал ни депутат нижней палаты Конгресса, принадлежащий к Демократической партии США. Проявив такое единодушие в неприятии принимаемого законопроекта, представители Демократической партии показали, что данный билль в той форме, в которой он проходит в Конгрессе, не удовлетворяет их взглядам на вопрос о денежном стандарте в стране. Сенаторы и представители «серебряных» штатов заявили, что готовы проваливать, проходящий в то же время в Конгрессе, законопроект Уильяма Мак-Кинли о таможенных тарифах до тех пор пока не получат удовлетворяющий их билль о серебре [58, р. 1]. В ходе голосования в палате представителей по законопроекту о чеканке серебра подтвердился

тот факт, что страна была разделена по политико-географическому принципу. В этом вопросе проявилась борьба секций: Северо-востока, Юга и Запада. Но в ходе голосования в нижней палате эта борьба шла исключительно в рядах республиканского большинства. Одновременно с нею стали видны и фракционные противоречия внутри «Великой старой партии» между сторонниками и противниками «дешёвых» денег.

В сенате заседало большое количество сторонников «дешёвых» денег, причём они принадлежали к обеим крупнейшим американским политическим партиям. Из 84 сенаторов положительно проголосовали 42, 25 были «против», и 17 воздержались [12, р. 6183]. При голосовании в верхней палате по законопроекту Джона Шермана демократы уже не вставали в монолитную оппозицию принимаемой инициативе. Скорее, даже наоборот. Из 37 членов Демократической партии США, заседавших тогда в сенате, 27 проголосовали положительно, 3 — отрицательно, и 7 воздержались.

Если говорить о секционных противоречиях в денежном стандарте, то в сенате они были представлены более чётко, нежели в палате представителей, поскольку при голосовании и в ходе обсуждения политико-географическое разделение страны в данном вопросе было более ярко выражено. Северо-восточные штаты были против принимаемого закона о денежном обращении, в то время как Юг и Запад поддерживали законопроект Шермана. Во второй половине XIX в. республиканцы занимали доминирующее положение в политической жизни на Северо-востоке страны, Юг был вотчиной Демократической партии и заслуженно носил прозвище «Стойкий». Из 26 человек, представлявших 13 южных штатов во время работы 51-го Конгресса, только один являлся членом Республиканской партии. Это был Энтони Хиггинс из Делавэра, который воздержался от голосования. В этом и заключался главный политико-географический раздел США на секции. Северо-восток страны поддерживал «Великую старую партию», «Стойкий Юг» был непоколебимой твердыней демократов, Запад занимал промежуточное положение между этими партийно-политическими «полюсами».

Именно благодаря голосам сенаторов из южных штатов законопроект Шермана прошел голосование в верхней палате Конгресса и лёг на подпись президенту Гаррисону. Это убедительно доказывает тот факт, что демократы из Техаса, Вирджинии, Северной Каролины, Теннесси, Арканзаса, Миссисипи, Алабамы и Флориды единогласно поддерживали «серебряный» билль. Отрицательно проголосовали только Эфраим Уилсон из Мэриленда и Джордж Грэй из Делавэра. Из всех сенаторов-демократов Юга только трое воздержались от голосования: Джозеф Браун (Джорджия), Рэндалл Гибсон (Луизиана) и Уэйд Хэмптон (Южная Каролина).

Недовольство билль Шермана вызвал именно своей половинчатостью, то есть он не мог удовлетворить требования сторонников неограниченного выпуска серебряных

долларов, и в тоже время он не устраивал тех жителей США, которые были заинтересованы в твёрдой валюте. Республиканец Эдвард Фанстон из Канзаса в ходе обсуждения назвал его «компромиссом между Западом и Востоком» [12, р. 5805], с ним был согласен и глава монетного двора Эдвард Лич [55, р. 45]. Поскольку этот билль не разрешал противоречия между секциями, которые имели в вопросе денежного стандарта противоположные точки зрения. Северо-восток страны стоял на стороне твёрдой золотой валюты, а Юг и Запад требовали неограниченной чеканки «дешёвых» денег. Даже сам сенатор Джон Шерман позднее признавал ошибочность этой законодательной инициативы сторонников биметаллизма и требовал её пересмотра [26, р. 1071].

Другим важнейшим камнем преткновения между двумя главными американскими партиями был монополистический капитализм и отношение к крупному бизнесу, т.е. к трестам и монополиям в различных областях экономики. Во второй половине XIX в. Америка переживала бурный экономический рост. Он был обусловлен невиданной доселе концентрацией финансового, материально-технического и людского капитала. Именно в этот период в США появляются первые крупные объединения в разных отраслях народного хозяйства. Благодаря им Америка из аграрной страны превратилась в развитую индустриальную державу, потеснив на этом пьедестале Великобританию.

Отношение же законодателей к трестам и монополиям было разным. Демократическая партия последовательно выступала против таких объединений в торговле и промышленности, соединяясь в этом вопросе с набирающим силу антимонополистическим движением популистов. Республиканцы же смотрели на крупный бизнес более лояльно. Чарльз Брум из Пенсильвании заявлял: «Что же, если у нас есть монополии, то пусть это будут наши монополии, в круге нашей досягаемости и под нашими законами» [19, р. 160]. Этими словами республиканцы выразили своё неприятие появлению не только иностранных товаров, но и иностранного капитала на территории США. Это было одной из причин поддержки ими доктрины американского протекционизма. За эту позицию в прессе «Великую старую партию» называли «партией богачей, партией тарифов, трестов и монополистов» [6, р. 2]. Республиканец Дэниел Керр из Айовы в палате представителей высказался относительно демократов и крупного бизнеса: «Мы так много слышим о трестах с тех пор, как Демократическая партия решила сделать себе политический капитал на этом вопросе» [12, р. 6361]. Демократы же обвиняли республиканцев в «блефе и в том, что они дурачат страну с идеей подавления трестов, при этом не идут дальше своих намерений» [21, р. 1].

Демократическая партия во главе с Гровером Кливлендом утверждала, что из-за отсутствия конкуренции крупный бизнес диктует свои условия на рынке мелким производителям и населению. Сторонники бывшего президента настаивали на том, что высокие протек-

ционистские тарифы есть «базис трестов» [16; 37, р. 4], и называли их «кормящей матерью трестов» [8, р. 3; 56, р. 3; 38, р. 4]. Сенатор-демократ Джордж Вест из Миссури во время обсуждения антимонопольного билля в Конгрессе заметил, что «самый простой способ ликвидировать тресты — это отменить протекционистские таможенные тарифы, которые сделали возможным их появление» [36, р. 5; 9, р. 7]. В антитрестовском законопроекте Джона Шермана были слова о том, что он запрещает «противодействие конкуренции в производстве, выпуске, продаже и транспортировке товаров». Комментируя эти положения, демократы заявляли, что высокий тариф противодействует свободной конкуренции [52, р. 1].

За время работы 51-го и 52-го Конгрессов американские законодатели представили на рассмотрение обеих палат парламента 31 законопроект и 4 петиции ограничительного и запретительного характера, связанных с деятельностью крупного бизнеса. Большинство (25 биллей) из этих инициатив исходило от депутатов нижней палаты [22, р. 690; 23, р. 224; 24, р. 597; 25, р. 162]. Если говорить о партийной принадлежности авторов этих биллей, то можно с уверенностью заявлять о том, что выразительницей идеи регулирования крупного бизнеса и ограничения трестов была Демократическая партия. Из 25 авторов данных законодательных инициатив только 4 являлись республиканцами, ещё один был членом партии популистов (Уильям Пеффер — сенатор из Канзаса), остальные представляли партию бывшего президента — демократа Гровера Кливленда.

В декабре 1889 г. сенатор Шерман представил свой законопроект об ограничении монополий. В отличие от «серебряного» билля, к которому сенатор из Огайо имел отношение только как соавтор, законопроект о борьбе с трестами был целиком его детищем. Как писал сам сенатор в своей автобиографии: «Я уже представлял в предыдущем Конгрессе билль о «признании незаконными трестов и объединений в торговле и производстве», но хода ему не дали. 4 декабря я снова представил этот билль, и он стал первым сенатским биллем, представленным в этом Конгрессе» [26, р. 1071]. Действительно, антитрестовский законопроект Джона Шермана фигурирует под номером S. 1. [12, р. 96].

Активное рассмотрение антимонопольного билля в верхней палате Конгресса началось 27 февраля 1890 г. Первоначальный вариант законопроекта Шермана предусматривал считать незаконными «договорённости, контракты, соглашения, тресты или комбинации между двумя или более гражданами или корпорациями или обоими или одним или несколькими штатами», которые были направлены на предотвращение полной и свободной конкуренции в сфере импорта, перевозки и производства товаров на территории США» [Ibidem, р. 1765]. Буквально сразу же во время дебатов поднялся вопрос относительно конституционности вотируемого законопроекта. Противники инициативы Шермана утверждали, что билль ущемляет конституционное право Конгресса «регулировать

торговлю с иностранными государствами, между отдельными штатами и с индейскими племенами» [3, с. 39]. Звучали доводы, что «Верховный Суд Соединённых Штатов никогда не признает его соответствие основному закону страны» [12, р. 2570].

Во время прохождения законопроекта Шермана в верхней палате Конгресса развернулась настоящая кампания вокруг поправок и формулировок. Сенаторы до тошны, слово в слово обсуждали текст билля. В результате этих правок билль претерпел значительные изменения. Настолько, что на момент голосования по нему в сенате, он был озаглавлен как «Билль по защите торговли и коммерции от незаконных ограничений и монополий» [Ibidem, р. 3153]. Законопроект был принят сенатом 8 апреля 1890 г. практически единодушно. 52 сенатора проголосовали положительно (24 демократа и 28 республиканцев), 29 воздержались (10 демократов и 19 республиканцев). Единственным противником принимаемого законопроекта оказался демократ Руфус Блоджетт из Нью-Джерси. Газета «The Wichita daily eagle» по этому поводу вышла с заголовком: «Мистер Блоджетт высказал одинокое «нет» разрушителю монополий» [62, р. 1].

Обсуждение антитрестовского билля Шермана в палате представителей началось спустя 2 месяца после того, как он был принят верхней палатой Конгресса — 11 июня 1890 г. В нижней палате конгрессмены начали дебаты вокруг положения принимаемого законопроекта относительно торговли между штатами. В ходе дискуссии конгрессмены неоднократно упоминали закон о межштатной торговле 1887 г. и комиссию, которая была создана согласно этого закону. Но, как известно, комиссия в реальности мало что могла противопоставить лоббированию интересов крупного бизнеса в Конгрессе и Верховном Суде Соединённых Штатов.

Демократ Дэвид Калберсон из Техаса высказал мнение, что закон 1887 г. прямо запрещал создание пулов в железнодорожной отрасли, поскольку это приводит к «нарушению честной конкуренции и налагает излишнее бремя на людей» [12, р. 5951]. Представитель Техаса уверял, что принимаемые поправки насчёт ценообразования при торговле между штатами и территориями фактически отменяют положение закона 1887 г., Поскольку они вводят понятие «обоснованного и справедливого» повышения цен [Ibidem, р. 5951]. Калберсона поддержал товарищ по партии Ричард Бленд из Миссури, заявив, что «если билль Шермана в таком виде будет принят, комиссия по межштатной торговле не будет иметь власти» [Ibidem, р. 5952]. На эти обвинения в адрес вотируемого законопроекта ответил республиканец из Массачусетса Элайджа Морс. Он заверял собравшихся, что билль Шермана направлен в первую очередь против коммерческих объединений, которые, по его словам, подавляют людей. Таких, как «Standard Oil», трест по производству говядины в Чикаго, сахарный трест в Нью-Йорке. При этом он утверждал, что нельзя лишать возможности торговцев и производителей самостоятельно устанавливать цену на

свои товары, поскольку это «нанесёт удар по деловым интересам в стране и нарушает основной принцип ведения бизнеса — живи и дай жить другим» [Ibidem, p. 5954].

Голосование в нижней палате Конгресса по антимонопольному биллю сенатора Шермана прошло 20 июня 1890 г. В ходе него представители штатов показали такое же единодушие, что и сенаторы 8 апреля. Если в сенате голос против принимаемого законопроекта подал только Руфус Блоджетт из Нью-Джерси, то в палате представителей билль Шермана был принят, можно сказать, единогласно. 212 голосов «за» (118 демократов и 94 республиканца), 85 воздержавшихся (35 демократов, 49 республиканцев и 1 представитель Социалистической рабочей партии), и ни одного голоса не было подано «против» [Ibidem, p. 6314].

Такое редкое единодушие в вопросе урегулирования деятельности крупного бизнеса и монополий в обеих палатах Конгресса показывает, что в обществе существовал серьёзный запрос на эту тему, который заставил объединиться и республиканцев, и демократов с целью издать билль, направленный на противодействие трестам. Цитата сенатора-республиканца из Коннектикута — Орвила Плата о том, что Конгрессу необходимо было выпустить «хоть какой-нибудь билль, озаглавленный «О наказании трестов» [Ibidem, p. 2731] это только подтверждает. Но в сенате заседали многие бывшие адвокаты железнодорожных компаний, а также члены правления крупных корпораций, за что сенат Соединённых Штатов в конце XIX в. прозвали «клубом миллионеров» [30, p. 5; 43, p. 2; 44, p. 5; 63, p. 2; 59, p. 20; 50, p. 2; 18, p. 11]. Они сделали всё возможное, чтобы превратить законопроект Шермана в неработающую правовую норму. На тот случай, если против какой-либо крупной компании подадут иск в соответствии с этим законом, суды всегда смогут встать на страже крупного капитала.

Конечный вариант антитрестовского закона Шермана лёг на подпись президенту Гаррисону и был им подписан 2 июля 1890 г. [12, p. 6922]. Он объявлял незаконными контракты, объединения, тресты и сговоры в сфере торговли, как между штатами и территориями Соединённых Штатов Америки, так и внутри них. Штраф за нарушение данной статьи составлял до 10 млн. долларов для компании и до 350 тыс. долларов для физических лиц и/или тюремное заключение сроком до 3 лет [60]. Главным отличием конечного варианта данного закона от оригинального является то, что первоначальный законопроект Шермана объявлял нелегальными все объединения не только в сфере торговли, но и в производстве. Именно это ключевое отличие позволяло крупному бизнесу обходить положения данного правового акта.

Уже после утверждения президентом антитрестовского билля сенатора Шермана американским законодателям 52-го Конгресса пришлось выслушивать доклады генерального прокурора относительно расследований деятельности сахарного треста и треста по производству виски. «American Sugar Refining Company» обвиняли

в монополизации торговли. Разбирательства дела по поводу деятельности сахарного треста продолжались ещё до 1895 г., когда Верховный суд США объявил сахарный трест производственным объединением, и таким образом изъял его из поля действия антитрестовского закона. Относительно же парламентского расследования деятельности треста по производству виски («Distilling and Cattle Feeding Company»), то 52-й Конгресс ничего не смог сделать потому как, обсуждение в палате представителей началось 1 марта 1893 г., то есть за 3 дня до конца действия полномочий данного созыва. Многие члены палаты представителей в тот день так и заявили, что «слишком поздно» [13, p. 2366].

Практика показала, что закон Шермана не препятствовал образованию монополистических объединений. В последующие десятилетия они создавались ещё более активно, хотя и под другой вывеской — «холдинг» (держательские компании). Правительство не обременяло суды расследованиями. Из семи попыток использования закона при администрации Гаррисона только одно судебное разбирательство деятельности небольшого пула торговцев углем в Теннесси увенчалось успехом [1, p. 103]. В 1897 г. Верховный суд пошел ещё дальше в защите интересов монополий — объявил незаконными не всякие ограничения торговли и коммерции, а только их «неразумные» проявления. Задача адвокатов сводилась теперь к обоснованию «разумного» характера действий монополистических объединений. Интерпретации Верховного Суда вытравили как дух, так и букву антимонополистического законодательства [2, p. 47].

Противостояние сторонников протекционизма и принципов свободной торговли, или же, как его называли сами американцы тогда, «tariff question», было ключевым пунктом преткновения для республиканцев и демократов во второй половине XIX в. в Америке. Если по некоторым другим социально-значимым проблемам, таким как иммиграция, главным образом — китайская, обе главные партии США в тот период имели одинаковую точку зрения (и республиканцы, и демократы требовали её ограничения или вовсе запрета). Или же мнения представителей двух главных американских партий совпадали лишь частично, как это было в вопросе о выпуске «дешёвых» денег. Когда и у республиканцев, и у демократов существовали фракции, как сторонников, так и противников биметаллического денежного стандарта, что вылилось в принятие «серебряного» закона сенатора Джона Шермана в 1890 г. Но таможенные ставки были чётким водоразделом между партиями бывшего президента — демократа Гровера Кливленда и на тот момент действующего — республиканца Бенджамина Гаррисона.

Демократы последовательно отстаивали идею свободной торговли (фритреда) и настойчиво требовали снижения таможенных пошлин для улучшения международной коммерции Соединённых Штатов с другими странами. Этот вопрос настолько их волновал, что они посвятили ему всю свою предвыборную платформу

для президентских выборов 1888 г. [16]. Представители «Великой старой партии» твёрдо стояли на позициях сохранения и ужесточения американского протекционизма, целью которого они видели защиту национальной промышленности и фермеров. Поэтому республиканцы, находившиеся у власти после Гражданской войны, проводили политику планомерного повышения таможенных пошлин на протяжении всего «Позолоченного века».

В 1889 г. Белый дом занял республиканец Бенджамин Гаррисон, и в обеих палатах законодательного органа США утвердилось республиканское большинство. Спор о тарифной политике поднялся с новой силой. После попытки демократов провести в Конгрессе предыдущего созыва законопроект о снижении тарифных ставок (билль Миллса), появление очередной протекционистской инициативы стало вопросом времени. Её автором стал республиканец из Огайо — Уильям Мак-Кинли Младший (будущий 25-й президент США), который был известен своими строгими протекционистскими взглядами. «Республиканец-протекционист всегда даёт первый шанс своим людям — утверждал Мак-Кинли — а потом накладывает пошлины на иностранную продукцию, чтобы своя выгодно отличалась от них» [11, р. 185].

16 апреля 1890 г. Уильям Мак-Кинли по поручению бюджетной комиссии Конгресса, в которой большинство составляли члены республиканской партии, представил свой законопроект в палате представителей под номером H. R. 9416 [12, р. 3443]. Он утверждал, что «система снижения ставок полностью провалилась в попытке дать удовлетворительный результат правительству или народу» [11, р. 185].

Демократ Роджер Миллс сравнивал политику республиканцев в вопросе таможенных пошлин для защиты американской промышленности с «Сизифовым трудом» [12, р. 4258]. Потому как их предложение предполагает обложение пошлинами даже тех товаров, которые не производятся в Соединённых Штатах. Сенатор от Индианы Дэниел Вурхис говорил, что «Великая старая партия» хочет отгородиться «Великой Китайской стеной» от импортёров: «Доктрина протекционизма просто превращается в Великую Китайскую стену запрета импорта» [Ibidem p. 7531].

По словам газеты «Fisherman & farmer» в Вашингтоне ни разу в истории не было такого наплыва бизнесменов, которые пришли выразить свою оппозицию биллю Мак-Кинли. «Все торговцы, импортёры и заводчики объединились против него и бюджетной комиссии Конгресса» [20, р. 4; 46, р. 2]. Билль Мак-Кинли делал продолжение их деятельности «практически невозможным» [47, р. 2]. Поскольку он вводил рекордно высокие таможенные пошлины на многие товары, демократы Бентон Мак-Миллин (Теннесси) и Джеймс Джонс (Арканзас) прямо называли его «самым радикальным из всех» [12, pp. 4839, 7841]. А Мэрион Биггс (Калифорния) посчитал, что вотируемый билль лучше озаглавить «Закон, разрешающий богатым грабить бедных» [Ibidem, p. 5105].

Ещё одним аргументом демократов против билля Мак-Кинли в глазах населения был тот факт, что согласно данному законопроекту из-под обложения пошлинами должны были выйти предметы роскоши, в то время, как на товары повседневного спроса тарифные ставки увеличивались, или же эти товары вообще изымались из списка беспошлинных. Подобные положения естественно вызвали недовольство населения, которое видело в Республиканской партии защитницу интересов финансовой элиты страны и «баронов-разбойников» [45, р. 1; 61, р. 3; 31, р. 2; 42, р. 2; 40, р. 4].

Вообще, позицию Демократической партии в вопросах о таможенных пошлинах и связанных с ними американских монополий, можно назвать тяготеющей к левому краю политического спектра, включая радикально-антимонополистическое фермерское движение популистов. Потому как демократы требовали обуздания крупного бизнеса, снижения таможенных пошлин и опирались на электоральную поддержку широких слоёв населения: фермеров Юга, Среднего и Дальнего Запада, эмигрантов, мелких лавочников и так далее. В то время как республиканцы к концу XIX в. превратились в консервативно настроенную партию, тесно связанную с финансово-промышленным капиталом Северо-востока страны.

В день голосования (21 мая 1890 г.) демократы требовали отправить билль Мак-Кинли на доработку в финансовый комитет палаты представителей. Но эта инициатива была отклонена. 140 депутатов нижней палаты проголосовали положительно (все демократы), 164 — «против» (все республиканцы), и 23 конгрессмена воздержались (16 демократов, 6 республиканцев и Льюис Фитерстон от рабочей партии из Арканзаса). Демарш фракции демократов в нижней палате провалился. Когда спикер зачитывал результаты голосования по данному вопросу, в зале раздались аплодисменты со стороны республиканцев [12, р. 5112]. Буквально сразу же после неудачной попытки Демократической партии задержать прохождение законопроекта, было объявлено об окончательном голосовании по биллю Мак-Кинли в палате представителей. Его результат: 164 голоса «за» (все — члены «Великой старой партии»), 142 «против» (141 демократ и Льюис Фитерстон от рабочей партии), и 21 конгрессмен воздержался от голосования (14 демократов и 7 республиканцев) [Ibidem pp. 5112–5113].

В сенате билль Мак-Кинли был представлен 7 июля 1890 г. [Ibidem p. 6975]. Дебаты по нему начались спустя 2 недели. Там, как и нижней палате, большинство составляли там республиканцы. Причём к концу работы 51-го Конгресса верхней палате их было в 1,5 раза больше, чем демократов. Одним из главных защитников системы американского протекционизма являлся сенатор из Род-Айленда Нельсон Олдрич — лидер республиканской фракции в сенате. Поэтому в исторической литературе тарифный закон 1890 г. называют ещё актом Мак-Кинли — Олдрича [5, р. 295].

Принято считать, что Республиканская партия незыблемо стояла на позициях защиты американского протекционизма, но к концу XIX в. даже среди её членов стала появляться оппозиция данному консервативному курсу. Сенатор-республиканец из Канзаса Престон Пламб во время обсуждения билля Мак-Кинли (4 августа 1890 г.) в верхней палате Конгресса внёс свои поправки, понижающие тарифные ставки законопроекта на определённые виды товаров на 5–10 процентов [12, pp. 8086, 8099]. Инициативу сенатора из Канзаса в прессе называли «Республиканским мятежом» [49, p. 4; 29, p. 2; 51, 2; 33, p. 2; 48, p. 2; 17, p. 2; 39, p. 4] против американского протекционизма. Канзасец уверял, что он «ни разу не слышал требований народа для билля по тарифам с увеличением ставок» [12, p. 8105]. Пламб поддержали соратники по партии: Джон Ингэллс (Канзас), Генри Тэллер (Колорадо), Чарльз Мэндерсон и Эджернон Пэддок (оба сенатора от Небраски) [34, p. 2]. Можно сказать, что сенаторы от штатов Среднего Запада, которые были не заинтересованы в увеличении тарифного обложения, образовали небольшую фракцию противников билля Мак-Кинли внутри сенатского большинства республиканской партии. Попытка Пламба внести поправки в законопроект провалилась. Республиканское большинство верхней палаты твёрдо придерживалось доктрины защиты национальной промышленности и сельского хозяйства.

Поправки сенатора из Канзаса не прошли голосование. Но они показали, что консервативная политика «Великой старой партии» в вопросе таможенных пошлин начинает себя исчерпывать и порождает оппозицию уже не только у демократов, но и в своих рядах, то есть в самой республиканской партии. Госсекретарь Джеймс Блейн тоже считал, что дальнейшее увеличение таможенных пошлин неразумно и вредит экономике страны.

Основные слушания по биллю Мак-Кинли в сенате продолжались с 7 июля до 10 сентября 1890 г. За это время сторонники и противники повышения таможенных пошлин кропотливо и постаетейно рассматривали положения принимаемого законопроекта. В ходе дебатов в сенате, как в палате представителей республиканцы и демократы приводили различные аргументы в защиту своих мнений относительно вопроса о тарифах. В основном их можно поделить на несколько групп. Это различные статистические выкладки по динамике цен на обсуждаемые товары, аргументы внешнеполитического характера (в Великобритании господствует доктрина фритреда, в то время как, например, в Германии — защиты своего производства) и отсылки к авторитетам (во время слушаний приводились цитаты американских «отцов-основателей» — Томаса Джефферсона, Александра Гамильтона).

Билль Мак-Кинли был принят в верхней палате американского парламента 10 сентября 1890 г. 40 голосов было отдано «за», 29 — «против» и 15 сенаторов воздержались (8 демократов и 7 республиканцев) [12, p. 9943]. Относительно партийной принадлежности тех, кто голосовал по-

ложительно или отрицательно всё было предельно ясно, как и в палате представителей. «За» билль Мак-Кинли проголосовали исключительно республиканцы, включая Престона Пламба и остальных, которые пытались привести понижающие тарифные ставки поправки в законопроект. «Против», соответственно, — демократы.

Северо-Восток Соединённых Штатов опять подтвердил свой статус вотчины «Великой старой партии». Из 18 сенаторов, представлявших этот регион в парламенте, только двое из Нью-Джерси являлись членами Демократической партии (Джон Мак-Ферсон — воздержался, и Руфус Блоджет — проголосовал «против»). Из оставшихся 16 республиканцев все проголосовали за билль Мак-Кинли, кроме воздержавшихся обоих сенаторов из Вермонта и Юджина Хэйла от штата Мэн.

Юг страны, находившийся под контролем Демократической партии, в верхней палате Конгресса 51-го созыва представляли, естественно, «ослы» (осёл — партийный символ Демократической партии, так же как слон — Республиканской) за исключением республиканца Энтони Хиггинса из Делавэра. Поэтому южане проявили партийную солидарность и проголосовали против принимаемого законопроекта. Но оба сенатора из Луизианы воздержались от голосования, а также по одному депутату от Миссисипи, Флориды, Джорджии и Южной Каролины.

Средний и Дальний Запад был представлен в сенате в основном членами Республиканской партии. Демократами являлись сенаторы от Индианы, Миссури, Северной Дакоты и по одному сенатору от Калифорнии (Джордж Хёрст) и Огайо (Генри Пэйн). Остальные штаты прислали в сенат деятелей «Великой старой партии», которые почти в полном составе проголосовали положительно, кроме четырёх воздержавшихся депутатов (Иллинойс, Северная Дакота, Калифорния, Орегон).

Попытки демократов провалить данный законопроект были априори обречены на неудачу, и сами демократы это понимали и признавали. Это отмечал сенатор из Кентукки Джон Карлайл: «За тридцать лет Демократическая партия ни разу не обладала полнотой законодательной власти» [53, p. 644]. Поскольку в обеих палатах 51-го Конгресса большинство составляли их политические противники, а действующий президент Гаррисон был убеждённым сторонником высоких таможенных пошлин, о чём он сам неоднократно заявлял. При этом Демократическая партия намеревалась добиваться пересмотра тарифной политики, «если 53-й Конгресс будет демократическим, и будет избран президент-демократ» [54, p. 132].

После промежуточных выборов в Конгресс 1890 г. демократы смогли завоевать себе большинство в палате представителей — 238 депутата из 332. Эти выборы показали, что консервативная политика «Великой старой партии» потерпела крах в глазах избирателей. Если в конце работы Конгресса 51-го созыва в нижней палате американского парламента заседало 175 республиканцев, то во время работы 52-го — 86. Такое катастрофическое падение доверия электората в западных штатах говорит

о том, что «тактические отступления» партии действующего президента не возымели действия. Запад требовал неограниченной чеканки серебра — республиканцы провели компромиссный билль Шермана. Запад требовал понижения таможенных пошлин и получил тариф Мак-Кинли с рекордными (в среднем 49,5%) на тот момент ставками. Запад требовал обуздания appetites крупного бизнеса и получил «беззубый» антитрестовский закон. Всё это позднее открыло дорогу в Белый Дом демократу Кливленду.

Чтобы не оказаться на обочине политического процесса республиканцам пришлось реагировать на запросы населения Западной и Южной части страны. По этой причине «Великая старая партия», державшая под контролем в первую половину президентства Бенджамина Гаррисона обе палаты американского парламента провела 2 закона Джона Шермана (антитрестовский и о денежном обращении), а также под предлогом защиты национального бизнеса протекционистский тариф Мак-Кинли.

Причиной такого «тактического отступления» послужило самое мощное в американской истории радикально-антимонополистическое фермерское движение популистов, которое охватило Юг и Запад США и к 1892 г. оформилось Народную партию. Популисты выступали с идеями, близкими к идеям Демократической партии (ограничение монополий, биметаллизм), и это предопределило их последующую смычку во второй половине 90-х гг. XIX в.

Но эти попытки республиканцев пойти на уступки населению, в первую очередь западных штатов, оказались провальными по причине своей половинчатости и декларативности. Демократ Гровер Кливленд, вернувшись в Белый дом в 1893 г., отменил «серебряный» закон Шермана и тариф Мак-Кинли. Антитрестовский закон ещё долго оставался фактически неработающей правовой нормой. Только в руках Теодора Рузвельта и особенно его преемника — Уильяма Тафта антимонопольный закон Шермана превратился в реальный инструмент государственного контроля над рынком.

Литература:

1. Байбакова, Л. В. Двухпартийная система США в период «позолоченного века» (последняя четверть XIX в.) — М.: Изд-во МГУ, 1996
2. История США в 4 томах под ред. Н. Н. Болховитинова. т. II 1877—1918. М.: изд-во «Наука», 1985
3. История США. Хрестоматия: пособие для вузов / сост. Э. А. Иванян. — 2-е изд., стереотип. — М.: Дрофа, 2007
4. Очерки новой и новейшей истории США. В 2-х т. [Под ред. Г. Н. Севостьянова (отв. ред.) и др.] Т. I. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960
5. Согрин, В. В. Исторический опыт США / В. В. Согрин; Ин-т всеобщ. истории РАН. — М.: Наука, 2010
6. Alexandria gazette., August 30, 1889
7. Arizona weekly citizen., June 14, 1890
8. Barton County democrat., October 11, 1888
9. Barton County democrat., April 24, 1890
10. Beard Ch.O., Beard M. R. History of the United States. E-BooksDirectory.com 2008
11. Both sides of the tariff question, by the world's leading men. With portraits and biographical notices. A. Peniston, NY. 1890
12. Congressional Record. v. XXI Washington: Government Printing Office. 1889
13. Congressional Record. v. XXIV Washington: Government Printing Office. 1893
14. Democratic campaign book; congressional election, 1890. Washington, D. C., Ramsey & Bisbee, printers, 1890
15. Democratic Party Platform of 1884 [Электронный ресурс] URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29583> (дата обращения: 30.10.2014 г.)
16. Democratic Party Platform of 1888 [Электронный ресурс] URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29584> (дата обращения: 30.10.2014 г.)
17. Dodge City times., August 15, 1890
18. Evening star., November 21, 1891
19. Extracts from the Congressional record 1854—1904 Allied printing trades council, Philadelphia. 1904
20. Fisherman & farmer., April 25, 1890
21. Fort Worth daily gazette., March 28, 1890
22. Index to the Congressional record. Fifty-First Congress, First session. Washington: Government Printing Office. 1889
23. Index to the Congressional record. Fifty-First Congress, Second session. Washington: Government Printing Office. 1891
24. Index to the Congressional record. Fifty-Second Congress, First session. Washington: Government Printing Office. 1892
25. Index to the Congressional record. Fifty-Second Congress, Second session. Washington: Government Printing Office. 1893
26. John Sherman's recollections of forty years in the House, Senate and Cabinet: an autobiography. Vol.2. Chicago: Werner company. 1895
27. Los Angeles herald., June 6, 1890

28. Los Angeles herald., July 13, 1890
29. Mohave County miner., August 16, 1890
30. National Republican., January 8, 1887
31. Omaha daily bee., October 29, 1890
32. Republican Party Platform of 1888 [Электронный ресурс] URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29627> (дата обращения: 30.10.2014 г.)
33. Richmond dispatch., August 7, 1890
34. Rock Island daily Argus., August 14, 1890
35. Rosenfeld Susan. Encyclopedia of American Historical Documents. Facts on File, 2004
36. Southern standard., March 29,
37. St. Paul daily globe., April 8, 1888
38. St. Paul daily globe., October 5, 1888
39. St. Paul daily globe., August 11, 1890
40. St. Paul daily globe., September 17, 1890
41. The advocate., July 16, 1890
42. The advocate., August 13, 1890
43. The daily morning Astorian., January 25, 1887
44. The Dallas daily herald., February 16, 1887
45. The evening bulletin., October 1, 1888
46. The evening bulletin., April 9, 1890
47. The evening bulletin., May 23, 1890
48. The Evening world., August 6, 1890
49. The Globe-republican., August 13, 1890
50. The Helena independent., July 19, 1890
51. The Intelligencer., August 9, 1890
52. The Louisiana Democrat., April 30, 1890
53. The North American Review, December 1890
54. The North American Review, February 1892
55. The North American Review, July 1893
56. The Ohio Democrat., October 27, 1888
57. The Ottawa free trader., June 28, 1890
58. The Salt Lake herald., June 10, 1890
59. The Salt Lake herald., July 6, 1890
60. The Sherman Antitrust Act (1890). [Электронный ресурс] URL: <http://www.stolaf.edu/people/becker/antitrust/statutes/sherman.html> (Дата обращения: 30.10.2014 г.)
61. The watchman and southron., April 17, 1889
62. The Wichita daily eagle., April 9, 1890
63. Waco evening news., April 18, 1889

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Resources for the History of Khiva (half of the 19th century beginning of the 20th century)

Абдулбокиев Фахриддин Авазбекович, студент
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Fakhriddin Abdulboqiyev
Namangan State University

It was many public-political events in the second half of the 19th century — beginning of the 20th century. That's why, many researches always paid great attention to the History of Khiva. The literatures which about the History of the second half of the 19th century — beginning of the 20th century are divided the following groups: 1. Literatures which created in the period of domination of Russia. 2. Literatures of the period of Soviet. 3. Investigations of the period of Independence.

These literatures differ not only periodical, maybe re-sourced, scientific, theoretical and ideal from each other.

The literatures which were created in the period of domination of Russian empery is divided the following groups: 1. Stories of the local authors. 2. Stories which was created by Russian soldiers and dominators.

The one of the famous best story of local author Mukhammad Yusuf Bayoniy's «Shajarali Khorazm Shokhohiy, they used the first recourse of many searchers,

In Bayoniy's story in Khiva it was expressed the historical events in a fluently, simple language in 1873–1914.

It was described brutally to the local people and invading by the troops of the Khan (Kingdom) in the story «Shajarai Xorazmshohiy».

Khiva's Khan Said Mukhammad II Rakhimkhan's brother Said Khamid Tura Komyob's story gives an events which occurs in the period of Khiva Khans, then the political events which were occurred eve of the Russian conquest in the Khans of Khiva.

During narration of the events of invading by the Russian troops in the Komyob Khiva Khan the author said the colonel didn't fight the War and he accused of the colonel's action.

Until 1917 there wasn't any critical idea about conquering Russia's colonizing and invading the troops of the Empire of the Khan (Kingdom) of Khiva in many stories and articles written by the Russian officers and governors.

Unfortunately, it's paid attention to the violence and heroism of conquering of the Khan of Khiva of the Russian troops and it's shown that Khan's becoming poor state is very important for Russia. Here are some stories: L. Kostenko [1],

G. Sirovatskiy [2], N. I. Grodekov [3], V. Trotskiy [4], F. Lobse-vich [5], O. SHkapskiy [6], V. Girshfeld [7], M. YU. Terentev [8], A. Semenova [9], V. Lobachevskiy [10], A. P. Xoroshxin [11], Maslov [12], X. Gelman [13] other stories and articles.

These authors defined the policy of colonizing which consists of violence of Russia proudly, they tried to legal dominating in the Khan of Khiva in the Central Asia.

In this period many Russian orientalist scientists also made scientific-investigating researches on the History of Khiva.

They are A. L. Kun [14], N. Veselovskiy [15], E. Jelyabujskiy [16], A. Divaev [17], V. V. Bartold [18]. It was created several stories about economic, cultural, political and public life of the Khan of Khiva by them.

Including, orientalist scientist A. L. Kun took part in the attack of Russian troops to the Khan of Khiva and announced several articles on the basis of impression.

He gave the wide information about number of the people who lives in the Khan, their life, main drill and economy, A. L. Kun described in his article during the attack confiscation the Palace the Khan of Kiva by Russian troops and gave the schedule of confiscation of financial and spiritual wealth which carried out of here.

One of the biggest lack in the Literature of the Soviet period is defeating the Khan of Khiva by Russia called «adding» and it is called positively.

This idea was said as main idea in the following author's investigations: M. Mamajanov [19], N. A. Xalfin [20], T. G. To'xtametov [21], A. S. Sodiqov [22], I. V. Pogorelskiy [23], S. Rajabov [24].

For example: M. Mamajanov considers adding the Khan of Khiva to Russia except slight of local people's right and installing the system of no merciful colony of Russia in Khan of Khiva.

He writes «Seizing the Khan of Khiva to Russia is not casual, maybe the historian situation was occurred like that» [25]. It was peculiar to other stories in the period of Soviet marking to conquering the Khan of Khiva by Russia,

For example, story of T.G. To'xtametov which was devoted to learning of links between Russia and Khan. In this story political and economic problems were solved.

We say that the author gave the stress for a result colony of Russia to the Khan of Khiva.

Also, faked problems of installing the Soviet State and influence to October Revolution.

N.A. Xal'fin is an author of several scientific on communicational history of the Middle Asia.

He marked seizing the Middle Asia by Russia as a positive event (He writes «Seizing»). Also, the people of Middle Asia said their people seized to Russia [26].

O. Sodiqov's story was devoted to relations Russia and Khiva [27]. In this story it was given information of rich archive and literature, it was also learnt the status agriculture, crafts and industry in the end of the 19th century and in the beginning of the 20th century. It was analyzed Russian culture influenced to Khiva's culture. In the book it was paid attention to express the status of becoming of action of under National Freedom of Russian Revolution in 1905–1907.

In this book it was positively marked turning over the Khan of Khiva and influencing October Revolution to the Khan. T. To'xtametov criticized their idea, said in 1916th events «It was a struggle for the authority absolutely between two feudal group» [28].

Kh.Khamdamov also characterizes under the basis of Youth Khiva people «They were nationalist who appearing with a purpose defending advantages of Bourgeoisie».

It is considered «Nationalists' disturbed organizational preparation of the Revolution as falling over in Khiva», the author tried to finish his idea the following:

For example, the young Khiva people's committee who is from Petro-Alexandrovs invites to turn out of the Party who is not the citizen of all Khiva people.

The Tatars and Russians who live there were to turn out of the Party. This was nationalistic act [29].

It was shown that the Literatures in the Soviet period in 1920 the problem of turning over of the Khan of Khiva.

These events were marked «The people's Revolution», the Red army's troops' attack «Helping to the Khiva's people who revolted» [30].

It was not shown mixed internal affairs of the Khan of Khiva and violence to local people during the attack of Soviet troops' to the Khan of Khiva specially. For example, M.A. Abdullaev writes «The people's revolution fulfilled in the result of the Great October Social Revolution and it was its logical continue» [31]. Meanwhile, this event was artificial export of Russian revolution to Khiva. After the Republic of Uzbekistan obtaining an independence, as all historical events the history of the Khan of Khiva also is started to learn with great attention. The following investigators' stories are devoted the events which was occurred the second half of the 19th century and beginning of the 20th century: M. Matkarimov [32], B. Koshanov [33], K. Xudoyberganov [34], S. Xasanov [35], R. Rajabova [36], A. Abdurasulov [37], X. Ziyoev [38], Q. Rajabov [39], R. Nurullin [40], I. Alimov [41], D. Ziyaeva [42]

For example, describing the events of seizing the Khan of Khiva by Russia Kh.Ziyoev's scientific investigations paid great attention that time. Kh.Ziyoev points in the story «Struggle against Russian attack in Turkistan» establishing the power in the Emir of Bukhara and the Khan of Kakand and the history of seizing the Khan of Khiva. The author registered that the rights of the dependent Emir of Bukhara limited more than the right of the Khan of Khiva especially [43].

D. Ziyaeva's educational manual which was devoted to the history of depending of the Emir of Bukhara and the Khan of Khiva to Russia was described the system of management of the State of the Khan and taking the place colonized government [44].

In the period of Independence the cultural life also is investigated with new information in the Khan of Khiva.

For example, S. Khasanova's «The world mirror of enlightenment of Khorezm» story's 4th chapter was given interesting information about poet, historian and educators who lived in half of the 19th century beginning of the 20th century, they are Said Mukhammad Raximkhon — Feruz, Komil Khorazmiy, Mukhammad Rasul Mirzo, Axmadjon Tabibiy, Avaz Utar o'g'li, Abdurazzoq Faqiriy va Mukhammad Yusuf Bayoniy [45].

In Independence years several articles about the historical events were announced in the Khan of Khiva by historian scientists in half of the 19th century and beginning of the 20th century. In this case, we'll give the following scientists' articles: J. Toshqulov [46], G. Nikitenko [47], SH.Voxidov [48], K. Sariboev [49], Q. Rajabov [50], A.YAzberdiev [51], SH.Bekchonov [52], N. Polvonov [53] and others.

For example, it's described in the 20th century in the Khan of Khiva the Turkmens leader Kurban Mamed Sardor Junaidkhan's (1857–1938) struggle against Bolsheviks's government Q. Rajabov's article «Junaidkhan and independent action in Khorezm».

K. Rajabov criticized Junaidkhan is a leader of the Action of National Independence in the Soviet period. The author's opinion, Junaidkhan has shown his ability to manage the tribe with himself.

For example investigator S. Saburova's article was described the problems of paying the salary the servants who works in the Palace, ranks and position, administrative-local structure and the system of the management of the Khan [54].

But, the author removed the problem of the Khan of Khiva being dependent in this period and its results.

In the first book of new history of Uzbekistan it was given new information about events of seizing the Khan of Khiva by Russia [55]. In this story it was not paid attention to the policy of Russian colonizing, public-political, economic status in dependent period of the Khan of Khiva.

In the second book of new history of Uzbekistan it was described political struggles in 1917–1920, mixing internal affairs in the Khan, turning over the Khan's government by the Red Army, setting up the Soviet Government [56].

The theme's analysis shows that the period of the former Soviet system faked and it was given false information about

public-political actions, and historical events in half of the 19th century the second half of 20th century,

It is shown to approach to describe as new as and checking the problems of learning little the analysis theme on this story.

References:

1. Костенко. Город Хива в 1873 году. — Спб., 1874. — 340 с.
2. Сироватский Г. Заметки о Хивинском ханстве // Туркестанский сборник. — 1874. Т. 87. с. 187.
3. Гродеков Н. И. Хивинский поход 1873 года. — Спб., 1883. — 65 с.
4. Троцкий В. Пребывание русских войск в Хивинском ханстве в 1873 годы и возвращение их. Материалы для описания Хивинского похода 1873 года составленные под редакцией Генерального Штаба генерал-лейтенанта В. И. Троцкого. — Т., 1883. — 149 с.
5. Лобысевич Ф. Описание Хивинского похода. 1873 г. — Спб., 1898. — 277 с.; Шу муаллиф. Взятие Хивы и Хивинская экспедиция. 1973 г. // Туркестанский сборник. Т. 70. — с. 271.
6. Шкапский О. Амударинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье. Землевладение в Шураханском участке Аму-Дарьинского отдела. — Т., 1900. — 283 с.
7. Гиршфельд В., Галкин И. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. — Т., 1902—1903. — 214 с.
8. Терентьев М. История завоевания Средней Азии. — Спб., 1906. Т. I—III. — 496 с.
9. Семенова А. Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К. П. фон Кауфман 1-й // Кауфманский сборник. — М., 1910. с. 3—28.
10. Лобачевский В. Хивинский район. — Т.: Изд-во. ТуркВО, 1912. — 117 с.
11. Хорошхин А. П. Воспоминание о Хиве // Туркестанский сборник. Т. 67. — с. 179.
12. Маслов. Поход в степь. Из записки о Хивинском походе // Туркестанский сборник. Т. 196. — с. 7—23.
13. Гельман Х. От Красноводска до Хивы // Туркестанский сборник. Т. 331, — С. 348.
14. Кун А. Л. Научная работа во время Хивинского похода. Культурный оазис Хивинского ханства // Туркестанский сборник. Т. 83. С. 5—66.
15. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. — Спб., 1877. — 364 с.
16. Желябужский Е. Очерки завоевания Хивы. — М., 1875. — 138 с.
17. Диваев А. Наследник хана Хивинского Сеид Асфандияр Тюра в С. — Петербурге в 1900 году // Туркестанский сборник Т. 440. с. 98.
18. Бартольд В. В. События перед Хивинском походом 1873 года по рассказу Хивинского историка // Кауфманский сборник. — М., 1910. с. 19.
19. Мамаджанов М. Некоторые изменения в социально-экономической жизни народов Хивинского ханства в период с 1873 по 1920 г. // Научные записки Ташкентского финансово-экономического института. Вып. 10. — Т., 1958. с. 45—54.
20. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. 60—90-е годы XIX в. — М.: Наука, 1965. — 468 с.
21. Тухтаметов Т. Г. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. — М.: Наука, 1969. — 140 с.
22. Садыков А. С. Экономические последствия установления протектората России над Хивинским ханством.: Дис. ... канд. истор. наук. — М., 1954; Шу муаллиф. Россия и Хива в конце XIX начале XX века. — Т.: Фан. 1972. — 208 с.
23. Погорельский И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX в.в. (1873—1917 гг.). — Л.: изд-во ЛГУ, 1984. — 227 с.
24. Ражабов С. Урта Осиёнинг Россияга кушиб олинишининг прогрессив ахамияти. — Т.: Кизил Ўзбекистон, 1984. — 38 б.
25. Мамаджанов М. Некоторые изменения в социально-экономической жизни народов Хивинского ханства в период с 1873—1920 гг. // Научные записки Ташкентского финансово-экономического института. Вып. 10. — Т., 1958. с. 49.
26. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. 60—90-е годы XIX в. — М.: Наука, 1965. — 468 с.
27. Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX начале XX века. — Т.: Фан, 1972. — 208 с.
28. Тухтаметов Т. Г. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. — М.: Наука, 1969. — 92 с.
29. Хамдамов Х. Хива хонлигининг агдарилиши ва Хоразм Совет Халқ Республикасининг тўзилиши. Т.: Ўздавнашр, 1960. — 180 б.
30. Абдуллаев М. А. Победа народной советской революции в Хиве // 50 лет Хорезмской Народной советской революции // Материалы объединенной научной сессии Хива. — г. Ургенч. 3—4 декабря 1970. Т.: Фан, 1972. с. 30—34; Нарметов С. Разгром контрреволюции в Хорезме (1918 г.г.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — М., 1970. — 26 с.

31. Абдуллаев М. А. Победа народной советской революции в Хиве // 50 лет Хорезмской народной советской революции. Материалы объединенной научной сессии Хива. — г. Ургенч. 3–4 декабря 1970. — Т.: Фан, 1972. с. 30–34.
32. Маткаримов М. Хоразм Халқ Совет Республикаси; давлат тўзилиши, нозирлари ва иктисоди. — Урганч: Хоразм. — М., 1993. — 78 б.
33. Кошанов Б. Право на вторжение. — Нукус: Каракалпакистан, 1993—80 с.; Кошанов Б. Сейтназаров М. Революция? Вторжение? События в Хивинском ханстве (1919–1920 гг.). — Нукус: Билим, 1997. — 37 с.
34. Худойбергганов К. Хива хонлари шажараси. — Урганч: Хоразм, 1996. — 102 б.
35. Хасанов С. Хоразм маърифати олами кўзгуси. — Т.: Укитувчи, 1996. — 304 б.
36. Ражабова Р. Суронли замонлар // Хива — минг гумбаз шахри. — Т.: Шарк, 1997. Б. 45–52
37. Абдурасулов А. Хива. — Т.: Ўзбекистон, 1997. — 144 б.
38. Зиёев Х. Туркистонда Россия тажовўзи ва ҳукумронлигига қарши кураш — Т.: Шарк, 1998. — 476 б.
39. Ражабов Қ. Бухоро ва Хоразм республикаларида курулли муҳолифат кураши // Ўзбекистон совет мустамлакачилик даврида. Ўзбекистоннинг янги тарихи 2-жилд. — Т., 2000. Б. 249–270; Ражабов Қ, Каримов Р, Хоразмда миллий демократик ҳаракат ва Хива хонлигининг ағдарилиши. Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йилар). 10-синф учун дарслик. / Маъсул муҳаррир Д. А. Алимова. — Т.: Шарк, 2000. Б. 37–43; Шу муаллиф. Жунаидхон // Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. — Т., 2002. 3-том. — 639 б.; Шу муаллиф. Ёш хивалиқлар // Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. — Т., 2002. 3-том. Б. 498.
40. Нуруллин Р. Хива хонлиги ва Бухоро амирлигининг кизил армия томонидан тугатилиши. ХХСР ва БХСР нинг ташиқ топиши // Ўзбекистоннинг янги тарихи. 2-жилд. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида. — Т.: Шарк, 2000. Б. 113–132.
41. Алимов И. Ликвидация Хивинского ханства и образование Хорезмской Народной Советской Республики // Туркестан в начале XX века к истории истоков национальной независимости. — Т.: Шарк, 2000. с. 297–310; Шу муаллиф. Хозяйственная жизнь Бухарского и Хивинского государств в 1917–1920 гг. // Туркестан в начале XX века к истории истоков национальной независимости. — Т.: Шарк, 2000. с. 335–362.
42. Зиёева Д. Бухоро амирлиги ва Хива хонлиги Россия протекторати остида (XIX аср охири — XX аср бошларида). — Т., 2003. — 49 б.
43. Зиёев Х. Туркистонда Россия тажовўзи ва ҳукмронлигига қарши кураш — Т.: Шарк, 1998. — 476 б.
44. Зияева Д. Бухоро амирлиги ва Хива хонлиги Россия протекторати остида (XIX аср охири — XX аср бошида). — Т., 2003. — 49 б.
45. Ҳасанов С. Хоразм маърифати — олам кўзгуси. — Т.: Укитувчи, 1996. — 304 б.
46. Тошқулов Ж. Ёш Хивалиқлар: сиёсий қарашларининг тадрижий ривожланиши // Халқ ва демократия. — 1992. — № 3–4. Б. 55–61.
47. Никитенко Г. Хива под протекторатом Российской империи // Общественные науки в Ўзбекистане. — 1997. — № 7. с. 30–41.
48. Вохидов Ш., Сабурова С. Хива хонлигида унвон, мансаблар, амаллар ва уларнинг вазифалари (XIX аср охири XX аср бошлари) // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. — 1998. — № 3. Б. 39–46.
49. Сарибоев Қ. Чор Россияси истибдодига қарши олиб борилан миллий озодлик курашида Хива шахри ва Қорақалпоғистоннинг урни ва роли (1870–1917 йилар). Ўша жойда. Б. 272–173.
50. Ражабов Қ. Хоразмда истиқлол ҳаракати ва Жунаидхон // Жамят ва бошқарув. — 2000. — № 1. Б. 36–43.
51. Язбердиев А. Самойлович о дореволюционных хивинских книгохранилищах и книгопечатании // Общественные науки в Ўзбекистане. — 1998. — № 1. Б. 83–85.
52. Бекчонов Ш. Хива кўзголини // Фан ва турмуш. — 2000. — № 3. Б. 11.
53. Полвонов Н. Ёш хивалиқлар // Қонун ҳимоясида. — 2002. — № 11. Б. 21–23.
54. Сабурова С. XIX аср ва XX аср бошларида Хива хонлигининг давлат тизими.: Тарих фан. номз. ... дис. — Т., 2002. — 207 в.
55. Ўзбекистоннинг янги тарихи. Биринчи китоб. Туркистон Чор Россияси мустамлакачилиги даврида. / Тўзувчилар Содиқов Қ., Шамсутдинов Р., Равшанов П., Усмонов Қ. — Т.: Шарк, 2000. — 464 б.
56. Ўзбекистоннинг янги тарихи. Иккинчи китоб. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида. — Т.: Шарк, 2000.

Политическая борьба и русская артиллерия в послепетровской России

Амочаев Павел Александрович, преподаватель

Колледж государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова (г. Санкт-Петербург)

Статья представляет собой попытку всестороннего анализа степени влияния политической нестабильности в русском государстве, второй четверти XVIII века, на процесс развития отечественной артиллерии.

Ключевые слова: Русская армия, артиллерия, Миних, Гинтер, генерал-фельдцейхмейстер.

Династический кризис, разразившийся в России после скоропостижной кончины императора Петра Великого, поверг страну в пучину политической нестабильности, получившей в отечественной историографии наименование «безвременья». Атмосфера подковёрной борьбы и частых дворцовых переворотов по-разному отразилась на различных сферах общественной жизни и на деятельности государственных структур. Неоднозначным оказалось и её влияние на вооружённые силы империи. Так, например, кавалерия продолжала расти и развиваться. Её количественный состав возрос за счёт новых полков ландмилиции и гусар, а качественный рост наметился с появлением элитных частей в виде кирасир и конногвардейцев. Хотя эти части были ещё весьма малочисленны, и лошадей для них приходилось закупать за границей, но начало было положено, и по всей России закладывались новые конные заводы. В артиллерии же, напротив, наметился некоторый упадок. Вот как оценивал состояние русской артиллерии данного периода Прочко: «Русская артиллерия в послепетровскую эпоху переживала период временного застоя в своём развитии. Затормозился несколько технический прогресс в артиллерии. Боевое применение артиллерии также было не на должной высоте» [12, с. 100]. Другие военные историки характеризовали состояние русской артиллерии в эту эпоху ещё более трагично.

Дореволюционную историографию вопроса можно разделить на три направления: одни, подобно Д. Ф. Масловскому [8], А. З. Мышлаевскому [10] или Н. П. Михневичу [9], склонны были объяснять упадок артиллерии усилением роли иностранцев. Другие пытались найти объяснение в технической отсталости России, к таким историкам можно отнести Г. А. Леера [6], П. А. Гейсман [4] и А. К. Пузыревского [13]. Менее категоричными в своих оценках оказались такие историки как А. К. Байов [2] и М. Д. Хмыров [19], которые указывали на целый комплекс факторов оказавших влияние на развитие русской артиллерии, от политических передраг, до низкого уровня развития промышленности.

Если дореволюционные историки уделяли больше внимания военному аспекту данного вопроса, то советские — заострили своё внимание на экономическом факторе. Ярчайшими представителями данного направления были С. Г. Струмилин [16], Б. Б. Кафенгауз [5], Н. Н. Рубцов [15] и Н. И. Павленко [11]. Однако, влиянию внутривластных неурядиц уделялось явно мало

внимания. Политическая карьера некоторых начальников русской артиллерии рассматривалась обособленно от их военной деятельности, что существенно искажало истинную картину изменений происходивших в русской артиллерии и не позволяло дать им объективную оценку. Настоящая работа призвана выявить, в какой степени русская артиллерия послепетровского периода зависела от успехов и неудач её руководителей в политической сфере.

Не секрет, что, наряду с флотом, артиллерия являлась любимым детищем Петра I. На это указывает целый ряд фактов. Артиллерия укомплектовывалась более высокопрофессиональными кадрами, чем остальная армия. Артиллерийским офицерам, кроме того, запрещено было переходить в другие рода войск. В «Табели о рангах» артиллерийские офицеры стояли классом выше прочих (даже флотских). Главный орган управления артиллерий — канцелярия Главной артиллерии — была приравнена к коллегии. Она подчинялась только Военной Коллегии [23]. Наконец, во главе артиллерии Пётр I всегда ставил самых высококвалифицированных и влиятельных сановников. В начале его царствования Пушкинский приказ находился под руководством первого русского генералиссимуса С. А. Шеина, а после его смерти царь сам возглавлял артиллерию, некоторое время, пока не решился поставить во главе нового Приказа артиллерии имеретинского царевича, специально обучавшегося этому делу в Гааге. Наконец, после смерти царевича в шведском плену, чин генерал-фельдцейхмейстера получил Я. В. Брюс — самый образованный, по мнению многих, человек в России того времени. Всё это говорит о том, что артиллерия при Петре I находилась в исключительном положении, которое серьёзно изменилось после смерти императора.

Необходимо отметить, что некоторый застой в русской артиллерии наметился ещё при жизни Петра I. Как отмечает В. Ф. Ратч, после окончания Северной войны Брюс не предпринял никаких шагов, чтобы закрепить успехи, достигнутые русской артиллерией за военные годы [14, с. 127]. Правда, сам Ратч не возлагает ответственность за данное упущение на Брюса, аргументируя это тем, что подобных шагов не предпринималось ни в одной из европейских стран. Однако далее Брюс ведёт себя ещё более пассивно. Сразу после коронации Петром I своей супруги, в мае 1724 года, Брюс заболел: «... после этого торжества, граф Брюс, быть может, заболевший или чем-нибудь рас-

строенный, заперся в четырёх стенах и не занимался даже службою...» [18, с. 262]. Подчинённым он приказал обращаться со своими отчётами в канцелярию и не беспокоить его лично, но как только стало известно, что царь при смерти, Брюс «выздоровел» и принял живейшее участие в решении дальнейшей судьбы государства, а затем обеспечил погребальную церемонию своего друга и благодетеля.

Брюс очень активно работает над подготовкой к похоронам императора, план церемонии занял 66 листов, причём Яков Виллимович лично контролирует все работы по подготовке церемониального шествия [17, с. 167]. После завершения печальных торжеств, Брюс снова отходит от дел и впадает в апатию: «... утомился ли заслуженный генерал-фельдцейхмейстер трудами предшествовавшими, просто ли устарел он, или отвлёкся в какую-нибудь другую специальность из многих ему доступных, артиллерийская деятельность его, с воцарением Екатерины I, почти пресеклась» [18, с. 266]. Действительно, за весь 1725 год Брюс подготовил всего два указа касающихся артиллерийской части, и те носили второстепенный характер [17, с. 167], но не похоже, чтобы он «отвлёкся в какую-нибудь другую специальность», так как от руководства Мануфактур-коллегией он был отстранён ещё в 1722 году, а в Берг-коллегии в 1725 году его деятельность заметна ещё меньше, чем в артиллерии [17, с. 167]. Наконец, в 1726 году Брюс и вовсе подаёт прошение об отставке, которую и получает 6 июля того же года. Утомился ли он? Научная деятельность, которую он развил в своём имении в Глинках, говорит об обратном — этот человек был ещё полон сил и энергии.

Как бы то ни было, но с уходом Брюса закончилась эпоха Петра I в русской артиллерии. Но, ещё больше вопросов вызывает тот факт, что перед тем как уйти в отставку, Брюс вытребовал у императрицы жалованную грамоту с подтверждением его заслуг [17, с. 169]. Дело в том, что до этого момента таких грамот в России ещё никто не просил. Разные историки находят различные объяснения такому поведению Брюса. Некоторые считают, что Брюс был обижен тем, что его не ввели в состав Верховного Тайного Совета [20, с. 219]. Однако, Е. В. Анисимов убедительно доказал, что процесс создания Совета полностью контролировался А. Д. Меншиковым [1, с. 88] и, следовательно, Брюсу, всегда пользовавшемуся полным доверием светлейшего, достаточно было просто навестить Александра Даниловича, как это и сделали А. И. Остерман или Д. М. Голицын, чтобы решить этот вопрос.

Гораздо ближе к истине, как нам кажется, предположение А. Н. Филимона о том, что «Яков Брюс не мог рассчитывать на дальнейшее расположение к нему членов Верховного Тайного Совета и поэтому решил заручиться документом — поддержкой самой императрицы» [17, с. 169]. Брюс испугался! Этот боевой генерал, не раз слышавший свист пуль над своей головой, испугался опалы,

а как легко можно превратиться из почтенного сановника в простого ссыльного он прекрасно помнил по делам Шафирова и Толстого. Чего именно больше боялся Брюс: того, что Меншиков может положить глаз на артиллерию, как он уже прибрал к рукам Военную Коллегию, отправив Репнина в Ригу, или Брюс уже тогда предвидел падение «Российского Голиафа»? Как бы то ни было, но Брюс, готов был служить России, когда она нуждалась в его трудах и таланте, но не желал принимать участие в придворной борьбе. Однако, в лице Брюса русская артиллерия потеряла не только талантливого руководителя, но и своего представителя в политической элите страны и последствия не заставили себя ждать.

Как и следовало ожидать, Брюса сменил Иван Яковлевич Гинтер. Этот человек прошёл с русской армией всю войну и неоднократно заменял Брюса на посту главы артиллерии, во время частых отлучек последнего для выполнения разнообразных царских поручений. Кроме того, Гинтер был очень удобен: он был превосходным профессионалом, но при этом совершенно не интересовался политикой. В качестве доказательства отсутствия у Гинтера какого-либо политического веса Хмыров приводит один эпизод, когда 28 июня 1727 года Гинтер, уже глава всей русской артиллерии, пытался ввести одного из своих секретарей ассессором в Военную Коллегию, однако все его прошения так и остались без ответа [19, с. 326]. Это было отнюдь не единственным проявлением неуважения по отношению к Гинтеру со стороны политической верхушки империи. Придворные начинают растаскивать ведомство Гинтера. В мае 1727 года из подчинения Гинтера выводятся инженерные войска, во главе которых отныне должен встать Б. Х. Миних [21]. Конечно, Миних лучше разбирался в фортификации, и можно было бы счесть, что выделение инженеров в отдельный род войск — это всего лишь новый шаг в развитии отечественных вооружённых сил, но, как увидим позже, после смерти Гинтера, Миних принял руководство и над артиллерией, и оба эти ведомства снова были объединены [23]. А затем, вся эта история повторится и с самим Минихом, когда, почувствовав в нём угрозу своему всевластию, Бирон отнимет у него управление артиллерией, на этот раз, отдав её принцу Гессен-Гомбургскому, который в точности повторит карьеру своего предшественника, став вскоре и президентом Военной Коллегии.

Будучи отличным служакой, Гинтер прекрасно понимал всю важность поддержания инженерного корпуса в боеготовом состоянии, поэтому укомплектовывал его лучшими своими подчинёнными. Теперь же он был поставлен перед необходимостью лишиться своих лучших кадров. Не желая терять людей, Гинтер срочно переводит нескольких офицеров из инженерного корпуса обратно в артиллерию, что вызвало бурю протестов со стороны Миниха, который потребовал от Военной Коллегии отменить приказ Гинтера [19, с. 311]. Однако конфликт уже вышел за коллежские стены: инженерная школа была

лишена помещения, ранее предоставленного ей канцелярией артиллерии, а несколько инженерных офицеров были изгнаны из своих квартир, под предлогом того, что эти квартиры расположены на территории Пушкарской слободы. Дело дошло бы до рукоприкладства между офицерами, ещё вчера бывшими собратями по оружию, если бы Миних лично не призвал своих новых подчинённых отказаться от силового способа решения разногласий [19, с. 314].

Следующим шагом была передача всех крепостей вместе с их артиллерией в ведение губернаторов. Конечно, губернаторам и воеводам на местах было проще следить за содержанием крепостей, но вряд ли они могли обеспечить должный контроль за состоянием крепостной артиллерии. Наконец, полковую артиллерию командиры полков всегда считали частью своей вотчины и не признавали над собой власти артиллерийского начальства, в результате, в декабре 1727 года Гинтер приказал всем полкам сдать свои орудия в арсеналы Главной артиллерии [19, с. 316]. Таким образом, к 1728 году, когда Гинтер, наконец, получил чин генерал-фельдцейхмейстера, в его подчинении фактически остались лишь осадные парки и его любимое детище — артиллерийский полк.

Может сложиться впечатление, что Гинтер был просто растяпой, случайно оказавшимся во главе русской артиллерии. Но, это не так. Ему, наконец, удалось закончить дело, начатое Петром I: в феврале 1728 года он выхлопотал в Верховном Тайном Совете указ об отправке генерал-майора Виттвера в Брянск, для устройства там третьего осадного парка [19, с. 318]. Кроме того, он добился, чтобы мундирные и амуничные вещи в артиллерии содержались по табели 1720 года, а не по более экономичной 1712. Гинтер занимался реформой обмундирования артиллеристов, отливкой новых орудий и усовершенствованием лафетов [19, с. 318]. Вот как оценивал этого человека испанский посол при русском дворе герцог де Лирия: «Генерал Гинтер дело своё знал очень хорошо; был честный человек, надёжный и весьма мстительный; он был умён и очень уважаем от русских» [19, с. 325]. Ещё более лестную характеристику дал ему более поздний исследователь генерал Ратч: «В служебном отношении заслуга Гинтера состояла в аккуратности по письменной части, в точности по отчётам, в полноте и предусмотрительности в требованиях и в заботливости об исправном содержании материальной части, эта забота была важная. Среди долговременной войны, рождались новые военные заведения. Гинтер всегда вовремя входил с требованиями и следил за работой деловых дворов» [14, с. 152]. Однако, при всех своих деловых качествах, Гинтер был совершенно лишён политических амбиций, что привело к потере артиллерией её исключительного положения в русской армии и положило начало застою в её развитии.

Гинтер скончался в феврале 1729 года и во главе русской артиллерии встал Б.Х. Миних. В отличие от своего предшественника, Миних гораздо хуже разбирался в ар-

тиллерии, но при этом был личностью настолько амбициозной, что гораздо более сил уделял борьбе за власть, чем использованию этой власти на благо империи. Если Гинтер прибыл в Россию простым бомбардиром и прошёл всю Северную войну, дослужившись до генерал-майора, то Миних перешёл в русскую службу в самом конце войны и уже в генеральском чине. Гинтер получил свой первый генеральский чин ещё в 1708 году и вынужден был ждать следующего чина почти семнадцать лет, несмотря на многочисленные и важные заслуги перед российской артиллерией, как, например, создание первого в России артиллерийского полка. А звания генерал-фельдцейхмейстера он был удостоен лишь за полгода до смерти. Миних же сразу сориентировался в политической обстановке страны и нашёл влиятельного покровителя в лице вице-канцлера А.И. Остермана [20, с. 363].

Сразу же после смерти Петра I Миних пытается выдвинуть новые «кондиции», на которых он согласен остаться в России: он требует чин генерал-фельдцейхмейстера, якобы обещанный ему Петром I. Но, Меншиков не собирается снимать с этого поста своего друга Брюса, ради малоприятного ему Миниха, так как у них уже были разногласия по поводу руководства строительством ладожского канала. Он получает лишь чин генерал-аншефа, за успехи в каналостроительстве [20, с. 363]. Только после ссылки Меншикова, награды начинают сыпаться на Миниха как из рога изобилия: в 1728 году он становится графом, генерал-губернатором Санкт-Петербурга, кавалером ордена Александра Невского и главным фортификатором империи [20, с. 364]. На посту петербургского градоначальника Миних продолжает доказывать, что он прекрасный инженер: он строит мосты и очищает русло Мойки [20, с. 365], но следующий скачок в его карьере связан отнюдь не с его профессиональными качествами.

1730 год ознаменовался новым витком династического кризиса в России. После смерти Петра II, вопреки утверждённому ещё императрицей Екатериной I порядку наследования престола, члены Верховного Тайного Совета решили провозгласить императрицей не Елизавету Петровну, а её двоюродную сестру — Анну Иоанновну. Вот тут и проявилось умение Миниха «держать нос по ветру». Он не только поспешил привести вверенную ему губернию к присяге новой императрице [1, с. 259], но и донёс ей на адмирала Сиверса, усомнившегося в легитимности данного мероприятия [1, с. 260]. Кроме того, при новом дворе укрепился и его благодетель — Остерман. Теперь Миних становится генерал-полициймейстером, вице-президентом военной Коллегии, а недавняя смерть Гинтера доставляет ему и вожаемый чин генерал-фельдцейхмейстера. Наконец в 1732 году Миних получает чин генерал-фельдмаршала и должность президента Военной Коллегии [20, с. 364]. Таким образом, не пролив ни капли крови на службе России этот человек становится главой её вооружённых сил. Ещё один интересный факт: после смерти С.А. Шеина ещё никто в России не сосредотачивал в своих руках должности

главы артиллерии и всего военного ведомства. Можно по-разному объяснять, почему Пётр I стремился сохранить независимое и исключительное положение артиллерии, но теперь это правило было явно нарушено. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, во главе артиллерии, наконец, оказался деятельный и авторитетный командующий, с другой — этот командующий не обладал ни навыками руководства крупными артиллерийскими соединениями, ни необходимым временем, так как при обилии должностей возложенных на Миниха он явно не мог уделять каждой из них достаточного внимания. Не удивительно, что деятельность Миниха на посту главы русской артиллерии характеризуется отечественными историками весьма негативно: «... к 1736 году артиллерийская часть была у нас в беспорядке» [20, с. 368]. Впрочем, к 1736 году артиллерийская часть уже не находилась в ведении Миниха.

Быстрый взлёт Миниха и его ненасытность в стяжании славы и власти пугают царского временщика Бирона, и он стремится избавиться от конкурента. Для начала Бирон отдаляет Миниха от императрицы, отправив командовать войсками в Польше, откуда последний почти сразу едет на Украину, готовить войска к войне с Турцией. Наконец, 1735 году руководство русской артиллерией переходит к принцу Людвигу Гессен-Гомбургскому. Новый виток карьеры ожидал Миниха после кончины императрицы Анны Иоанновны. Не удовлетворившись множеством почётных и прибыльных чинов, он совершает дворцовый переворот, с целью возвести на российский престол мать юного императора Анну Леопольдовну, которую намерен сделать своей марионеткой, но он просчитался. В политической игре он оказался не самым ловким и вынужден был подать в отставку.

В отличие от Миниха, принц Людвиг не был боевым офицером. Он прибыл в Россию, чтобы продолжить дело своего отца и добиться, наконец, Курляндского герцогства [3, с. 174]. Цели своей он не достиг, но зато сделал прекрасную карьеру. Получив от Петра I сразу чин полковника, при Петре II он уже генерал-майор, а при Анне Иоанновне генерал-лейтенант [3, с. 175]. Но, ему этого мало и он пишет донос на главу Военной Коллегии фельдмаршала В. В. Долгорукого, стремясь занять его пост [3, с. 127]. В то время он ещё не имел достаточного веса при русском дворе и пост главы военного ведомства занимает Миних, но как только последний начинает терять политический вес, принц немедленно стремится занять его место. Для начала, в 1735 году принц Людвиг получает руководство над артиллерией, хотя не имеет для этого ни необходимых знаний, ни навыков. В результате во время войны с Турцией артиллерией вместо принца руководит генерал Левендаль [7, с. 147], а принц занимается лишь тем, что пишет доносы на Миниха и пытается втянуть генералов в заговор против главнокомандующего [7, с. 105]. Конечно, достоинства принца Гессен-Гомбургского были слишком ничтожны, чтобы он мог свалить Миниха, но интриганом он был, несомненно, более ловким. Это проя-

вилось в дни ноябрьского переворота 1741 года. После прихода к власти Елизаветы многие заплатились своими «тёплыми местами» только за то, что носили иностранные фамилии. Так, например, Миних был отправлен в далёкий сибирский Пелым на двадцать долгих лет, хотя к моменту переворота уже давно был в отставке. Зато принц Людвиг не только сохранил своё положение, но даже смог улучшить его. Он вовремя выразил свою преданность новой императрице, за что был удостоен чина фельдмаршала и места главы Военной Коллегии. Видимо, он решил, что ему вполне достаточно доходов с уже имеющихся должностей и, вместо того чтобы приступить к выполнению служебных обязанностей, он просто уезжает за границу, к отцу [3, с. 178]. Стоит ли говорить, что участь русской артиллерии под таким руководством была весьма плачевна: «Артиллерийскими делами Людвиг Гессен-Гомбургский не занимался, да и не мог заниматься в силу своей некомпетентности. Развитие артиллерии шло самотёком, и этим объясняется период временного застоя и даже упадка русской артиллерии» [12, с. 103].

После смерти принца Людвиг в 1745 году, во главе артиллерии наконец-то оказался компетентный человек — В. А. Репнин, но он не успел приступить к своим обязанностям, когда был отправлен командовать русским экспедиционным корпусом в Австрию. На обратном пути Репнин заболел и вскоре скончался [3, с. 378]. В дальнейшем, пост генерал-фельдцейхмейстера оставался вакантным на протяжении восьми лет, пока в 1756 году его не занял П. И. Шувалов. С этим назначением начинается новый этап в развитии русской артиллерии, которому уже посвящено множество исторических исследований.

С отставкой Брюса для русской артиллерии закончилась эпоха великих перемен. Должность генерал-фельдцейхмейстера превратилась в разменную карту в политической игре при русском императорском дворе. На протяжении следующих тридцати лет главой артиллерийского ведомства назначали не за военные заслуги и знания, а за политическую гибкость и умение лавировать в сложной и порой очень запутанной придворной обстановке. Залогом успехов петровских преобразований в области артиллерии было то, что во главе её он поставил человека не только занимавшего одну из высших ступеней в придворной иерархии, но и бывшего, при этом, одним из образованнейших людей в России. Потеря артиллерией политического веса при Гинтере пагубно сказалась на её дальнейшем развитии. Но, и сам по себе политический авторитет, который, безусловно, присутствовал и у Миниха и у принца Гессен-Гомбургского, не мог исправить ситуацию без наличия необходимых знаний и навыков.

Политическая нестабильность первых десятилетий после смерти Петра I, вызвавшая временный застой (а, местами, даже упадок) во многих сферах развития Российского государства не обошла своим вниманием и русскую артиллерию. Последняя сполна испытала на себе участь постигшую империю, став жертвой придворных интриг и игрушкой в руках политической элиты страны.

Литература:

1. Анисимов, Е. В. Россия без Петра. С-Пб., 1994
2. Байов, А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией 1736—39 г. 2-т. С-Пб., 1906
3. Бантыш-Каменский, Д. Н. Российские генералиссимусы и генерал-фельдмаршалы. М., 2005
4. Гейсман, П. А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. С-Пб., 1893
5. Кафенгауз, Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. М., 1949.
6. Леер, Г. А. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. С-Пб., 1893
7. Манштейн, К. Г. Записки о России. Ростов-на-Дону., 1998
8. Масловский, Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. С-Пб., 1891
9. Михневич, Н. П. История военного искусства с древнейших времён до начала девятнадцатого столетия. С-Пб., 1895.
10. Мышлаевский, А. З. Конспект истории военного искусства в России со времён царя Алексея Михайловича до эпохи императора Петра III. С-Пб., 1899
11. Павленко, Н. И. Развитие металлургической промышленности в первой половине XVIII в. М., 1953
12. Прочко, И. С. История развития артиллерии. С-Пб., 1994
13. Пузыревский, А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. С-Пб., 1889
14. Ратч, В. Ф. Пётр Великий, как артиллерист и капитан бомбардирской роты // Артиллерийский журнал. 1857. № 3
15. Рубцов, Н. Н. История литейного производства в СССР. М., 1947
16. Струмилин, С. Г. История чёрной металлургии СССР. М., 1954
17. Филимон, А. Н. Яков Брюс. М., 2003
18. Хмыров, М. Д. Главные начальники русской артиллерии. 2-й генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Виллимович Брюс (1704—1726) // Артиллерийский журнал. 1866, № 4
19. Хмыров, М. Д. Главные начальники русской артиллерии. 3-й генерал-фельдцейхмейстер Иван Яковлевич Гинтер (1728—1729) // Артиллерийский журнал. 1867. № 2
20. Шишиов, А. В. Знаменитые иностранцы на службе России. М., 2001
21. ПСЗРИ, т. VIII, № 5277
22. ПСЗРИ, т. VIII, № 5454
23. ПСЗРИ, т. X, № 7708

Становление и общественно-политическая деятельность комсомольских организаций в дальневосточной деревне (1923–1925 гг.)

Андриец Ульяна Михайловна, аспирант

Дальневосточный институт управления, филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (г. Хабаровск)

В настоящее время реализация молодёжной политики в сельской местности сопряжена со многими трудностями: низкий уровень социально-экономического развития деревни и материального обеспечения населения, нехватка рабочих мест и центров для культурного досуга и др. Несмотря на принятие ряда государственных программ (Федеральная целевая программа социального развития села, Государственная программа развития сельского хозяйства, Концепция устойчивого развития сельских территорий) [1], добиться ощутимых позитивных результатов в развитии сельской экономики, в решении демографических, социальных проблем, в том числе связанных с молодёжью, не удастся. Актуальным становится

изучение советского опыта по включению молодёжи в социально-экономическую, общественно-политическую, культурную жизнь деревни посредством коммунистического союза молодёжи.

Организационное оформление комсомольских организаций на Дальнем Востоке после гражданской войны было сопряжено со многими трудностями. Продолжительная гражданская война и интервенция привели к разорению сельского хозяйства, упадку промышленного производства, разрушению транспорта, разрыву экономических связей. После гражданской войны центр не мог выделить ни средств, ни кадры для отдалённого дальневосточного региона. Дальневосточная область не получала цен-

трализованных дотаций до 1926 года [2], поэтому задачи по восстановлению экономики, ликвидации остатков белого сопротивления, охране границ полностью ложились на местные советские и партийные органы и являлись первоочередными задачами. Связанная с этим нехватка средств на развитие социальной, культурной сферы наряду с дефицитностью региона, бедностью общественных организаций предопределила то, что материальная база зарождавшегося комсомола была достаточно слабой.

Гражданская война и интервенция привели к снижению численности населения Дальневосточного региона, который и так был малонаселён. Уровень образования молодых людей был низок, особенно в сельской местности. В связи с этим не хватало кадров для работы в комитетах РКСМ, не было грамотных организаторов и руководителей, способных взять в свои руки работу по созданию комсомольских организаций, пропаганде союза и разъяснению его целей и задач среди молодёжи.

Важно отметить, что в период существования Дальневосточной республики конституционно была закреплена свобода возникновения и существования союзов и обществ [3, с. 564]. Наряду с комсомолом сложилось множество некоммунистических юношеских союзов. Во второй половине 20-х гг. активно действовали эсеровские, меньшевистские, анархистские, кадетские, монархические, религиозные и другие молодёжные организации. Поэтому сформировавшейся в 1921 г. дальневосточной организации КСМ «приходилось нелегко в развернувшейся борьбе за молодёжь» [4, с. 41].

В течение долгого времени на Дальнем Востоке сохранялись очаги белого сопротивления, после их ликвидации т.н. «белый фактор» продолжал присутствовать в жизни региона в связи с близостью к центрам белой эмиграции в Китае и Японии. Необходимо было противостоять возможному влиянию противников советской власти на население в целом и на молодёжь в частности.

Большая часть населения Дальнего Востока проживала в сельской местности (к 1924 г. 73% дальневосточников проживало в сёлах и 27% в городах) [5]. Именно на селе разворачивалась наиболее активная деятельность в области советского строительства.

К организационному оформлению и работе сельские ячейки приступили с 1923 г. В условиях малочисленности партийных ячеек в сельской местности, на комсомол ложилась основная тяжесть общественно-политической работы в деревне. Руководство страны чётко понимало важность привлечения молодых дальневосточников в ряды РКСМ, как в целях их воспитания в русле идеалов и ценностей коммунизма, так и для приобщения молодёжи к решению социально-экономических задач региона, и работа по организации коммунистического союза молодёжи на Дальнем Востоке велась непрерывно, несмотря на многочисленные трудности.

Согласно решениям XI партийного съезда, задачей РКП (б) являлось обеспечение союза материально-финансовыми условиями для развития его деятельности

и осуществление систематического идейного руководства [6, с. 523]. Руководство комсомольскими ячейками осуществлялось посредством выделения представителей партии в комитеты союза, путём письменной связи, а также через инструкторов от ВКП (б) и РЛКСМ, которые обследовали комсомольские ячейки и давали практические рекомендации в области их работы. В Уездный комитет РЛКСМ посылались товарищеские письма, протоколы собраний, отчёты комсомольских ячеек, по которым комитет делал выводы о работе ячеек, посылал циркуляры и другие указания. В рамках контроля над деятельностью ячеек практиковались вызовы секретарей в уездный комитет для доклада, проводились совещания партийных представителей КСМ и конференции комсомольского актива. Установление живой связи с ячейками было затруднено на начальном этапе из-за нехватки инструкторов. К 1924 г. в Хабаровском уезде было лишь 2 инструктора при наличии 24-х комсомольских ячеек [7]. Далькрайком ВКП (б) уделял большое внимание налаживанию регулярной связи партии с комсомольскими ячейками. Для усиления партийного контроля практиковалось прикрепление двух-трёх комсомольских ячеек к партийной ячейке, выдвижение партийцев секретарями РЛКСМ.

План работы сельских ячеек определялся целями, сформулированными коммунистической партией. На XIII съезде РКП (б) была отмечена исключительная политическая роль комсомола в деревне и обозначен круг задач, стоящих перед деревенскими ячейками. Одной из важнейших задач было содействие советскому строительству, установление и укрепление связи крестьянства с советской властью, и вовлечение крестьян в проведение мероприятий советского правительства. Комсомольцы должны были участвовать в общественно-политической и хозяйственной работе (работа в сельсоветах, комитетах крестьянской взаимопомощи, кооперации), заниматься политико-просветительской и культурной деятельностью, агрономической пропагандой, защитой экономических интересов батрачества [8, с. 274].

Однако, только что оформившиеся организационно слабые ячейки не могли выполнять весь спектр этой работы. Их деятельность зачастую замирала с наступлением сельскохозяйственного сезона.

Зародившиеся ячейки сталкивались с недружелюбным отношением к РКСМ. Например, Бикинская ячейка функционировала среди населения, немалую долю которого составляло казачество, настроивавшее против комсомола и всю молодёжь. Отраднинская ячейка, столкнувшись с антикомсомольской агитацией, которую вёл председатель сельсовета, сумевший посеять у крестьян враждебное отношение к комсомолу [9].

Негативное отношение большей части крестьянства обуславливалось некоторыми особенностями дальневосточной деревни. В отличие от центральной России, на Дальнем Востоке не было помещичьего землевладения, и земля принадлежала крестьянам, поэтому по-

пулистские лозунги большевистской партии о социализации земельной собственности были здесь чуждыми. Во время гражданской войны на Дальнем Востоке не проводилась политика военного коммунизма, не было продовольственной развёрстки и массовых экспроприаций, не существовало комитетов бедноты. Дальневосточная деревня отличалась наличием значительного слоя зажиточных крестьянских хозяйств [10]. Введение продовольственного налога и насильственное изъятие «излишек» дальневосточные крестьяне встретили враждебно, многие из них ответили сокрытием хлеба. Участие комсомола в продналоговой кампании негативным образом отразилось на отношении крестьянства к организации. При переходе на единый сельскохозяйственный налог в 1923 г. комсомольцы разоблачали укрывателей налогооблагаемых объектов и делали соответствующие доносы. Иногда (к примеру, в Ленинской волости) местные власти поручали комсомольцам выполнять непосредственно сбор налога [11]. В период государственной налоговой кампании в некоторых районах отношения ячеек РКСМ с крестьянством настолько обострились, что комсомольцы вынуждены были перейти исключительно к внутриячейковой работе, а иногда приходилось работать и собираться нелегально [12]. Были случаи, когда недовольные крестьяне организовывали избиение комсомольцев [13].

Атеистическая пропаганда, проводимая комсомольцами, также вызывала крайнее недовольство крестьян, традиционно более приверженных религиозным воззрениям. В д. Дежнёвка, к примеру, верующие враждебно отнеслись к агитации комсомольцев за передачу церковного имущества волостному исполкому на общественные цели [14]. К тому же, нередко антирелигиозная пропаганда принимала агрессивный характер [15].

Неприязнь и недоверие свободолюбивых дальневосточных крестьян вызывал и тот факт, что некоторые ячейки брали на себя административные и милицеские функции, в том числе, вели борьбу с воровством, хулиганством, самогоноварением, распространением опиума [16]. Так, Осиповская ячейка совместно с сельсоветом занималась административной работой, боролась с контрабандой, которая была широко распространена в регионе, для чего просила оружие у Уездного комитета [17].

Часть молодёжи также была враждебно настроена к комсомольцам, так как последние вели борьбу с традиционным досугом деревенской молодёжи. Важно отметить, что молодёжная политика советского государства носила классовый характер, в связи с чем, правовое положение различных социальных групп молодёжи было неравным. Комсомол деревни действовал в интересах бедняцко-средняцкой, батрацкой молодёжи, в то время, как интересы другой части молодых людей, в первую очередь выходцев из среды зажиточных крестьян, ущемлялись, их доступ в политические и общественные организации, в учебные заведения был ограничен, что вызывало недовольство этой части молодёжи [18, с. 60].

Всё это вносило конфронтацию между патриархальными, религиозными крестьянами и комсомольцами, между комсомольской и некомсомольской молодёжью, между зажиточной частью крестьянства и бедняками, и даже между родителями и детьми-комсомольцами. В д. Дежнёвка был случай, когда отец отказался пускать домой сына-комсомольца, переставшего верить в бога, после чего сын пригрозил отправить отца в ГПУ [19].

Были среди крестьян и сельской молодёжи и те, кто относился к комсомолу сочувственно. Например, в деревне Котиково, где процветало хулиганство, ядром которого были демобилизованные красноармейцы, комсомольская молодёжь вызывала симпатию односельчан, так как была занята работой в ячейке и не принимала участие в хулиганских выходах [20]. Кроме того, авторитет комсомола среди просоветской части крестьянства, коей в основном являлись беднейшие слои населения деревни, был обусловлен активной подпольной деятельностью КСМ во время гражданской войны и интервенции.

Несмотря на сложные условия, в которых проходило становление комсомола, организационное оформление и работа ячеек постепенно приобрела планомерный характер. К сентябрю 1923 г. состав деревенских ячеек был немногочислен (от 6 до 18 чел.) [21]. Деятельность ячеек к этому времени включала в себя три основных направления: общественно-политическая, культурно-воспитательная, и административная работа. Административные и милицеские функции брали на себя наиболее сильные ячейки, имевшие влияние на односельчан. Уездное бюро РКСМ, понимая, что участие комсомольских организаций в административной работе наряду с антирелигиозной пропагандой является одной из причин неприязни крестьян к комсомолу, предостерегало ячейки от присвоения административно-милицеских функций. Участие в работе советского аппарата ячеек РКСМ было обусловлено слабостью, а подчас и инертностью сельсоветов [22]. В целом же уклон в административно-милицескую работу не получил на Дальнем Востоке такого широкого распространения, как в центральной России, где комсомольские организации активно использовались для осуществления принудительных государственных функций ещё во время проведения политики военного коммунизма.

Общественно-политическая работа являлась важнейшим направлением деятельности сельского комсомола. В период выборных кампаний в сельсоветы деревенские комсомольцы оказывали помощь избирательным комиссиям в подготовке и проведении выборов, разъясняли крестьянам основы Советской конституции и партийной политики. Многие комсомольцы избирались в состав сельсоветов и волисполкомов. Примечательно, что удельный вес комсомольцев в составе сельсоветов ДВК был выше, чем в целом по РСФСР. В 1924 г. по Дальнему Востоку комсомольцы составляли 9,4% от общего числа членов сельсоветов, а в РСФСР — 4,5% [23, с. 125]. Ячейки участвовали в работе комиссий по проверке иму-

публичного положения крестьян, комитетов крестьянской взаимопомощи, в заседаниях сельсоветов.

Участие в жизни села выражалось и в общественно-полезных работах, выполняемых комсомольцами — ремонт мостов, очистка колодцев, улучшение дорог. В некоторых сёлах комсомольцы выступали инициаторами организации яслей. Для этого ячейки создавали специальные комиссии, через подписной лист или при помощи постановки спектаклей собирали средства, оказывали трудовую помощь (подвоз дров, ремонт помещений) [24, с. 37–38]. Все эти мероприятия являлись весомым вкладом в благоустройство дальневосточной деревни.

Сельское хозяйство Дальнего Востока, ведущееся в зоне экстремального земледелия, после гражданской войны находилось в особо тяжёлом положении. Укрепление сельского хозяйства и перевод его на научную основу стало жизненно важной задачей. Первоначально комсомольская работа в этой области сосредоточивалась вокруг организуемых ячейками сельскохозяйственных кружков. В своей работе кружки часто сталкивались с недоверчивым отношением крестьян к нововведениям, предлагаемым комсомольцами. На новый уровень работа кружков вышла, когда от докладов, бесед, лекций на тему усовершенствования сельскохозяйственного производства, комсомольцы перешли к практической деятельности. Сельскохозяйственные кружки, организованные КСМ, доказывая пользу агротехнических новинок и современных методов ведения хозяйства, устраивали «дни урожая», сельскохозяйственные выставки, конкурсы на лучших хозяев. К примеру, комсомольцы с. Краббе (Владивостокского округа) решили доказать пользу химических удобрений (суперфосфатов и селитры). На каждой выделке ими были обработаны, засеяны и огорожены небольшие опытные участки. Урожай зерна, выросший на этих участках, впечатлил сельских обывателей, которые после этого решили выделять деньги на покупку удобрений [24, с. 19].

Показательным примером для крестьянства являлись хозяйства самих комсомольцев. Комитеты комсомола инициировали работу по превращению комсомольских хозяйств в образцовые, под лозунгом: «Комсомолец — культурный хозяин». По всему краю проводились совещания молодых крестьян, посвящённые задачам и перспективам хозяйственного строительства. Достижения комсомольцев-домохозяев давали ценный опыт односельчанам. К примеру, в с. Успенка комсомолец Кравченко ввёл зольное удобрение, получив на 20% больше урожая, чем на необработанных полях. В с. Владимировка комсомолец Кохаев организовал кормление скота согласно советам научного животноводства. После хороших результатов, половина деревни перешла на кормление скота по нормам [24, с. 23].

Многие комсомольские ячейки принимали активное участие в посевных и уборочных кампаниях. В Покровском районе (Владивостокский округ) организовывались комсомольские дружины по очистке посевного зерна. Комсо-

мольцы с. Осиновка на вырученные от массовых мероприятий средства приобрели семена различных технических и товарных культур и раздали их крестьянам [24, с. 25].

В условиях хронического недофинансирования сельского хозяйства, одним из главных средств по его восстановлению и улучшению объявлялась сельскохозяйственная кооперация. Перед комсомольцами стояли задачи изучения внутренней постановки кооперационного дела и приобретения навыков в этой работе, вступления в кооперацию, пропаганда идеи кооперирования среди населения. Работа по организации различного рода сельскохозяйственных товариществ была сложной и ввиду тяжёлого материального положения комсомольцев, это направление не получило широкого распространения на Дальнем Востоке, несмотря на постановления Губернского комитета РКСМ, предписывающего кооперативам облегчать вступление в него комсомольцев [25]. Тем не менее, и в этом направлении имелись достижения. Группа комсомольцев, демобилизовавшихся из РККА и переехавших на Дальний Восток вследствие малоземелья в европейской части РСФСР, в Амурском округе организовала сельхозартель «Новый мир». Члены артели практиковали передовые методы ведения хозяйства (шестипольный севооборот, племенное животноводство) [26, с. 42]. В с. Свиягино (Владивостокский округ) комсомольцы, с целью облегчить крестьянам покупку сельскохозяйственной техники, при содействии общественных организаций учредили машинное товарищество [24, с. 28–29].

Большую работу проводили сельские ячейки среди бедной части крестьянского населения, являвшейся главной опорой советской власти. Эта работа заключалась в проведении мероприятий, призванных сплотить беднейшую часть крестьянства: организация собраний, создание групп бедноты при сельсоветах, крестьянских комитетах, правлениях сельской кооперации. Для улучшения материального положения бедной части крестьянства комсомолом совместно с Комитетом крестьянских обществ взаимопомощи велась работа по привлечению бедняков в кооперацию. Например, в с. Шкотово комсомольцами была организована артель из бедноты, которая осуществляла перевозку грузов [24, с. 33]. Комсомольцы добивались рассрочки пая для беднейших крестьян, создания фонда кооперирования бедноты, снижения розничных цен в потребительских лавках. Для оказания материальной помощи беднейшему крестьянству ячейки ставили спектакли, средства от которых отдавались беднякам на приобретение пая при вступлении в кооперацию. Беднейшим хозяйствам оказывалась различная помощь: запашка полей, заготовка дров.

Велась работа и среди батраков. По инициативе ячеек создавались батрацкие комитеты, проводившие работу по заключению трудовых договоров сельскохозяйственных рабочих с хозяевами. Для проверки выполнения этих договоров проводились открытые собрания и показательные суды над нарушившими условия соглашения [27, с. 48].

Комсомольские организации в дальневосточной деревне были достаточно слабы на начальном этапе своего существования и действовали в сложной социально-экономической обстановке, в условиях неприятия союзной молодёжи крестьянским населением. Комсомол, действующий от лица коммунистической партии и непосредственно участвующий в проведении непопулярных мероприятий советской власти, представлялся крестьянам угрозой привычному для них экономическому укладу и образу жизни. Крестьяне с антипатией смотрели на деятельность КСМ, игнорировали, а иногда и срывали проводимые союзом мероприятия. Клерикальная часть населения деревни, видя недовольство крестьян антирелигиозными акциями комсомольцев, использовала это в целях упрочения религиозных воззрений сельских жителей.

Тем не менее, при отсутствии в дальневосточных деревнях сильных партийных и культурно-просветительских организаций на ячейки РКСМ падала ответственность за укрепление советской власти на местах, пропаганду и разъяснение мероприятий советской власти и политической линии советского правительства, приобщение населения к экономическим преобразованиям, новым культурным ценностям. Несмотря на многочисленные сложности, постепенно значение комсомола в общественно-политической жизни села росло. Часть крестьян

признала советскую власть как неизбежное и поняла, что только членство в КСМ даёт молодому поколению возможность получить необходимые знания и навыки для успешной самореализации в новых политических реалиях. Тайком осеняя своего ребёнка крестным знаменем, мать провожала его на собрание комсомольской ячейки, на красную вечерку или на митинг в честь годовщины Октябрьской революции. Для другой части крестьян, комсомол действительно стал авторитетной организацией, центром политической жизни, а комсомольская ячейка рекомендовала себя местом, где крестьянин мог получить помощь, разъяснение по волнующим вопросам, учреждением культуры и досуга. На VI Приморском губернском съезде РЛКСМ в 1925 г. отмечалось, что крестьяне приходят в ячейку советоваться, просят у комсомольцев организовать какие-либо мероприятия [28, с. 54].

Коренная трансформация социально-экономического и политического облика страны неизбежно сопровождалась многочисленными противоречиями, которые характерны, в том числе, для процесса становления и деятельности комсомольской организации на Дальнем Востоке. Однако, несомненно, то, что комсомольцы приняли активное участие в советизации края, внесли вклад в создание государственного аппарата, в восстановление экономики региона, в специфических условиях Дальнего Востока являлись политическими центрами деревни.

Литература:

1. Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 г». утверждена постановлением Правительства РФ от 3.12.2002 г. № 858. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. утверждена постановлением Правительства РФ от 14.07.2007 г. № 446. Концепция развития сельских территорий до 2020 г. утверждена Правительством РФ от 30.11. 2010 г. № 2136-р.
2. Пикалов, Ю. В. Партийно-государственная политика в области социального развития Дальнего Востока РСФСР: ноябрь 1922 — июнь 1941 гг. Автореф. диссерт... доктора истор. наук. — Хабаровск, 2004.
3. Основной закон (Конституция) Дальневосточной Республики, раздел III, гл. 2, ст. 18. // Борьба за власть советов в Приморье (1917–1922 гг.) Сб. документов. Владивосток, 1955.
4. Очерки истории ВЛКСМ (В поисках истины). Саратов, 1991 г. ч. 1.
5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.Р-58, оп. 1, дело 25, л. 68. (Данные по Дальнему Востоку без Камчатской губернии и о. Сахалин).
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1985.
7. ГАХК, Ф.П-778, оп. 1, дело 15, л. 5.
8. КПСС в резолюциях... 9-е изд. — Т. 3.
9. ГАХК, Ф.П-778, оп. 1, дело 2, л. 43–47.
10. См. Караман В. Н. Политические репрессии в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20–30-е гг. XX в. Автореф. диссерт... канд. истор. наук. — Владивосток, 2009.
11. ГАХК, Ф.П-778, оп. 1, дело 17, л. 9.
12. ГАХК, Ф.П-44, оп. 1, дело 629, л. 30.
13. ГАХК, Ф.П-778, оп. 1, дело 16, л. 9.
14. ГАХК, Ф.П-778, оп. 1, дело 2, л. 157.
15. См. Бакшеева Е. Б. Политика советского государства по отношению к русской православной церкви на Дальнем Востоке России (октябрь 1922 — июнь 1941 гг.) Автореф. диссерт... канд. истор. наук. — Хабаровск, 2004 г.
16. ГАХК, Ф.П-778, оп. 1, дело 52, л. 30.
17. ГАХК, Ф.П-778, оп. 1, дело 2, л. 65.

18. Билим, Н. Н. Молодёжное движение и государственная молодёжная политика на Советском Дальнем Востоке (ноябрь 1922 — июнь 1941 гг.) Хабаровск, 2013 г.
19. ГАХК, Ф.П-778, оп.1, дело 2, л. 157.
20. ГАХК, Ф.П-778, оп.1, дело 2, л. 48.
21. ГАХК, Ф.П-778, оп.1, дело 2, л. 73.
22. ГАХК, Ф.П-778, оп.1, дело 2, л. 121.
23. Щагин, Э. М., Верба И. К. Дальневосточный комсомол в борьбе за новую деревню (1922—1927 гг.) // Материалы второй дальневосточной научной конференции по истории советского Дальнего Востока. Хабаровск, 1967 г.
24. Наш опыт. Материалы Информационного подотдела ДКК ВЛКСМ. Хабаровск, 1927 г.
25. ГАХК, Ф. П-778, оп.1, дело 16, л. 70
26. Амурский меридиан страны комсомолии. Благовещенск, 1980 г.
27. Комсомолия края моего. Очерки по истории Хабаровской краевой комсомольской организации. Хабаровск, 1968 г.
28. VI Приморский губернский съезд РЛКСМ. Владивосток, 1925 г.

Развитие угольной промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны на примере строительства разреза в Карагандинском угольном бассейне

Аупенова Алия Укужановна, преподаватель истории
Карагандинский политехнический колледж (Казахстан)

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы функционирования и развития угольной промышленности Казахской ССР в условиях военного времени.

Ключевые слова: ГКО, угольный разрез, лагерные отделения, смета расходов, содержание контингента.

К началу войны в Карагандинском угольном бассейне действовали 22 шахты и один углеразрез [1, с. 391]. Вполне естественно, в военные годы резко возросшая потребность в энергетических сырьевых ресурсах, в частности угля, побуждала казахстанскую промышленность к освоению новых угольных месторождений. Таковым, в частности, являлась разработка и добыча угля открытым способом в Карагандинском угольном бассейне.

В приказе Народного комиссара угольной промышленности СССР В. Вахрушева № 99/с от 12.03.1943 г. указывается, что Государственный Комитет Обороны (ГКО) своим постановлением № 3013с от 09.03.1943 г. «О развитии и добыче угля открытым способом в Карагандинском угольном бассейне» возложил на НКВД СССР строительство угольного разреза № 4 в Карагандинском угольном бассейне с годовой мощностью 1,5 миллиона тонн вместе с подъездными путями, отвальным хозяйством и подсобными сооружениями [2, л. 3]. Во исполнение данного постановления приказом № 00486 НКВД СССР от 16.03.1943 г. было организовано Управление строительства Карагандинского угольного разреза № 4 и исправительно-трудового лагеря Народного Комиссариата внутренних дел СССР (Карстрой НКВД СССР). Строительство угольного разреза, возложенное ГКО на НКВД СССР, осуществлялось силами контингента исправительно-трудовых лагерей (Алтайлаг, Печерлаг, Приволжлаг,

Севдвинлаг, Широлаг НКВД СССР), мобилизованных трудпереселенцев, интернированных немцев, вольнонаемных.

ГКО обязал НКВД СССР тов. Берия:

— произвести вскрышные работы по разрезу № 4, обеспечивающие добычу угля к 01.11.1943 г. в размере 2,0 тысяч тонн в сутки и к 01.01.1944 г. — 3,5 тысяч тонн в сутки. Первоначальную добычу и отгрузку угля производить силами строительства;

— закончить строительство и сдать в эксплуатацию Наркомуглю разрез № 4 с подъездными путями, отвальным хозяйством и подсобными сооружениями в январе 1944 г. с двухмесячным запасом угля из расчета добычи 4 тысяч тонн в сутки;

— построить к 01.12.1943 г. временное депо на 4 стойла с мастерскими для текущего ремонта паровозов и вагоноремонтный пункт для текущего ремонта вагонов;

— построить к моменту передачи разреза в эксплуатацию Наркомуглю жилые помещения упрощенного типа для размещения 2000 человек спецконтингента вместе с помещениями для культурно-бытового обслуживания и 1000 м² жилой площади для размещения вольнонаемных рабочих и инженерно-технических работников;

— построить и передать под монтаж к 01.10.1943 г. здание электроподстанции 35/6 кВ общей установленной мощностью 3600 квт.

ГКО обязал:

— Наркома электростанций тов. Жимерина произвести к 01.11.1943 г. монтаж оборудования и электроподстанций, линии электропередачи протяженностью 18 км; Главвоенпромстрой тов. Шапиро произвести трестом № 4 по договору с НКВД изыскание воды и буровые работы по артезианским скважинам для водоснабжения Карагандинских угольных разрезов в срок с 1 апреля по 1 октября 1943 г.; Главснаблес при СНК СССР тов. Лопухова выделить дополнительно к фондам НКВД и отгрузить строительству Карагандинского разреза 35 тыс. штук шпал, 21 тыс. м³ круглого леса и 31 тыс. м³ пиломатериалов, в том числе: в марте 1943 г. шпал — 10 тыс. штук, круглого леса — 6 тыс. м³, пиломатериалов — 7 тыс. м³, остальное количество равными частями в апреле и мае 1943 г.

— Наркомат черной металлургии (Наркомчермет) тов. Тевосяна, Наркомстройматериалов СССР тов. Со-снина, Наркомрезинспром тов. Митрохина, Наркомтекстильпром тов. Акимова, Наркомэлектропром тов. Кабанова, Наркомстанкостроения тов. Ефремова, Наркомтяжмаш тов. Казакова, Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) тов. Кагановича, Народный комиссариат угольной промышленности (НКУП) тов. Вахрушева, Наркомминвооружения (НКМВ) тов. Паршина, Управление промкооперации (УПК) при СНК РСФСР тов. Кравчука, Наркомсредмаш тов. Акопова, Наркомхимпром тов. Первухина, Наркомцветмет тов. Ломако, Наркомбоеприпасов тов. Ванникова, Главснаблес при СНК СССР тов. Лопухова и Главнефтеснаб при СНК СССР тов. Широкова отгрузить НКВД и Наркомэлектростанций для строительства карагандинского разреза, электростанции и линии электропередачи материалы и оборудование в количестве и в сроки, согласно оговоренным.

ГКО: разрешил производить строительство Карагандинского угольного разреза без проектного задания, проектов и смет по единичным расценкам, утвержденным НКВД СССР Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) по согласованию с Промбанком; установил объем капиталовложений на 1943 г. в размере 30 млн. рублей и обязал Народный комиссариат финансов (НКФ) СССР тов. Зверева производить необходимое финансирование [2, л. 4].

Во исполнение постановления ГКО начальнику комбината Карагандауголь тов. Спицыну приказано передать НКВД СССР на время строительства Карагандинского разреза электрический экскаватор Бьюсайрус № 3758 с обслуживающим персоналом; обеспечить: ремонт паровозов, экскаваторов и всех механизмов строительства в центральных механических мастерских комбината Карагандауголь; поставку воды, угля и электроэнергии для производственных и бытовых нужд строительства; всеми необходимыми инструментами и аппаратурой.

Начальнику комбината Карагандауголь тов. Спицыну и управляющему трестом шахтопроект тов. Сурмило пре-

доставить разрезу проектную документацию в сроки по согласованию с НКВД. Для разрешения всех вопросов, связанных с проектированием угольного разреза, как на период строительства, так и будущей эксплуатации командировать в Карагандинский угольный бассейн профессора Е.Ф. Шешко, тов. Сальникова (трест Шахтопроект) и тов. Иванова (производственно-технический отдел открытых работ).

Заместителю начальника Главшахтостроя тов. Мони-ну и управляющему трестом Карагандашахтострой тов. Никифорову обеспечить НКВД СССР для нужд строительства угольного разреза строительным кирпичом и известью. Контроль за ведением строительства и выполнением приказа возлагался на Отдел капитального строительства (ОКС) тов. Завадовского и Производственно-Технический Отдел открытых работ (тов. Парамонова).

За период своего существования, с марта 1943 г. по март 1944 г. Управление имело следующую структуру:

I. Строительно-производственный сектор.

1. Руководство.
2. Аппарат главного инженера.
3. Производственный отдел.
4. Диспетчерско-распорядительный отдел.
5. Отдел технического контроля.
6. Отдел связи.
7. Электро-механический отдел.
8. Автоотдел.
9. Транспортно-эксплуатационный отдел.
10. Контрольно-плановый отдел (КПО).
11. Главная бухгалтерия и финансовый отдел.
12. Отдел технического снабжения.
13. Гужветинспекция.

II. Лагерный сектор.

1. Санитарный отдел (САНО).
2. Административно-хозяйственный отдел.
3. Отдел кадров.
4. Отдел учета и распределения заключенных (ОУРЗ).
5. Культурно-воспитательный отдел (КВО).
6. Военно-пожарная инспекция.
7. Отдел общего снабжения.
8. Торговый отдел.
9. Оперативно-чекистский отдел (Оперчекотдел).
10. Отдел борьбы с хищениями и спекуляцией (ОБХС).
11. Военизированная охрана (ВОХР).

Приказом по управлению № 2 от 22.04.1943 г. было организовано три строительно-лагерных отделения, под-

чиненных непосредственно управлению, имеющих следующие функции:

1. Строительно-механизированное отделение № 1.
 - а) производство вскрышных работ по разрезу с погрузкой на железнодорожный и автомобильный транспорт;
 - б) строительство временных производственно-лагерных построек;
 - в) дренажные работы;
 - г) эксплуатация железных дорог в пределах разреза.
2. Автостроительное отделение № 2.
 - а) транспортировка автомашинами вскрыши с разреза в отвальное хозяйство;
 - б) отсыпка грунтом вскрыши железнодорожных насыпей, станционных площадок;
 - в) строительство временных производственно-лагерных построек.
3. Железнодорожно-строительное отделение № 3.
 - а) железнодорожное строительство;
 - б) постоянное гражданское строительство, строительство технических зданий, водоснабжение, отводы и спрямление русел, отвальное железнодорожное хозяйство.

Управление строительства ИТЛ Карагандинского угольного разреза НКВД располагалось по адресу: Казахская ССР, Новая Караганда, отделения на Федоровском пласту в одном километре от железнодорожной станции Большая Михайловка Карагандинской железной дороги.

Сотрудники Управления строительства размещались в домах Областного жилищного отдела г. Караганды, в селении Большая Михайловка на расстоянии 3-х километров от Управления строительства, в частных домах у местных жителей станции Большая Михайловка и во вновь выстроенных строительством — в двух домах в черте города Новая Караганда, сотрудники стро-

ительных отделений в местах территорий своих отделений во вновь выстроенных помещениях:

1-е отделение: один жилой саманный дом — 147 м³, один жилой дом полуземлянка — 50 м³, одно кирпичное общежитие — 1 220 м³, один 2-х квартирный кирпичный дом ИТР — 326 м³, два 4-х квартирных саманных дома — 1 100 м³, два жилых дома — 630 м³, один жилой саманный дом — 28 м³;

2-е отделение: три жилых дома — полуземлянки — 290 м³, три саманных жилых дома — 1 169 м³, четыре жилых дома саманных — 475 м³, одно общежитие саманное — 633 м³, четыре жилых дома начальников — 633 м³;

3-е отделение: три дома начальников колонн — 561 м³, один дом 8-ми квартирный саманный — 688 м³, один дом 4-х квартирный саманный — 300 м³, два 8-квартирных корпуса — 1 748 м³, одно общежитие на 70 чел. — 1 388 м³, четыре общежития на 160 чел. — 5 496 м³. ВОХР: одна казарма саманная — 985 м³, один жилой дом — 376 м³, одно общежитие кирпичное — 1 748 м³, Станция Большая Михайловка — два жилых дома кирпичных 8 комнатных — 1 748 м³.

Такая разбросанность сотрудников Управления вызвана тем, что строительство несмотря на неоднократные обращения в областные организации не получило нужного количества жилой площади в г. Караганда и вынуждено было разместить сотрудников в селении Большая Михайловка в 2-х общежитиях и частных квартирах [3, л. 51].

Смета расходов по содержанию заключенных на апрель-декабрь 1943 г., составленная главным бухгалтером и начальником сметно-планового отдела Управления Строительства представлена в таблицах 1–3:

Таблица 1

Смета расходов по Управлению [4, л. 97]

№	Статьи расходов	На 1 месяц (тыс. рублей)	На 9 месяцев (тыс. рублей)	На 1 списочный человеко-день (в коп.)
1	Основная заработная плата вольнонаемного состава	117	1 052	63,8
2	Дополнительная зарплата	9,4	84	5,1
3	Начисления на зарплату	7,9	70	4,3
4	Командировки	5	45	2,7
5	Подъемные при перемещении	18,8	169	10,3
6	Содержание зданий	2,3	21	1,3
7	Разъезды и содержание легкового транспорта 2 машины × 500 руб. 3,0 4 лошади × 750 руб. 3,0	6,0	54,0	3,2
8	Канцелярские и почтово-телеграфные расходы	2,5	21	1,3
9	Прочие расходы	9,5	85	4,9
	Всего:	178,8	1 601	96,9

Таблица 2

Смета расходов по ВОХР [4, л. 97]

№	Статьи расходов	На 1 месяц (тыс. рублей)	На 9 месяцев (тыс. рублей)	На 1 списочный человеко-день (в коп.)
1	Основная заработная плата	100,9	908,0	55,0
2	Дополнительная зарплата	8,0	72,0	4,3
3	Командировки	4,0	36,0	2,1
4	Содержание зданий и зон	25,1	229,0	13,9
5	Разъезды и содержание легкового транспорта	3,0	27,0	1,6
6	Канцелярские и почтово-телеграфные расходы	0,2	2,0	0,1
7	Продовольственные продукты	31,4	282,0	17,1
8	Износ обмундирования	8,1	73,0	4,0
9	Спецрасходы	45,8	412,0	25,0
10	Медобслуживание	4,7	42,0	2,5
11	Культмассовые расходы	9,2	82,0	5,0
12	Хозяйственный обиход	5	45,0	2,7
13	Прочие расходы	10	90,0	5,1
	Всего:	255,4	2300,0	138,4

Таблица 3

Смета по обслуживанию [4, л. 98]

№	Статьи расходов	На 1 месяц (тыс. рублей)	На 9 месяцев (тыс. рублей)	На 1 списочный человеко-день (в коп.)
Продовольственное обслуживание				
1	Денежное поощрение заключенных	1,7	15	0,9
2	Содержание зданий	50,0	450,0	27,3
3	Продовольственные продукты	368,4	3316	201,0
4	Хозяйственный обиход	1,1	10	0,6
5	Прочие	9,2	82	4,9
	Итого:	430,4	3873	234,7
Обслуживание вещевым довольствием				
1	Денежное поощрение заключенных	0,3	3	0,1
2	Износ и текущий ремонт вещдоговствия	144	1296	78,5
3	Прочие	9,2	82,0	4,9
	Итого:	153,5	1381	83,5
Коммунальное бытовое обслуживание				
1	Основная и дополнительная зарплата вольнонаемного состава	16,2	146	8,8
2	Начисления на зарплату	1,0	9,0	0,5
3	Денежные поощрения заключенных	2,8	24,0	1,5
4	Содержание зданий (1 000 м³×100 барак-ков×50руб. 5 000×5% амортизации)	27,7	249	15,1
5	Прочие	9,2	81	4,9
	Итого:	56,9	509	30,8
Медицинское обслуживание				
	Расчет взят из сметы по медобслуживанию	110	990	60
Культурно-воспитательное обслуживание				
	По смете:	18,3	165	10,0
	Всего по смете:	1203,5	10819	654

Карагандинский Исправительно-Трудовой Лагерь и Управление Строительства № 4 НКВД СССР начал свое существование и приступил к первым работам 25 апреля 1943 г. 1-е отделение явилось головным участком всего строительства. Конец апреля и весь май 1943 г. стали координационными. За этот период времени отделение произвело приемку грузов снабжения и стройматериалов, одновременно начались основные работы экскаватора «Бьюсайрус». С приемкой этапов отделение форсировало строительство вагонно-распорядительной связью (ВГС) для размещения прибывающих этапов. В основном вся рабочая сила отделения была занята на строительстве жилых и коммунально-бытовых помещений, на заготовке самана и лишь незначительная часть могла заниматься земляными работами по разрезу. Ощущался острый недостаток инструментов, таких как пилы, топоры и т.д., что в значительной степени сказалось на темпах строительства и послужило перерасходом рабочей силы и некоторым удорожанием себестоимости расходов по разрезу.

Таким образом, II квартал 1943 г. был в основном организационным. Отделение принимало и осваивало прибывающие этапы в основном из тюрем и трудмобилизованных, подбирало кадры среднего и низшего адмтехперсонала, принимало грузы и форсировало строительство ВГС.

В начале III квартала 1943 г. этапы и грузы продолжали прибывать. В средних числах квартала удалось освоить основную массу прибывших механизмов и людских ресурсов, полностью развернуть работы по выемке грунта из разреза и начать работы по шахтам глубокого дренажа. Из значительных затруднений, с которыми встретились в начальный период строители 1-го отделения, выделяется отсутствие: основного проекта по строительству разреза; нужного экскаваторного парка для вскрышных работ; жилого фонда на строительной площадке для трудмобилизованной рабочей силы и заключенных. Все трудности преодолевались строительным коллективом за счет напряженной работы и организационных мероприятий руководства строительства [5, л. 2].

В июне 1943 г. лагерь имел в среднем 18 колонн (на 1 июня — 16, на 1 июля — 20). Для размещения контингента имелись построенные помещения: 32 барака общей площадью 7027 м², вместимостью 3686 чел. В стадии строительства находилось 15 барачков, площадью 3187 м² и вместимостью 1876 чел., кроме того имелось установленных под жилье 12 больших палаток размером 7×21 и 2 малых палатки 6×9 общей вместимостью 1068 чел. Таким образом, лагерь располагал в начале лета 1943 г. готовым жильем на 4754 чел. и строил жилье на 1876. Имея в начале июня 6300 чел., а к концу месяца 6943, лагерь выходил из положения с размещением людей лишь при помощи сплошных нарядов и путем частичного использования под жилье незаконченных помещений [3, л. 3].

В силу недополучения занаряженных для лагеря полов так (вместо 60 получено 28), недополучение леса (получено на 1 июля круглого леса 8882 куба, из них подавля-

ющая часть поступила во 2-ой половине июня 1943 г., вместо запланированных 21000 кубов, пиломатериалов 4234 кубов, из них подавляющая часть поступила во 2-ой половине июня, вместо запланированных 31.000 кубов), недополучение двух строительных колонн, которые должны были прибыть из Волжлага (согласно приказа НКВД № 00486 от 16.03.1943 г.) строительство вынуждено было прибегнуть к устройству на первое время сплошных нарядов, которые к 1 июля 1943 г. были ликвидированы и заменены нарами вагонной системы. Шкафы для хранения личных вещей заключенных и тумбочки в лагере на 01.06.1943 г. не имелись из-за отсутствия леса и перегруженности небольших столярных мастерских заказами по изготовлению деталей для строящихся жилых и коммунально-бытовых помещений (окна, двери).

Общая площадь составила 8899 м², не считая незаконченных помещений площадью 1876 м², что составило 1,4 м² на 1 человека, что являлось средней нормой жилой площади на одного заключенного и одного трудмобилизованного. Фактически площадь на одного человека была несколько выше, т.к. не учитывались помещения барачков и палаток, занятых под лазареты.

Жилые помещения изначально строились с расчетом на получение леса — деревянные типа полуземлянки, но с выявлением задержки в получении стройматериалов лагерь был вынужден во второй декаде июня 1943 г. перейти на строительство саманных помещений. Все построенные помещения будучи чистыми, аккуратно сделанными в июне 1943 г., не были благоустроены. Не хватало, главным образом, постельных принадлежностей, которые и начали поступать в лагерь лишь в июне. На 01.06.1943 г. было выдано на руки наволочек тюфячных 791, подушечных 301 и одеял 463. По состоянию на 01.07.1943 г. лагерникам было выдано наволочек тюфячных — 2260, подушечных наволочек — 2125, простыней — 1970 и одеял — 1617. В первую очередь обеспечивались лагерники ведущих специальностей строительства — экскаваторщики, автотранспортники, монтажники и ремонтники, во вторую очередь все остальные специальности.

Лагерь развертывался в условиях значительного опоздания пополнения ВОХР, несвоевременного комплектования 2-го отдела, САНО и КВО. В середине июля 1943 г. прибыл начальник Оперчекотдела, что не могло не сказаться на некотором развязывании преступной деятельности наиболее социально запущенных элементов, выразившееся в повышенном проценте побегов при низком проценте задержаний в условиях почти полной на первых порах безнаказанности из-за отсутствия хотя бы одного человека из Оперативно-чекистского аппарата. Тем не менее, прибывший разрозненный контингент, состоящий из заключенных, мобилизованных трудпереселенцев и интернированных немцев удалось организовать в колонны. Несмотря на то, что к работам II квартала приступили с запозданием почти на месяц при существенном недостатке рабочей силы и механизмов, все же план в сумме 8 млн. руб. удалось выполнить на 104,3% и заложить базу

для безусловного выполнения плана III квартала в сумме 15 млн. руб. [3, л. 1].

Даже, исходя из анализа небольшого количества представленного архивного материала, можно конста-

тировать факт, насколько серьезное внимание уделялось ГКО СССР, а также правительством Казахской ССР развитию угольной промышленности Казахстана в военное время.

Литература:

1. Книга памяти Казахстана: Сводный том / Сост. П. С. Белан, Н. Едыгенов. — Алматы: «Казахстан», 1995. — 480 с.
2. Государственный Архив Карагандинской области (далее ГАКО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАКО., Ф. 108. Оп. 1. Д. 14.
4. ГАКО., Ф. 108. Оп. 1. Д. 2.
5. ГАКО., Ф. 108. Оп. 1. Д. 16.

Эволюция ученических производственных бригад на Ставрополье

Бокова Яна Михайловна, магистрант

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Ставропольский край — сегодня один из самых развитых аграрных регионов России. Не случайно именно здесь шестьдесят лет назад зародилось движение, принявшее впоследствии широкий государственный размах, — ученические производственные бригады, которые дали путевки в трудовую жизнь тысячам школьников.

Первая ученическая бригада появилась в станице Григоропольской Новоалександровского района Ставропольского края. Именно здесь 15 марта 1954 года на совместном заседании парткома, правления колхоза имени Сталина (председатель Николай Фаддеевич Лыскин), педагогического совета СШ № 2 (директор Г. А. Ладыгин), совета МТС и исполкома сельского совета станицы Григоропольской было решено организовать комплексную производственную ученическую бригаду с целью приобщения молодежи к производительному труду в колхозном производстве [1, с. 6].

Причины появления ученических бригад весьма разнообразны. Во-первых, с привлечением школьников к труду решался ряд экономических проблем в сельской местности: уже в школьные годы ребята могли получить профессиональные навыки, освоить сельскохозяйственную технику, проводить опытнические исследования. Таким образом, молодежь, пройдя школу ученического производства и получив необходимый опыт, пополняла профессиональные кадры села. Во-вторых, создание ученических производственных бригад соответствовало образовательной политике государства в 50-е гг. XX века, которая заключалась в установлении постоянной связи школы с производством, теоретического обучения с практикой. В-третьих, данное движение носило воспитательный характер: работа в ученических бригадах формировала самостоятельность, инициативность и дисциплинированность, способствовала сплочению детского коллектива, прививала любовь к Родине, труду, земле.

Выбор организационных форм для построения ученической бригады в станице Григоропольской вызывал споры у местных руководителей, колхозников, педагогов школы. Одни предлагали создать звенья школьников при «взрослых бригадах». Другие ратовали за распределение учащихся по их желанию. В итоге пришли к следующему выводу: необходимо создать самостоятельную школьную бригаду, которая будет иметь свою землю, инвентарь, скот и бригадный стан, самостоятельное производственное задание. Бригадиром должен быть школьник, а его наставниками — колхозный агроном и педагог-воспитатель. В бригаду решили принимать лучших учеников 8–10 классов на добровольных началах. Было решено, что в дни занятий члены бригады будут работать по два часа; во время каникул — по шесть часов. Учитывался и физический потенциал ребят: норма выработки для них снижалась по сравнению с общеколхозными на 30%, «слабые» физически подростки выполняли более легкие задания. Член партбюро колхоза «Россия» А. Шнуровский вспоминал: «Начался прием в бригаду. Добровольцев нашлось значительно больше, чем требовалось по производственному плану. На 110 мест заявления подали 153 учащихся. Принятые радовались и гордились. Непринятые уходили из комсомольского комитета огорченные. Не обошлось и без слез. До боли было обидно, когда за двойку или плохое поведение тебя лишают права получить путевку в бригаду: там будут твои одноклассники, школьные друзья» [2, с. 87].

Учитель математики и педагог-воспитатель К. А. Пшеничникова рассказывала, что в бригаде было создано 10 звеньев, избрали звеньевых, бригадира (им стала лучшая ученица 9 класса Нина Самойлова), совет командиров. Она вспоминала: «Директор школы Г. А. Ладыгин позаботился о том, чтобы сам процесс вступления в бригаду проходил как можно торжественнее: ребятам вручались комсомольские путевки, а звеньевых утверждали на за-

седании правления колхоза. Были разработаны форма оплаты труда, порядок начисления трудодней, установлена норма выработки на тридцать процентов ниже нормы колхозников. Все это дисциплинировало ребят» [3, с. 31].

За ученической бригадой в пойме Кубани был закреплен участок в 22 га, колхоз выделил автомашины и необходимые сельскохозяйственные орудия, оборудовав на участке бригады полевой стан: построил жилой дом, кухню, столовую и спальню (для постоянной работы в летние каникулы).

Закипела работа школьной бригады. Ребята самостоятельно подготовили свой участок к пахоте, а после вспашки засеяли его. Первоначально колхоз поручил подросткам задание: вырастить на своем участке различные сорта полевых и огородных культур, выявить, какие дают большой урожай, чтобы в дальнейшем вырастить семена для массовых посевов в станице. Надо сказать, что ребята с большим энтузиазмом принялись за работу, проводили опыты, сеяли, поливали, убирали, экспериментировали. Под руководством агронома Д.М. Воскресенского старшеклассники выращивали кукурузу, картофель, пшеницу, подсолнечник, сахарную свеклу, капусту, клещевину, арбузы и др.

Первый год для ученической производственной бригады станицы Григоропольской прошел сложно. Бывали случаи неорганизованности, шалости и другие помехи. Кроме того, мешали родители некоторых ребят, полагая, что работа в бригаде снизит успеваемость их детей. А получилось, все наоборот. Успеваемость в школе повысилась, появилась заинтересованность к получению знаний. Во многом это было связано со стремлением ребят пополнить ряды ученической производственной бригады, в которую не брали неуспевающих, а быть ее членами хотели буквально все. Надо заметить, что не оправдались и замечания скептиков, которые не верили, что подростки смогут добиться хороших результатов в сельскохозяйственных работах. Однако при подведении итогов хозяйственного года выяснилось, что ученическая бригада собрала самый высокий урожай в колхозе. Подобный успех был достигнут благодаря широчайшей поддержке правления колхоза как в экономических, так идеологических вопросах, глубоко продуманному творческому подходу педагогов и воспитателей, трудолюбию и взаимопомощи ребят.

Достижения первой ученической бригады вызвало интерес в общественных и политических кругах. В 1956 году станицу Григоропольскую посетила делегация в составе Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, президента Югославии И.Б. Тито, первого заместителя председателя Совета Министров СССР А.И. Микояна. Они познакомились с членами ученической бригады, пожелали школьникам дальнейших производственных успехов. Позже в станице побывали делегации со всего Советского Союза, а также из других стран — Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Монголии, США, Канады. Приезжала сюда даже кубинская молодежь на обучение. Член ученической бригады Л.В. Маньшина в начале 60-х гг. вспоми-

нала: «В нашу станицу Григоропольскую приехало много кубинских парней и девушек для обучения в сельскохозяйственном техникуме и училище механизации. Вначале наше общение проходило с помощью словарей и разговорников, но вскоре мы уже распевали русские и кубинские песни, устраивали совместные вечера отдыха» [4, с. 3].

Новое движение привлекло внимание и ученых. В сентябре 1956 года на базе григоропольского колхоза «Россия» проходила выездная сессия Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина. Кроме того, у школьной бригады была очень тесная связь с Тимирязевской академией сельскохозяйственных наук и биолого-почвенным факультетом МГУ им. Ломоносова.

Опыт григоропольской ученической бригады получил широкое распространение на Ставрополье. В 1956 году в крае работало уже 122 ученические бригады, в следующем году в 239 ученических бригадах работало 15 тысяч учащихся, а в 1958 году в крае насчитывалось 314 бригад, объединивших свыше 25 тысяч школьников [5, с. 340].

Педагоги других школ края, знакомясь с достижениями и подходами ученической бригады школы № 2, учитывали и местные условия хозяйствования, вносили много нового, совершенного в развитие политехнического образования. Повсеместно распространялся принцип ученического самоуправления в школьных бригадах, соединения теоретического знания, полученного на уроках, с производством. В большинстве случаев в бригадах создавались следующие звенья огородников (прополка пропашных и технических культур, выращивание рассады), садоводов, животноводов (птичник, кролиководов, телятник, доярок), механизаторов [6, с. 318]. Постепенно расширялся спектр деятельности бригад, зависевший напрямую от региональных особенностей местности и специализации колхозов и совхозов. Так, в районах выращивания винограда ученические бригады оказывали сильный уход за виноградниками; в районах с развитым овцеводством ученические звенья отправлялись на кошары и выпасали овец с ягнятами; некоторые бригады занимались даже выращиванием тутового шелкопряда.

Большое внимание в бригадах уделялось опытной работе под руководством агрономов и учителей-биологов. Бригадир ученической бригады Солдато-Александровской средней школы Советского района Ставропольского края Л. Турченко рассказывал: «За годы существования бригады проведено свыше 95 сельскохозяйственных опытов. Результаты некоторых из них внедрены в производство в нашем колхозе. С большим интересом проводили ребята сортоиспытание кукурузы ВИР-42, Днепровская, Узбекская зубовидная, опыты по совместному посеву подсолнечника и гороха и т.д. С увлечением испытывали действие облучения на семена помидоров и огурцов. В результате облучения была получена прибавка урожая на 10–15 процентов» [7, с. 3–4].

Ученическая бригада помогла старшеклассникам не только получить трудовые навыки и определиться с выбором профессии, но и способствовала формированию личности. Учитель Привольненской средней школы Крас-

ногвардейского района Ставропольского края В. Белых говорил: «Как пробудить у молодежи интерес, любовь к труду своих родителей, к земле? Слово тут — за ученическими бригадами. Если в ученике будет сплав деловых качеств и здоровый романтизм, если он уже в школе овладеет несколькими профессиями, научится разбираться в духовных ценностях и пользоваться ими, уважать свой и чужой труд, отстаивать собственные принципы, то можно не волноваться за его будущее» [8, с. 5].

Вскоре ставропольский опыт ученических производственных бригад был распространен на весь Советский Союз. Этому способствовало постановление ЦК КПСС по РСФСР от 1961 года «О распространении опыта работы ученических бригад Ставропольского края».

В 60–70-е годы XX века ученические бригады в крае и в стране в целом обрели законченные организационные формы, их деятельность осуществлялась без кардинальных изменений. Этот период характеризовался дальнейшей механизацией производства, использованием новых усовершенствованных оборудования, активным развитием опытнических исследований в бригадах. Результаты школьников были плодотворны, поэтому и оценены по достоинству на краевом и всероссийском уровнях. Так, учитель истории Григорополисской школы № 2 (в 1959–1974 гг.) Л. Н. Иванова вспоминала, что ученическая бригада станицы в период с 1957 по 1977 гг. награждалась 18 дипломами I степени, двумя — II степени, юбилейной медалью В. В. Мичурина. 48 школьников были удостоены медалями «Юный участник ВДНХ СССР», а учителя школы — золотой, серебряной и двумя бронзовыми медалями. Кроме того, некоторые талантливые питомцы ученической бригады в период с 1956 по 1974 год окончили Московскую сельскохозяйственную академию (17 человек) и МГУ (14 человек). Некоторые из них остались работать в этих учебных заведениях, стали кандидатами и докторами наук, пополнив, тем самым, научную элиту страны.

В середине 80-х гг. XX века ученические бригады становятся объектом экономических и управленческих экспериментов. Они осваивали принципы хозрасчета и экономические методы хозяйствования.

Серьезному испытанию ученические производственные бригады подверглись в 90-е гг. Большинство из них либо вовсе прекратили свое существование, либо действовали формально, занимаясь уборкой пришкольного участка и ремонтом классов. К 1997 году в крае сохранилось всего 49 ученических бригад.

Новый всплеск интереса к бригадному движению и одновременно возрождение данного феномена произошли в 1998 году, когда было принято постановление губерна-

тора Ставропольского края А. Л. Черногорова «О возрождении ученических производственных бригад Ставропольского края» [9, с. 44–45].

Сегодня ученические бригады функционируют в новых социально-экономических реалиях. В своей деятельности они используют новые способы хозяйствования, самостоятельно принимают вопросы сбыта и реализации продукции, арендуют земельные участки у базовых хозяйств и местной администрации. В современный период укрепляется и материальная база бригадного движения. Благодаря поддержке правительства Ставропольского края в собственности ученических бригад находится различная сельскохозяйственная техника: 11 комбайнов, 158 тракторов, 44 плуга, 48 культиваторов и др. В настоящее время базовой сферой приложения труда ставропольских бригад является возделывание сельскохозяйственных культур: зерновых, картофеля, овощей, плодов, ягод, технических культур, многолетних трав и т.д. Так, уже со школьной скамьи подростки приучаются к труду, ответственности, деловитости и самостоятельности.

Сегодня в Ставропольском крае функционируют 145 ученических производственных бригад, которые являются структурными подразделениями общеобразовательных учреждений, в них занято 18.575 учащихся 8–11 классов. В 188 трудовых объединений школьников работает 18.516 школьников 5–7 классов [10, с. 89].

Лучшими в Ставропольском крае признаны следующие ученические производственные бригады (на базе школ): № 15 села Казинка в Шпаковском районе; № 3 села Китаевка в Новоселицком районе; № 11 станицы Галюгаевской в Курском районе; № 2 станицы Григорополисской и № 7 поселка Горьковский в Новоалександровском районе; № 7 села Калиновского в Александровском районе; № 9 села Урожайного в Левокумском районе; № 2 села Бешпагир в Грачевском районе и др.

Опыт ученических производственных бригад, как мне кажется, бесценен и очень поучителен. Приобщение к труду, к земле уже в школьные годы позволяет сформировать нового человека, воспитать гражданина своей малой Родины, способного честно и упорно работать, стойко и мужественно переносить испытания. Благодаря бригадному движению подростки учились уважать труд — физический и умственный; самостоятельно решать назревшие вопросы, творчески подходить к выполнению любого задания, искренне дружить и сопереживать, поддерживать друг друга в беде и радости.

Подобные ценности и качества необходимо прививать и современной молодежи, только тогда она сможет жить и трудиться во благо страны.

Литература:

1. Иванова, Л. Первая в СССР Григорополисская ученическая производственная бригада // Газета Ставропольского государственного аграрного университета. — № 6. — июнь 2014.
2. Шнуровский, А. Первая ученическая // Школа и труд (Сборник статей) / сост. В. А. Авраменко и др. — Ставрополь, 1958.

3. Пшеничникова, К. А. У истоков движения. Как это начиналось // Молодые хозяева земли. Сборник статей. / Сост. В. А. Рыженко. — Ставрополь, 1984.
4. Маньшина, Л. В. Вот где были романтика, патриотизм, гордость за свой коллектив, край, землю! // Ставропольские губернские ведомости. — № 99. — 1 июня 2004.
5. Очерки истории Ставропольского края. — Т. 2. — Ставрополь, 1986.
6. Марченко, Е. М. Ученические производственные бригады Ставрополя: истоки и история // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. — Выпуск 15. — Ставрополь, 2014.
7. Турченко, Л. Бригада — наша гордость // Ученические производственные бригады Ставрополя. Ученическим производственным бригадам Ставрополя 20 лет. — Ставрополь, 1984.
8. Крепкие корни: О роли ученических бригад рассказывают: Герой Социалистического Труда, главный агроном колхоза «Комсомолец» Александровского района Н. Мочалов, учитель Привольненской средней школы Красногвардейского района В. Белых, председатель Шпаковского района В. Гаркуша. — Ставропольская правда. — 1979, 8 марта. — (К 25-летию ученических бригад).
9. Постановление Губернатора Ставропольского края от 06.08.1998 № 547 «О возрождении ученических производственных бригад Ставропольского края» // Ученические производственные бригады Ставрополя: документальная хроника слетов. — Ставрополь, 1999.
10. Зима, Т. М., Самарина У. В. Ученические производственные бригады — важный фактор формирования кадрового потенциала аграрно-промышленного комплекса страны. Сборник трудов по материалам Всероссийской научной конференции (4 июля 2014). — Ставрополь, 2014.

Из истории арабских завоеваний в Согде: к биографии Деваштича, сына Йодахшитака

Гойибов Бобир Собирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник-исследователь Самаркандский государственный университет (Узбекистан)

В раннее средневековье Средняя Азия была под контролем Тюркского каганата. И существовавшие на этой территории государства находились от него в вассальной зависимости. Одним из таких государств была конфедерация Согда.

Несмотря на то, что взаимоотношения каганата и Согда в определенной степени освещены в исторической литературе, вопросы, связанные с биографией правителей конфедерации не получили должного изучения в науке. В частности, до сих пор нераскрыта личность Деваштича (708–722) сына Йодахшитака правителя Панча одним из восточных владений конфедерации.

Деваштич вырос в Пянджикенте, где женился на дочери местного правителя Чекин Чур Бильге. После его смерти он стал правителем Пянджикента. Будучи зороастрийцем, в 720 году он вместе с царем Согда Гуреком поднял восстание против арабских завоевателей.

Деваштич проводил сложную политику по отношению к своим соседям и арабам. С одной стороны он отправлял послов с подарками к тюркскому хакану и ферганскому царю и пытался таким образом создать антиарабскую коалицию. С другой стороны он как бы был в союзе с арабами. Об этом видимо и узнали арабы, судя по плаченному результату, которым все закончилось для Деваштича.

Обращения Деваштича к кагану за помощью против арабских завоевателей, в данном случае можно рассматривать как попытку сосредоточить внимание каганата на

сложившуюся конкретную ситуацию вокруг Панча (Пянджикента), — оставшегося недоступным для арабов вплоть до начала 3-го десятилетия VIII в. [15, с. 155–196; 16]

Если в политическом отношении центральная власть Согда подчинялась Тюркскому каганату, то в экономическом и других вопросах она сохраняла независимость. Так как Согд являлся регионом, дающим большие денежные сборы каганской казне, введение иного управления могло лишить каганат одного из основных источников доходов. В силу этого следует обратить особое внимание на независимость центрального правительства Согда и его умелое использование своего положения. Таким образом, Согдийская конфедерация по сравнению с другими подвластными территориями Тюркского каганата сумела сохранить свою внутреннюю независимость, в связи с чем в начальный период тюркского господства во внутренней жизни Согда ощутимых изменений не было введено [6, с. 128].

После разгрома Эфталитов в 60-е годы VI в. и начальный период управления Средней Азией, Тюркский каганат не вмешивался во внутреннюю жизнь местных государств и ограничивался лишь получением дани. Вследствие того, что Тюркский каганат стал непосредственно граничить с Сасанидским Ираном, отсюда могла исходить потенциальная опасность. Междуречье Сырдарьи и Амударьи — наиболее богатая часть из под-

властных каганату территорий, оказалась под угрозой внешнего вторжения. Нельзя было также исключить возможность попыток восстановления эфталитами своей власти в Средней Азии. Исходя из этого, каганат был вынужден содержать большое войско и назначать в областную и городскую администрацию края надежных, хорошо знающих военное дело лиц [3, с. 71–72], и через них управлять государством.

Несмотря на то, что в конце VI — середине VII в. Согд был зависим от Тюркского каганата, он в качестве конфедеративной государственной структуры располагал собственной системой внутреннего управления. Сложившаяся на протяжении веков система административного управления, в основном, не была изменена каганатом. Напротив, пытаясь адаптировать эту систему к системе управления в каганате, тюрки значительно совершенствуют административное управление в вассальных территориях Средней Азии, в том числе и Согде. Не был изменен там и внутренний порядок управления — тудуны оставались единственными, назначаемыми каганом наместниками [10, с. 88]. Между тем нельзя отрицать вклад тюрков в Согдийскую систему управления. Настенные изображения обнаруженные на Афрасиабе [1, с. 109], Панжикенте [2], а также в коропластиках [7] подтверждают нашу мысль.

Владение Панч в некоторых случаях проявляло относительную автономию как от центральной власти Согда, так и от Тюркского каганата. Подтверждением этого служат найденные при раскопках Панжикента более тысячи монет, на которых приведены имена и звания Панжикентских правителей. В результате изучения нумизматических данных выяснилось наличие женщин-правительниц Панжикента [13, с. 12].

В истории Средней Азии были свидетельства того, когда женщины занимали государственный престол. Нет сомнения, что и в Панжикенте этот факт имел место. Кто же эта женщина-правительница? Исследования показали, что это жена Деваштича — принцесса Нандиманпан. Не будучи ихшидом, Деваштич не имел права чеканить деньги, поэтому они чеканились от имени его жены, принцессы Нандиманпан. Наличие монетного двора в Панжикенте свидетельствует об относительной независимости от центра в экономической деятельности. Тот факт, что после Самарканда только Панжикент имел право чеканить квадратные монеты по типу китайских, может внести ясность в вышеприведенный пример [12, с. 9–10].

Исследователь Ю. Якубов приводит сведения, что расположенные в долине Зарафшана населенные пункты Паргар, Буттам не имели прямого подчинения центральному правительству в Самарканде, они были подотчетны Панжикенту и лишь с его разрешения подчинялись центру [14]. Возможно, этот факт имел место после захвата арабами Самарканда в 712 г.

Что касается притязаний Деваштича на Самаркандский престол, то у него в руках находились два сына царя Тархуна, и по этой причине он мог предъявлять права на пре-

стол. После завоевания Самарканда в 712 г. здесь была установлена власть арабов [10, с. 117]. Некоторое время спустя, в 715 г. Кутайба ибн-Муслим был убит в Фергане, что привело к ослаблению власти халифата в Согде. В результате возникает необходимость в человеке, имеющем связи с согдийскими правителями и в то же время, выполняющим указания арабов. Без сомнения, этим требованиям отвечали сыновья Тархуна, находившиеся под опекой Деваштича.

В соответствии «Самаркандскому договору» 712 г., Гурек являлся не ихшидом, а афшином, т.е. наследником престола [17, S. 407]. В согдийских документах, в том числе и в архиве с горы Муг, звание «афшин» не встречается. Возможно, арабы, не признавая в Гуреке царя, специально спровоцировали конфликтную ситуацию с Деваштичем.

Почему через 9 лет после смерти Тархуна арабам понадобились его сыновья? Одним из первых И. Ю. Крачковский делает предположение, что правители халифата хотели создать в Согде марионеточное правительство и через него управлять краем [13, с. 16]. В то время, когда ещё не было и речи о публикации согдийских документов с горы Муг, высказывание этой идеи имело особое значение. Малолетние сыновья Тархуна, находившиеся под опекой Деваштича, еще не могли самостоятельно управлять государством. Хорошо понимавший это, Деваштич, представившись арабам в качестве новообращенного приверженца ислама, предъявил свои права на трон. Также возможно, что арабы, захватив Самарканд в 712 г. не признали правителем Гурека и специально столкнули с ним Деваштича. Этот процесс вновь усилился после смерти Кутейбы.

Ясность в эту проблему может внести следующий факт. Несмотря на то, что Саид Хараши считал Абдурахмана ибн Субха ответственным лицом, контролирующим деятельность Деваштича, сам Деваштич стремился лично контактировать с Саидом Хараши. Для этого он направляет в ставку Саида Хараши Нижитака и жреца Курчи. Этим преследовалась цель — не только налаживание хороших отношений с арабами, но и утверждение своих притязаний на трон в качестве опекуна сыновей Тархуна [13, с. 129].

Здесь можно привести еще один факт, ускоривший приход к власти опиравшегося на Тюркский каганат Деваштича в Согде. Отряд тюрков под руководством Курсула прибывает в Самарканд в 720 г. для поддержки восставших согдийцев. Арабы, не желая вступать с ними в бой, запросили мира, за что заплатили 40 тысяч дирхам [4, с. 189]. В этот момент войска под руководством эмира Абдурахмана Мусайиб ибн-Башира ар-Рияха были направлены для разгрома восставших. Но эти действия не имели успеха, и арабы были вынуждены покинуть окрестности Самарканда.

После захвата Самарканда Кутейбой ибн-Муслимом и до прихода в город Саида ибн-Абдулазиза, согдийцами были сожжены мечети и они вернулись к своей религии. Впоследствии за это Саид ибн-Абдулазиз безжалостно

расправился с восставшими после захвата города [8, с. 250].

Именно за этим последовало становление Деваштича «царем Согда, правителем Самарканда». Это подтверждается письмом Абдурахмана ибн Субха, которое начинается словами «Царю Согда, правителю Самарканда». Из содержания письма следует, что арабы признали власть Деваштича в Согде [11, с. 111]. В источниках отражено, что Деваштич под этим титулом с 721 г. занял престол и в общей сложности управлял четыре месяца [15, р. 157].

А. Атаходжаев указывает, что Деваштич управлял под титулом «царь Согда, правитель Самарканда» в 712–714 гг. Он предполагает, что Деваштич значительно раньше начал свою деятельность претендуя на Самаркандский престол [9, б. 41].

Все это свидетельствует о том, что Деваштич после 712 г. до своей гибели (722 г.) претендовал на Самаркандский престол.

В результате анализа писем с архива горы Муг раскрыта сущность действий Деваштича в борьбе с арабскими завоевателями. Данные документов свидетельствуют о том, что Панч возглавлял борьбу Согда против арабов, для чего установил дипломатические отношения с соседними регионами.

На основе согдийских документов с горы Муг можно раскрыть особенности системы управления Согда, в основе которой лежит система управления в Панче. С при-

ходом к власти Деваштича эта система управления ещё более укрепилась. Накануне распада центральное управление в Согде ослабло, что также отразилось и на местном управлении.

Тщательное изучение таких согдийских документов с горы Муг, как А-14 — письмо согдийского посла Фатуфарна, отправленное из Чача [5, с. 34–51], В-17, В-18 — письма Деваштича хахсарскому правителю Афшуну [11, с. 221], позволяет нам полагать, что владение Панч Согдийской конфедерации сохраняло за собой права управления и противостояло арабскому проникновению.

В место вывода можно сказать, что письмо Фатуфарна из Чача, затем оперативная переписка между правителем Хахсара Афшуну и Деваштичем полностью подтверждают наши предположения.

В экономической и политической жизни проявляется относительная автономия владения Панч. Важное значение имеет то, что вопросы подчинения зависимых территорий центру, расположенному в Самарканде, решались через Панч. Тот факт, что Паргар в обход Самарканда отчитывался перед Панчем, свидетельствует о росте авторитета Деваштича после завоевания Самарканда арабами. В экономическом плане Панч был относительно независим от Самарканда и имел право чекана квадратных монет китайского типа. Обнаружение монетного двора в Панжикенте и большого количества монет подтверждает это.

Литература:

1. Альбаум, Л. И. Живопись Афрасиаба. — Ташкент: Фан, 1975. — с. 109.
2. Беленицкий, А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись скульптур. — М.: Искусство, 1973. — 65 с.
3. Бобоёров, Ф. Турк хоқонлигининг Мовароуннахрдаги бошқарув тизими хақида // O'zbekiston tarixi. 2004. — № 4. — Б. 71–72.
4. История ат-Табари / Пер. с араб. В. И. Беляева с доп. О. Г. Большакова, А. Б. Халидова. — Ташкент: Фан, 1987. — с. 189.
5. Лившиц, В. А. Согдийский посол в Чаче. Документ А-14 с горы Муг // СЭ. — М., 1960. — № 2. — с. 34–51.
6. Маликов, А. М. Этнокультурные процессы в Согде в эпоху раннего средневековья: тюрко-согдийские взаимодействия // История материальной культуры Узбекистана (Далее — ИМКУ). — Ташкент: Фан, 2008. — № 36. — с. 128.
7. Мешкерес, В. А. Коропластика Согда. — Душанбе: Дониш, 1977. — 125 с.
8. Насафий. Кандия Малая. Перевод В. Л. Вяткина / Справочная книга Самаркандской области. — Самарканд, 1906. — с. 250.
9. Отахўжаев, А. Сугд маҳаллий-маъмурий бошқаруви тизимида туркийлар // O'zbekiston tarixi. — Тошкент, 2004. — № 1. — Б. 41.
10. Отахўжаев, А. Илк ўрта асрларда Марказий Осиё цивилизациясида турк-сугд муносабатлари. — Тошкент: ART-FLEX, 2010. — Б. 88.
11. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II / Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. — М.: ИВЛ, 1962. — с. 111.
12. Смирнова, О. И. Материалы по сводному каталогу согдийских монет // Эпиграфика Востока (Далее — ЭВ). — М., 1952. — № 6. — с. 9–10.
13. Смирнова, О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. — М.: Наука, 1963. — с. 12.
14. Якубов, Ю. Паргар в VII–VIII веках нашей эры. — Душанбе: Дониш, 1979. — 216 с.
15. Grenet, F., Vaissière de la. The Last days of Panjikent // Silk Road Art and Archeology. — Kamakura, — VIII, 2002. — P. 155–196;

16. Vaissière de la? Sogdian traders: a history. Translated by J. Ward. (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section eight, Central Asia; v. 10). Brill, — Leiden—Boston, 2005.
17. Kurat, A. N. Kuteybe bin Muslim'in Hvarizam ve Semerkend'i zabti (higri 93—94 — miladi 712) // Ankara Universitesi Dil ve Tarih — Goprafiya dergesi. — Cilt VI. — № 4. — S. 407.

Религиозное сознание и общественная мысль Руси XIII — начала XV века: значение для современности

Давыдов Алексей Юрьевич, аспирант

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Произведения древнерусских летописцев и книжников всегда являлись для исследователей ценным историческим источником, позволяющим восстановить ход исторических событий в тот или иной период времени. Для всей истории России период, датируемый XIII — началом XV вв., является очень важным. Это период борьбы с татаро-монгольским игом, объединения русских земель, становления и развития русской государственности и культуры. Это время видных государственных и церковных деятелей, талантливых полководцев, проповедников, писателей и живописцев. Среди них на первом месте стоят великие князья Александр Невский и Дмитрий Донской, митрополит Алексий, митрополит Киприан, духовный и государственный деятель Сергей Радонежский, проповедник Серапион, просветитель зырян Стефан Пермский, писатель Епифаний Премудрый, живописцы Феофан Грек и Андрей Рублев и многие другие. Особенно важным является то, что именно в этот период наиболее ярко проявляются черты русской духовности, национального самосознания и патриотизма.

Обращение к истории Руси XIII — начала XV вв. является актуальным и в настоящее время. Важнейшие события этого сложного и тяжелого для Руси исторического периода, нашедшие отражение в произведениях русских летописцев и книжников, позволяют проследить развитие религиозной и общественной мысли Руси XIII — начала XV вв. и, что является наиболее ценным на сегодняшний день — извлечь уроки истории и глубже понять процессы, происходящие в современном мире.

Христианское мировоззрение стало прочной основой всей духовной культуры Руси уже с первых веков по принятии христианства, о чем свидетельствуют практически все произведения древнерусских авторов. «В понимании русичей христианская вера обозначала весь комплекс национальных духовных ценностей, а зачастую понятие «христианская вера» было созвучно понятию Родины. Ей противопоставлялось все злое и враждебное, принесенное на Русь врагами» [1, с. 434]. Еще недавние язычники, русичи, считали честью «положить головы за землю Русскую, за веру христианскую». Русское православие, соединившее в себе христианство, язычество и, что немаловажно — русский характер, представляло собой великую силу, что уже в те далекие времена пугало и не давало покоя За-

паду. Многие исследователи приходят к выводу о том, что в XIII в. замыслом западной католической церкви было уничтожение православия руками татаро-монгол. Так, в исследовании митрополита Бишкекского и Среднеазиатского Владимира «Земля потомков Патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия» говорится о том, что целью Бату — хана, когда он начинал свой Великий западный поход в 1235 г., было завоевание русских богатств и территорий, но отнюдь не посягательство на православную веру [3, с. 111—113]. Но, если в начале нашествия татары жестоко убивали, грабили и сжигали города и церкви, но не помышляли истребить православие, то целью западных врагов было сломить и уничтожить основную внутреннюю духовную силу русского народа — православную веру. Победы войск князя Александра Невского в Невской битве в 1240 г. и Ледовом побоище в 1242 г. олицетворяли решительный перелом в борьбе с западными врагами.

Исторические источники Куликовского периода свидетельствуют о том, что намерением «безбожного» Мамай было уже не только подчинить себе Русь, но и уничтожить православие.

Необходимо отметить, что сам Мамай ассоциировался в сознании русских людей с Юлианом Отступником — последним римским языческим императором Флавием Клавдием Юлианом (331—363). Известно, что Юлиан, пытаясь восстановить в Римской империи язычество, устраивал жестокие гонения на христиан.

В «Сказании о Мамаевом побоище» говорится, что московский князь Дмитрий Иванович, узнав о намерениях Мамай, обратился ко всем князьям русским с такими словами: «Братья князья русские, из рода мы все князя Владимира Святославовича Киевского, которому открыл Господь познать православную веру, ... и заповедовал нам ту же веру святую твердо держать и хранить и биться за нее. Если кто за нее пострадает, тот в будущей жизни ко святым первоученикам за веру Христову причислен будет» [6, с. 149]. Эти слова русского князя, ясно выражавшие его твердую христианскую позицию, являлись основной идеей религиозного сознания всего русского народа.

Описывая важнейшие события, летописцы и книжники в то же время уделяли огромное внимание описанию

личных, нравственных качеств человека. Победа в Куликовской битве в 1380 г., по глубокому убеждению русских людей, была одержана не только благодаря мужеству воинов и таланту полководца, но и благодаря высоким личным качествам князя Дмитрия, его нравственности и духовности: «Дмитрий же доблестен был и добр нравом, велик в своем величии, решителен в добродетельных делах» [8, с. 225].

Летописные источники свидетельствуют о том, что основной причиной обрушившихся на Русь бедствий, были братоубийственные войны, кровавые междоусобицы, падение нравственности, что являлось нарушением основных христианских заповедей. Так, в «Словах» и «Почтениях» писателя — проповедника XIII в. епископа Владимирского Серапиона звучит обличение в том, что во многих «... зависть умножилась, злоба держит в покорстве, тщеславие разум вознесло, к ближним ненависть вселилась, ... ненасытная жадность поработила».. Эти слова Серапиона, сказанные им еще во времена татаро — монгольского нашествия, не теряют своей значимости на протяжении многих веков и, к сожалению, остаются актуальными и в современном мире.

Христианские заповеди, такие простые и понятные, остаются трудновыполнимыми очень для многих. Подтверждением этому являются страшные события на Украине: гибель невинных людей, алчность, ненависть, ложь — все это представляет грандиозное по своему размаху и цинизму нарушение христианских заповедей, что, как подтверждает история, приводит к еще большим бедствиям. «Правду отрунули, любви не имеете, зависть и лесть процветают в вас, и вознесся ваш разум», — писал епископ Владимирский Серапион, обращаясь к творящим зло и враждующим между собой русским князьям. Однако, как подходят его слова к тем, кто сегодня бесчинствует на Украине и пытается угрожать России. «Лучше, братья, отстанем от злого, прекратим все злодеяния: разбой, грабежи, пьянство, прелюбодейство, скряжничество, ростовщичество, обиды, воровство, лжесвидетельство, гнев и ярость, злопамятство, ложь, клевету», — призывает Серапион [7].

Священнослужители Украины всегда помнили о том, что сохранение духовного единства трех православных славянских народов — это исполнение воли Божией, это Божий путь — быть единой Святой Русью. Преподобный Лаврентий Черниговский (1868—1950), ныне причисленный к лику святых, писал: «Наши родные слова — Русь и Русский. И обязательно нужно знать, помнить и не забывать, что было крещение Руси, а не крещение Украины. Киев — это второй Иерусалим и мать русских городов. Киевская Русь была вместе с великой Россией. Киев без великой России и в отдельности от России немислим ни в каком и ни в коем случае» [9]. Однако нынешняя политика украинских деятелей и политика Запада по отношению к Украине и России явно идут вразрез с мудрыми словами старца Лаврентия. Так, в своем интервью священник Русской Православной Церкви Мо-

сковского Патриархата, настоятель храма во имя Святой Троицы протоиерей Владислав Озеров, высказывая свое мнение относительно событий на Украине, отмечает, что все происходящее сейчас на Украине «однозначно инициировано с Запада». Владислав Озеров обращает внимание на тот факт, что стремление оторвать Украину от России ясно прослеживалось еще лет двадцать назад, когда об этом писал «ярый ненавистник Православия» Бжезинский. Все происходящее на Украине — это война против Святой Руси, против идеи триединой государственности, это фактический удар по России. «Европа же фактически обезумела, взбесилась, с принятием различных аморальных законов стала носителем антихристианского духа», — подчеркивает Владислав Озеров [5], что перекликается с высказыванием, сделанным еще в XIX веке Святителем Феофаном Затворником (1815—1894). Святитель пишет: «Нас увлекает просвещенная Европа... Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся как помешанные, сами себя не помня... Западом наказал и накажет нас Господь, а нам в толк не берется... Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим, есть уши, но не слышим, и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас!» [9]

В своем Послании к Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года президент Владимир Путин обратил особое внимание на ситуацию на Украине. Он подчеркнул, что Москва не будет подчиняться Западу: «Как можно поддержать вооруженный захват власти, насилия, убийства?» Обращаясь к теме воссоединения Крыма и Севастополя с Россией, президент отметил, как важно не забывать историю Руси, потому что «именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как его называли русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, который затем крестил всю Русь». Президент подчеркнул роль христианства в том, что оно «явилось мощной духовной объединяющей силой, которая позволила включить в формирование единой русской нации и образования общей государственности самые разные по крови племена и племенные союзы всего обширного славянского мира». Особенно важным является то, что «именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом» [4].

События, происходящие сейчас на Украине, политика Запада по отношению к России и Украине особенно остро перекликаются с историей Средневековой Руси. Запад всегда испытывал страх перед мощью русского Православия и стремился всеми способами подорвать национальные основы жизни, духовный фундамент Руси.

Обращение к историческим источникам XIII — начала XV вв., ясно показывает, что по глубокому убеждению древнерусских летописцев и книжников сила и мощь государства зависит не только от укрепления военных, экономических и политических позиций. Для древних русичей

именно духовная сфера, нравственные ценности являлись прочной основой сильного государства.

Древнерусские летописцы и книжники создавали свои произведения не только для своих современников. Они надеялись на то, что их «Слова», «Поучения» и «Жития» будут читать и будущие поколения. И не только читать, но извлекать пользу, следовать примерам высокой нравственности и духовности. Так, Елифаний Премудрый, начиная повествование о праведной жизни величайшего церковного и государственного деятеля XIV в. Сергия Радонежского, выражает надежду на то, что «кто-нибудь

последует примеру жизни Сергия и от этого пользу получит» [2, с. 257].

Произведения древнерусских авторов, основанные на нравственных идеях христианства, и по сей день помогают найти ответы на насущные вопросы времени и способы их решения. Они содержат в себе огромный духовный потенциал, который не теряет своей силы на протяжении многих веков и является ценным источником воспитания чувств гуманизма, патриотизма, высокой нравственности и духовности, способствует укреплению национального самосознания.

Литература:

1. Давыдов, А. Ю. Влияние христианства на духовную культуру Руси в XIII веке. // Молодой ученый. 2013. № 10 (57). С. 432–437.
2. Житие Сергия Радонежского. Подг. текста и ком. Д. М. Буланина, пер. М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина. // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV века. 583 с.
3. Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир. Земля потомков Патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М: Московская Патриархия, 2002. 352 с.
4. Послание президента РФ В. В. Путина федеральному собранию на 2015 год 4 декабря: [Электронный ресурс]. URL: <http://goodevent43.ru/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-na-2015-god-4-dekabrya/> (дата обращения 20.12.2014).
5. Протоиерей Владислав Озеров. Православный взгляд на происходящее в мире: [Электронный ресурс]. URL: <http://pravoslavnyadrujba.ru/viewtopic.php?id=1744> (дата обращения 20.12.2014).
6. Сказание о Мамаевом побоище. Подг. текста В. П. Бударagina и Л. А. Дмитриева, пер. В. В. Колесова, ком. Л. А. Дмитриева. // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV века. 583 с.
7. Слова и поучения Серапиона Владимирского. Подг. текста, пер. и ком. В. В. Колесова: [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы РАН. Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. 527 с. URL: <http://pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4963> (дата обращения 10.12.2014).
8. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича. Подг. текста, пер. и ком. М. А. Салминой. // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV века. 583 с.
9. Украина и новый мировой порядок: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaistinu.ru/articles?aid=2887> (дата обращения 20.12.2014).

Реализация применения нормативно-правовых актов на местном уровне в деле открытия аптек в городах Тобольской губернии (вторая половина XIX века)

Ерофеев Ярослав Александрович, аспирант
Тюменский государственный университет

В середине XIX в. управление аптечным делом, а также всей врачебной частью в Российской империи осуществлялось Министерством внутренних дел (МВД). В его рамках полномочия разделялись между структурами: Медицинским департаментом и Медицинским советом. Такой порядок сохранялся до 1904 г., когда по высочайшему утверждению управление медицинской частью разделилось между Управлением главного врачебного

инспектора, Главным управлением и Советом по делам местного хозяйства [2, с. 278].

Местное медицинское управление, в том числе и аптечное дело в губерниях, начиная с 19 января 1797 г., по высочайшему утверждению Павла I осуществляли Врачебные управы, вплоть до земской реформы 1864 года [3, с. 287].

В отличие от центральной части России, в Сибири земская реформа 1864 г. так и не была реализована. В губер-

ниях Сибири, в том числе Тобольской, где не были введены правила 8 июня 1865 г. (присоединившие Врачебные управы к губернским правлениям), органом управления оставались Врачебные управы [1, с. 17].

В функции Врачебных отделений губернских правлений входило:

1. осмотр всех вольных аптек, к которым причислялись и состоявшие при казённых заведениях, если в них производилась вольная продажа лекарств (кроме казённых аптек, подведомственных Главному Военно-Медицинскому управлению);

2. надзор за продажей из лавок аптекарских материалов и лекарственных веществ, особенно ядовитых и сильнодействующих;

3. рассмотрение требований лекарственных предметов и перевязочных средств для воинских чинов, находящихся в лечебных заведениях гражданского ведомства;

4. выдача разрешений на продажу различных косметических и других, принятых в обществе, не лекарственных средств;

5. исследование привозимых из-за границы косметических веществ, минеральной воды, продуктов питания и напитков;

6. рассмотрение и утверждение в печать объявлений о продаже лекарств, о способах их употребления и о способах лечения болезней;

7. разработка правил хранения лекарств [20, с. 178—179].

К середине XIX в. в России существовали казённые аптеки — для снабжения армии и флота и учреждения под управлением гражданских ведомств, а также вольные (частные) — с правом платной продажи лекарств.

В связи со становлением и развитием аптечного дела по всей России, в том числе и в городах Тобольской губернии в середине XIX—начале XX в. требовалось на законодательном уровне закрепление правил и норм контроля. Вследствие этого были подготовлены и составлены различные нормативно-правовые акты, такие как: Устав об Общественном Призрении [23, с. 6] и Врачебный устав, напечатанный в первый раз в 1857 г., во второй — в 1892 г. и в третий — в 1905 году [19, с. 176].

Местные власти совместно с органами здравоохранения (в Тобольской губернии — с 1 ноября 1895 г. Врачебное отделение тобольского губернского управления) на основе статей этих нормативно-правовых актов осу-

ществляли создание, руководство и контроль работы всех аптечных учреждений [17, с. 56].

Согласно Врачебному уставу, казённые аптеки учреждались по распоряжению МВД, а вольные — с разрешения Медицинского департамента МВД. Желавший учредить аптеку, подавал прошение с приложением свидетельства на фармацевтическое звание: по С-Петербургской губернии — в Физикат, по Московской — в Медицинскую контору, а по прочим губерниям — в местную Врачебную управу. Местное медицинское начальство после предварительного обсуждения с губернским начальством и оценки должно было представить своё заключение в Медицинский департамент МВД. Оценка проводилась по нескольким критериям. Во-первых, действительной необходимости в учреждении новой аптеки, в соответствии с местными обстоятельствами: численностью населения, числом находившихся уже в том городе или местечке аптек; во-вторых, поимённых отзывов от других содержателей местных аптек на счет того, может ли новая аптека быть открыта, с объяснением причин, препятствующих открытию, если такие были.

После одобрения департамента Врачебная управа давала разрешение на учреждение аптеки с условием открыть её обязательно в течение года, так как потом заканчивалось действие разрешения как на учреждение аптеки, так и на передачу полученного разрешения кому-то другому. Само открытие аптеки допускалось только после предварительного осмотра и подтверждения того, что она снабжена в достаточном количестве аптечным материалом соответствующего качества, необходимыми препаратами, медицинской посудой и прочим необходимым инвентарём [21, с. 219].

Вся процедура открытия аптек, прописанная в законодательных актах, соблюдалась тщательным образом и в городах Тобольской губернии в исследуемый период. Так было и с основанием частной аптеки в Ишиме. Провизор Эдуард Ричард Шенрок в 1875 г. просил у императора Александра II разрешение на открытие аптеки в Ишиме [5, с. 1]. В связи с этим местное медицинское управление должно было получить обязательные статистические данные, обосновывавшие возможность открытия аптеки.

В Тобольское врачебное управление от Тобольского губернского статистического комитета поступила справочно-статистическая информация.

Таблица 1

Численность населения в Ишиме в 1873 году (человек) *

Пол	Количество, чел.
Мужчин	1692
Женщин	1222
Итого	2914

*Составлено по: ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 123. Л. 4.

Таблица 2

Расстояние от Ишима до ближайших городов*

Город	Расстояние (вёрст)
Ишим	Тара
	Тюмень
	Тобольск
	Курган
	452
	304 1/4
	405
	422 1/4

*Составлено по: ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 123. Л. 4.

Однако 3 октября 1876 г. Р.Э. Шенрок по невыясненным причинам отказался от своей просьбы, а 21 января 1879 г. повторно направил своё прошение во Врачебное отделение Тобольского губернского управления, приложив формулярный список о своей фармацевтической деятельности. Медицинский департамент МВД подготовил резолюцию от 14 декабря 1879 г. о том, что 23 марта 1877 г. было выдано разрешение за № 1999 провизору Р. Собечко на открытие аптеки в Ишиме. Так как он этим разрешением в установленный срок не воспользовался, Р.Э. Шенрок, в соответствии с законодательством, получил право на открытие аптеки, которое успешно реализовал [7, с. 17, 52, 61, 94].

В городах Тобольской губернии в середине XIX в. активно осуществляли лекарственную деятельность вольные (частные) аптеки, а к началу XX в. они получили большее распространение, чем казённые. К их работе имели отношение почти все утверждённые государственные нормативно-правовые акты. Вольные аптеки создавались с разрешения Медицинского департамента Министерства внутренних дел.

На основании Врачебного устава, «аптеки разрешалось учреждать как в столицах, так и во всех городах и местечках Империи всякому кто пожелает, но с тем, чтобы учредитель или содержатель, буде сам намерен управлять аптекой, а в противном случае избранный им управляющий, имели по испытанию в Фармацевтической науке звания аптекаря или провизора и были не моложе двадцати пяти лет от роду» [22, с. 218].

Первые правила открытия аптек были утверждены правительством 8 июня 1864 г. циркуляром Медицинского департамента № 5335 «О новых правилах открытия аптек» [16, с. 476]. Правила создания аптек во многом определяли статистические данные: нормы числа жителей, количества рецептов и денежного оборота на одну аптеку. По этим правилам, на каждую аптеку в столице должно было приходиться 12 000 жителей, 24 000 номеров рецептов в год и 14 000 руб. денежного оборота. Для губернских городов эти нормативы составляли 10 000 жителей, 12 000 номеров рецептов и 7 000 руб. товарооборота. Для уездных городов нормативы составляли 5 000 жителей и 6 000 номеров рецептов. Для сельских аптек в расчёт принималось только расстояние между аптеками: оно должно было быть не менее 15 верст.

Новые правила об открытии аптек были утверждены МВД 10 февраля 1872 года. Их заменили правила, изложенные в циркулярах МВД от 8 июля 1864 г. и 22 марта 1865 года. Эти правила действовали на всей территории Российской империи, в том числе и Тобольской губернии. На них ссылались местные руководящие органы, если какой-нибудь человек хотел открыть аптеку в определённом городе.

Число городских аптек ограничивалось, прежде всего, числом проживавших в черте города постоянных жителей. В особых случаях, например в условиях наличия промышленности или иной сферы производства в данной местности, для расчета необходимого количества аптек принимались во внимание, помимо численности городских жителей, показатели годового оборота рецептов и денежной выручки за трёхлетний период. Эта цифра должна была быть в столицах не менее 14 000 руб., что составляет 24 000 рецептов, в губернских городах — 7 000 руб. оборота или 12 000 номеров рецептов, а в уездных городах, местечках и посадах — 4 000 руб. оборота или 6 000 номеров рецептов [4, с. 8–9].

По мнению М.Г. Королёвой, достаточно прогрессивным стал Циркуляр Министерства внутренних дел от 25 мая 1873 г., который отменял все подобные правила, изданные до него [15, с. 152]. Циркуляр внёс следующие изменения: была отменена аптечная монополия по показателю годового товарооборота, и изменена в пользу владельцев аптек норма рецептов для столичных и губернских городов.

Количество аптек ограничивалось в городах числом находившихся постоянных жителей и поступавших (в трёхлетней сложности) ежегодно номеров рецептов и их повторений. Поэтому для обеих столиц предусматривалось на каждую аптеку постоянных жителей не менее 12 000, а номеров рецептов и их повторений в год 30 000; для губернских городов — 10 000 жителей и 15 000 номеров рецептов; для уездных городов — 7 000 жителей и 6 000 номеров рецептов, для военных портов — 7 000 жителей и 12 000 рецептов.

Вследствие этого открытие новой аптеки могло быть разрешено, если количество постоянных жителей сравнивалось с числом поступивших за трёхлетний период рецептов или если выявлялось избыточное, по отношению к нормативам число полученных рецептов. Этот излишек для уездных городов составлял — 6 000; для военных портов — 12 000; для губернских городов — 15 000; для

столиц — 30 000. При этом открытие новой аптеки разрешалось преимущественно в той части города, в которой именно выявлялось увеличение нагрузки на одну аптеку по количеству номеров рецептов или их повторений.

Правила определили и порядок открытия аптек. При подаче несколькими фармацевтами просьб о разрешении открыть аптеку преимущество давалось тому из них, который не имел ещё в своем владении аптеки и не получал ещё нигде привилегии на её учреждение. Если же просители уже владели где-либо аптеками, то принималось в расчёт первенство по времени обращения, а при равенстве прав и единовременности подачи просьб — высшая учёная степень фармацевта. Фармацевт, подавший просьбу об открытии аптеки в какой-либо местности, мог быть лишён преимущества перед другими только в том случае, если он был безнравственного поведения или был замечен в неправомерных действиях в ходе своей фармацевтической практики. Также в том случае, если у него была судимость по уголовной статье.

Если владельцы вольных аптек допускали приписки в отчетах о количестве обработанных рецептов, и этого количества оказывалось приблизительно достаточно для открытия новой аптеки, то открытие её разрешалось независимо от законной ответственности за неверное показание виновных [14, с. 1–2].

Рассматривая правила открытия аптек, утверждённых МВД, необходимо отметить дотошность чиновников, которые высчитывали числовые показатели для разных населённых пунктов, старались учесть все нюансы социально-экономического положения, предоставляли возможности для развития частного предпринимательства. Эти циркуляры в какой-то степени уменьшали монополию владельцев аптек при решении вопроса о создании новых аптечных учреждений. Однако противостояние держателей аптек против открытия новых было сильным.

Так обстояли дела и в городах Тобольской губернии в середине XIX—начале XX века. 12 мая 1880 г. в Тоболь-

скую врачебную управу поступило прошение провизора Ф. Розенлхентера об открытии в Ишиме аптеки. Ответ управы выразился в резолюции, что в Ишиме уже есть аптека [6, с. 66]. Несмотря на это, 7 января 1882 г. ещё один провизор Павел Алексеевич Иванов, проживавший в г. Шадринске, подал подобное прошение, но результат был тот же [13, с. 80]. Врачебная управа при ответе на прошения провизоров исходила из правил открытия аптек. Она не могла допустить открытие новых без изменения установленных центральной властью норм. Это соблюдение нормативно-правовых актов местной властью говорит об её чётком подчинении центру.

В 1884 г. в городе Ялуторовске развернулась борьба за право открытия «сельской» аптеки. Три провизора подали свои рапорты в Тобольскую врачебную управу: 23 июля Соломон Моисеев Айзенштадт; 18 августа Ахиллес Альбин Леонарда-Ахил Песке; 31 августа Иван Александрович Лучшев. Однако право открытия было отдано С. М. Айзенштадту. Он позднее 4 февраля 1889 г. просил Тобольскую врачебную управу разрешить открыть третью аптеку в Тюмени, но, получив отказ, не оставил попыток, повторно подал прошение 5 декабря 1895 года. На это прошение 29 декабря 1895 г. Ялуторовское окружное полицейское управление вынесло отрицательное решение, мотивировав его незначительным для 3-летнего периода количеством рецептов в двух открытых аптеках. Общее количество рецептов составило 13 174 штук [8, с. 1, 5, 6, 19, 32, 96, 98]. Полицейское управление при ответе на прошение воспользовалось правилами открытия аптек 1873 года.

В 1898 г. в городе Тюмени действовали две вольные аптеки. 5 июня провизор Алексей Ильич Герасимов подал прошение «Его Превосходительству Губернатору Тобольской губернии» об открытии новой аптеки [9, с. 1]. На это два держателя действовавших аптек Тюмени представили отчёт за три года.

В конце своих отчётов провизоры сделали вывод, что Тюмень в третьей аптеки не нуждалась, так как их аптеки

Таблица 3

Отчёт владельцев частных аптек г. Тюмени*

Владельцы аптек	Год	Число рецептов	Выручено от продажи (руб.)		Сумма годового оборота (руб.)
			Рецептурной	Ручной	
Феофания Никоновна Табанакова	1895	10106	5164,5	1625,9	6789,14
	1896	11329	5667,75	1528,28	7196,3
	1897	10677	5298,80	1507,88	6806,68
	Итого	32112	16130,60	4661,25	20721,85
Ольга Яковлевна Дранишникова	1895	3920	1942,84	631,62	2574,26
	1896	4329	2185,73	660,99	2846,72
	1897	3634	1048,61	853,60	1922,21
	Итого	11883	5177,18	2146,21	7343,19

*Составлена по: ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 654. ЛЛ. 2–3.

размещались удобно в центральной части города, жалоб на недостаток и задержку выдачи лекарств не было, персонал справлялся с потребностями населения [12, с. 2–3].

1 июля 1898 г. рапорт об открытии аптеки во Врачебное отделение Тобольского губернского управления передал провизор А. А. Каденаций [10, с. 7]. На это Врачебное отделение Тобольского губернского управления подготовило доклад. Оно проанализировало данные отчётов владельцев аптек и количество жителей в городе и пришло к выводу, что открытие третьей аптеки имеет все законные основания, но не в центральной части города, а в Заречной. Так как А. И. Герасимов отдал прошение первым и не имел аптеки, то, согласно правилам от 23 мая 1873 г., Губернское управление МВД посчитало справедливым отдать право открытия аптеки ему [11, с. 15–16].

Таким образом, несмотря на официальную отмену, аптечная монополия продолжала играть существенную роль. Из архивных данных видно, насколько привлекательной была идея открытия своего дела для частных предпринимателей. Прогрессирующий финансовый доход при умелой организации делал аптеку очень рентабельным предприятием. Это способствовало тому, что в 1906 г. циркуляром МВД от 25 февраля 1906 г. центральная

власть вновь усовершенствовала правила открытия аптек. Основным в новых инструкциях было упразднение существовавших норм количества рецептов на одну аптеку, что в итоге способствовало развитию аптечной сети [18, с. 193].

Система управления аптечным делом строго регламентировала порядок подчинённости: казённые аптеки находились в подчинении Департамента казённых врачебных заготовлений МВД; вольные аптеки подчинялись Врачебным отделениям губернских правлений, а те — Медицинскому департаменту Министерства внутренних дел. Больничные, университетские, заводские и другие аптеки находились в подчинении по своему ведомству.

Сложившаяся в середине XIX—начале XX в. законодательная база аптечной деятельности регламентировала два основных вида аптечных учреждений: казённые и частные. Первые были рассчитаны на лекарственное обеспечение военного и гражданского населения через медицинские, образовательные и пенитенциарные заведения, а вторые производили вольную продажу гражданскому населению не только медикаментов, но других сопутствующих товаров. Законодательство, в частности правила открытия аптек, обеспечивало в основном интересы владельцев частных учреждений.

Литература:

1. Варадинов, Н. В. Аптекарский устав. СПб., 1880. с. 17.
2. Высочайше утверждённое положение I. О Совете и Главном управлении по делам местного хозяйства в составе Министерства внутренних дел и II. Об управлении Главного Врачебного инспектора Министерства внутренних дел // ПСЗРИ. Собрание III (1881–1913). Т. XXIV. Отделение I. 1904. № 24253, I Положение. СПб., 1907. с. 278.
3. Высочайше утверждённый доклад Медицинской коллегии. Об учреждении медицинских управ // ПСЗРИ. Собрание I (1649–1825). Т. XXIV. Отделение I. С 6 ноября 1796 по 1798. № 17743. СПб., 1830. с. 287.
4. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-325. Оп. 1. Д. 79. ЛЛ. 8–9.
5. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 123. Л. 1.
6. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 123. Л. 66.
7. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 123. ЛЛ. 17, 52, 61, 94.
8. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 206. ЛЛ. 1, 5, 6, 19, 32, 96, 98.
9. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 654. Л. 1.
10. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 654. Л. 7.
11. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 654. ЛЛ. 15–16.
12. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 654. ЛЛ. 2–3.
13. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 79. Л. 80.
14. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 79. ЛЛ. 1–2.
15. Королёва, М. Г. История аптек города Москвы. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. с. 152.
16. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1862, 1863 и 1864 годы. Ст. 81. СПб., 1873. с. 476.
17. Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 год. Тобольск, 1898. с. 56.
18. Тобольские губернские ведомости. № 8 Действия правительства. Высочайшие повеления. Циркуляр МВД от 25 февраля 1906 г. № 330. с. 193.
19. Устав Врачебный // СЗРИ. Т. XIII. Издание 1905. с. 176.
20. Устав врачебный // СЗРИ. Т. XIII. Раздел I. Гл. I. Отделение I. С. 178–179.
21. Устав врачебный // СЗРИ. Т. XIII. Раздел IV. Гл. I. Отделение I. Издание 1892. с. 219.
22. Устав врачебный // СЗРИ. Т. XIII. Раздел IV. Гл. I. Отделение I. Издание 1892. с. 218.
23. Устав Общественном Призрении // СЗРИ. Т. XIII. Издание 1892. с. 6.

Земский деятель Мальцевский

Забелин Владимир Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, профессор
Северо-Кавказский социальный институт (г. Ставрополь)

В 1913 г. на Ставрополье было введено земство. С 15 января заработали уездные комиссии по введению земства в губернии, а осенью должны были начать функционировать земские учреждения. Так оно и получилось. 1 сентября в с. Благодарном начала работать сформированная Благодарненская уездная земская управа Ставропольской губернии. Первым ее председателем стал коллежский асессор, помощник ревизора Ставропольской контрольной палаты Александр Николаевич Мальцевский, 1875 года рождения, имевший в собственности землю во 2 и 3 станах 3 земского участка Благодарненского уезда [8]. В данной статье рассмотрим некоторые моменты деятельности Мальцевского в этой должности и ее отражение на страницах губернской прессы.

С самого начала своей деятельности Александр Николаевич заявил о себе, как о жестком, авторитарном руководителе, единолично принимающем решения. Например, на совещании уездных врачей 14–17 сентября Мальцевский, при обсуждении вопроса об условиях и режиме работы уездных врачей, на реплику последних, что предложенная им система труда является «потогонной», и что при ней врачи начнут через два месяца умирать — ответил: «семья получит пенсию» [3]. Также заявил, что сам будет принимать решения о переводе врачей с участка на участок.

С целью оправдания своих действий в декабре месяце А. Н. Мальцевский опубликовал в газете «Северокавказский Край» статью под названием «Письмо в редакцию», в которой раскритиковал деятельность одного из членов управы [5].

Ответ не заставил себя ждать. 5 января 1914 г. Члены Благодарненской уездной земской управы Аким Прокофьевич Лелеков, Николай Карпович Бондаренко и Корней Семенович Униятов в той же газете ответили на критику Мальцевского: «По поводу «Письма в редакцию» в № 800 от 29 декабря 1913 г. председателя Благодарненской уездной земской управы г. Мальцевского, мы, члены управы ради восстановления истины обязаны заявить следующее:

В своем письме г. Мальцевский пишет: «между мною и членами Благодарненской уездной земской управы с начала работы в земстве были самые наилучшие отношения. Не задолго до уездного очередного земского собрания, один из членов управы, называть которого я повременю, по неизвестным для меня побуждениям, сначала тайно, а потом и явно стал ко мне во враждебное отношение, стараясь возвысить свое я, умалить в глазах других работу и все начинания председателя, может быть лишь потому, что самому ему хотелось быть на месте председателя, к этому же он не брезгая никакими способами, старался склонить и других членов управы».

Хотя по каким то одному ему известным побуждениям г. Мальцевский заявляет, что называть члена управы, о котором в вышеприведенном отрывке из письма идет речь, он «повременит», но так как г. Мальцевский подобное обвинение высказывал при нас неоднократно заступающему место председателя управы г. Бондаренко, то скрывать это «инкогнито» нет никаких оснований и надобностей.

Считаем долгом заявить, что означенное обвинение г. Мальцевского по меньшей мере нелепо, г. Бондаренко имел полную возможность быть председателем управы, так как был избран на эту должность ранее г. Мальцевского и отказался от занятия этого поста, приняв должность члена управы. И если бы даже должность председателя управы ныне оказалась вакантной за уходом г. Мальцевского ранее срока, то и при этом условии, если бы г. Бондаренко был избран на должность председателя, он отказался бы. Изложенное подтверждаем настоящим письмом, над которым стоит и подпись Бондаренко.

Заявление г. «Не земского» в его статье (№ 794 «Северокавказский Край») «На губернском собрании» со слов одного гласного, что в нашей управе между председателем г. Мальцевским и членами г.г. Лелековым, Бондаренко и Униятовым произошли недоразумения, вызванные нетактичностью и резкостью отношений г. Мальцевского к членам управы», — совершенно правильно.

Перечислять же эти, «нетактичности и резкости» мы пока считаем не нужным.

Далее в своем письме г. Мальцевский заявляет: (орфография подлинника) «вопреки ст. 102 Положения о земских учреждениях им был внесен от имени всех членов управы проект правил внутреннего распорядка на рассмотрение очередного собрания и он не потрудился даже предварительно внесения, показать их мне».

Ст. 102 Положения о земских учреждениях «общий надзор за правильным течением дел в земской управе и подведомственных ей учреждениях принадлежит председателю. Власти его предоставляются распоряжения о собрании сведений, приготовлении дел к докладу и т.п. исполнительные действия».

Из точного смысла этой статьи совершенно не видно, что члены управы о каждом заявлении, которое они хотят сделать земскому собранию, должны «предварительно» испрашивать «разрешения» у председателя управы. Выражение же г. Мальцевского «он не потрудился даже предварительно внесения показать их мне» лишний раз подчеркивает его взгляд на членов управы, как на подчиненных ему служащих, а не как на равноправных членов коллегии.

Независимо изложенного заявление г. Мальцевского о том, что ему не были показаны «правила внутреннего

распорядка» — совершенно не соответствует действительности.

Г-н Мальцевский не только не видел эти правила до их внесения, но и изъявил свое согласие на их внесение с тем условием, чтобы был исключен пункт приглашения служащих управы и определении им содержания по коллегиальному постановлению управы.

«Никогда и никому из членов управы я не говорил о своих будто бы дружественных отношениях к представителям губернской власти, так как с властью у меня строго служебно-подчиненные отношения. О разгоне управы я никогда даже не думал, а напротив, часто высказывал и теперь повторяю, что если и были некоторые шероховатости, вызванные одним из членов управы, то они со временем сгладятся и отношения будут самые нормальные, так как каждый из нас призван служить на благо края».

О том, что г. Мальцевский с высшими представителями губернской власти в весьма дружественных отношениях, он твердит нам постоянно. А ныне совершенно без причины увольняет секретаря управы, определенного коллегиальным постановлением управы, увольняя единоличным «приказом по управе» он, на замечание секретаря, что последний определен коллегиальным постановлением управы и поэтому управою, как таковой, может быть уволен. По словам секретаря, заявил ему, что на постановление управы ему «наплевать», так как все, что захочет он, якобы «проведет» в Ставрополе.

О «разгоне» же управы г. Мальцевский заявил во время земского собрания в местах для публики, выразившись так: «они хотят провести правила, но я разгону всю управу». Фамилии слышавших в случае надобности могут быть названы. Далее, г. Мальцевский заявляет, что «если и были некоторые шероховатости, вызванные одним из членов управы, то они со временем сгладятся и отношения будут самые нормальные».

Едва ли может оправдаться заявление г. Мальцевского, что отношения между нами и ими «будут самые нормальные» при том образе действий, который он повел за последнее время. Полное пренебрежение к мнению членов управы, заявление служащим исполнять лишь его приказания (отсюда отсутствие какой бы то ни было дисциплины среди служащих управы) и наконец «отдание» приказа об увольнении секретаря управы и смещении бухгалтера, приглашенных им же г. Мальцевским, а потом уже, по получении согласия г. губернатора, утвержденных управою, так как лица, кои обладают специальными познаниями и подготовкой, согласно Положения о земских учреждениях (ст. 105) приглашаются управою.

Что каждый из нас призван служить на благо края, это нам известно. Но знаем мы также и то, что общественное благо может быть осуществлено лишь при единении сил.

Кто же виноват в том, что между председателем и членами управы произошло такое «разъединение» покажет скорое будущее. На кривде далеко не укачешь» [6].

Письмо членов управы сопровождалось «Одой», написанной местным сатириком Чапрушой (журналист П. Холодков).

8 января критике Мальцевского была посвящена следующая статья-передовица в «Северокавказском Крае»: «Мальцевский выступил в печати против некоторых статей, относительно его деятельности и те его письма в редакцию, которые редакцией не были напечатаны, обнаруживают гораздо больше самомнения, чем самых примитивных понятий о долге и роли общественного деятеля, облеченного доверием населения.

Причины такого поведения г. Мальцевского разгадать, конечно, не трудно: помимо некоторых чисто природных качеств характера здесь действовали еще и чисто случайные факторы.

Вчера еще бедный чиновник контрольной палаты, трепетавший пред взглядом начальства, — сего дня становится обладателем крупного состояния и особой, приравняемой к особам пятого класса! При отсутствии сдерживающих начал не трудно потерять голову. Но все это явление субъективное и, не проявившись оно на поприще общественной деятельности, — оно носило бы исключительно характер частного интереса.

В истории же с г. Мальцевским есть и другая сторона. — Как мог вчерашний, никому неизвестный, маленький чиновник контрольной палаты оказаться на ответственном общественном посту? Вот вопрос, который настойчиво встает в связи с делом г. Мальцевского.

И здесь уже выступают на сцену факторы не случайные, а постоянные, тесно связанные со всею нашею современною действительностью.

Стеснение свободы собраний, настойчиво практикующееся, несмотря на то, что законом эта свобода установлена, приводит к тому, что всякие выборы, в том числе и выборы земские, проходят у нас очень своеобразно.

На предвыборных собраниях нет ни программных речей, ни живой борьбы за ту или иную кандидатуру. Кандидатуры намечаются почти при гробовом молчании.

Настоящая же борьба за эти кандидатуры ведется где-то за кулисами.

Всякая же закулисная борьба выигрывается, обычно, не наиболее достойным, а наиболее удобным для дельцов известного типа.

Имущественное положение, конечно, здесь играет также не маловажную роль.

Избиратели в массе обычно совершенно не знают, кому они оказывают свое доверие.

И при таком положении вещей не редки случаи, когда в защиту данного кандидата выставляются не его заслуги, а имущественное положение в связи.

В минувшую земскую кампанию такая тактика защиты кандидатуры была особенно в ходу. Велась она еще задолго до предвыборных собраний. И не один земский деятель обязан ей своим местом.

Не то было бы при свободе собраний.

Всегда нашлись бы и достойные кандидаты и достойная защита их, и достойный отпор никому неизвестным лицам, пожелавшим стать в ряды земских деятелей только потому, что это им выгодно, в понимании же земских задач не идущих дальше покупки малахитовых чернильниц, карет для встречи начальствующих лиц и т.п.

Вина за современное положение вещей лежит не на обществе.

Пусть же те, на ком эта общая вина лежит, исправлять ее хоть от части тем, что укажут г. Мальцевскому, что после всего происшедшего ему удобнее всего было бы добровольно сложить с себя бразды правления, но сам он едва ли догадается это сделать» [7].

11 января в той же газете была опубликована статья, в которой Мальцевский призывался к добровольному уходу с должности председателя Благодарненской уездной земской управы: «... Да, карьера г. Мальцевского на общественном поприще кончилась!

Все что мог г. Мальцевский сказал.

Был мелким чиновником контрольной палаты.

Над ним была власть начальства, и его поведение было, наверное, вполне прилично.

Но вот он случайно попал в председатели земской управы и сразу почувствовал себя юпитером на благодарненском небосклоне.

Вся управа публично протестует против поведения г. Мальцевского» [1].

Символом политической критики переживаемого страной момента и ее государственных чиновников А. Н. Мальцевский стал в статье А. Баянова «Нечто о репутациях», эпиграфом к которой были слова «Народ любит тебя...» из «Оды» Чапури. В ней в частности было написано, что «Россия — страна неожиданностей. Это определение кем-то было брошено, быть может, невзначай, но потом «наша печальная действительность» каждый день давала все новые и новые факты, подкреплявшие вышеприведенное определение. И действительно наша «Матушка» Русь — страна неожиданностей и «невозможных возможностей».

Ни в одной стране репутация общественного или политического деятеля не создается с такой сказочной быстротой как у нас в России.

Возьмите Америку. Теодор Рузвельт в борьбе за свою кандидатуру, за составление известной «репутации» потратил колоссальные деньги.

Президент Китая Юаньшикай и его, сначала сторонник, а теперь чуть не противник, Сунн-ян-Сен — сколько денег убили они и вместе, а каждый в отдельности на то, чтобы доказать сынам небесной Империи правоту своих убеждений, для того чтобы создать себе «репутацию». Наполеон, — Великий Наполеон — и тот имел своих «агентов», свои «листки», славившие мудрость сначала консула, а потом Императора. Бисмарк, — этот железный канцлер, — имел свои «органы» печати и тоже своих «агентов».

У нас — в России (блаженная страна!) все это, в случае нужды, делается «совершенно бесплатно».

Российские, «с позволения сказать» граждане под управлением мудрых опекунов стараются во всю, что называется, побить рекорды гражданского правосознания. И стоит какому-либо из политических или общественных деятелей заняться составлением себе репутации», как российские граждане сами спешат помочь ему, сами желают этот «деятель» на свою «репутацию» не затратить ни копейки.

Примеров много — на каждом шагу. Возьмите Пуришкевича. Человек всего на всего издает (и то ни на свои деньги, а на какие то «темные» кажется ежемесячный художественный журнальчик «Прямой Путь». У журнальчика 1 с пол. сотрудника и 2 с пол. читателя. В число первых входит сам Пуришкевич, в число вторых старший дворник его дома, где издается журнал и ближайший полевой городской.

Это, так сказать, «обязательная подписка» ибо — эти подписчики на новый год, Пасху и Рождество получают свое «на чай»...

При таком «круге» читателей, даже в ближайшем участке не создашь себе прочной репутации. Но «русские граждане» народ наметанный и достаточно дисциплинированный. Посмотрите какую создали «репутацию» Владимиру Митрофановичу Пуришкевичу!

Вполне определенную, красочную, красивую.

Дошло дело до того, что когда где-то на необъятной Руси один обыватель желая польстить другому сказал: — «ах ты... Пуришкевич»... — мировой судья приговорил сказавшего к штрафу: — «Не называй недостойного таким почтенным именем».

Вот как у нас создаются, как охраняются «репутации».

Начал с печати. Поместил «письмо в редакцию». Его коллеги — члены управы, желая поддержать своего председателя — тоже напечатали «письмо в редакцию».

Чапуриша, как пиит, преклонив колена, пропел в честь Мальцевского «Оду» и тоже напечатал ее.

Редакция «Северокавказского Края» 8 января текущего года чествовала Мальцевского передовой статьей.

Наконец, г. Аркадский «поставил точку» под заглавием: «Уйдет ли»? Словом, все старались о прославлении имени г. М-го и создании ему «репутации».

Благодарное тоже не осталось немим свидетелем происходящих торжеств в честь г. Мальцевского и устроило маскарад, в память происходящих событий.

На один из последних маскарадов клуба явилась маска. Костюм был, сравнительно прост: Обои...

А на этих обоях была рассказана «историческая история» Мальцевского.

Камера земского начальника. В ней «он» — обвиняемый.

И «она» обвинительница — жена Спицевского писаря Розенберга. Он, склонил голову, просит прощения. Она говорит (по надписи): «я умник всегда прощайт»...

Далее следует: врачи, везущие пакеты; бухгалтер, секретарь; члены управы увещающие своего председателя и пока... «Немые свидетели» — земские гласные...

Маска имела большой успех.

Публика, окружив ее, читала наперебой, вслух объяснительные надписи.

В руках у маски была «малахитовая чернильница»...

Так у нас, в медвежьих углах, создаются «репутации»... «Аж» вчуже завидно!»... [2].

Рассматривая проблему выяснения взаимоотношений А. Н. Мальцевского с разными оппонентами, не будем забывать и о стороне его деятельности, которая заслуживает особого внимания. Находясь на посту Председателя Благодарненской земской управы, Александр Николаевич выступал с инициативами по улучшению работы не только разных подведомственных отделов, но и налаживанию активной общественной жизни среди населения. Так, например, Мальцевский был инициатором создания вольной пожарной дружины в с. Благодарном. Здесь же он выступил инициатором создания Дамского комитета с. Благодарного, целью которого было ведение общественно-полезной работы. И подобных примеров можно привести много. Мальцевский в 1913—1914 гг. был членом врачебно-санитарной и по народному образованию комиссий губернского земского собрания по Благодарненскому уезду, делегат Обще-губернского съезда по общественному презрению, 1 мая 1915 г. был избран в комиссию по призрению детей [4].

Материалы с критикой деятельности Александра Николаевича Мальцевского публиковались в основном в либеральной газете «Северокавказский Край». Исходя из общественно-политической направленности газеты, не удивительным был тот факт, что большинство статей в ней, относительно должностных лиц имели остро критический характер. Тем не менее, отдавая должное, отметим, что публикация таких материалов не носила односторонний характер. Те, кого критиковали, всегда могли высказаться по сути предъявляемых к ним претензий. Таким образом, критические статьи не были монологом недовольных, а это была дискуссия оппонентов.

В середине 1916 г. в печати были опубликованы ряд статей, содержащих критику Мальцевского. Ответ на них последовал лишь в августе месяце, после того как А. Н. уволился с должности Председателя Благодарненской уездной земской управы. В статье, опубликованной аж в 6 номерах губернской газеты «Северокавказский Край» под названием «Земство и А. Н. Мальцевский», содержался не только ответ на критику, но и подводился итог деятельности Благодарненской уездной земской управы в целом за три года.

После этой статьи в печати больше не появлялось никаких публикаций об А. Н. Мальцевском, ведь теперь он

уже не был Председателем Благодарненской уездной земской управы, и не надо было нападать на него с критикой.

Все-таки А. Н. Мальцевского еще раз вспомнили на прошедшем в ноябре 1916 г. Четвертом очередном уездном земском собрании, как «бывшего председателя... уездной земской управы, почему-то оставившего этот пост» [9]. И вспомнили Александра Николаевича при обсуждении вопроса о качестве работы земской управы и ее состава, после его ухода. Современники отметили, что «Мальцевский не умел подобрать должный служебный персонал.

Не умел сжиться с теми представителями последнего, которые несли в наше новое земство трудовые традиции и навыки испытанных земских работников.

Но, если г. Мальцевский пользовался трудом неподготовленных и чуждых земскому делу сил, он не давал им властвовать над собою и над земским делом.

На Мальцевского за это возводилось не мало обвинений. Но чтобы увидеть неосновательность их, надо было видеть положение дела на месте.

После ухода г. Мальцевского с председательского места, заместитель его не исправил ошибок предшественника; не улучшил подбора наемных работников» [9]. Дело в том, что на вышеупомянутом земском собрании поднимался вопрос о злоупотреблениях своим служебным положением некоторых членов Благодарненской уездной земской управы.

О дальнейшей судьбе А. Н. Мальцевского известно лишь только то, что он занимал должность Предводителя Благодарненского уездного дворянства, а в 1919 г. исполнял должность Ставропольского губернского предводителя дворянства.

В заключение отметим, что введение земства сопровождалось изменениями в сложившейся системе работы чиновников, должностных лиц и специалистов (врачей, агрономов и др.), которые с осторожностью относились к этим «реформам». Непокойно было и в среде простого населения. В Благодарненском уезде Ставропольской губернии имели место крестьянские неповиновения и сельские бунты против введения земства и последовавших дополнительных налогов (в селах Алексеевском, Александрини и др.). В таких условиях начинала функционировать в Ставропольской губернии новая форма самоуправления — земство. Поэтому любое слово земского начальника, особенно сказанное «напрямую», могло вызвать глубокое негодование со стороны населения. Был бы повод. Ситуация осложнялась еще и тем, что негодование деятельностью А. Н. Мальцевского высказывалось и со стороны членов управы. В губернской печати по этому поводу была опубликована целая серия полемических статей.

Литература:

1. Аркадский. Уйдет ли Мальцевский? // Там же. № 809 (11 января). с. 3.
2. Баянов, А. Нечто о репутациях // Там же. № 815 (18 января). с. 3.
3. Интересующийся. «Реформы» // Приложение к № 728 газеты «Северокавказский Край».

4. Несмачная, С. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Том XII. — Ставрополь: ООО «Ставропольбланкиздат», 2012. — с. 124.
5. Письмо в редакцию // Северокавказский Край. 1913. № 800 (29 декабря). с. 4.
6. По поводу опровержения г. Мальцевского // Северокавказский Край. 1914. № 805 (5 января). с. 3.
7. Северокавказский Край. 1914. № 806 (8 января). с. 2.
8. Ставропольская контрольная палата // Памятная книжка Ставропольской губернии на 1913 год / Изд. Ставропольского губернского правления. Ставрополь: Типография губернского правления, 1912. с. 173.
9. Четвертый элемент // Северокавказский Край. 1913. № 264 (3 декабря). с. 3—4.

Реализация культурной политики в Ставропольском крае в 1950-х — начале 1960-х гг.

Зимонин Евгений Михайлович, аспирант

Армавирская государственная педагогическая академия (Краснодарский край)

В 1953 году Ставропольское краевое управление культуры ставило своей задачей подчинить работу всех подведомственных учреждений культуры задачам коммунистического воспитания трудящихся, решению политических задач, которые были поставлены перед партийными и советскими органами края в области идеологической и хозяйственной деятельности, ликвидации недостатков в работе краевого управления культуры и его органов на местах, отмеченные в Постановлении Совета министров РСФСР по отчету «О работе Ставропольского крайисполкома».

Мероприятия краевого управления культуры были направлены на оказание практической помощи клубным

учреждениям, библиотекам, музеям и лекционному бюро в работе по пропаганде исторических решений XIX съезда партии, 5-ой сессии Верховного Совета СССР, сентябрьского 1953 года Пленума ЦК КПСС и последующих постановлений партии и правительства. Большое внимание было уделено привлечению культурно-просветительских учреждений к активному участию в проведении выборов в местные советы депутатов трудящихся [1, л. 1].

Работа культурно-просветительных учреждений.

а) Работа библиотек:

Сеть:

№ п/п	Типы библиотек	План на 1953 г.	Выполнение
1	Краевая библиотека	I	I
2	Областная библиотека	I	I
3	Городские библиотеки	15	16
4	Районные библиотеки	48	48
5	Детские библиотеки	35	35
6	Сельские библиотеки	300	300
ИТОГО:		401	401

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что народно-хозяйственный план по развитию библиотечной сети в крае был выполнен в полном объеме, что также свидетельствует о серьезном внимании к этой проблеме со стороны государства.

В 1953 году было открыто вновь 118 библиотек и значительно улучшена материальная база ранее существовавших государственных библиотек.

Комплектование библиотек в основном проходило через краевой библиотечный коллектор, который в 1953 году направил в государственные библиотеки края 246573 экземпляров книг. Однако, в изучаемый период времени, стояла острая проблема укомплектования отдела общественно-политической литературы,

особенно в сельских библиотеках [2, л. 2]. Во многих сельских библиотеках не доставало отдельных томов 4-го издания сочинений В.И. Ленина, а также сочинений И.В. Сталина.

Государственные библиотеки Ставропольского края проводили большую и содержательную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся. В крае насчитывалось немало библиотек, которые стали подлинными очагами социалистической культуры на селе. К числу их можно отнести сельские библиотеки села Высоцкого Петровского района, села Григорополисского Ново-Александровского района, аула Эркен-Юрт Икон-Халкского района, районные библиотеки Благодарненского, Суворовского, Изобильненского и других районов. Городские

библиотеки города Черкесска, Георгиевска, Пятигорска, Кисловодска и другие. [3, л. 6].

Вместе с тем, еще многие библиотеки края работали неудовлетворительно, слабо продвигали книгу в массы и имели небольшое число читателей [4, л. 8].

В крае насчитывалось 50 Домов культуры, 300 сельских и 300 колхозных клубов, 115 изб-читален. Народно-хозяйственный план по развитию клубной сети был выполнен в полном объеме. Материальная база клубных учреждений продолжала оставаться крайне тяжелой. Достаточно продолжительный период времени многие Дома культуры и сельские клубы занимали плохо оборудованные помещения [5, л. 15]. Несмотря на это, клубные учреждения полнее удовлетворяли культурные запросы населения, тесно связывали свою работу с решениями политических и хозяйственных задач, направляя всю свою деятельность на пропаганду решений XIX съезда КПСС, Постановлений V сессии Верховного Совета СССР, сентябрьского 1953 года Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» и последующих постановлений партии и правительства.

С этой целью в Домах культуры, сельских клубах и избах-читальнях и вне их стен читались для населения лекции, доклады, организовывались тематические вечера, создавались специальные агитбригады для обслуживания работников сельского хозяйства на фермах, в бригадах и дальних пастбищах [6, л. 14].

С течением времени в Домах культуры края выросло общее количество кружков и участников в них. Если в 1952 году было 300 кружков с общим количеством участников в 6099 человек, то в 1953 году кружков стало 316, а участников в них — 6764 человека. В Новосельском доме культуры количество кружков увеличилось с 5 до 12, в Апанасенковском — с 4 до 10, в Советском —

с 6 до 10. Соответственно этому увеличилось и количество участников в кружках художественной самодеятельности [7, л. 27].

Большинство драматических коллективов — кружков художественной самодеятельности работали над многоактными спектаклями, что свидетельствует о художественном росте, как кружков, так и их участников. Например, в Петровском Доме культуры поставлены пьесы «Не все коту масленица» Островского, «Свадьба с приданым» Дьяконова, «Раки» Михалкова, опера «Запорожец за Дунаем» Гулак-Артемовского. В Изобильненском Доме культуры: «Доходное место» Островского, «Женитьба Бальзамина»», «На той стороне» Барина, «Наталка-Полтавка» Котляровского и другие.

Несколько улучшалась работа хоровых и танцевальных коллективов. Возрастали количественно и улучшались качественно исполнения хоровых и танцевальных коллективов Георгиевского, Петровского, Ново-Александровского, Кировского и других Домов культуры, особенно танцевальных коллективов Апанасенковского, Кисловодского и Буденовского Домов культуры [8, л. 36].

За положительными фактами работы Домов культуры скрывались и серьезные недостатки. Коллективы художественной самодеятельности в ряже Домов культуры были малочисленны, кроме того, многие коллективы в погоне за количеством спектаклей не уделяли достаточного внимания их качеству. Недостаточность разносторонней работы Домов культуры объяснялась и отсутствием подготовленных кадров. Отсутствовали политпросветшколы и пополнения кадров за счет специалистов, по данным за 1953 год численность кадров Домов культуры мало чем изменился по сравнению с 1952 годом. Об этом свидетельствуют следующие сравнительные данные по годам:

Годы	Всего работников	По образованию				По опыту работы		
		сред. Обр.	в т.ч. спец.		нач.	до 1 года	от 1 до 5 лет	свыше 5 лет
1952	232	80	12	128	24	75	92	65
1953	238	86	16	131	21	86	89	63

Из приведенной таблицы видно, что большинство работников домов культуры не имели среднего образования, а также видно, что много работников не имели достаточного опыта в работе клубных учреждений.

С целью повышения квалификации работников Домов культуры, в 1953 году проводились месячные курсы худо-

жественных руководителей, но эти краткосрочные курсы мероприятия не обеспечивали достаточной подготовки работников Домов культуры [9, л. 11].

Выполнение планов развития киносети характеризуется следующими данными:

Виды киносети	Наличие киносети		
	На 01.01.1953 г	на 1.01.1954 г.	
		по плану	факт.
Городские кинотеатры	15	15	16
Городские кинотеатры/ лекции	8	8	8

Городские кинопередвижки	8	7	8
Санаторные киноустановки	49	48	47
Школьные киноустановки	4	4	4
Итого по городу:	84	82	83
Село:			
Районные постоянные кинотеатры	42	42	30
Районные кинотеатры летние	3	3	3
Сельские стационары	99	119	134
Кинопередвижки	103	103	101
ИТОГО по селу:	247	267	268
ВСЕГО по краю	331	349	351

В целом, план развития киносети был выполнен в полном объеме досрочно к 1 мая 1953 года с превышением на 2 киноустановки. Демонстрировались работы советских авторов и на сельскохозяйственные темы [10, л. 17].

В ведении краевого управления культуры находился краевой драматический театр, краевой театр музыкальной комедии, Черкесский областной драматический театр, краевая филармония, в подчинении которой находился Черкесский национальный ансамбль песни и пляски.

Основные задачи и содержание работы театраль-но-зрелищных предприятий края в изучаемый период времени определялись важнейшими постановлениями ЦК КПСС по идеологическим вопросам, решением XIX съезда партии, сентябрьского 1953 года Пленума ЦК КПСС а другими важнейшими решениями партии и правительства.

Руководствуясь этими решениями партии правительства, театры края в своей деятельности отводили ведущее место постановкам пьес советских авторов. Так, в течение 1953 года краевой Драматический театр поставил 4 пьесы на современную тему: «Третья молодость» Бр.Тур, «Раки» Михалкова, «Стрекоза» Бараташвили, «Суворовцы» Моторина и Рысс. Одну пьесу на историко-революционную тему — «Огненный мост» Романова и пьесу для детей — «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» Данунгера. Русская классика была представлена двумя пьесами: «На бойком месте» Островского и «Замужняя невеста» Грибоедова, Шаховского и Хмельницкого.

Театр показал два спектакля западной классики: «Коварство и любовь» — Шиллера, «Анджело» В. Гюго, а также классика братской латвийской республики «Вей, ветерок» Яна Райниса, инсценировку Мюфке по роману американского писателя Н. Абрахамса «Тропое грома» [11, л. 36].

В 1953 году краевой Театр музыкальной комедии выпустил музыкальные комедии советских авторов — «Самое заветное», «Табачный капитан», «Волшебный ветер», «Мечтатели», «Репка» и западных композиторов: «Филалка Монмартра» и «Марица». [12, л. 18]

Черкесский облдрамтеатр в 1953 году выпустил 9 спектаклей, из них советских авторов — 4: «Сказка о правде», «Тайная война», «Её друзья», «Любовь на рассвете»; русской классики — 2: «Свои люди — сочтемся», «Замужняя невеста»; западноевропейской классики — 1: Коварство и любовь» и инсценировки по роману О. Бальзака «Мачеха» и рассказу Лескова «Путейный художник» [13, л. 64].

Краевой филармонией вместе с Черкесским ансамблем песни и пляски всего было проведено 38 гастрольных концертов, из них в краевом центре — 29, в районах края — 9.

Музыкально-литературный лекторий, находящийся в штате филармонии показал 2 лекции: «Советская песня» и «Комсомольская песня». В течение 1953 года в музыкально-литературном лектории были исполнены произведения композиторов:

Советских — 90;

Русских — 48;

Братских республик — 37;

Стран народной демократии — 9;

Западных композиторов — 2;

Лекторием дано 143 концерта против плана — 156, в районах края дано 104 концерта.

Черкесский национальный ансамбль песни и пляски был крайне малочислен, его творческий состав насчитывал 20 человек. Ансамбль успешно гастролитовал по Ставропольскому краю и Черкесской области. Ансамбль также с разрешения Министерства культуры выезжал на гастроли в Краснодарский край, Ростовскую, Воронежскую и Курскую области, где гастроли прошли успешно [14, л. 25].

В 1953 году Краевое Управление культуры планировало свою работу поквартально. В основу плана была положена дальнейшая работа по реализации исторических постановлений XIX съезда партии, 5-ой сессии Верховного Совета, сентябрьского Пленума ЦК КПСС, Постановления Совета Министров РСФСР по отчету Ставропольского крайисполкома, Постановления правительства, краевых партийных и советских организаций по работе учреждений культуры.

В соответствии с этими основными задачами были намечены практические мероприятия, направленные на улучшение работы всех учреждений культуры, на расширение массовой работы среди населения.

Плановой задачей Управления культуры было оперативное руководство учреждениями культуры.

Культурно-просветительная работа на селе в ряде районов края продолжала оставаться неудовлетворительной (Туркменский, Дмитриевский, Степной и другие районы).

Главной причиной такого положения явилось то, что заведующие отделами культуры по своей общеобразовательной и политической подготовке не могли обеспечить руководство учреждениями культуры. До сего времени отдельные исполкомы Райсоветов и Райкомы КПСС не уделяли должного внимания организации работы учреждений культуры. Это подтверждает то, что многие учреждения культуры находились в непригодных для работы помещениях, неудовлетворительно прошла подготовка учреждений к работе в зимних условиях, не была ликвидирована текучесть кадров. Не менее важной причиной явилось и то, что отдельные работники Управления культуры и подведомственных ему краевых организаций при проверке работы в районах не оказывали должной помощи в ликвидации выявленных недостатков [15, л. 34].

В Ставропольском крае имелось 967 клубов государственной, профсоюзной и ведомственной сети, 1050 библиотек, свыше 1000 киноустановок.

В крае работало 3 театра, филармония, два книжных издательства и другие учреждения культуры. Колхозами и совхозами края за 2 года было построено 86 клубных помещений, против 46 за 1956—1957 гг.

В стадии строительства находились еще 84 клубные помещения. В изучаемый период времени было вновь введено в эксплуатацию 301 киноустановка, вместо 145 по плану.

Было построено за счет ссуды Госбанка 55 кинотеатров и киноплощадок примерно на 28 тыс. мест. В стадии строительства находилось еще 9 кинотеатров в таких районах, как Александровском, Ново-Александровском, Зеленчукском, Изобильненском, Петровском, Кочубеевском, в городе Невинномысске и др.

В них было создано 238 постоянно действующих лектория, в которых 1—2 раза в неделю читались лекции по специально разработанной тематике.

В целях повышения общеобразовательного и культурного уровня трудящихся в районах края работали 22 университета культуры, которые посещали около 3-х тысяч человек.

С каждым годом все большее развитие получала художественная самодеятельность. В 1960 году в клубах только государственной сети насчитывалось свыше 1084 художественных коллективов, в которых принимало участие около 26000 человек [16, л. 21]. На базе лучших коллективов художественной самодеятельности возникли и работали 5 народных театров: Прикумский, Ново-Александровский и др., а также самодеятельные ансамбли песни

и пляски в с. Петровка, г. Ставрополе и т.д. В 1959 году для населения края была постановлена 51 тысяча киносеансов сельскохозяйственных кинофильмов, вместо 78 тысяч, которые ставились в прошлые годы. В районах края было организовано 74 кинолектория. Прочитано 13 тыс. лекций. Несколько усилили внимание к обслуживанию сельского зрителя учреждения искусства края: театры и краевая филармония. Крайдрамтеатр в 1959 году дал на селе 118 спектаклей вместо 34 в 1958 году, Карачаево-Черкесский театр — 70, краевая филармония — 1200 концертов, кроме того, она вела работу в 16 музыкальных лекториях. [17, л. 29]

В изучаемый период времени в крае художественная самодеятельность получила некоторое развитие. Участие в ней рабочих, колхозников, интеллигенции способствовало эстетическому воспитанию трудящихся наряду с профессиональными коллективами. Многочисленные сельские самодеятельные коллективы являлись главной силой в художественном обслуживании трудящихся села.

За 1960-е годы репертуар самодеятельности обогатился произведениями местных композиторов и писателей, прославляющих партию, Родину, героический труд советских людей, борьбу за мир и дружбу народов. В крае было создано и работало много хороших самодеятельных коллективов, таких как хор Пятигорского ремзавода (художественный руководитель Яresco), ансамбль песни и пляски Петровского Дома культуры (художественный руководитель Севрюков), хор Воронцово-Александровского районного Дома культуры (руководитель Кипа).

На базе театральных самодеятельных коллективов домов культуры Ново-Александровского, Прикумского, Есентукского, Кисловодского районов были созданы любительские самодеятельные театры.

Прикумский самодеятельный театр (режиссер т. Алёхина А. Я.) подготовил спектакли таких пьес как «Женитьба Бальзамина» Островского, «Три соловья» Добризинина, «Не называя фамилии» Минько, «Сады цветут» Масса и Червинского.

Посильную помощь сельскому хозяйству оказала художественная самодеятельность и особенно такая ее оперативная и доходчивая форма, как агитбригады. Участники большинства агитбригад выступали перед работниками сельского хозяйства с докладами, беседами, выпускали боевые листки, «молнии», организуя отдых трудящихся на полевых станах, фермах, отгонных пастбищах [18, л. 41].

Проведенный в 1959 году в крае смотр агитационно-художественных бригад показал их возросшее мастерство, идейную целеустремленность, злободневность, особенно агитационно-художественных бригад Арзирского, Прикумского, Петровского, Георгиевского и ряда других районов.

Таким образом, несмотря на некоторый рост уровня культурно-просветительной работы, главным ее недостатком по-прежнему оставался отрыв от жизни, от практики коммунистического строительства.

Многие клубы и библиотеки проводили массово-политическую работу вне связи с конкретными задачами, стоящими перед колхозами и совхозами, зачастую ограничивали свою деятельность проведением вечеров, танцев и киносеансов, не охватывали своим влиянием широкие круги населения.

Работа всех культурно-просветительных учреждений должна была быть подчинена выполнению социалистических обязательств, принятых в соответствии с решениями декабрьского 1959 года Пленума ЦК КПСС [19, л. 87].

Таким образом, в изучаемый нами период, государство уделяло огромное внимание вопросам развития культуры на территории Ставропольского края и объединив усилия с краевыми властями оказывало им всестороннюю помощь и поддержку в реализации своей культурной политики, что способствовало решению накопившихся за долгое время проблем в области культуры и привело к культурному подъему, который, в свою очередь, сыграл положительную роль в развитии региона.

Литература:

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК) Фонд Р3798, Опись 1, дело 3.
2. Фонд Р3798, Опись 1, дело 60.
3. Фонд Р3798, Опись 1, дело 68.
4. Фонд Р3798, Опись 1, дело 95.
5. Фонд Р3798, Опись 1, дело 57.
6. Фонд Р3798, Опись 1, дело 16.
7. Фонд Р3798, Опись 1, дело 42.
8. Фонд Р3798, Опись 1, дело 51.
9. Фонд Р3798, Опись 1, дело 81.
10. Фонд Р3798, Опись 1, дело 11.
11. Фонд Р3798, Опись 1, дело 48.
12. Фонд Р3798, Опись 1, дело 74.
13. Фонд Р3798, Опись 1, дело 21.
14. Фонд Р3798, Опись 1, дело 17.
15. Фонд Р3798, Опись 1, дело 67.
16. Фонд Р3798, Опись 1, дело 47.
17. Фонд Р3798, Опись 1, дело 28.
18. Фонд Р3798, Опись 1, дело 19.
19. Фонд Р3798, Опись 1, дело 74.

Защита животных в эпоху Древнего Мира

Капытина Татьяна Павловна, ведущий инженер

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Не причинять вреда нашим меньшим братьям — первейшая наша обязанность перед ними. Но останавливаться на этом нельзя. У нас есть более высокая миссия — помогать им везде, где в этом есть необходимость.

Святой Франциск Ассизский

Вопрос защиты животных от жестокости уходит своими корнями в далекую первобытность. Однако на тот исторический момент защита животных носила весьма своеобразный характер и проявлялась у древних народов в поклонении живой природе, в почитании животных.

Несколько сот тысяч лет люди жили первобытными стадами, и десятки тысяч лет они жили родами и племенами. За тысячелетия люди многое узнали и многому научились. Они заставили служить себе могучую силу природы — огонь.

Благодаря труду жизнь людей постепенно изменилась. Они научились плавать на лодках по озерам, рекам и даже морям, строить жилища, делать одежду, заниматься земледелием и скотоводством. С луком, копьями и топорами первобытные люди охотились на самых крупных зверей. Вместе с тем они были все же слабы и беспомощны перед силами природы, поскольку у первобытного человека не было от нее никакой защиты. Древнейшие люди пытались лишь как-нибудь спрятаться или убежать от опасности.

Первобытный человек не понимал, что такое сон. Во сне он видел людей, находившихся далеко от того места, где он жил. Во сне он видел и тех людей, которых уже давно не было в живых. Люди объясняли сны тем, что в теле каждого человека живет «душа» — «дух», который во время сна выходит из тела, летает, встречает «души» других людей. Смерть казалась первобытному человеку похожей на сон. Первобытные люди верили, что «душа» — «дух» есть у животных и у растений, у земли и у неба, а «духи» могут быть злыми и добрыми. Поскольку древние люди, жившие в гармонии с природой, ощущали свою близость с животными гораздо острее, чем наши современники, то богов они представляли себе не только в виде людей, но и в виде животных. Из дерева или из камня люди вырезали грубое изображение человека или животного и считали, что бог вселяется в этого идола. Чтобы заслужить милость богов, люди молились идолам, приносили им подарки — жертвы. Перед идолом резали домашних животных, иногда человека. Губы идола обмазывали кровью в знак того, что бог принял жертву. Охотники просили у богов удачу на охоте, рыболовы — тихой погоды и обильного улова, земледельцы — богатого урожая.

Вопросы почитания животных древними народами нашли освещение в работах этнографа М. Н. Хангалова, иркутского ученого А. Д. Карнышева, З. П. Соколовой и др. М. Н. Хангалов [20] выделяет пять главных причин поклонения людей живой природе, основанных прежде всего на обожании животного. А. Д. Карнышев [9] формулирует причины почитания животных с точки зрения психологии. З. П. Соколова [17] рассматривает формы почитания животных более подробно, в зоолатрических культах и представлениях в религиях классовых обществ особое внимание уделяет «священным животным» (рабочие животные — помощники в хозяйстве, животные, посвященные каким-либо богам) и отмечает прямую связь религиозных представлений древних людей со степенью их познания природных явлений, с тем или иным видом хозяйственной деятельности, их искусством, а также этническими процессами.

В. Е. Борейко [4] предлагает свою классификацию форм почитания растений и животных, которые в своем большинстве имеют экологическое звучание:

- 1) тотемы;
- 2) духи-хозяева;
- 3) духи-покровители (тайные союзы);
- 4) культ предков в облике животных и растений;
- 5) священные животные и растения.

В. Е. Борейко подчеркивает, что «последняя форма почитания — самая высшая». Рассмотрим эту форму почитания животных более подробно. На протяжении всей своей истории жизнь человека была неразрывно связана с животными самым тесным образом и, более того, в определенной степени зависела от них. Животные служили для человека источником и пищи, и одежды. Животные предупреждали об опасностях, предсказывая

своим поведением многообразные изменения в окружающем мире (шторма и бури, наводнения, землетрясения, извержения вулканов). Люди использовали в пищу дичь, добытую хищниками, запасы грызунов, мед диких пчел, яйца птиц и т.п. Поблизости от поселков жили дикие собаки. Они питались остатками пищи людей. Лаем собаки предупреждали жителей поселков о приближении к нему других животных. Со временем, привыкнув к людям, собаки стали жить в поселке и сопровождать людей на охоту. Они помогали выследить и загнать зверя. Собака стала первым домашним животным — помощником охотника и верным сторожем. Охотники, вооруженные луками и стрелами, сопровождаемые собаками, добывали мяса больше, чем раньше с копьями и дубинами. Если случилось, что у рода пищи было достаточно, то охотники не убивали пойманных поросят, козлят и других молодых животных, а приносили их в поселок. Однажды человек открыл для себя новый продукт питания. У дикой телки молока едва-едва хватало на теленка. При содержании телки в поселке и хорошем кормлении появился излишек молока, который люди забирали себе. Долгое время молоко оставалось праздничной пищей, его делили с божеством, выливая перед ним часть молока на землю. В скором времени человек нашел применение и мелкому скоту: из шерсти коз и овец люди научились ткать прочные и красивые ткани. Крупные домашние животные также оказались незаменимыми помощниками в хозяйстве. Чтобы ускорить обработку земли, древние египтяне увеличили размер мотыги и привязали ее к длинной палке. Чтобы борозды были глубже, к мотыге приделывали ручки, на которые налегал шедший за ней человек. Так был изобретен древнейший плуг. В плуг стали впрягать быков. Вскоре быка стали впрягать и в телегу, перевозить на быке тяжести. Для этих же целей человек приручил и лошадь. Египтяне сеяли пшеницу, ячмень, лен. Засеяв поле, они прогоняли по нему овец, коз, свиней для того, чтобы животные втоптали зерно в землю. Посевы охранялись днем и ночью, иначе стадо диких кабанов или других животных могло уничтожить весь урожай. В этом деле самым надежным сторожем была собака. Созревшие колосья египтяне жали деревянными серпами со вставленными в них острыми пластинами камня. Чтобы выбить из колосьев зерно, колосья расстилали на земле и гоняли по ним животных. Жители Южного Междуречья изобрели плуг, пригодный для вспашки тяжелой глинистой почвы (Вавилонский тяжелый плуг), в который запрягали от одной до четырех пар волов. К плугу была приделана тростниковая трубка с воронкой. При вспашке земли одновременно трудились погонщик, пахарь и сеятель, который сыпал семена в трубку у плуга. Зерна падали в борозду, и посев зерновых культур производился одновременно с пахотой. Верблюдам и ослам тоже была найдена работа — перевозить товары. Таким образом, с приручением животных в обиходе древнего человека произошли большие перемены. Поэтому во многих местах стали чтить быка, или тельца, как божью силу, представляя себе, что боже-

ство вселяется в это могучее и благотворное животное. Например, в Мемфисе и Гелиополе — древних столицах Египта почитали священных быков Аписа и Мневиса. Священное животное после смерти мумифицировалось. Во всём Египте широкое распространение получил культ священной коровы — богини Хатхор, центром которого был город Дендера. В Гермополе, Мендесе и Ликополе поклонялись священному козлу. Древние египтяне считали также священными и некоторых птиц, которые оказывали помощь земледельцам. В Саккаре есть некрополь священных птиц — ибисов. Живой ибис был посвящен богу Тоту — греческому Гермесу. После смерти птицу мумифицировали и укладывали в глиняный сосуд. В Фивах существовал особый культ крокодила. Прирученного крокодила украшали золотыми серьгами и кольцами. Крокодил принимал от всех знаки почитания и благоговения. Однако, как утверждает Геродот, крокодил был священным животным не во всех городах Египта. Так, например, в городе Элефантине и его окрестностях мясо крокодила употреблялось в пищу.

При переходе человека к оседлому образу жизни, с началом развития земледелия, когда появились излишки пищи и возникла необходимость их сохранения и защиты от грызунов и других домашних вредителей, произошло одомашнивание кошки. Древние египтяне первыми одомашнили кошек около 5000 лет тому назад и возвели их в ранг священных. Из Библии нам известно, что Древний Египет был аграрной страной, где процветало земледелие. Запасы зерна хранились в складах. В зернохранилищах разводилось много крыс и мышей, которые наносили большой урон хлебным запасам, и только кошки на тот момент времени могли спасти урожай от вредителей. В Древнем Египте кошек считали полноправными членами семьи. Иметь дома собственную кошку у египтян считалось знаком богатства и достатка. К кошкам относились с любовью и уважением как при жизни, так и после смерти. Первое упоминание о кошках встречается у греческого писателя — историографа Геродота, жившего в V веке до н.э. Геродот пишет, что если где-нибудь в Египте случается пожар, то *«египтяне не заботятся о тушении огня, а оцепляют горящее пространство и стерегут кошек... Если в доме околеет кошка, то все обитатели дома сбивают себе только брови. Трупы кошек отвозят в город Бубастис, бальзамируют и погребают там в священных покоех»* [5]. Убийство кошки считалось преступлением и каралось смертной казнью. Этот закон распространялся и на завоевателей Египта — римлян, даже если священное животное было убито по незнанию (Свидетельство Диодора Сицилийского). Насильственная смерть животного каралась до такой степени строго, что сам фараон был не властен обойти закон. Смертная казнь ожидала не только обидчика кошки, но и любого, кто осмелился вывезти маленькое божество за пределы страны. Историки полагают, что с дрессированными кошками египтяне ходили на охоту на более крупную дичь, чем мыши. Для добычи

птицы в Древнем Египте пользовались услугами смелой сиамской или активной абиссинской кошек. Сцену охоты с кошкой на Ниле можно увидеть на стенах одной из фиванских гробниц, где изображено, как притаившийся в зарослях камыша кот внезапно бросается на диких уток. Молодой охотник без труда ловит испуганных птиц, которые стремительно поднялись в воздух [8]. Древнеегипетские художники изобразили на плитах гробниц и папирусе сотни кошек. Также они ваяли их фигурки из золота, бронзы, высекали из камня и дерева, делали из глины, вырезали из слоновой кости. До нас дошли амулеты с изображениями кошек, которые носили молодые египтянки.

Кошке в египетской религии отводилась значимая роль. Во главе богов Древнего Египта, кому была посвящена кошка, стояла великая богиня Баст (Бастет), или Убастет, известная также как Бубастис (так ее называли греки) или Пушт — возлюбленная и постоянная спутница Бога солнца Ра [12, с. 3–12]. Египетская богиня Сехмет с головой кошки или льва «воплощала в себе разрушительную силу солнечной орбиты», олицетворяла «яростный всепоглощающий огонь палящего солнца», «была женской половиной бога Пта, под именем которого в Мемфисе был известен Бог солнца Ра». «Баст олицетворяла доброе, дающее жизнь тепло солнца. Она считалась воплощением полезных свойств простого огня и подательницей счастливой судьбы». С точки зрения М. Олдфилда Гоувей, *«иерархический солярный культ зародился в Гелиополисе, и все кошачьи богини Египта воплощали в себе разные степени солнечной интенсивности, от общего тепла до опустошающего жара. Именно это вызвало появление многих явных парадоксов в египетском пантеоне...»*. М. Олдфилд Гоувей подчеркивает: *«Кажется совершенно ясным, что Сехмет и Баст должны быть по происхождению одной богиней или, по меньшей мере, иметь общий корень и быть посвященными такой небесной богине, как Хатор, Нут или Нейт. Имя Хатор означает «Дом Гора» и является аналогией небу, в котором шествует Бог солнца Гор. К ней также относились как к богине Луны и поэтому часто называли «Оком Ра», то есть одним из титулов Сехмет. Говорили, что Хатор являлась матерью, женой и дочерью Ра и для египтян воплощала в себе идеальную женственность. Ее описывали как «владычицу музыки и госпожу песен, владычицу танцев и госпожу гирлянд из перьев», она олицетворяла собой женскую суть. В этом облике узнаваема Баст, но, когда Хатор выступала инструментом мести Ра, ее отождествляли с ужасной Сехмет, истребляющей род людской, торжественно шествующей по человеческой крови, пока сам Ра не заберет человечество из ее рук, обманом напоив ее и тем самым помешав ей продолжать разрушения»*. По мнению М. Олдфилда Гоувей, *«такая персонификация единственной богини в стольких различных формах непонятна современ-*

ному уму, но мы должны помнить, как заметил один поэт, что

Плутон, Прозерпина, Церера, Венера, Купидон,
Тритон, nereиды, Тетис и Нептун,
Гермес, Вулкан, Пан, Юпитер, Юнона,
Диана и Аполлон это ЕДИНЫЙ БОГ» [12, с. 3–12].

В Гелиополисе — в одном из центров поклонения богини Бастет, была сооружена огромная статуя кошки, которая в зависимости от положения Солнца расширяла и сужала зрачки. В храме Бастет фараоны совершали жертвоприношения. Центром культа Баст был город Бубастис — «Святынище Бастет». Геродот, побывавший здесь в 450 г. до н.э., написал: «Нет Храма более приятного на вид, чем Храм Богини кошки Бастет в Бубастисе». В конце XX века на востоке Саккары у подножия холма, на котором в эпоху Нового царства стоял храм богини Бастет, археологами был обнаружен огромный кошачий некрополь.

Не случайно в Древнем Египте священным животным была и собака. К собакам относились бережно и с почитанием. Собака считалась стражем царства мертвых и спутником в загробном мире. Кинополь — «город собаки» являлся Центром культа Анубиса. Если кто-либо из жителей других городов убивал собаку из Кинополя, то это считалось достаточным поводом для объявления войны. Когда собака умирала, хозяева погружались в глубокий траур, а собаку хоронили со всеми соответствующими почестями. О собаках Геродот пишет: «Если же околеваает собака, то все стригут себе волосы на теле и на голове. Собак же хоронят каждый в своем городе в священных гробницах» [5]. Изображения собак часто встречаются в гробницах фараонов.

Собаки окружались величайшим почетом и у древних персов, поскольку персы считали, что в собаках поселяются человеческие души после смерти. В связи с этим труп человека отдавался бродячим собакам на съедение.

В индуизме как священное животное традиционно почитается Священная корова, которая олицетворяет чистоту, изобилие, святость. Корова является символом бескорыстного жертвования также, как и мать Земля. Поскольку корова дает молоко и другие продукты, которые незаменимы в вегетарианском питании, индусы почитают ее как материнскую фигуру. Таким образом, отношения между человеком и миром животных, заложенные еще в первобытном обществе, до сих пор сохранили многие элементы.

Л.В. Коломенский [10] полагает, что «в мышлении первобытного человека практически полностью отсутствовала логика. Он не умел рассуждать, ему с трудом удавалось зафиксировать наличие причинно-следственных связей между событиями, тем более между ситуациями. Установившиеся, часто повторявшиеся последовательности он воспринимал на основе механизма условных рефлексов». При этом Л.В. Коломенский подчеркивает, что первобытный человек «полностью вне логики ... существовал не

всегда. На некотором этапе эволюции мозг человека обрел способность к сопоставлениям и рассуждениям, к накоплению для этой цели в памяти определенной совокупности необходимых понятий, связей, зависимостей». Далее, с точки зрения Л.В. Коломенского, «появление зависти, хитрости, обмана можно связать с активным развитием орудийной деятельности, приведшей в конечном итоге к появлению и утверждению личной собственности как особой сущности, характерной только для одного биологического вида — человека разумного». Следовательно, можно предположить, что в древности люди объявляли рабочих животных священными не только в знак благодарности за приносимую ими пользу. Из школьного курса истории Древнего Мира мы знаем, что примерно 35–40 тысяч лет назад сформировался «человек разумный» — человек современного вида. Через некоторое время «человек разумный» мог уже сознательно обдумывать, рассчитывать свои действия, принимать решение с учетом удачных прошлых разумных идей, совершать поступки более взвешенно, основываясь на жизненном опыте. «Человек разумный», научившись субъективно оценивать окружающее пространство, пришел к выводу, что орудия труда и охоты однажды могут быть использованы не по назначению, а именно, против животного, не преследуя какой-либо цели, тем самым причинив большой вред в хозяйстве. В то же время человек интуитивно всегда чувствовал, что животные могут ощущать боль, способны испытывать страдания. В результате ход логической мысли приводил к тому, что животные имеют сходные с человеком потребности, животным необходимы кров, пища, животные переживают гнев, страх, любовь, привязанность, т.е. животные могут страдать и физически, и морально.

Жизнь народов Древнего Мира была неразрывно связана с религией, которая соединяла и отражала все нормы и уклады человеческого бытия. Поскольку религия всегда являлась нравственным началом любого общества, играла главную роль сдерживающего фактора в нравственной жизни человека и в ту далекую эпоху, то только в религии могли отразиться основные положения по защите животных от жестокости. Так, например, Геродот утверждает, что в более поздние годы все дикие животные в Египте считались священными и их убийство наказывалось казнью. В горах Цейлона археологами обнаружены две каменные плиты, на которых выбиты надписи, что убийство животного является большим грехом. Возможно, эти надписи и есть первый в мире закон о защите животных. Плитам более двух тысяч лет. Немало для защиты животных от жестокости, для осознания их прав было сделано основателями религий в Индии. Идея переселения души человека или животного после его смерти в другие существа, т.е. идея перевоплощения — реинкарнации, укрепляла убеждения религиозных людей в необходимости доброго отношения к животным, поскольку предполагала, что в последующих воплощениях человек

мог стать животным и в свою очередь — жертвой такого же насилия, какое ранее совершил сам. Идея кармы, которая заключалась в том, что каждое действие рождает противодействие, также поддерживала убеждения верующих в недопустимости жестокого обращения с животными, поскольку любой жестокий поступок по отношению к ним имеет тяжкие последствия для того, кто его совершил. Употребление мяса животных в пищу согласно «закону кармы» рассматривалось как жестокое действие по отношению к животным. Основатель буддизма Сиддхартха Гаутама, известный под именем Будда (VII—VI вв. до н.э.), в центре своего учения ставил проблему страданий и людей, и животных и полагал предупреждение этих страданий основным принципом в жизни или хотя бы неучастие в них. Буддийская мудрость гласит: *«Не потому человек выше других существ, что бессердечно мучает их, но потому, что он сострадателен ко всему живому»* [18]. Умирая, Будда напутствовал своих учеников: *«Да, я ухожу, но оставляю вам законы»* [Цит. по: 13]. Один из таких законов запрещал умерщвлять животных. Как видим, необходимыми условиями духовного самосовершенствования Будда провозгласил ахимсу (непричинение вреда живому) и вегетарианство. Император Ашока, живший в III в. до н.э. (304—232 до н.э.), издал несколько законов, которые требовали доброго отношения к животным, открытия для них больниц, кормления животных на дорогах, прекращения охоты, ввел запрет на ритуальное жертвоприношение животных. Также в законах было закреплено положение, включающее отказ от потребления мяса в пищу. И сегодня на скалах и столбах можно прочесть надписи, сделанные Ашокой, которые запрещают животных убивать. В древнеиндийском сборнике предписаний религиозного, морально-нравственного и общественного долга (дхармы) — *законах Ману* записано: *«Тот, кто делает вред животным из желания доставить себе удовольствие, ничего не прибавляет к своему счастью в этой жизни и в будущей: тогда, как тот, который не делает вред животным; не запирает, не убивает их, но желает добра всем чувствующим существам, тот испытывает счастья постоянно»*, *«Мясная пища не может быть добыта без вреда животным, а убийство животных затрудняет путь к блаженству. Пусть поэтому человек воздерживается от мясоедения»* [7]. Ведическая философия (древнейшая философия мира), которая является самой совершенной, так как объясняет природу живых существ, и литература (Махабхарата (содержащая Бхагавад-гиту) — первоначальная версия Рамаяны, Пураны) гласят: *«Тот, кто наращивает свое тело, поедая плоть других созданий, обрекает себя на страдания, в каком бы теле он ни родился»* [22]. Последователи джайнистской религии известны деятельностью по организации работы больниц для животных.

Необходимо отметить, что вопрос защиты животных от жестокого обращения был продиктован не только заботой о них или желанием улучшить свою карму, как,

например, в странах Древнего Востока, но и осознанием человеком благотворного влияния гуманного обращения с животными на нравственное состояние социума. Во все века люди высоко ценили нравственность, и представления о развитии нравственности возникли уже в Древнем Море. У Платона, Демокрита, Протагора, Тита Лукреция Кара можно встретить мысли о том, что человечество к современному им состоянию пришло от дикости. Моральное учение формировалось как житейская мудрость, которая требовала определенного порядка, гармонии, меры. Передовые мыслители, проявляя сострадание к животным, протестовали против жестоких нравов общества и указывали на пагубные последствия жестокого обращения с животными для будущих поколений, ибо только нравственно воспитанная личность способна активно бороться против зла и насилия. Пифагор Самосский предупреждал: *«Строго накази своё дитя, виновное в убийстве насекомого: с этого начинается человекоубийство»* [Цит. по: 6, с. 145—153]. У Е.П. Блаватской [3] также читаем: *«В древней Спарте — чьи суровые граждане вряд ли были чувствительны к деликатным проявлениям человеческого сердца — ребенка, обвиненного в том, что он мучил животное для своего удовольствия, подвергали смерти, как того, чья природа до такой степени испорчена, что ему нельзя позволить жить»*. В Библейских притчах и заповедях отмечено, что животные созданы для служения человека — человека разумного и нравственного, который умеет любить, прощать и жить в гармонии с окружающим миром.

Римское общество периода Античности снискало себе крайне грустную славу чрезмерно жестокими развлечениями, которые поддерживались правителями Римской империи, поскольку Рим был воинственной державой, воспитывавшей воинов. В античном Риме не было места впечатлительности, и она подавлялась. Для развлечения народа на арене цирка сотни животных, доведенные до безумия раскаленным железом и стрелами, концы которых обмакивали в кипящую смолу, погибали в страшных муках. В Колизее при Титусе ежедневно заставлялись и гибли тигры, львы, слоны, жирафы, бегемоты. В 55 г. до н.э. Цицерон писал своему другу о звериной травле, устроенной Помпеем. Главными фигурами были слоны, которые трубили от боли и медленно погибали на арене. Цицерон отметил, что зрелище в цирке вызвало чувство, как будто слоны связаны с человеком: *«В них есть нечто общее с людьми»* [Цит. по: 16, с. 93—119]. Также он подчеркнул, что слоны возбудили отчаянное сострадание зрителей, которые проклинали императора за его жестокость; *«И когда эти умные и добрые животные после короткой схватки с охотниками-гетулами, посылавшими в них стрелу за стрелой, попытались убежать, а «потеряв всякую надежду на бегство», с жалобным ревом заматались по арене, «словно оплакивая себя и умоляя о сострадании», люди вдруг стали людьми: зрители повскакали со*

своих мест, громко плача и осыпая Помпея проклятиями...». В вопросе защиты животных от жестокого обращения целая плеяда религиозных и философских выдающихся личностей: Пифагор Самосский (570—490 гг. до н.э., древнегреческий математик и философ), Диоген (412—323 гг. до н.э., древнегреческий философ, ученик Антисфена, основателя школы киников), Порфирий (232—306 гг. до н.э., эллинистический философ, теоретик музыки, астролог), Гораций (65—8 гг. до н.э., древнеримский поэт «золотого века» римской литературы), Овидий (43 г. до н.э., древнеримский поэт), Сенека (4 г. до н.э., римский философ-стоик, поэт, драматург и государственный деятель) и др. высказывалась о необходимости уважения к животным, недопустимости жестокости по отношению к ним. В глубокой древности позицию ненасилия по отношению к животным занимали и некоторые представители царских династий. Император Марк Аврелий (121—180 гг.) не любил публичные представления; которые отталкивали его своей жестокостью. В Греции не наблюдалось столь жестокого обращения с животными, как в Риме.

На рубеже V—IV вв. до н.э. появилось первое развитое этическое учение. Аристотель (384—322 гг. до н.э.), ученик Платона, сгруппировал все предшествующие разработки в сфере нравственно-этической мысли, ввел понятие «*этический*» (добродетельный), откуда и произошло название науки — «*этика*», и превратил этику в самостоятельную философскую дисциплину. Аристотель считал, что цель этики — не знания, а поступки, рассматривал этику как практическую философию. Позднее, с I в. до н.э., явление, которое изучала этика (обычаи, нравы, привычки и т.д.), получило название «мораль». Этика тесно переплеталась с философией и была как бы ее составляющей. Философия античной эпохи — это философия Древней Греции и Древнего Рима, которая зародилась в VI в. до н.э. и просуществовала больше тысячелетия до VI в. н.э., т.е. до того времени, когда в 529 г. н.э. император Юстиниан закрыл последнюю греческую философскую школу — Платоновскую академию. В Древней Греции существовали четыре философские школы: анимизм (вера в существование души и духов, вера в одушевленность всей природы), витализм (учение о наличии в живых организмах нематериальной сверхъестественной силы, управляющей жизненными явлениями — «жизненной силы», т.е. подчеркивалось отсутствие связи между душой и телом), механицизм (учение, которое провозглашало, что люди и животные — простые механизмы) и антропоцентризм (учение, в котором полностью отрицалось сходство между человеком и животным). Представитель анимистов, великий мыслитель-гуманист древности Пифагор, больше известный нашим современникам как математик, утверждал, что животные и люди имеют души одного порядка. С точки зрения Пифагора, души состоят из огня и воздуха и переходят от человека к животному или к человеку путем последовательных перевоплощений (реинкарнаций), т.е. души эти бессмертны.

Учение Пифагора базировалось на принципах гуманности, справедливости, умеренности и самоограничения. Доброе отношение к животным Пифагор рассматривал как основу нравственного поведения человека и утверждал, что до тех пор, пока люди истребляют животных, они будут убивать и друг друга. Пифагор подчеркивал, что человек, который сеет семена убийства и боли, не может «*пожинать радость и любовь*». Заповедь «*не убивать и не вредить невинным животным*» была отличительной особенностью учения Пифагора, и «... *пифагорейцы, привыкнув считать убийство животных делом беззаконным и противоестественным, еще более противоречащим божественному закону считали убийство человека и не участвовали в войне...*» [23, с.118]. Современники Пифагора свидетельствовали, что он ел хлеб и мед по утрам и сырые овощи вечером. Пифагор покупал на рынке живых рыб и птиц с тем, чтобы отпустить их на волю, а также платил рыбакам, чтобы они отпускали обратно в воду свой улов. Пифагор трепетно относился не только к животным, но и к природе в целом. Он запрещал наносить вред растениям и плодоносным деревьям.

Представитель виталистов Аристотель, великий энциклопедист древности, один из основателей биологии как науки, который впервые обобщил биологические знания, накопленные до него человечеством, хотя и утверждал, что душе животных не хватает разумной части (мышление, познание), что животные созданы для блага человека и не имеют никаких прав, а потому по отношению к ним не может быть совершенно несправедливости, все же разделял точку зрения Пифагора и отношение человека к животным расценивал как добродетель. При этом он особо отмечал роль нравственного воспитания личности. Представители школы механицизма также признавали принципиальное сходство между человеком и животным.

В период Античности для улучшения вкуса мясных блюд животных подвергали жестоким мучениям: топтали и жгли вымя у стельных коров, зашивали глаза журавлям и лебедям, протыкали раскаленными вертелами живых свиней [13]. Выдающиеся философы-гуманисты Пифагор, Плутарх, Платон протестовали против существующей жестокости по отношению к животным и были наиболее известными среди тех, кто проповедовал отказ от употребления в пищу мяса.

Пифагора считают «отцом» европейского вегетарианства. Он основал первую вегетарианскую ассоциацию, членами которой были 300 молодых людей из самых влиятельных семей города. Пифагор проводил параллель между употреблением мясной пищи и ожесточением человека, который перешагнул барьеры сострадания. Пифагор полагал, что отказ от употребления в пищу мяса является дорогой к нравственному очищению личности и укреплению справедливости в межчеловеческих отношениях. Сам Пифагор был строгим вегетарианцем и, по свидетельству Порфирия, «довольствовался медом, одним хлебом, не пил вина, главной же его пищей были вареные и сырые огородные овощи. Рыбу он ел довольно

редко» [Цит. по: 19, с. 15.]. Ямвлих, философ-неоплатоник, ученик Порфирия, отмечал, что, призывая своих последователей к отказу от мясной пищи, Пифагор подражал и восприятие людьми миролюбивых отношений: *«Кто возмущается убийством других созданий как делом несправедливым и неестественным, тот сочтет еще более незаконным убивать человека или начинать войну»* [Цит. по: 19, с. 16.]. По мнению Пифагора, отказ от мясоедения был особенно необходим людям, которые занимаются политикой. Пифагор уверял своих учеников в том, что, *«довольствуясь невинной, чистой и гуманной пищей, они будут наслаждаться здоровьем, душевным равновесием, спокойным сном и обладать высшими умственными и нравственными качествами»* [Цит. по: 19, с. 15.]. Пифагор рассматривал животных как существа, родственные человеку, и, по словам Диогена Лаэртского, *«запрещал... убивать животных, а тем более ими кормиться, ибо животные имеют душу, как и мы»* [11, с. 310.]. По свидетельству Порфирия, Пифагор *«избегал и убийств и убийц: не только воздерживался от животной пищи, но даже сторонился поваров и охотников»* [11, с. 417.]. Знаменитый поэт древности — Овидий Назон подчеркивал, что Пифагор первым воспретил подавать на стол мясо животных [2, с. 91–93]. Страдания предназначенных в пищу животных повергали Пифагора в трепет. Таким образом, осуждение Пифагором употребления мясной пищи неразрывно связано с нравственным осуждением убийства.

Писатель и историк античного периода Плутарх (ок. 45–127 гг. н.э.) также считал, что традиция употреблять в пищу животных противоестественна, жестока, и подчеркивал: *«Извинением для тех жалких существ, которые первые прибегли к мясоедению, может служить полное отсутствие и недостаток средств для жизни, так как они (первобытные народы) приобрели кровавые привычки не из потворства своим прихотям и не для того, чтобы предаться ненормальному сластолюбию среди избытка всего необходимого, а из нужды. Но какое может быть оправдание нам в наше время?»* [18]. Плутарх был убежден, что употребление в пищу мяса животных — это проявление зверской жестокости человека, который совершает ничем не оправданное убийство. С точки зрения Плутарха, моральная тяжесть «преступления мясоедения» усиливается еще и фактом незащитности животных перед человеком: *«Мы... преследуем и убиваем невинных, прирученных и беспомощных существ, лишенных оружия для своей защиты»* [Цит. по: 14, с. 258–273.]. Плутарх горячо поддерживал вегетарианство, о чем подробно писал в трактате «О поедании плоти»: *«... не понимаю, какого рода чувства, мысль или причина руководили тем человеком, который впервые решился осквернить свой рот кровью и дозволил своим губам прикоснуться к мясу убитого существа... Ничто не приводит нас в смущение: ни замечательная красота беспомощных животных, которых мы убиваем для*

пищи, ни жалостные ласковые звуки их голоса, ни их умственные способности. Единственно из-за куса их мяса мы лишаем их лучезарного света, жизни, для которой они рождены». [Цит. по: 13]. Плутарх, как и Пифагор, основал свое вегетарианство, однако оно в противоположность вегетарианству Пифагора опиралось не на идеи перевоплощения, а на понятия об общем долге доброты по отношению как к людям, так и к животным. Говоря о гуманном отношении к животным, Плутарх подчеркивал, что нравственный человек будет заботиться о своих домашних питомцах — лошадях и собаках не только когда они молоды и здоровы, но и тогда, когда они уже не способны служить своему хозяину. С точки зрения Плутарха, человек не должен видеть в животных только средства и инструменты для осуществления своих целей: людям не пристало *«обращаться с живыми существами, как с обувью и другими домашними вещами, которые выбрасывают, когда они износились от употребления»* [Цит. по: 19, с. 61]. У Плутарха мы встречаем также идею, которая позднее будет развита И. Кантом, что сострадание к другим существам необходимо *«хотя бы только для упражнения в человеколюбивом обращении с людьми»* [Цит. по: 14, с. 258–273.]. Общая мысль учения Плутарха сконцентрирована в его изречении: *«Закон и правосудие касаются только человечества; но доброта и благоволение могут простираться на существа всевозможных видов»* [Цит. по: 19, с. 60].

Порфирий, греческий философ, характер и поступки человека ставил в прямую зависимость от образа его жизни и питания. По мнению Порфирия, *«тот же, кто любит братьев своих, не несет ненависти к другим видам живых существ»* [15, с. С. 6987].

Сравнительный анализ имен знаменитых мыслителей эпохи Древнего Мира периода античности, которые регулярно упоминаются в популярной и учебной литературе общего профиля, и имен наиболее известных нам вегетарианцев того же исторического этапа показал, что более 33% выдающихся философов-гуманистов горячо протестовали против мясной пищи и призывали современников отказаться от употребления мяса животных (таблица 1), поскольку пришли к выводу, что человеку, как существу Нравственному, не подобает осквернять себя, убийством.

Прославленные вегетарианцы эпохи Древнего Мира в своем большинстве были философами и оставили после себя значимые философские и литературные труды.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

На заре развития человечества животные служили человеку объектами для подражания и почитания и не были для него «братьями меньшими». Памятники материальной культуры эпохи Древнего Мира: большое количество скульптур и других произведений изобразительного искусства, дошедшие до нашего времени, древняя живопись, представленная главным образом как роспись на стенах гробниц и храмов, на которых мастера-художники

Таблица 1

Знаменитые мыслители и вегетарианцы эпохи Древнего Мира

Знаменитые мыслители			Вегетарианцы
1.Августин (Аврелий)	31. Клеанф	60. Полемон	1.Августин (Аврелий)
2.Агриппа	32. Клеарх	61. Порфирий	2.Аполлоний
3.Аникерит	33.Климент	62. Посидоний	3.Аристотель
4.Антиох из Аскалона	Александрийский	63. Сенека	4.Гезиод
5.Антисфен	34.Клиномах	64. Симмий	5.Гиппократ
6.Аполлоний	35.Конфуций	65.Сиддхаттха Гаутама (Будда Шакьямуни)	6.Гораций
Тианский	36.Крантор	66.Симон-кожевник	7.Заратустра
7.Арета Киренская	37.Кратет Афинский	67.Сократ	8.Иероним
8.Аристипп, сын Ареты	38.Кратет Мальский	68.Спевсипп	9.Иоанн Златоуст
9.Аристоксен	39.Кратипп	69.Стильпон	10.Климент
10.Аристотель	40.Критолай	70.Стратон	Александрийский
11.Аркесилай	41.Критон	71.Теофраст	11.Конфуций
12.Бион Борисфенит	42.Ксанф	72.Тертуллиан	12.Ксенократ
13.Гегесий	43.Ксенократ	73.Тимон	13.Лактанций
14.Гезиод	44.Лакид из Кирены	74.Федон из Элиды	14.Музоний
15.Гиппархия	45.Лактанций	75.Феодор-Атеист	15.Овидий
16.Гиппократ	46.Лао-цзы	76.Филон 77.Александрий- ский	16.Ориген
17.Главкон из Афин	47.Менедем	78.Филон Ларисский	17.Пифагор
18.Гораций	48.Менипп Гадарский	79.Хрисипп	18.Платон
19.Дикеарх	49.Метродор Лампсак- ский	80.Цицерон	19.Плутарх
20.Диоген Синопский	50.Метрокл из Маронеи	81.Эвандр из Фокиды	20.Порфирий
21.Диодор Крон	51.Музоний	82.Эвгемер	21.Сенека
22.Евклид из Мегары	52.Овидий	83.Эвдем Родосский	22.Сиддхаттха Гаутама (Будда Шакьямуни)
23.Заратустра	53.Ориген	84.Эмпедокл	23.Сократ
24.Зенон Китийский	54.Панетий Родосский	85.Энесидем	24.Тертуллиан
25.Зенон Тарсийский	55.Пиррон	86.Эпикур	25.Эмпедокл
26.Иероним	56.Пифагор	87.Эпименид	26.Эпикур
27.Иоанн Златоуст	57.Платон	88.Эсхин	27.Эпименид
28.Калидаса	58.Плистен из Элиды	89.Ювенал	28.Ювенал
29.Карнеад	59.Плутарх	90.Демокрит	29.Цицерон
30.Кебет		91.Гераклит	30. Калидаса

изображали мифологические и бытовые сцены, произведения древнегреческих писателей-историографов, а также результаты многолетних исследований в этнографической науке — позволяют говорить о том, что позиция не насилия по отношению к животным существовала уже в глубокой древности. Первоначально она проявлялась на неосознанном уровне в почитании животных, прежде всего, в присваивании животным статуса «священные животные». Почитание животных формировалось под влиянием тотемизма — универсальной древнейшей формы почитания представителей животного мира, происхождение которого связано с тем, что «на ранних этапах развития человек еще не выделял себя из природы, из мира животных, для него звери, птицы, растения были такими же существами, как он сам». [21, с.4–10]. Дальнейшее развитие линии почитания животных происходило под влиянием формирования промыслового культа и суе-

верного страха перед опасными и сильными хищниками. Любое убийство животного, будь то убийство ради употребления его в пищу или с целью жертвоприношения, сопровождалось обязательными обрядами. Однако, как отмечает З.П. Соколова, на определенной стадии развития религиозных представлений животное начало терять «всякую связь с божеством», стало почитаться «уже само по себе», при этом в сознании людей уже не всегда жили мотивы, оправдывающие это почитание: «в пору своего заката культ животных вновь приобретает формы, близкие к начальным: почитается само животное, а не дух и божество. ... Если ранние формы культа животных были главным содержанием религии, то в поздних вариантах почитание животных является незначительным элементом религиозной практики, основанной на вере в могущественные и сверхъестественные силы» [17]. Таким образом, развивается культ

священных животных с позиций благодарности за помощь в хозяйстве, вместе с ним укрепляется позиция, что убийство животного большой грех, которые и сыграли роль своеобразной защиты животного и растительного мира: *«священные виды животных и растений всячески охранялись; им оказывалась конкретная помощь (своего рода биотехния); предания и легенды, передаваемые из уст в уста, способствовали «экологическому» воспитанию подрастающего поколения и охране данных священных видов. Кроме этого, для лучшей охраны тех или иных священных видов брались под защиту их места обитания»* [1, с. 81–101].

Несмотря на то, что если отношение древних людей к животным было жестоким, то оно было жестоким и к людям тоже, в Древнем Мире все же признавали ценность животных, считали их чувствующими и мыслящими существами, которые имеют сходные с человеком потребности и чувства. Более того, как только человек научился сочувствовать и сопереживать людям, он начал проявлять сострадание и к животным. В то же время «человек разумный», научившись субъективно оценивать окружающее пространство, пришел к выводу, что орудия труда и охоты, использованные против животного не по назначению, причинят большой вред хозяйству.

Идеи перевоплощения — реинкарнации и кармы в религиях Древней Индии укрепляли убеждения религиозных людей в необходимости доброго отношения к животным, поскольку, с одной стороны, вызывали у человека естественное стремление улучшить свою карму, с другой стороны, были мощным импульсом, который предписывал соблюдение высоких этических норм, определявших характерное для индийца бережное и благосклонное отношение к природе, к «братьям нашим меньшим», в каждом из которых можно было неожиданно встретить переродившегося любимого родственника или друга, недавно умершего. Употребление убойной пищи рассматривалось как жестокое действие по отношению к животным.

На протяжении многих столетий в устном народном творчестве, в мифах и сказках, пословицах и поговорках формировались предпосылки морального и нравственно-этического учения. Возникновение в Древнем Мире

представления о развитии нравственности позволило моральному сознанию стать довольно ощутимым фактором общественной жизни и культуры. Поскольку от морали и нравственности была не отделима этика, которая пребывала в ту далекую эпоху на стадии своего зарождения, то названные три понятия понимались как одно и то же. При этом этика, переплетаясь с философией, была как бы и ее составляющей. Вопрос защиты животных от жестокости начал рассматриваться с иных позиций. Этисты взывали к человеческому милосердию и настаивали, в основном, на необходимости сострадания к животным. В философии античной Греции отношение человека к животным расценивалось как добродетель. При этом особо отмечалась роль нравственного воспитания личности. Передовые мыслители предупреждали, что жестокость к животным способствует формированию у людей, особенно у детей, безразличия к страданиям живых существ, что в свою очередь пробуждает гнусные чувства по отношению к беззащитным созданиям — безжалостность и агрессивность, указывали на губительные последствия неоправданной жестокости в отношении животных при формировании социокультурных и духовно-нравственных ценностей будущих поколений.

Из истории развития отношений человека и животных видно, что привычные формы отношения людей к животным не были постоянными и со временем претерпевали изменения. Переход на вегетарианское питание выдающихся философов-гуманистов в период Античности явился одним из способов защиты животных от жестокости, поскольку они *«пришли к вегетарианству в первую очередь из философских, этических соображений. Великих вегетарианцев отличало более глубокое проникновение в суть вещей, более острое чувство сострадания к чужой боли, более высокое чувство справедливости и умение переступить через традиционные вкусы и взгляды»* [13], т.е. изначально под вегетарианством понимался образ жизни, гармоничный с философской и нравственной точками зрения.

Таким образом, уже в эпоху Древнего Мира во взаимоотношениях людей и животных действовали принципы сострадания, милосердия и справедливости.

Литература:

1. Алексеева, Н. Н. Экологические аспекты социально-культурных традиций Индии / Н. Н. Алексеева // Этноэкологические аспекты духовной культуры. — М.: ИЭА РАН, 2005. — с. 81–101.
2. Барыкова, А. П. По Овидию. Поучение Пифагора / А. П. Барыкова // Стихотворения и прозаические произведения. — СПб.: Издание «Посредника» для интеллигентных читателей, 1897. — с. 91–93.
3. Блаватская, Е. П. Есть ли душа у животных? / Е. П. Блаватская // Заколдованная жизнь: Повесть. Биография. Воспоминания современников. — Барнаул: Аккем, 1992. — 160 с.
4. Борейко, В. Е. Экологические традиции, религиозные воззрения славянских и других народов / В. Е. Борейко // Т. 1. — К.: Киевский эколого-культурный центр, 2003. — 160 с.
5. Геродот. Книга Вторая. Евтерпа / Перевод и примечания Г. А. Стратановского, под общей редакцией С. Л. Утченко. Редактор перевода Н. А. Мещерский // Геродот. История в девяти книгах. — Л.: Изд-во «Наука», 1972. — П. 66, 67.

6. Жмуров, Д. В. Зооагрессия детей и подростков / Д. В. Жмуров // Современные гуманитарные исследования. — 2006. — № 1 (8). — с. 145–153.
7. Законы Ману. Перевод с санскритского / Пер.: С. Д. Эльманович // Серия «Антология мудрости». — М.: Изд-во Эксмо-Пресс, 2002. — 496 с.
8. Зиви, Ален. Слуги богини Бастет / Ален Зиви // Журнал «ГЕО». — 2006. — № 8. — с. 62–67.
9. Карнышев, А. Д. Животные Прибайкалья: Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий [Электронный ресурс] / А. Д. Карнышев // Энциклопедия-хрестоматия Иркутской области и Байкал. — 2010. URL: http://irkipedia.ru/content/zhivotnye_pribaykalya (дата обращения: 07.05.2014).
10. Коломенский, Л. В. Мышление первобытного человека [Электронный ресурс] / Л. В. Коломенский. URL: <http://humanway.ru/mishlenie.doc> (дата обращения: 17.12.2014).
11. Лаэртский, Диоген. Порфирий. Жизнь Пифагора / Диоген Лаэртский // О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — 2-е изд., испр. — М.: Мысль, 1986. — с. 310, 417
12. Олдфилд Гоувей, М. Девять жизней кошки. Мифы и легенды / М. Олдфилд Гоувей, пер. Е. Н. Дорониной. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. — 271 с.
13. Павлова, Т. Н. Вегетарианство и этика / Т. Н. Павлова // Медкова И. Л., Павлова Т. Н., Брамбург Б. В. Всё о вегетарианстве. — 2-е изд. — М.: Международные отношения, 1993. — 200 с.
14. Покуленко, Т. А. Вегетарианство как нравственная ценность / Т. А. Покуленко // Гусейнов А. А. и др. Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. — М.: Политиздат, 1990. — с. 258–273.
15. Порфирий. О воздержании от мясной пищи. Кн. IV / Порфирий; Пер. с древнегреч. и коммент. В. Б. Черниговского // Человек. — 1994. — № 6. — с. 6987.
16. Сергеенко, М. Е. Простые люди древней Италии / М. Е. Сергеенко, редактор Е. Г. Дагин. — М. — Л.: Изд-во «Наука», 1964. — с. 93–119.
17. Соколова, З. П. Культ животных в религиях / З. П. Соколова. — М.: Издательство «Наука», 1972. — 216 с.
18. Толстой, Л. Н. О неразумности мясоедения. 1904–1908 / Л. Н. Толстой // Сост. В. А. Мороз. Толстовский листок = Толстой и о Толстом: выпуск одиннадцатый. — М.: Фонд «За выживание и развитие человечества», 2000. — 278 с. — (Запрещенный Толстой).
19. Уильяме, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойного питания для человека / Х. Уильяме. — М., Издание «Посредника» для интеллигентных читателей, 1893. — с. 15, 16, 60, 61
20. Хангалов, М. Н. Преданья и поверья унгинских бурят. Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири / М. Н. Хангалов // Записки ВСО РГО по этнографии. — Т. 2, вып. 11. — Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890. — 450 с.
21. Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии: Учебное пособие / Сост. М. Н. Сотская. — М.: МГППУ, 2003. — с. 4–10.
22. Шри Шримад А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Бхагават-гита как она есть / Шри Шримад А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. — М.: ВВТ, 2001, — 1056 с.
23. Ямвлих. Жизнь Пифагора / Пер. В. Б. Черниговского. — М.: Алетея, Новый Акрополь, 1998. — С. 118.

Семь смертельных кругов ада

Княжева Вера Витальевна, преподаватель общественных дисциплин
ГАПОУ ТО «Тобольский многопрофильный техникум» (Тюменская обл.)

Данная статья посвящена узнику немецких концлагерей из деревни Лайтамак Тобольского района Абай-дуллину Ахату Азановичу и особенностям содержания и обращения с пленниками времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в условиях лагерной системы.

Ключевые слова: немецкие концентрационные лагеря, пленники, деревня Лайтамак Тобольского района, село Мясной бор под Новгородом.

Тема немецких концентрационных лагерей и условия содержания в них узников, несмотря на исследования ряда ученых, посвятивших свои работы изучению данной проблемы и рассекреченные материалы архивов, на наш взгляд, является не до конца изученной по причине того,

что многие сведения остаются утраченными и неопубликованными в научной литературе. В своей работе мы хотим осветить условия содержания и обращения с узниками в немецких концентрационных лагерях на личном примере заключенного.

Актуальность данной темы определяется тем, что созданная пенитенциарная система фашистской Германии по своей масштабности и жестокости была оценена мировой общественностью, как одно из страшных преступлений XX столетия, распространившая нацистские и шовинистские идеологические принципы, направленные против всего человечества.

Целью нашей работы является сбор и анализ имеющейся информации, документов домашнего архива братьев Арангуловых Хасана и Хусайна, специальной литературы об узнике концлагеря Освенцим (Аушвиц-Берканау) Абайдуллине Ахате Азановиче.

За помощью в сборе материала мы обратились к земляникам Абайдуллина Ахата Азановича, ветеранам-пограничникам, ветеранам Всероссийской общественной организации «Боевое Братство» братьям Арангуловым Хасану и Хусайну.

Абайдуллин Ахат Азанович родился 7 ноября 1917 года в деревне Лайтамак Тобольского района. В 23 года в сентябре 1941 года был призван на фронт. На протяжении военной службы Ахат Азанович работал на военном заводе — изготавливал снаряды для оружия, а затем был направлен на военную подготовку. С марта 1942 года по декабрь 1943 года находился в составе 51 стрелкового полка. В течение сорока дней обучился стрельбе из миномета. Был назначен командиром минометного отделения на Волховском фронте под Ленинградом. Затем был переведен в первое отделение полковой разведки, которая раскрыла его природные способности — бесшумно подкрадываться и метко стрелять. Утром 15 августа 1943 года в селе Мясной бор под Новгородом разведчиков вызвали в штаб и там они узнали, что взятый ими ночью «язык» оказался литовским легионером. Для подтверждения данных им сведений необходимо было захватить еще одного «языка» уже не с левого, а с правого фланга немецких укреплений. Данная операция по рассказам, Ахата Азановича была очень опасная, из двенадцати разведчиков обратно возвращались три-четыре человека.

Разведчики залегли в кустах. Нужно было подкрасться к землянке, в которой расположился штаб и захватить одного из немцев. При выполнении спецзадания разведчиков настигла автоматная очередь, полетели гранаты, отстреливаясь, они начали отступать к реке, спасаясь от обстрела, Ахат Азанович прикрыл собой своих товарищей-разведчиков. В ходе обстрела Ахат Азанович остался жив, но получил минно-осколочное ранение в левый плечевой сустав, с повреждениями кости и касательное осколочное ранение в череп, с переломом затылочной кости, что подтверждается записью в медицинской справке выданной эвакогоспиталем № 4097 ст. Ворзель Киевской области УССР. Придя в себя через несколько дней после ранения, вспоминает, что тело, особенно голова, сильно ныли и были изуродованы осколками. Когда сознание прояснилось, разведчик попросил воды у пожилого седоволосого старика, мысли не давали покоя, незнакомая

обстановка, грязные стены, стоны людей наводили ужас и дрожь во всем теле. После расспросов у старика, выяснилось, что это лагерь военнопленных под Новгородом. От одной мысли о нахождении в немецком плену становилось судорожно страшно и жутко. Череду бесконечных ежедневных допросов, унижения человеческого достоинства, физическое и психическое воздействие стали постоянными обстоятельствами жизни Ахата Азановича, как и многих других узников попавших в плен. На допросах, по рассказам пленника, постоянно избивали, приходилось корчиться от боли и терять сознание.

При установлении личности пленника, допрос вел немецкий офицер с переводчицей. Обессиленный Ахат Азанович не смог ответить и фашист, приняв это за издевку, набросился на него с хлыстом и вел допрос пока узник не потерял сознание. По воспоминаниям, бывшего пленника, раны сильно кровоточили, повязки в лагере не менялись, от крови бинты становились твердыми и колючими. Мучительное пребывание в данном лагере сильно подорвали здоровье Ахата Азановича. Через месяц пленника перевели в другой лагерь для военнопленных под Порховом. Пленных разместили в сыром и холодном каменном здании, где помещение не отапливалось, и отсутствовали нары для заключенных. Сидеть и лежать приходилось на каменном полу, прислонившись к холодной стене. Ахату Азановичу не давали спать мучительно ноющие раны и головные боли. Кормили узников баландой и выдавали 200 грамм хлеба в день.

В городе Порхове Ахат Азанович, как и в Новгороде находился месяц, после чего с партией военнопленных был переведен в город Псков. В этом лагере узник долго не задержался и был отправлен в Эстонию в концентрационный лагерь Вильянди.

Первые концлагеря были созданы вскоре после прихода нацистов к власти, основной целью создания которых явилось, принудительное заключение и содержание следующих категорий граждан различных стран: военнопленных различных войн и конфликтов, политических заключенных. Концлагеря, гетто и другие места принудительного содержания создавались фашистами и их союзниками на территории разных стран: Германии, Австрии, Польше, Франции, Чехословакии, Литве, Эстонии, Белоруссии, Латвии и Норвегии. Первоначально все концлагеря создавались как трудовые лагеря, но в каждом из них было уничтожено множество людей. Условия содержания в концлагерях, хотя и имели свои особенности, в целом отличались жестокостью и бесчеловечностью содержания. Лагеря делились на мужские, женские и детские [3].

Страшным испытанием для пленников немецких концлагерей помимо боли, холода, физического и психического насилия, был голод, который ни на минуту не давал покоя, многие узники представляли собой скелеты обтянутые кожей. Однажды, Ахату Азановичу пришла в голову идея обменять свою шинель в соседнем бараке на сухари. Но во время проверки фашисты узнали об этом,

пленника повели в сторону от барака, сердце в груди билось все лихорадочнее, в голове промелькнуло, что его ведут на расстрел. Немецкие солдаты начали над ним потешаться, один из фрицев сбил его с ног и раздался язвительный хохот. Тыкали его дулами автоматов и, делали вид, что собираются стрелять. Но и на этот раз, смерть его обошла стороной, фашисты ушли по просьбе немецкого офицера. Ахат Азанович, с трудом добрался до своего барака и упал на нары, в душе он благодарил Бога за спасенную его жизнь.

Затем в списке заключенного был лагерь Майданек — «Дахау-2», так сначала называли фашисты концентрационный лагерь СС под Люблином в Польше. Данный лагерь после оборудования газовой камерой, превратился в «лагерь смерти» по уничтожению народов. Сведения о пребывании Ахата Азановича в Майданеке подтверждаются именным списком бывших военнопленных, оставшихся в живых в концлагере г. Люблина по блоку № 5, который был найден нами на информационном сайте «Мемориал.РУ». В списке сержант Ахат Азанович находится под 13 порядковым номером, в графе «когда и где попал в плен» указана точная дата — 15 августа 1943 года и место пленения — село Мясной бор под Новгородом. В списке мы можем найти подробные сведения и о домашнем адресе, где проживал военнопленный, где указано — деревня Лайтамак Вормохлинского сельсовета Тобольского района Омской области [5]. Данный документ еще раз подтверждает подлинность сведений, записанных нами об узнике Абайдуллине Ахате Азановиче. В Майданеке Ахат Азанович неожиданно встретил своего земляка Василия Шумилова из села Овсянниково Тобольского района. Они держались вместе и делили все ужасы фашистского плена. Василий Шумилов также остался жив и после войны жил на улице Дзержинского в городе Тобольске и часто навещал Ахата Азановича в деревне Лайтамак. Сведения об узнике Василии Шумилове также размещены на сайте «Мемориал.РУ», он также значится в списке пленных [5].

Как вспоминает, Ахат Азанович, за все долгие и мучительные годы немецкого плена с 1943 по 1945 годы ему удалось всего лишь один раз нормально поесть в шестом по счету концлагере Заксенхаузен в Германии, возле Берлина, питаясь морковью. Немецкий барон отобрал наиболее трудоспособных узников, которые могли стоять на ногах, и отправил их в свое хозяйство на уборку урожая моркови. В число трудоспособных вошел и Ахат Азанович, узники от мучительного голода съедали почти целую неочищенную от земли морковь. Рискую своей жизнью, некоторым узникам удалось пронести под гимнастеркой для своих товарищей «полноценный» продукт для истощенного и измученного организма.

Далее Ахата Азановича снова переводят, но еще в более страшный немецкий концлагерь смерти — Освенцим, который явился седьмым по счету лагерем узника.

Освенцимский лагерь был построен в 1939 году по приказу рейхсфюрера СС Гиммлера специально для уничто-

жения поработанных граждан оккупированных стран Европы. Лагерь расположен на огромной территории вокруг города Освенцима и представлял собой целую систему лагерей: Аушвиц, Биркенау, Моновице, Голешау, Явишовице, Нейдакс, Блехамер и другие. Основные из них — Аушвиц и Биркенау — были расположены на территории в 467,5 гектара и имели свыше 620 жилых бараков и служебных помещений. В лагерях Освенцима содержалось постоянно от 180 до 250 тысяч заключенных. Все лагеря были обведены глубокими рвами и оцеплены густой сетью колючей проволоки, через которую пропусклся ток высокого напряжения. В лагере располагались, газовые камеры, крематории, 12 печей с 46 ретортами, в каждую из которых помещали от трех до пяти трупов, сгоравших за 20–30 минут [1].

Более 70 научных медицинских опытов было проведено нацистами. Более 7000 человек принудительно участвовали в экспериментах, нарушающих принципы и нормы медицинской этики [1].

Пленным по прибытии в лагерь сжигали их прежнюю одежду и выдавали полосатую. На левой груди татуировали номер, с этого момента к узнику по имени и фамилии никто не обращался. Ахату Азановичу был присвоен 10949 лагерный номер. Дисциплина в Освенциме, по сравнению с предыдущими лагерями, по воспоминаниям бывшего пленника, была самая страшная, не так шел, не так посмотрел, тебя ждала смертная казнь. Узников в лагере заставляли выполнять тяжелые физические работы до полного истощения, заключенные носили тяжелые камни, копали землю, строили туалеты. Их подвергали зверским истязаниям, четыре раза в день проводили проверки. С наступлением темноты на вышках загорались прожекторы, попавшего под луч света, ждала пулеметная очередь. В лагерь ежедневно прибывали новые военнопленные, которых выстраивали на платформе для отбора в трудоспособные узники. «Не трудоспособных» вели в так называемые «душевые». Фашисты убеждали людей, что их ведут помыться в баню, во избежание страха и паники перед смертью. Люди раздевались, одежду оставляли в комнате и входили в «душевую», которая в действительности оказывалась газовой камерой. Узников умертвляли ядовитым и удушающим газом «Циклон Б», который был разработан в 1922 году группой ученых под руководством Фрица Габера, лауреата Нобелевской премии по химии 1918 г. Ахат Азанович прошел через такую помывочную, но ему вновь повезло, он действительно был в бане, а другая группа узников уже никогда больше не вышла живыми обратно. На территории лагеря в воздухе стоял тошнотворный запах горелого человеческого мяса, круглосуточно работали печи крематория, ежедневно из каждого барака сжигали до 30 человек, некоторых людей сжигали полуживыми. Из узников никто не знал, сколько ему еще осталось жить. На долю некоторых узников выпала страшная участь, немцы заставляли сжигать в печи тела своих товарищей, а через некоторое время их ждала та же участь.

Освенцим явился лагерем не только для взрослых, но и для детей. Ахату Азановичу запомнился случай, когда в лагерь привезли около двухсот детей, дети громко рыдали. Была слышна русская речь, оказалось, что эти дети из Советского Союза, которых безжалостно расстреляли фашисты с близкого расстояния в затылок. Детей доставляли в лагерь для медицинских экспериментов и опытов, переливания крови немецким раненым солдатам, такие антигуманные противозаконные действия особенно практиковались в Освенциме.

Случайно, Ахат Азанович увидел себя в списке узников, к которым будет применена смертная казнь. Дата его смерти была обозначена 29 января 1945 года. Пленник психологически был готов принять смерть, понимая, что ему в любом случае, осталось жить не долго, мучительный голод истощал его организм, и вес его тела достигал 30 килограммов.

27 января 1945 года пленники слышали гул приближающихся самолетов. Это были советские бомбардировщики, которые начали бомбить фашистские комендатуры. Через некоторое время лагерь был полностью освобожден от фашистов. Немецкий концентрационный лагерь массового уничтожения Освенцим был освобожден войсками 1-го Украинского фронта. Узники со слезами радости встречали освободителей. Многие пленные были так истощены, что у них не хватило сил встать и выйти из бараков, в их числе был Ахат Азанович. Группа пленников, которые могли подняться, открыли немецкие склады и жадно поглощали пищу, но вскоре мучительно умирали на мешках с едой. В сутки разрешалось принимать только одну ложку каши и одну ложку воды после длительного принудительного голодания, иначе смертельный исход был бы неизбежен, так рассказывал Ахат Азанович.

После плена бывший узник полгода лечился в госпитале на Украине, и все это время проходил проверку в НКВД. Вырвавшись из фашистского плена, многие попали в советские исправительно-трудовые лагеря — ГУЛАГА, на родине за ними закрепилось клеймо «предатель родины». Репрессиям подвергались их родственники и дети. По возможности они меняли фамилии и давали себе обет молчания на всю оставшуюся жизнь. Глубокий

страх засел в душах этих людей. Ахату Азановичу повезло, он вернулся домой в свою родную деревню Лайтамак. Еще в 1942 года его жена Валия Ханафиевна Абайдулина и единственная дочь Гульнур получили похоронный лист, дома его никто не ждал увидеть живым. Но сердце Вали Ханафиевны подсказывало, что ее муж жив, предчувствия супруги оказались верными, супруг вернулся домой. Ахат Азанович получил инвалидность, несмотря на тяжелые раны и подорванное здоровье, продолжал работать, в должности председателя колхоза, трудился на почте, работал киномехаником в клубе, плотником. В памяти односельчан он остался как постоянный участник художественных смотров, спектаклей, играл на скрипке. На праздники соседи его всегда ждали в парадном военном костюме и боевыми наградами. У Ахата Азановича девять детей, первая дочь появилась до войны, остальные дети появились в послевоенное время. Боевые раны не зажили, семнадцать осколков от взорвавшейся гранаты так и сидели в черепе, хирурги не взялись извлекать острые металлические осколки, опасаясь за исход операции.левой лопатки у Ахата Азановича практически не было, рука была раздроблена, частые потери сознания, не сломали силу и дух этого человека. За свои заслуги был награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За доблестный труд» и юбилейными медалями. В 1983 году Ахат Азанович ушел из жизни и был похоронен в городе Тобольске.

Трагичная история немецких концентрационных лагерей долгое время была для нас закрыта, об этом умалчивалось и не писалось. Массовое уничтожение людей, которые представляли собой дешевую рабочую силу и подопытный материал играл важную роль в экономике Германии. Судьбы узников концлагерей заставляет нас переоценить свою жизнь, а главное, не допустить подобного зловещего режима в современном мире. Защитить своих детей от зла и насилия, воспитать в них человеческие качества и уважительное отношение друг к другу. Быть снисходительными к культуре и религии другого народа, а главное понимать ценность жизни и уважать равные права человека.

Литература:

1. Historic.ru/. [Электронный ресурс]. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000022/st005.shtml> (дата просмотра: 12.08.2014).
2. Концентрационные лагеря системы Маутхаузен в нацистской Германии (1938—1945 гг.): история, структура, сопротивление. Автореферат. Диссертация. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsentratsionnye-lagerya-sistemy-mautkhauzen-v-natsistskoi-germanii-1938-1945-gg-istoriya> (дата просмотра: 10.07.2014).
3. Корнева, Л. Н. Зловещий лик нацистского Януса: историки ФРГ о системе концентрационных лагерей / Вестник Томского государственного университета. — август, 2007. — с. 50—53. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zloveschiy-lik-natsistskogo-yanusa-istoriki-frg-o-sisteme-kontsentratsionnyh-lagerey> (дата просмотра: 01.07.2014).
4. Узник Освенцима из Лайтамака. Тюменская мусульманская информационная газета МУСЛИМИНФО. [Электронный ресурс]. URL: <http://muslim-info.ru/news.php?id=179> (дата просмотра: 23.08.2014).

5. Центральный архив Министерства обороны. Мемориал. РУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=54342268> (дата просмотра: 26.09.2014).
6. Записано от братьев Арангуловых Хасана и Хусаина, 1967 г.р., г. Тобольск Тюменская область 22.08.2014, 25.09.2014.

«Красноуфимское восстание» на основе материалов государственного архива Свердловской области

Кулаков Дмитрий Витальевич, преподаватель;
Стецюк Иванна Ивановна, студент;
Кузовникова Кристина Александровна, студент;
Шатунов Евгений Алексеевич, студент
ГБОУ СПО СО «Екатеринбургский экономико-технологический колледж»

В представленной работе показана история вооруженного антисоветского восстания, произошедшего в октябре-декабре 1920 году в Красноуфимском уезде Екатеринбургской губернии.

Особенностью данной работы является то, что она основана на изучении следственных материалов военного трибунала и на архивных материалах по истории уральской милиции и частей особого назначения, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области. Выводы и заключения сделаны только на основании документов ГАСО.

Ключевые слова: восстание, бандитизм, Красноуфимск.

Тема борьбы государственных органов с организованной преступностью всегда была актуальной. Вот только в разное время с организованной и вооруженной, преступностью борются по-разному. Результат этой борьбы соответственно разный.

Рассмотрим, как решалась борьба с бандитизмом почти век назад, когда во время Гражданской войны Екатеринбургскую губернию захлестнула волна бандитизма.

На протяжении всего 1920 года по территории Екатеринбургской губернии прокатилась волна антисоветских восстаний. Впрочем, волны крестьянских восстаний прокатились тогда по всей территории страны. Принято считать, и это уже стало устойчивым мифом, что причиной этих восстаний служило недовольство крестьян проводимой с 1919 года политикой продовольственной разверстки. Эта политика, вызванная в годы Гражданской войны военной необходимостью — обеспечивать армию и городское население продовольствием, заключалось в том, что у крестьян изымалось все имеющиеся продовольствие. По окончании Гражданской войны, такая политика вызвала законное недовольство крестьян Советской властью. В 1920—21 годах волны крестьянских восстаний прокатились по стране. Не будем спорить о справедливости требований крестьян отменить продразверстку.

В отличие от крестьянских выступлений на Тамбовщине, Западной Сибири, Южном Урале, восстание в Красноуфимском уезде Екатеринбургской губернии мало известно и мало изучено.

Последние годы принято считать, что все выступления того времени вызваны исключительно продовольственной

политикой большевиков, изымающих у крестьян полностью хлеб.

Об этом указывает в работе историк **В.Л. Телицын** «Антибольшевизм уральских крестьян и его проявление в 1917—1921 гг». Телицын считает, что причинами восстаний на Урале является недовольство методами утверждения большевизма у власти вообще и их экономической политикой [1].

Еще ранее в учебном пособии И.Ф. Плотникова «Средний Урал в годы гражданской войны» указывается, что движущей силой восстания были и кулаки, дезертиры и труженики деревни» [2].

В работе «Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории». Причинами восстания является произвол местных властей при изъятии продовольствия. Говорится о том, что лозунгом восставших был: «Советы без большевиков» И уж конечно, о жестокости с которой восстания подавлялись и десятки тысяч крестьян расстреливались, что причинами поражения восстаний была жестокость и начавшийся голод [3].

В работах журналиста **Олега Логинова** «Становление милиции на Среднем Урале» и «Самые — самые банды на Урале» причинами выступлений являлся неурожай, политика продразверстки антисоветская агитация лидеров бандформирований и делается акцент на уголовный характер выступлений в Красноуфимском уезде [4].

Наиболее правильными являются выводы сделанные **Е.И. Ярковой** в работе «Крестьянские волнения в Красноуфимском уезде» в 1919—1920 гг». Эта работа наиболее глубоко затрагивает проблему причин и состава участников восстания. На основании документов ЦДОО

Свердловской области, автор делает вывод о том, что причиной восстания являлась недовольство крестьян мобилизационной и продовольственной политикой властей. Движущей силой были дезертиры Красной армии и лица их укрывающие [5]. Тот же вывод делает **Д. В. Кулаков** в статье «Бандитизм на Урале», посвященной роли милиции в подавлении дезертирского восстания [6].

В представленной нами работе мы использовали только архивные материалы Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Однако, нами ни в каких документах — будь то материалы следствия по делу участников банд, или доклады о ходе восстания нигде не сказано о недовольстве крестьян политикой разверстки. При изучении архивных материалов мы видим, что причиной волнений во всей Екатеринбургской губернии и в частности восстании в Красноуфимском уезде, являлось желание крестьян уклониться как от призыва в Красную армию, так и уклониться от мобилизации в трудовую армию. Именно обязанность служить, а вовсе не продразверстка являлась причиной того, что крестьяне призывного возраста, бежали с призывных пунктов или из Красной или трудовой армии, уходили в леса, объединялись в отряды и для добычи продовольствия разбойничали на дорогах, а затем, руководимые каким-нибудь лидером — врагом Советской власти поднимались на вооруженные выступления. При этом восставшие дезертиры хоть и выступали за свержение Советской власти, однако, никаких политических требований не выдвигали, и непонятно, какую власть они собирались впоследствии установить.

Также документы развеивают и миф о том, что политика продразверстки полностью разорила крестьян. Из документов видно, что крестьяне жаловались на разорение и полное отсутствие продовольствия красноармейцам, продотрядовцам или карательным отрядам ВЧК. Когда же в деревню входили отряды бандитов, крестьяне сами выносили им и хлеб, и мясо с салом и самогон. Так же оперативники, представляющиеся дезертирами, получали от крестьян продукты в огромном количестве.

Несмотря на размах восстаний, они подавлялись эффективно. Благодаря политике правоохранителей брать в заложники родственников участников банд. В наше время можно сколь угодно утверждать, что эта мера незаконна и жестока. Зато она оказалась эффективной. Так же вопреки нынешнему мифу о жестокости красных — из документов видно, что трибуналы были, не так уж и жестоки — помимо расстрелов применялись и заключения под стражу и уж, что совсем неизвестно — просто общественное порицание.

Теперь подробнее рассмотрим и причины, и ход восстания.

В Октябре 1920 г. в Красноуфимском уезде Екатеринбургской губернии под лозунгом свержения Советской власти вспыхнуло восстание под руководством крестьян Дремина и Никифорова. Вооруженные формирования действовали на территории Красноуфимского уезда около полутора лет. Пик движения приходится на октябрь —

ноябрь 1920г, когда повстанцы держали под своим контролем целые волости, а их многотысячная армия представляли из себя роты и эскадроны. После декабря 1920г после нанесенного красными карательными отрядами поражения, отряд Дремина уже не воинское формирование, а скрывающаяся в лесах хоть и значительная, но просто банда.

Цели восставших. Из показаний арестованных повстанцев следует, что лидеры восстания не выдвигали никаких политических лозунгов, кроме как свержения Советской власти. Часть крестьян к таким лозунгам относилась сочувственно. Оперативники, внедрявшиеся в крестьянскую среду под видом дезертиров докладывали, что, что крестьяне не скупясь обеспечивали их продовольствием, призывая освободить их от власти большевиков т.к. надоела разверстка [7].

Но дальше свержения власти, видимо, фантазия лидеров восстания не шла. Что было бы дальше, если бы восстание имело успех — не ясно.

Состав участников восстания. В сводках и донесениях того времени это восстание именуется не иначе как бандитско-дезертирским. И представители Советской Власти, и пленные повстанцы и свидетели — крестьяне, в своих показаниях называют выступление дезертирским восстанием. Особенностью этого восстания было то, что основными его участниками были лица, дезертировавшие из Красной Армии или уклоняющиеся от трудовой мобилизации. Конечно, это выступление является крестьянским, поскольку по происхождению восставшие дезертиры были поголовно крестьянами Красноуфимского уезда. Все были недовольны Советской властью. Однако, в вооруженные формирования Дремина и Никифорова, судя по документам, ни один крестьянин не пришел от того, что был доведен до отчаянья продовольственной политикой властей. Банды пополнялись лицами, дезертировавшие из армии и бродящими по уезду группами и в одиночку, занимавшимися грабежом для пропитания. До начала восстания эти разрозненные дезертирские шайки, чтобы прожить в лесах, вынуждены были на дорогах грабить население. — т.е были банальными уголовниками, попутно они убивали и советских работников, что придавало этим преступлениям политический окрас. В 1920 г слова дезертир и бандит являлись синонимами. Борьба с дезертирством в 1920—21гг подразумевалась как борьба с бандитизмом.

Лидеры восстания в борьбе с Советской властью делали ставку именно на дезертиров и лиц, скрывавшихся в лесах от мобилизации, а вовсе не на трудящихся крестьян, страдающих от продразверстки. Заняв деревню и созвав народ на сход, лидеры банд — Никифоров, Дремин или Заводов, обращались к народу с вопросом, есть ли среди них дезертиры, после чего призывали эту категорию вступать в их ряды. Главари банд направляли своих эмиссаров в леса, где прятались уклонисты и дезертиры, и агитировали их примкнуть к восставшим. За отказ грозили расстрелом как им самим, так и их семьям.

Из анкет арестованных бандитов видно, что по происхождению основная их масса в основном бедняки и середняки — у кого имелся в собственности только один дом, у кого, дом корова, лошадь, иногда еще и пара овец или коз, так, что состав отнюдь не кулацкий. Возраст составших колебался в среднем от 18–34 лет. Практически все, кто старше 20 лет уже повоевали на всевозможных фронтах первой мировой войны. Сам Никифоров был инвалидом 1-й Мировой войны и имел чин прапорщика. (а в те годы он мог получить офицерский чин только за храбрость). В протоколах допросов в обязательном порядке стояли графы — где был с 1914–16 год, где был в 1917 г. и где был и что делал во время Гражданской войны. Все арестованные период 1914–17гг провели на фронтах. А вот в гражданскую войну многие, судя по документам, воевать ни за красных ни за белых не стремились. В период с 1918 по 1920 годы, либо отсиживались по домам, а кое — кто побывал недолго по мобилизации в армии Колчака, по болезни уходили на лечение домой и больше в армию не возвращались. С приходом красных они подлежали мобилизации и призывались в Красную армию. Будучи мобилизованными, несли службу в соседних от Красноуфимска уездах, а то и в самом Красноуфимске (как и будучи в белой армии, далеко от дома не отрывались). Но все равно бежали из армии. Для чего? Самовольно покинув свои части, они, прячась по лесам, заходили домой по ночам. Не исключено, что покормившей в окопах германской войны, люди просто испытывали отвращение к воинской службе, и не желали служить ни в какой из армий. Кроме воинской, в 1920 году существовала еще, и трудовая мобилизация, от которой крестьяне, вынужденные отвлекаться от своих хозяйств, стремились уклониться. Впрочем, прячась по лесам, крестьяне пользы своему хозяйству не приносили. Дезертирство из воинских частей вряд ли можно объяснить и ностальгией по Родине. В Екатеринбургской губернии призванные в Красную Армию крестьяне, служили здесь же практически у себя дома. Гражданская война осенью 1920 г. е подходила к концу, и мобилизованным крестьянам, можно было не опасаться быть отправленными в масорубку фронтов.

Разве, что крестьяне с. Усть — Лог могут быть расценены, как идейные враги Советской власти. Все задержанные повстанцы — середняки. Все служили в армии Колчака, куда по их словам шли добровольно, а иные в 1918г перебежали к белым, будучи ранее мобилизованными в Красную армию. Большинство из них в 1919–20 гг попали в плен и автоматически были зачислены, кто в Красную армию, кто в Трудовую армию, откуда бежали и скрывались в лесах у с. Усть-Лог. Они не испытывали проблем с продовольствием, которое им привозили односельчане. Оружие, было заранее припасено и которые бандиты только ждали сигнала к вооруженному выступлению. Будучи взятыми в плен, эта категория повстанцев не скрывала, что в отряды Дремина — Никифорова они вступили добровольно в ответ на призывы свергнуть Со-

ветскую власть. Но таких явных врагов власти было мало. В основном арестованные в своих показаниях говорили, что были мобилизованы Дреминым насильно или бежали из армии и примкнули к восставшим, будучи обманутыми. Так, четверо красноармейцев. Лягаев, Желужев, Гуляев, Новоселов, объясняли причину перехода к бандитам, тем, что агитаторы говорили им, что Сибирь уже от большевиков освобождена и они бежали, когда их части были направлены на подавления восстания, и перешли на сторону бандитов. Никто из них на следствии не отрицал, что в банде они находились сознательно и участвовали во всех боях и находились там с оружием. Все четверо были убиты при попытке к бегству [8]. Иногда среди повстанцев оказывались и Советские работники. Так ачитский военком Павел Чепухин во время боя с бандитами, перешел на их сторону, стал командиром взвода и участвовал в боях с красными отрядами, налетах на села, призывал расстреливать арестованных. После разгрома банды тайно вернулся домой и жил в бане, но 18.11.20 был выявлен и арестован милиционерами а затем расстрелян по решению суда [9]. Однако, большая часть красноармейцев — а Красная армия была преимущественно крестьянской, в большинстве своем состояла из уроженцев губернии, к повстанцам не примкнула, а напротив участвовала в подавлении восстания.

Так, что как видим, восстание по сути своей было не крестьянским, а как верно указывалось в документах того времени — бандитско-дезертирским.

Трудно указать точную дату начала восстания. Отряды вооруженных дезертиров на протяжении 1919–1920 года действовали на территории Красноуфимского уезда. Волна дезертирского бандитизма захлестнула Екатеринбургскую губернию после отхода белых. Бандитизм носил как чисто уголовный, так и политический характер. Еще задолго до открытого восстания по лесам губернии и в частности Красноуфимского уезда бродили шайки дезертиров, занимавшихся грабежами на большой дороге т.е носившие чисто уголовный характер. Имелись факты, когда дезертиры убивали на большой дороге коммунистов и советских работников. Такие события уже расценивались властями как вооруженное выступление против Советской власти, и носило политический характер.

Красноуфимское восстание не было стихийным, а было тщательно подготовленным. Из показаний пленных бандитов видно, что формировать отряды руководители восстания начали еще летом 1920 г. По словам дезертиров, еще летом, когда призывники шли к призывным пунктам, бандиты по пути приказывали им уходить в лес, селили в землянках, доставляли продовольствие, а затем призывали в ряды повстанцев [10]. Пользуясь недовольством мобилизованных крестьян, накануне и в начале восстания Дремин направлял своих агитаторов по воинским частям Екатеринбургской губернии, которые «мутили воду» среди красноармейцев, призывая их бежать из армии и примыкать к восстанию с целью свержения Со-

ветской власти [11], Наибольшего размаха движение дезертиров приобрело в октябре 1920 г.

10.10. 20 г. по телефону из Красноуфимска в Екатеринбург сообщалось, что в Красноуфимском уезде **Иргинская, Быховская, Тихоновская волости** захвачены дезертирами. Убито 3 комиссара, 4 милиционера, 2 продавца **18 октября 1920 года** отряд дезертиров в количестве сорока человек захватил **село Поташ**, захватив в плен нескольких милиционеров. К дезертирам примкнула и часть крестьян. Отряд повстанцев, выросший до более сотни человек, двинулся на **Ялым и Ачит**. Восставшие были вооружены трехлинейными винтовками и берданками. По слухам, они имели пулемет, но он был, якобы, неисправен. Патронов было мало. На своем пути бандиты громили здания исполкомов, расправлялись с коммунистами и их семьями, разоружали и расстреливали милиционеров. **20 октября** восставшие с боем взяли **завод Тиса**. Восстание разрасталось. В него были втянуты **Быковская, Ачитская, Утинская, Тисовская и Тихоновская волости**. К концу октября отряд восставших насчитывал уже около полутора тысяч человек. Это было вооруженное формирование, в котором были и пехотные роты, и конные эскадроны.

Хотя крестьяне Красноуфимского уезда в основной массе не приняли участия в восстании, но пассивную помощь повстанцам оказывали. Пленные дезертиры в последствии показывали следствию, что еще до начала и во время восстания и даже после его поражения, крестьяне снабжали в лесу дезертиров оружием, патронами и продовольствием [12].

О настроении крестьян указано в подробном рапорте члена волостного комитета по борьбе с дезертирством Сарапуловым. В ночь с 15—16.11.1920 г. 6 оперативников под видом дезертиров нашли убежище у крестьянина Обожина (65 лет). Хозяин с почтением принял их «как защитников буржуазии» и поил чаем. Во время разговора, принимая их за бандитов, жаловался, что житье скверное, что «коммунисты не дают житья и за всем надзирают, вот начали отбирать овес и накладывать какую — то разверстку». Добавил «Я не везу никакую разверстку, жду Вас, когда Вы придете и нас освободите». Похвастался, что Большая часть ржи, пшеницы и овса так запрятана, что коммунистам не найти. Он же указал фамилии и адреса советских работников и даже на просьбу помочь оружием откликнулся, пообещав на днях, помочь достать оружие и подыскать человек десять верных людей. Желал успеха восстанию, говоря «Помогай Вам бог!» и снабдил их двумя пудами овса и хлеба [13].

Так, что как видим, у разоренных и обобранных Советской властью крестьян продовольствие все же было. Из допросов пленных явствует, что проблем с продовольствием бандиты не испытывали, поскольку, когда проходили через деревни, жители давали им хлеб, а иногда можно было получить и мясо [14].

Так, что в конце 1920 года восстание дезертиров пользовалось у части населения уезда сочувствием. Но сочув-

ствием и ограничивалось. Крестьяне, несмотря на явное или скрытое сочувствие, сами открыто выступать с оружием против Советской власти не спешили.

Дремину и Никифорову приходилось пополнять свои подразделения, что называется на добровольно-принудительной основе. Заняв деревню, лидеры банд собирали сход и призывали крестьян вступать в их ряды. Если добровольцев не находилось, то забирали людей силой, угрожая расстрелять их самих или их семьи [15]. Бывало, что бандиты остановив человека на дороге, отбирали у него документы и уводили в банду, откуда люди, вовлеченные насильно, при удобном случае пытались бежать. «Текучка кадров» в подразделениях Дремина и Никифорова была довольно таки большая. Бойцы, как правило, побыв в банде от двух дней до двух недель бежали, бросив оружие или прихватив его с собой. Одни разбегались по домам, а те, кто поумнее, шли сдаваться в органы власти. Как показала практика, они-то и оставались в живых и даже избегали тюремных сроков. Бандиты из числа непримиримых, которым было нечего рассчитывать на снисхождение, бродили по лесам ожидая момента, когда лидеры восстания вновь из таких разрозненных групп сколотят боевую единицу.

«Текучка кадров» говорит о том, что крестьяне хоть и сочувствовали дезертирам, но воевать за них не хотели.

К Ноябрью 1920 г. Красноармейские отряды от тактики обороны от бандитов, переходят к тактике наступления. Для ликвидации восстания в Красноуфимский уезд были направлены воинские части Красной Армии, отряд особого назначения, рота 47 милиционной бригады. Были созданы полевой штаб, чрезвычайная комиссия в составе трех человек. Командующим войсками был назначен Безматерных.

В столкновениях с регулярными частями и отрядами милиции бандиты терпят одно поражение за другим. **26 Ноября 1920 г.** был разбит отряд Никифорова. Дезертиры, по одному и группами разбегаются, скрываясь в лесах, тайком возвращаются в свои деревни, прячась в подвалах или банях. Их отлавливают милиционеры и бойцы карательных отрядов. Раненый в ногу Никифоров скрывается в деревне Верхняя Ута в доме крестьянина Никифорова. Впоследствии на допросе хозяин дома рассказывал, что Никифоров говорил, что еще может разбить красных, что дело не проиграно, что надо лишь переждать зиму [16]. Затем он скрывается с несколькими бандитами в лесу в шалаше, Один из задержанных дезертиров указал его местонахождение. Направленным туда карательным отрядом он был настигнут и в перестрелке убит. К декабрю 1920г основные силы повстанцев были разгромлены, в течении зимы 1920—21 г.г. красноармейцы и милиционеры отлавливали их по лесам и предавали суду военного трибунала. Однако, другой лидер повстанцев — Дремин ушел в леса с небольшим отрядом и больше года продолжал борьбу с Советской властью. Прежнего размаха восстание, когда под контролем дезертиров находились целые волости, уже не было. Но вылазки, удары, которые

наносила его банда, еще на протяжении более года были весьма ощутимы. Так в Красноуфимском уезде весной 1922 г. банда Дремина из 50 человек, (Заметте всего 50 человек, вместо 15000 в начале восстания) вооруженных винтовками, в заводе Суксуна разгромила исполком и отделение милиции, разбив телефонный аппарат, уничтожив дела. 7 человек милиционеров после перестрелки с бандитами, ушли с завода и скрылись в лесах.

Впрочем, по сравнению с тем размахом, которое имело движение осенью 1920 г. — это были блошинные укусы. Весной 1922 г.а Дремину воинскими частями было нанесено окончательное поражение. В перестрелке Дремин был убит. Это и явилось финалом восстания. После ликвидации банды Дремина, нельзя сказать, что борьба с бандитизмом и дезертирством прекратилось, банд было много, но носили они уголовную окраску. Если верить отчетам штаба Частей Особого Назначения, банд имеющих политическую окраску, т.е. выступающих за свержение Советской власти больше в Екатеринбургской губернии не было.

Взятые в плен в бою или пойманные лесу или дома участники восстания и их пособники подлежали суду военного трибунала. Трибуналы и карательные отряды не были уж столь жестоки, и если верить документам, то всех подряд без разбора не карали. В приказах, адресованных карательным отрядам и трибуналам, вышестоящее руководство требовало, сперва досконально разобраться и установить степень вины арестованного. Вот выдержка из одного из таких приказов: «Необходимо детально разобраться в деле и внимательно изучить, не занимался ли человек антисоветской агитацией, не был ли замечен в контрреволюционной деятельности, а если был, то в чем именно? Если вышеуказанный гражданин заслуживает кары, то это должно быть основано на точных фактах, а не на личных счетах и мести» [17]. Как уже говорилось, дезертирам, явившимся в органы власти добровольно, трибунал наказания не назначал [18]. Однако, красноармейцам, перешедшим на сторону бандитов, а были такие, кто успел сделать в банде карьеру, или лица, добровольно вступившие в банду, и был взят в плен с оружием, или участвовал в расстрелах советских работников, что подтверждалось показаниями очевидцев, на снисхождение рассчитывать не приходилось. Их ждал расстрел. Кстати, семья крестьянина Никифорова, у которой нашел временное пристанище лидер банды, все 12 человек были расстреляны решением трибунала за пособничество. Так, что и гуманизм проявлялся судом очень избирательно.

Как уже говорилось, активно применялось такая мера как, условное наказание пособников и укрывателей дезертиров. И уж, что совсем не вяжется с легендами о патологической жестокости карательных отрядов, судами трибунала применялась мера наказания — общественное порицание.

Как же получилось, что столь успешно начатое вооруженное выступление, которое пользовалось пусть и пассивной, но поддержкой населения, участники которого не испытывали недостатка в вооружении и продовольствии,

потерпело поражение? При этом чтобы подавить столь мощное выступление властям потребовалось чуть более 2 месяцев.

Из судебных материалов, из докладов и сообщений командиров армейских и милицеских формирований о подавлении восстания и задержании дезертиров, явствует, что представители силовых структур при подавлении выступления использовали методы, кнута и пряника

Применялись методы, которые в наше время признаются противозаконными. Так показала свою эффективность практика карательных отрядов брать в заложники членов семей дезертиров, находящихся в банде и предания их суду трибунала. Все лица, уклоняющиеся от трудовой и воинской повинности считались злостными дезертирами, а их родственники или лица, у которых те находили хоть временный приют — объявлялись злостными укрывателями дезертиров и тоже подлежали строгому наказанию. При подавлении восстания помимо уголовной ответственности за бандитизм, трибуналы не скупясь привлекали к уголовной ответственности за пособничество дезертирам как их жен, родителей, иных родственников, которые прятали дезертиров по домам, носили им продукты в леса. Автоматически пособники дезертиров становились и злостными врагами Советской власти и подлежали строгому наказанию. И одновременно трибунал зачастую давал уличенным в пособничестве родственникам дезертиров лишь условные наказания но с условием, что те должны в течении двух недель склонить своих родственников к сдаче или выдать властям их местонахождение. В случае отказа, или неявки дезертиров в указанный срок, имущество семей дезертиров полностью конфисковалось. Изъятые дома, скот, имущество, передавалось в волостные комитеты и должно было быть разделено между беднотой. Разоренные родители дезертиров опраивались в дома старости, а детей отправляли в приюты, трудоспособных членов семьи направляли на принудительные работы. То же самое ожидало семьи, расстрелянных по приговору трибунала участников восстания [19]. К этому методу можно относиться по-разному. Однако, важен результат! А результатом было то, что восстание пошло на убыль. Мало кому стало охота выступать против власти, зная, что все члены семьи останутся без имущества.

В наше время так же не мешало бы использовать подобные методы борьбы с бандитизмом. Эта тема, остается актуальной и в наше время. В начале 20-хх гг. красные хоть жестоко но быстро и эффективно ликвидировали вооруженные антисоветские выступления. Зато в наше время, соблюдая законность и гуманность, десятки лет власти не могут или не хотят уничтожить вооруженные отряды оппозиции на Северном Кавказе. Безнаказанность порождает рецидив. Периодически возникают мысли использовать в борьбе с терроризмом меры которые применялись 90 лет назад.. В 2012 году президент Ингушетии Юнусбек Евкуров высказывал предложение о уголовном наказании родителей террористов, объясняя это тем, что родители обязаны нести ответственность за престу-

пления своих детей. В. В. Жириновский так же предлагал конфисковывать имущество террористов и их родственников дабы преступник знал, что своим преступлением он оставит свою семью без имущества и вряд ли он захочет совершать преступления или участвовать в вооруженных формированиях. Он же в 2000г предлагал за каждого убитого солдата сносить с лица земли населенный пункт.

В настоящее время практику, подобно той, что использовалась красноармейцами в Красноуфимском уезде

в конце 1920 г. стал использовать в Чеченской Республике Рамзан Кадыров, приказав взрывать дома террористов и выселять за пределы Республики их семьи. Видимо, приходит понимание того, что победить бандитизм можно только решительными мерами, которые не всегда сочетаются с законностью.

Так, что опыт подавления Красноуфимского восстания еще очень и очень может быть востребованным в деле борьбы с организованной преступностью и терроризмом.

Литература:

1. В.Л. Телицын «Антибольшевизм уральских крестьян и его проявление в 1917–1921гг» Белая Гвардия. Альманах.. № 6. М.: Посев, 2002. с. 53–58.
2. Плотников, И. Ф. Учебное пособие «Средний Урал в годы гражданской войны» Свердловск, 1990. с. 72.
3. Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории. Екатеринбург, 2000. с. 64
4. Олег Логинов «Самые — самые банды на Среднем Урале. История бандитского Екатеринбурга» Газета Вести Урал. № 1010 2007 г.л. 32.
5. Е. И. Яркова. «Крестьянские волнения в Красноуфимском уезде Екатеринбургской губернии» Уральский исторический вестник № 2. 2008. Л. 48.
6. Кулаков, Д. В. «Бандитизм на Урале в 1920-е годы. Дезертирское восстание» Газета «Ведомости Урал» 11.09. 2012 г.
7. ГАСО. Ф 57. Оп.4. д. 111 л — 28–28 (об.)
8. ГАСО Ф 574 Оп.5д. 92.л. 6.
9. ГАСО Ф 574 Оп.4 д. 212.л. 20.
10. ГАСО, Ф. 574р. Оп. 4 д. 40.л. 7.
11. ГАСО, Ф. 574р. Оп.11. д. 77. л. 48..
12. ГАСО. Ф.574р.Оп.4д. 40 л. 8.
13. ГАСО. Ф574р. Оп. 4. Д.111. л. 28–28об.
14. ГАСО., Ф. 574р. Оп. 4. Д.70.л 7–8.
15. Там же.
16. ГАСО.Ф. 574р. Д.124. л. 3.
17. ГАСО, Ф. 574р. Оп. 11.д. 100.л. 44
18. ГАСО. Ф.574 р, Оп.5.д. 99.л. 9.
19. ГАСО. Фр.574.Оп.5Д.85. л. 107.

From the history of the markets in Kokand city (the 70 s of XVIII – XIX centuries)

Мадрахимов Зоҳид Шаропович, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Madrahimov Zohid, senior teacher, candidate of history;
Nurmatov Akram, postgraduate
Namangan state university

From the beginning of the XVIII century up to the 70s of the XIX century the capital Kokand market was distinct among the markets of Kokand khanate in Central Asia. Most rulers of the khanate paid a great attention to build markets, rows of shops, shops and caravansarays in the cities and capital. Particularly, the khan Shohruhbiy (1709–1721) built a bazaar (market) together with Orda in the centre of the new established state. His heir (inheritor) Abdurahimbiy's (1721–1734) one of the first works carried out in the cap-

ital was to built markets and rows of shops [1, s 4–5.]. And Abdukarimbiy (1734–1750) surrounded Kokand with walls and built new markets and shops in the city [2, s 18]. During the reign of Norbutabiy (1763–1798) the khanate comparatively developed economically, and in the cities of the khanate, especially in Kokand canals, mosques, bathhouses, caravan-sarays and shops were built [3, s 18].

From the beginning of the XIX century the number of the markets increased too in the result of gradual development of

the economic life of the khanate. Particularly, as F. Nazarov, who was in the khanate in 1813–1814, noted that there were three bazaars (markets) built from stone in the centre of Kokand and the sale was organized twice a week [4, s 76]. Horunjiy Potanin, who was in kokand in 1830 noted that there were six bazaars in the capital of the khanate [5, s 281]. According to the information of an unknown author, local merchants sell their goods in the two of the six bazaars existed in kokand in the 40s of the XIX century, and the merchants who came from the different places sell their goods in the other rest four bazaars [6, s 213]. Some of the Kokand bazaars were slated according to the Central Asian tradition, so that they were very comfortable for the rainy season too. Kokand bazaar was one of the best bazaars in Central Asia after Bukhara bazaar and it gained this name during Muhammadalikhan's time [7, s 200]. Because, in the 20 s of XIX century the political and economical progress of the khanate during Muhammadalikhan's reign caused to build markets and other constructions related to the trade and pay a great attention to this field..

After Hudayarkhan (1845–1858, 1862–1863, 1865–1875) had ruled the government independently (1852), in the different regions of the khanate, especially, in the small towns as well as in the villages building the markets, shops, caravansarays and other trade buildings continued. In 1856–1857 s the caravansarays and shops which were built in the main bazaar of Kokand and aimed to sell textile products were among them. The cloth bazaar built by Karimkuli Mehtar under the order of the Khan was considered to be one of the biggest bazaars in the capital. In the third period of his ruling too (1865–1875) Hudayarkhan continued constructing the trade buildings. Particularly, in 1867–1868 he ordered the treasurer Iso Avliyo to build bazaars, new shops and caravansarays in all the regions of the khanate [8, s 332–334]. As a result, in the bazaar of Kokand there constructed cloth shops, grain market, large and small cravansarays where cotton, wood and other products were kept and sold [9, s 199]. At that time the number of cloth shops in the Kokand bazaar reached to 250 [10, s 65]. In the result of the fire in the textile products part of the Kokand central bazaar in 1870 only 5–6 of the 250 cloth shops remained safe [11, s 316]. Under the order of Hudayarkhan the cloth shops of the Kokand bazaar were rebuilt in a short time period [12, s 244]. A short time after the fire, A. P. Fedchenko, who visited Kokand noted that the Kokand bazaar was really worth attention, and built in a particular architectural style, and considered to be one of the best in Central Asia [13, s 49].

Like the Central Asian cities the main bazaar of Kokand was situated in the centre of the city where various streets met and it was popular with the name «Katta bazaar (Big market)», A. L. Kun noted that there were about 2000 shops in the bazaar while he was in the capital in 1875 [14, s 61–62]. The main bazaar was divided into separate trade shops or small markets according to the type of the products. According to the information in 1271 (1854–1855), the paint shops in the main market of Kokand was situated in the end

part of the bazaar, and the livestock market was also situated in the end of the city according to the traditions of Central Asian city building [15, s 199].

The shops in the markets of Kokand cities were divided into three types: the shops belonging to the reigning dynasty and different officials, private and vaqf (*pious foundation, usu. money donated to sustain an Islamic school, mosque, etc*) shops. According to the information of archive, just before the end of the khanate there were 1911 shops in the markets of Kokand city and 599 of them belonged to the ruler (khan), and the rest 1312 were private shops [16, s 25–26].

According to N. Pantusov's information, during Hudayarkhan's reign most of the caravansarays, shops, baths and other trade buildings were not taxed. Because, majority of them belonged to the Khan or vaqf properties [17, s 17]. Particularly, at that time the 5 of the 10 caravansarays in the city belonged to the khan [18, s 201]. The shops were given to the market traders for rent. In 1874 2131 gold profit was taken from the 575 shops in Kokand into the khan's treasure [19, № 13].

In the bazaars of the khanate the biggest sales were carried out in the open air markets, and comparatively more expensive goods, foreign goods and the wholesale goods were sold in the caravansarays. Kokand bazaars were crowded with traders, merchants and customers, about 600 traders were occupied with small trades [20, s 200].

In the middle of the XIX century when the economical life of the khanate became quite moderate, the bazaar in Kokand went on from morning till night three times a week — on Wednesdays, Thursdays and Sundays [21, s 46]. Wednesday was the essential bazaar day, and on this day many merchants came from the different cities and the neighbouring regions of the khanate.

In the villages around Kokand the bazaar days were organised on the different days of the week too, it was a bazaar day on Sunday in Konibodom, on Monday in Besharik, Yangikurgan and Oltiarik, on Tuesday in Yaypan, Buyayda and Rishtan, on Wednesday in Isfara and on Thursday in [22, s 185].

The bazaars of the khanate of Kokand were also famous for their chayxanas. There were tens of chayxanas in Kokand, Tashkent, Namangan, Margilan, Hujand and other big cities.

There were a lot of bathhouses in the bazaars of Kokand and they were famous for their cleanness and services. There was hot and cold water in several domes, a dressing-room, a restroom, a well, a guestroom, a kitchen in the bathhouses, and the washing-room was in the middle. As V. V. Velyaminov-Zernov noted, in the middle of XIX century there 6 working bathhouses in Kokand and 11 in Tashkent [23, s 39].

The bazaars in Kokand were divided into rows of shops, and each raw of shops had their own chief. The chief controlled his raws of shops with his assistant and took 2 coins and more from each shop for his account. Even at nights the chief was responsible for the safety of the shops and took 10 kopeks money from each shop every month [24, s 521].

The role of the state officials or the chief (Rais) was great in the stability of the business transactions, cleaning and discipline in the bazaars of the khanate. The chief (Rais) sometimes was also called «qozi rais (judge chief)» in the cities of the khanate. The people, who were well-behaved, well-educated and had a great reputation among the people, were appointed for this position. There was one Rais (chief) in each big city of the khanate and only one chief in several of small towns and villages. Particularly, in Tashkent and Kokand too there was one chief (Rais) until Russian invasion. The Chief controlled the religious ceremonies as well as the process of business transactions in the shops and markets. He walked around the bazaar with his 10 apprentices on bazaar days. He prevented the violence, checked the scales work properly and even he checked the quality of the things made by the craftsmen as well. Also he struggled against the trade of alcohol drinks. The chief was in charge of the cleanness of

streets, irrigation canals and bazaars. He listened to the customers who were displeased with the prices in the market and businessmen and punished the guilty. The punishment was in two types, in the prior punishment the guilty was beaten 3 to 39 with whip, in the latter one the guilty was publicly humiliated. The decision of the chief was very decisive to the common people and even to the officials and foreigners too [25, № 26].

From the ancient time the bazaars and the trade were the great source of profit in the economy of the countries of Central Asia. In order to improve the activity of bazaar an caravansarays, to fix the discipline in the bazaars and to control the taxes special state officials were appointed by the khans. As a result, in the first half of the XIX century the Kokand bazaars took one of the leading places in Central Asia for their architecture, organizational works, cleanness, plenteousness and good conditions for the traders.

References:

1. Махмуд Ҳаким Яйфоний. Хуллас ут-таворих. Қўқон шаҳар Ғ афур Ғулом номидаги вилоят адабиёт музейи. ҚП. 4101. 4–5-варақлар.
2. Муҳаммад Фозилбек Отабек ўғли. Мукаммали Тарихи Фарғона // Қулёзма ЎзРФА ШИ. — № 597. 18-варақ.
3. Махкамов А. А. Роль города Коканда в развитии экономических связей Средней Азии с Россией сопредельными странами в XIX — начале XX веков: Дисс... канд... ист. наук. — Т., ЎзРФА Тарих институти, 1988. — с. 18.
4. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. — Москва., 1968. — с. 76.
5. Потанин Н. И. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830) // ИРГО. Том V. Часть XVIII. — СПб., 1856. — с. 281.
6. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки РГО. Кн. III. — СПб., 1849. — с. 213.
7. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. — Т., 1973. — с. 200.
8. Саид Магомед Худояр-хан Коканский // Туркестанский сборник. Том 89. — с. 332–334.
9. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. — Т., 1973. — с. 199.
10. Муҳаммад Азиз Марғилоний. Тарихи Азизий / Нашрга тайёрловчилар Ш. Воҳидов, Д. Сангирова. — Т., Маънавият, 1999. — с. 15; Бейсембиев Т. Қ. Қак источник «Тарихи Шахрухи» — Алма-Ата., 1985. — с. 65.
11. Нияз Мухаммад бин Ашур Мухаммад. Тарихи Шохрухи. — Казань, 1885. — с. 316.
12. Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. — Москва., 1990. — с. 244.
13. Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. — СПб., 1875. — с. 49.
14. Кун А. Л. Очерк Кокандского ханства // Известия РГО. Том XII. — СПб., 1875. — с. 61–62.
15. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. — Т., 1973. — с. 199.
16. ЎзР МДА, И. 276-фонд, 1-рўйхат, 123-иш, 25–26-варақ.
17. Пантусов Н. Сборы пошлыны в бывшем Кокандском ханстве // Туркестанские ведомости. 1876. — № 17.
18. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. — Т., 1973. — с. 201.
19. Пантусов Н. Податные сборы в г. Коканде // Туркестанские ведомости. 1876. — № 13.
20. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. — Т., 1973. — с. 200.
21. Потанин Н. И. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830) ... — с. 281. — с. 46.
22. ЎзР МДА, И. 276-фонд, 1-рўйхат, 123-иш, 185-варақ.
23. Торговое значение Коканского ханства для русских. // ИРГО. — СПб., 1854. — с. 39.
24. Гейнс А. К. Управление Ташкентом при Кокандском владычестве... — с. 521.
25. Гаффаров Абдул Сатторхон. Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства перед завоеванием его русскими // Туркестанские ведомости. 1892. — № 26.

Проблемы формирования государственного аппарата советов в Туркестане на примере Наманганского уезда (в 20-х годах XX века)

Мирзаджанов Бахтиёр Тулкунович, преподаватель;
Ходжаев Х., студент
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Собранием независимости Республики Узбекистан в истории узбекского народа произошел коренной перелом. Национальная независимость создала большие возможности в осознании своих прав, возрождении национального самосознания, в процессе социально-экономического и культурного развития. Вместе с этим, национальная независимость открыла огромные возможности для изучения нашего прошлого. Действительно, сегодня «... история становится настоящим воспитателем народа. Оживляет память о делах и героизме наших великих предков, формирует новое сознание граждан» [1, с 18].

Тяжелые условия жизни народа в Наманганском уезде в первой четверти XX века, создавшиеся благодаря непрекращающейся борьбе между советами и представителями движения «истиклолчилик», тормозившие здесь всякую созидательную работу и полная изолированность города от уезда, препятствовавшая постепенной подготовке населения к новому строительству жизни, не давали до начала 20-х годов XX века возможности приступить к организации советами волостных управлений и только с ликвидацией «басмачества», явилась хоть и отчасти возможность работы в уезде в этом направлении [2, с 157].

С начала апреля 1920-го года было приступлено к организации волостных советов и эта работа была закончена к маю месяцу исключая несколько отдалённых волостей, сообщения с которыми в зимний период практически не существовало, из-за закрытости горных перевалов (Сусамырская, Арымская и Чаткальская волости).

К весне 1920 года было организовано из 29 только 15 волостных советов; организация которых, продолжалось до конца 1930 года, так как организаторских сил для этого к концу 30х уже имелось предостаточно.

Однако это дело и в 20-ые годы проходит с большим трудом благодаря, с одной стороны, неподготовленности населения к условиям и задачам нового строительства жизни, чего сделать ранее путём агитации было невозможно, а с другой — благодаря противодействию бывших курбашей, представленных в волостях «басмачами» [3, с 157]. Курбаши боясь потерять свои позиции и влияние среди населения, всеми мерами старались идти против волостных советов. Поддержку в этом они находят как среди баев, торговцев и представителей духовенства, так и среди мелких групп, всё ещё действовавших в уезде, особенно в отдалённых волостях.

В докладе председателя Наманганского уездного Ревкома на имя председателя комиссии по делам Туркестана от 24 апреля 1920 года с большим чувством своего затруднительного положения приводятся данные о крайне тя-

жёлом положении в уезде. Так в своём докладе он приводит пример, что: «был например на днях случай, когда в селении Кассан (30 верст от города) пришлось выборы совета отложить, так как один из городских мулл прислал населению письмо, в котором воспрещал организацию совета; мулла тот арестован и дело о нем передано в ЧК для привлечения к ответственности за противодействие распоряжениям власти». [4, с 157].

«С курбашами, нежелающими расстаться с властью, приходится и по настоящее время сталкиваться и районным начальникам милиции и группам агитаторов по организации волостных советов. Борьба с ними и мелкими шайками очень затруднительна, ибо их по видимому укрывает само население, опасаясь за свою безопасность» [5, с 157 об].

Советы стараются изо всех сил искоренить стремление населения к противодействию против них и попадания так называемых «нежелательных элементов» к власти. Это можно явно проследить в вышеуказанном докладе председателя Ревкома Наманганского уезда где доходит до того, что прибегают к фальсификации а где возможно даже отмене результатов выборов. «Благодаря малоподготовленности населения к новой форме правления, в волостные советы иногда проходят, как ныне показал опыт, нежелательный элемент: кулаки, спекулянты, крупные землевладельцы и вообще люди, с пролетариатом ничего общего не имеющие. Придётся в силу этого кое где произведенные выборы отменить, произвести перевыборы, но в общем с подобным явлением бороться очень трудно; сама жизнь укажет конечно те промахи, которые население допускает нынче может быть бессознательно, а вернее доверяясь, как и раньше, муллам и баям кулакам» [6, с 157].

В процессе установления своей власти на местах советы испытывали затруднения как в сфере материальных так и в кадровых потребностях во всех отраслях власти.

Как пишет председатель Ревкома Наманганского уезда: «Из более насущных в данный момент нужд не могу не указать на необходимость снабдить беднейших дехканов лошадьми взамен реквизированных у них для армии и отобранных разбойниками. Нужда в лошадях теперь, с началом полевых работ, громадна и необходимо прийти им на помощь, для неё прошу передать всех лошадей, признанных негодными для строя. Эта помощь даст беднейшему дехканину возможность стать на ноги и хотя отчасти улучшить своё тяжелое до безвыходности положение [7, с 158].

Такое же тяжёлое положение было и у Наманганской милиции которая, согласно приказа Туркика от 16 ок-

тября 1919 года № 19, была переведена на положение красной армии. В своём докладе от 24 апреля 1920 года Начальник уездно-городской милиции Намангана жалуются на безысходное положение городской милиции.

«Вся Наманганская милиция как в городе, так и в уезде переведена на положение красной армии в смысле довольствия, жалования и обмундирования. Жалование и довольствие милиции выдается деньгами; довольствие милиция получает деньгами по базарным ценам, согласно справок Наманганского Продотдела, в виду того, что милиция до сих пор не причислена к какой либо воинской части при Наманганском военном отделе. Что же касается обмундирования для Наманганской милиции, то такового милиция до сих пор не получала, несмотря на многочисленные просьбы пред Главмилицией в Ташкенте и Облмилицией Ферганы. Ввиду неполучения обмундирования милицией, не представляется возможным перевести всю милицию на казарменное положение и производство военного обучения милиционеров» [8, с 159].

«До сих пор т.е. до ликвидации ферганского фронта милиция работала как воинская часть в полном смысле этого слова, каждый раз выступая в походы как с отрядами красной армии, а также и одна, выполняя поручения оперативного штаба, но с наступлением успокоения в уезде, само собой разумеется, милиция обязана приступить к исполнению прямых своих обязанностей, но и для этого является препятствие. Участковые Начальники милиции до сих пор работали в городе, выезжая в уезды в свои участки только со своей милицией, так как во времена нахождения крупных разбойничьих шаек в уезде, Начальникам милиций жить каждому в своём участке, где бы должны были быть и их канцелярия, не представлялось возможности, так как милиция не вся вооружена» [9, с 159 об].

Исходя из требований того времени для милиции было необходимо, согласно полагаемых штатов милиции, минимум 310 винтовок, 150 револьверов и 150 шашек. Но в наличности в распоряжении наманганской милиции имелось 55 винтовок, 19 револьверов годных для стрельбы и 12 револьверов непригодных. Но по положению и смете штатов Наманганской уездно-городской милиции должно было быть 310 милиционеров, исключая командный состав, на лицо же имелось 135 милиционеров с командным составом, из коих вооружены были винтовками только 56 милиционеров и 19 револьверами, остальные же вооружены не были. Кроме того для конной милиции необходимо было согласно сметы 275 лошадей, налицо же имелось 40 лошадей [10, с 159 об].

В докладе о деятельности Наманганского Отдела труда и Социального обеспечения приводятся материалы, дающие ясную картину о тяжелой и нестабильной ситуации в уезде. С начала возникновения Отдела труда в городе

Намангане, деятельность его стеснялось неустойчивым положением в уезде, всегда за городом бродили беспокойные элементы, которые впоследствии парализовали всю работу в уезде и территория Отдела Труда сомкнулась в черте города, да и то только в центре [11, с 162].

Организованная раньше в городе Чуст Биржа Труда была вся разграблена. И только после стабилизации положения в уезде начали проводить принципы своей рабоче-крестьянской (советской) власти среди населения вне черты города.

Насколько опасно и нелегко было работать представителям новой власти, может служить показателем и то обстоятельство, что посланный в район города, член Коллегии Карим Берды Агалыков для обследования материального положения одного нуждающегося, был схвачен и зарезан... [12, с 162 об].

В процессе своего становления советы также начали рассматривать вопрос развития медицины в уезде.

Отдел Здравоохранения в Наманганском уезде начал свою деятельность с 1-го июля 1918 года. Заведующим с 3-го ноября 1919 года состоял лекарский помощник Е. Г. Грачев, заведующим медико-научно-санитарно-эпидемиологическим подотделом врач Н. А. Копанский, другие подотделы как то: лечебный, школьно-санитарный за недостатком медицинского персонала не были организованы. Деятельность Отдела за рассматриваемое время ограничивалась городом ввиду происходивших беспорядков в уезде вследствие чего, больницы в участках уезда не функционировали за выездом всего персонала в город.

В этой сфере также прослеживался огромный недостаток как в кадрах (персонале) так и материальном обеспечении. В докладной под № 1833 от 24 апреля 1920 года Отдела Народного здравоохранения Наманганского Революционного Комитета ТССРСФ в числе основных проблем в деятельности Отдела упоминаются именно эти два аспекта.

«Только за последнее время приводится в известность сохранившееся имущество в покинутых временно больницах и подыскивается для них медицинский персонал. Пока предстоят открытию больницы в селении Заркент и Касан». При ограниченном числе врачей три врача: Чжизвили, Оснульский и Сохор мобилизованы военным ведомством, осталось всего годных для несения службы 3 русских врача и один иностранно-подданный врач [13, с 168].

В целом и в последующие годы становления и существования новой системы власти большевики столкнулись с немалыми проблемами в деле формирования государственной кадровой структуры порой за счет ущемления и неуважительного отношения к правам народов.

Литература:

1. Каримов, И. А. От сильного государства к сильному обществу. — Ташкент, Шарк, 1998 — С.18
2. ЦГА РУз — Ф-25.Оп — 1.Д-254. Л-157

3. ЦГА РУз — Ф-25.Оп — 1.Д-254. Л-157
4. ЦГА РУз — Ф-25.Оп — 1.Д-254. Л-157 об
5. См. Там же
6. См. Там же
7. ЦГА РУз — Ф-25.Оп — 1.Д-254. Л-158
8. ЦГА РУз — Ф-25.Оп — 1.Д-254. Л-159
9. ЦГА РУз — Ф-25.Оп — 1.Д-254. Л-159 об
10. Там же.
11. ЦГА РУз — Ф-25.Оп — 1.Д-254. Л-162
12. См. там же
13. ЦГА РУз — Ф-25.Оп — 1.Д-254. Л-168

Способы сбора и обработки устных (фольклорных) источников северокавказских народов

Мудрова Наталья Петровна, аспирант

Адыгейский государственный университет (г. Майкоп)

Вхождение северокавказского региона в состав Российской империи, способствовало всестороннему его изучению. В ряду «новых российских земель» Северный Кавказ представлял весьма сложное пространственное измерение [26, с. 42]. Осознание необходимости в познании этих территорий, отличавшихся историческим прошлым, особым укладом жизни был интересен российской общественности не только в политическом, но и научном отношении.

Эти обстоятельства, способствовали созданию в регионе подразделения Русского географического общества (Кавказского отдела). Одним из направлений его деятельности стало изучение устных этнографических источников, составлявших значительную часть свидетельств исторического прошлого народов Северного Кавказа. По мнению, академика, географа и антрополога К.М. Бэра, этнографические исследования «составляют часть настоящей жизни народа» [8, с. 64–81]. Причем значительный объем выявленных материалов составили устные фольклорные источники.

Для этносов в прошлом не имевших письменности (адыгов, балкарцев, карачаевцев и др.), фольклор выполнял важную историко-культурную функцию — накапливал информацию, дошедшую из глубины веков, сохранившую дух времени, представляющую бесценные свидетельства по истории народов [24, с. 252], позволяющие «интерпретировать модели прошлого» [27, с. 8]. Важно отметить, что подобная форма фиксации прошлых событий, существовала у многих народов. Отсутствие письменности, вынуждала сохранять в форме устных свидетельств значимые события, происходившие в его жизни. Естественно, что их хранение и фиксация в течении веков, обеспечивалась при помощи повторения и имитации. Благодаря чему, основные умения и навыки сохраняли свою устойчивость при передаче их из уста в уста новым поколениям.

Не смотря на то, что были регламентированы законодательные документы Общества, исследовательская работа не могла должным образом осуществляться, из-за отсутствия методов сбора материала имеющегося среди местного населения.

Понимание учеными, роли получения и сохранения сведений о малоизученных народах, только вошедших в состав страны способствовали созданию специальных «Программ...», позволивших изучить все стороны жизни этносов проживающих на окраинах страны. Одной из первых была составлена Н.И. Надеждиным и разослана по всей стране «Программа ...» [20, с. XLVII–LII], направленных на исследования народов. Особое внимание при ее составлении уделялось Кавказу [9, с. 186].

Разработанная «Программа ...», была предназначена не только для ученых, но и рассчитана на привлечение к этой работе местных жителей, в большинстве «людей малограмотных». Все полученные даже самые короткие сведения воспринимались «с искреннею признательностью» [20, с. LII]. Детальный, настойчиво повторяющиеся рекомендации, свидетельствовали о трепетном отношении к любым устным памятникам, свидетельствам исторической жизни народов. В разработанной «Программе ...» Общество, обязывалось публиковать имена всех лиц, занимавшихся этнографическими исследованиями в своих изданиях, а авторов лучших работ награждать «малыми золотыми, серебряными и бронзовыми медалями» [20].

Опыт, в разработке «Программ ...» и осуществление на их основе исследовательской деятельности в некоторых районах страны (Сибири) позволил применить данные наработки при разработке специальной методики подобной работы в северокавказском регионе. Важно отметить, что «ставка» при составлении делался на малочисленную социальную группу (учителей, и тех лиц, которые

могут принять участие в исследовании региона), имеющих возможность всестороннего исследования округа, в котором проживало. При этом учитывалась малочисленность кадров (образованных людей), способных на практике осуществлять серьезные исследования. Ставилась задача поднять знания о регионе среди местных собирателей. С этой целью, предполагалось разместить в библиотеках учебных заведений, материалы, предметом описания которых был регион [22, Вып. 1. 1881. с. V]. В частности, среди рекомендованной литературы, акцент делался именно на тот материал, примером освещения которого были вопросы, помещенные в «Программе ...». Авторами работ были как отечественные (С. М. Броневский, Н. Ф. Дубровин и др.), так и зарубежные исследователи (И. А. Гюльденштедт, Г. Ю. Клапрот и др.).

Помимо этого, среди указанной литературы, присутствовали периодические издания Русского географического общества и его Кавказского отдела. Кроме того, в выпусках «Сборника ...» [22, Вып. 4. 1884; Вып. 9. 1890; Вып. 29. 1901; Вып. 32. 1903; Вып. 38. 1908.], было принято решение публиковать известия древних писателей о регионе, тем более, что «многие из этих писателей были в здешнем крае и писали о том, что сами видели и слышали от туземных обитателей» [22, Вып. 4. 1884. с. 3.]. Таким образом, происходил процесс осознания необходимости изучения «начала» истории народа.

Предполагалось, что сведения собранные местными учителями, по истечению определенного времени могут стать источниками, хранящими детальные сведения о народах. «Ведь то, что заезжим ученым дается с крайним трудом, — как утверждает В. Ф. Миллер, — может сравнительно легко быть достигнуто деятельностью местных жителей» [18, с. 1].

По инициативе Кавказского учебного округа, в целях поддержания «духовной деятельности» начальных учителей, развития их «умственно освежающего труда», была разработана специальная «Программа ...» [20, Вып. 1. 1881. с. VIII–XXIV], включавшая ряд логически взаимосвязанных вопросов.

Предложенная «Программа...» вызвала интерес, получила позитивные отзывы и заявления о том, что они (учителя) желают посвятить этому занятию «свой досуг в будущем» [22, Вып. 1. 1881, с. 24]. Однако составленный комплекс вопросов, носил в большей степени рекомендательный характер, так как в процессе работы исследователям приходилось сталкиваться с разнообразными сложностями: незнанием местного языка, отсутствием у кавказских народов письменности [17, с. 6].

Один из учителей характеризуя процесс фиксации материала, отмечал заинтересованности со стороны местного населения в сообщении ему сведений «преимущественно о старине; в особенности они больше охотники до преданий о прошлом своей родины» [22, Вып. 3. 1888. с. 138]. В то же время, по словам другого исследователя, были области, в которых народная память сохранила немало сведений — «трудно найти другой народ с таким

скудным запасом народных преданий о прошлом своей земли» [22, Вып. 5. 1886. с. 7]. Причина «скудности» народной памяти объяснялась «долговременным рабством массы населения» [22, Вып. 5. 1886. с. 8].

Достоверность лиц осуществлявших поиск и фиксацию устных свидетельств, подтверждают сведения, помещенные в конце публикуемых текстов. Однако не все собиратели указывали себя, что затрудняет решение вопроса о «качестве» полученной информации: отношение интервьюера к собираемому материалу, с какой тщательностью проводилась фиксация, но и это не лишает источники информативности (от современного исследователя требуется умение при работе с источником, заставить его «говорить»).

Структура «Программы ...» соответствовала тем методологическим подходам, которые существовали в XIX в., при этнографическом изучении народа. Проведение анализа данных документов с позиции современных подходов, способствует необходимости (делает необходимым) имеет смысл расположить их в системе значимости.

Одним из базовых явлений, влияющих на развитие человека и всего общества, является природная среда. Значимым было, описание климатических и геологических данных. В частности направление и сила ветра, давление и влажность воздуха, температура, время появления снега, а так же количество дождливых и снежных дней, время замерзания рек, озер в описываемом районе. Природные условия в течении длительного времени формировавшие особенные черты и характер местного населения.

Начиная свой широко известный курс русской истории, В. О. Ключевский, подчеркивал роль природно-климатических условий, «которые держат в своих руках колыбель каждого народа» [12, с. 78–79]. Учет подобных данных осознавался учеными при составлении «Программы...» В частности, отдельная часть вопросов, уделялась «характеру местности» [21, с. IX] на которой располагалось село, аул. Площадь занимаемой территории, внешний вид, а так же описание домов в архитектурном отношении, важны были сведения о материале, из которого строились жилища и способам их возведения.

Изменение этнодемографической ситуации в Закубанье повлекло за собой неизбежную трансформацию хозяйственного облика региона [11, с. 362]. Земля, отведенная для горцев, оказалась значительно хуже, по качеству и условиям хозяйственной деятельности, регулярно затопливалась водами реки Кубань [4, с. 65–66]. Однако значимость данных о местных культурах, осознавалась учеными, в связи с чем, в «Программе ...» этому уделялось внимание. В частности, значимы были данные о периоде цветения плодовых деревьев, период опадания листьев. Важным было освещение состава почвы (чернозем, глина, известняк), указание горных пород, минеральных веществ (твердых, жидких), их применение местным населением в хозяйстве. Ряд вопросов был посвящен видовой характеристике растительности, в частности деревьев, овощей, цветов, а так же пространства занятого виноградником

или лесом. Необходимым было уточнение распространенных болезней среди растений, а так же употребление определенных культур в пищу или же применение их в качестве лечебных средств. В имеющемся перечне вопросов, вошел раздел «названия» [19, с. 5–10], в котором внимание уделялось наименованиям, минералов (коралл, янтарь, кремнь), видов животных, растений, обитавших и произраставших на Северном Кавказе, включая их латинские названия. В отношении растений, важным было уточнять, кустарники или деревья, съедобны ли или ядовиты, выются или употребляются в качестве красителя.

Роль географического фактора органично связана с проблемой месторазвития народа. Северный Кавказ один из районов мира, где комбинируются два или более ландшафтов, что позволяет прийти к выводам об общем месте развития народов региона. В частности, практически вся территория сочетает в себе как горный, так и степной и лесной ландшафты. Осознание учеными роли географических факторов, свидетельствует о включении в перечень вопросов, которые затрагивали такие проблемы, как географическое положение местности, расположение поселения близ гор, рек, лугов, моря или минеральных источников, с указанием глубины и времени разливов. Важным было уточнение о качестве воды, пригодность употребления в качестве питьевой, ее цвет, вкус и по возможности ее химический состав. От данных условий, на прямую зависело качество и образ жизни народов проживающих в той или иной местности.

Вовлечение новой территории в общегосударственную жизнь страны, распространение в регионе российского законодательства, способствовал изучению народного характера, «чтобы крутым поворотом не нарушить прежних привычек народа» [7, с. 12]. В этой связи в «Программу ...», вошел перечень вопросов, посвященных административному устройству северокавказского региона. В частности, наличие в местности привилегированных сословий, принимавших участие в управлении и судебных делах.

Антропологическая теория, возникла благодаря усилиям лингвистов, историков, этнографов и философов, задолго до фундаментальных открытий в области антропологии, биологии и психологии [3, с. 9]. Пестрота племенного состава России, способствовала активизации среди ученых в области антропологических исследований [14, с. 48]. Народы региона стали изучаться с позиции антропологии. Ключевую роль в этом вопросе сыграл V Археологический съезд, проходивший в Тифлисе в 1881 г. [23].

Проблема происхождения народов региона вошедших в состав страны, побуждала интересы ученых к данной проблеме, о чем свидетельствует, включение в «Программу ...» вопросов, связанных с антропологическим изучением местного населения. Затрагивались проблемы, посвященные «физическим и нравственным развитием» [19, с. XIV] населения. Отдельное внимание уделялось как женщинам, так и мужчинам. Учитывался возраст и внешние особенности каждого из полов (форма и цвет лица, особенности лба, ушей, цвет волос, пере-

носиц, зубов, рук, носа, грудной клетки и т.д.). Помимо этого внимание уделялось, национальным особенностям жилища, отношениям в семье, положению женщины, а также взаимоотношениям между жителями, принадлежавшим к разным национальностям.

Довольно плотный состав населения, разного происхождения, разных форм хозяйственной и культурной жизни в разное время населяли регион [2, с. 223]. Археологические памятники Северного Кавказа, охватывают огромный период от древнекаменного века до позднего средневековья. Изучение, которых позволяло и по сей день позволяет, изучать историческое прошлое народов, осуществлять попытки проследить некоторые «локальные процессы», проходившие на территории [5, с. 3–4]. Помимо этого в них (в памятниках) хранятся факты заселения человеком территории Кавказа. Понимание роли подобных исследований, приводит к составлению вопросов связанные археологическим исследованиями и включению их в «Программу...».

В частности отдельный блок вопросов, посвящался названиям города, аула, селения, истории происхождения поселений, на основе исторических фактов, а так же времени их основания [21, с. VIII]. Не маловажным были данные о наличии архитектурных и археологических памятников (каменные бабы, храмы, мечети, башни), сохранившихся на территории конкретных населенных пунктов или же в их окрестностях. Особое внимание, рекомендовалось уделять, надписям и рисункам, нанесенным на скалах, камнях или памятниках, а так же фиксации преданий о них. При этом, в случае раскопок захоронений, необходимо было проводить полную и детальную опись всего, что в них находилось (утварь, монет, медалей). Помимо этого, в ходе исследования интерес требовалось проявлять к древним рукописям, хранившимся в церквях, мечетях или же у частных лиц, снабжая сведения краткими характеристиками их содержания.

Завершение военных действий в регионе, не могло не отразиться на состоянии здоровья горцев. Осознание потери своей независимости, повергло население в состояние глубокой депрессии. Помимо этого, нездоровые места жизни населения, провоцировали вспышки заболеваемости малярией, приводившие к высокому уровню смертности и низкой рождаемости [11, с. 131]. Значительная плотность межэтнических контактов, способствовала распространению венерических заболеваний.

Учитывая данные обстоятельства в «Программу ...» были включены вопросы, затрагивающие проблемы, посвященные гигиеническим и санитарным условиям, в которых находилось население, а так же мера предпринимаемым, в соблюдении или не соблюдении необходимых норм. Способы лечения местными средствами (травами, снадобьями).

За многовековый период своего существования, адыгская народная медицина накопила значительный практический опыт лечения различных заболеваний [11, с. 429]. Широко использовались лекарственные травы, кото-

рыми весьма богата местная природа. В свою очередь, известным были благоприятные свойства и воздействия на организм горных минеральных источников. Другая часть вопросов отводилась животным, как домашним, так и диким, требовалось записывать их название, породу, способы ухода за ними и периоды миграции.

Помимо этого, важным являлась проблема численности населения региона. Чем обусловлено включение вопросов посвященных статистическим данным и предлагающимися к ним «Примечаниями ...» и «Пояснениями ...» в форме таблиц, позволяющих фиксировать данные последовательно и вносить их в таблицу [21, с. VIII]. Данная форма фиксации предполагала проведения задокументированного учета. Таким образом, необходимым являлось указывать численность населения в соответствии с их половым, возрастным, сословным и религиозным положением.

Применение таблиц с целью статистического учета населения региона, являлось основным способом учета движения народонаселения на протяжении XVIII–XIX [16, с. 407–413]. С точки зрения методов сбора материала, таблицы считаются наиболее высоким уровнем обобщения материала. Их добросовестное заполнение, позволяют говорить о ценности собранных данных. Привлечение статистических материалов содержащихся в «Сборнике ...» на основе собранных данных, в настоящее время являются актуальными и могут привлекаться при решении сложной и до сих пор не решенной проблемы численного состава горского населения начала XIX в. [11, с. 196].

Включение Северного Кавказа в состав Российской империи, поставило перед властью не только проблему включения его в общую правовую и административную систему, но и ассимиляцию местного населения, принятие им культурных норм, господствовавших в российском государстве [11, с. 335]. Осознание роли образования в социальном и культурном развитии региона, способствовали активизации в этой области, как правительства, так и ученых. Процесс, происходил в двух направлениях: «западном», предполагавшем распространение светского образования и «восточном» связанным с развитием профессионального образования [11, с. 335].

Данная сфера была вовлечена в «Программу...», в которой внимание уделялось вопросу открытия школ, стоимость их содержания, языка на котором велись занятия, время начала обучения, каникулы и т.д. Определенные данные помещались в таблицу, что в дальнейшем позволяло четко и детально подходить к таким вопросам как: количество учащихся за определенные года, число мальчиков и девочек, проходивших обучение, а так же отношение числа учащихся к числу жителей. Помимо этого, уделялось внимание нравственному развитию учащихся и мерам, применяемым для этого в школах. Велся учет, отчисленных учащихся за определенные провинности. Ряд вопросов затрагивал финансовые вопросы, содержания школ за счет правительства, общества или частной оплаты. Осознание роли языка, как богатства

живой народной речи, «зафиксированной в словах-понятиях» [1, с. 22], представлял ценный исторический материал. Осознание этого ощущался исследователями, более того, в наше время данная проблема является актуальной и важной исследовательской задачей. Как отмечает антрополог и философ Леви-Стросс «только язык может подвергаться истинному научному исследованию» [13, с. 56].

Все накопленные знания, все, чем жил и что переживал народ, сохранялось в его устных источниках. В них бережно с особым трепетом, отражалась историческое прошлое этносов региона. Удерживая ее в памяти и передавая потомкам изустно, как своеобразный учебник жизни, позволял народам сохранить свою самобытность и неповторимость. В этой связи, к предложенной «Программе ...» для более детальной фиксации на местном и русском языках легенд, сказок, поговорок, членом-сотрудником Русского географического общества, Г. Н. Потаниным, было составлено «Несколько вопросов по изучению поверий, сказок, суеверий, обычаев и обрядов» [21, с. VIII], направленных на комплексный сбор устного материала, хранящегося среди местного населения.

В первый отдел, вошли вопросы о космологических поверьях, о названии неба, луны, солнца, звезд, млечного пути, радуги, зарницы и созвездий, о людях с собачьей головой [19, с. 6]. А так же сведения о существующих убеждениях и представлениях о том, на чем держится, и кто управляет миром и землей. Кто является создателем молнии и грома, в образе какого существа он предстает перед человеком, божества ли или змея. Каким образом и как объясняются раскаты грома и удары молний в землю или деревья, не является ли это «преследованием врага, или нечистого» [19, с. 6].

Определенное внимание отводилось горам и существующим о них поверий. В частности, чем объясняются естественные овраги, не сопоставляются ли они богатырям или царям, а так же живут ли на вершинах змеи и есть ли вода в горах, которую пьет ворон. Помимо этого, существуют ли фольклорные произведения, связанные с восхождением человека на священную гору, в результате чего он слеп или умирал или же не возвращался назад. Особое внимание к горам, при составлении вопросов не случайно. Их величие и в то же время неприступность, в одном случае олицетворяется с функцией защиты человека от возможных угроз, в другом, с чем то неприступным и сакральным.

При этом особое внимание уделялось устным источникам посвященным животным и их встрече с человеком. В частности выделялись такие животные как медведь, птицы, летучие мыши, кроты, альпийские волки, зайцы, змеи. Не был ли зверь, изначально человеком, или же после совершения им некоторых поступков, был обращен в него (зверя).

Среди животных наиболее очевидная роль отводилась медведю, так как значительная часть вопросов связана именно с ним. Так, затрагивались особенности его черт характера и схожести их с человеком. Причины его косола-

пости, смысленности, любви к своему потомству, известны ли ему минеральные источники и опьяняющие свойства растений ил же их лечебные свойства и какими свойствами обладает его сало, шерсть, лапы, зубы. Существуют ли поверья о музыкальных предпочтениях медведя или же любовных связей его с женщиной, в результате чего та, рожала медведя. Подобное внимание, отведенное медведю, не случайно, согласно представлениям горцев, животное считалось его ближайшим родственником [25, с. 130].

Помимо этого интересны вопросы, связанные с другими животными, в частности тушканчиками, мышами и ужами, которые высасывали молоко у коровы. А так же лебедях, ласточках, филинах, о лечебных свойствах заячьей шкуры или его помета. Часть вопросов связана со змеями, которые лежат на земле и вылетающих из нее, когда на них падает тень или царе змей, на голове которого, находится «чудодейственный камень» [25, с. 8].

Широкий круг вопросов, затрагивающий проблему религиозного характера: «поверья о духах» [25, с. 13], оборотнях которые различались на домашних духов и духов определенной местности, живущих в лесах, населявших воды и горы; о потопе и человеке, спасшегося на этом корабле и горе, на которой он остановился; о времени сотворения мира и книге, в которой записаны судьбы людей [19, с. 10–14]. А так же представления о душе человека воплощённой в образ бабочки или птицы, об ангелах—хранителях сопровождающих человека на всем протяжении его земной жизни, о загробной жизни, видах мучений грешников в аду и подземном мире, о дороге туда, которая проходила либо через море или высокую гору.

Характерно ли в регионе, проведения религиозных действий посвященных огню, воде, что делали люди в период затмения луны. А так же обряды и время их проведения, связанные с изгнанием черта, в котором принимают участие все жители аула. Проводились ли гадания и какой характер носили. Не обошли внимания вопросы, относящиеся к ритуалам, осуществляемым при рождении ребенка (омовение, отрезание пуповины, способы очищения после родов и т.д.).

Помимо этого, часть сказаний посвящалась доблестным богатырям спасающих девиц от чудовищ и т.д., а так же духам, оборотням, людоедам и лунатикам [19, с. 13]. Определенная часть вопросов относилась к сказаниям о разных болезнях, их сказочных названиях, причинам по которым они появлялись и способах их лечения. А так же детям, которые убегали от злой мачехи или злой колдуньи.

Внимание к подобным проблемам, таким как восприятие небесных светил, природных явлений, отношение к животным, обитающим в регионе, обще религиозный перечень вопросов, может свидетельствовать о том, что предпринимаются попытки понять сменяющиеся религиозные представления горцев, на протяжении их многовековой истории, сведения о которых хранятся в устном народном творчестве, представляющем собой, устную летопись народа.

Следующий отдел затрагивал вопросы относительно поверий о растениях. Какие знания существуют у народов о целебных свойствах вечнозеленого можжевельника, и если люди, владевшие врачебным искусством, какие травы исцеляют от укуса змей. Имелись ли поверья о ядовитых растениях, пыль с которых при попадании в глаза приводила к тому, что человек слеп. Есть ли поверья о существовании исполинского дерева [15], ветви которого достают до неба.

Осознание научности, культурной значимости накопленной многочисленной информации о различных сторонах жизни народов Северного Кавказа, способствовало возникновению потребности в систематизации и публикации собранного материала. По инициативе Управления Кавказского учебного округа, во главе с К.П. Яновским, ставшим руководителем (с 1881–1901) тематического «Сборника...» [22]. Первая публикация состоялась в 1881 г. в Тифлисе. Каждый аналитический обзор, как правило, сопровождался записками, в которых указывались сведения о том, когда, где и со слов кого осуществлялась запись данного материала [22, 1889. Вып. 8. с. 3].

В зависимости от накопленных данных «Сборник...» состоял из двух, трех, а в дальнейшем — четырех частей. Содержание каждого из них практически однородно и выражало характерные особенности развития народов. Вошедшие в отделы сведения были разнообразны, при этом авторы стремились соблюдать строгость изложения информации. Определяющим фактором при составлении каждой части, являлся объем накопленного материала.

Исторически значимую информацию несут публикуемые в «Сборнике...», «Известия древнегреческих и римских писателей о Кавказе» [22, Вып. 4. с. 1884], имеющие продолжение в других сборниках, переведены эти сведения с латинского и «исправлены по греческим источникам» [22, Вып. 24. с. 9], а так же «известия грузинских летописей и историков ...», которые взяты из рукописей, хранящихся в Тифлисском церковном архиве [22, Вып. 26. 1899]. В более поздних выпусках публикуются продолжения такого рода материала, а именно работы арабских географов IX и X вв. [22, Вып. 38. 1908. с. С. 1–130] и писателей о Кавказе... [22, Вып. 29. 1901; Вып. 32. 1903].

В «Сборниках...» давалось детальное описание Кавказского края, орографии, гидрографии, климата, растительности животных отдельных местностей. Представлено довольно детальное описание Осетии. Значимыми являются исследования «флоры окрестностей озера Гокчи» [22, Вып. 27. 1900. с. 43], в которых была собрана коллекция образцов почвы в последующем была передана в Петербург. В этом же отделе помещались экономические и статистические сведения, позволяющие определить число умерших и родившихся.

Интерес представляют археологические сведения об отдельных территориях или всего региона в целом. Не менее интересно описание «Драгоценных камней, их названий и свойств» [22, Вып. 24. Тифлис, 1898. с. 1], ко-

которые знакомят читателей с памятниками апокрифической литературы.

Внимание в «Сборнике...» отводилось в частности медицине. Интересны представленные сведения о лечении многих болезней, в частности применение крахмальных и гипсовых перевязок и вообще неподвижности при вывихах и переломах, употребление сушеных тараканов при водянке, а так же ландыш при болезнях сердца» [22, Вып. 16. Тифлис, 1893. с. VIII].

Значимость осуществляемой работы и ценность собранного материала, отмечалась редакторами текстов [22, Вып. 16. Тифлис, 1893. с. VIII]. Согласно их мнению, фиксация обычаев и нравов горцев, позволяет сохранить информацию о народах региона не позволив им исчезнуть из памяти. В частности интерес представляет зафиксированная древняя форма заключения брака у удинов. Главную роль, в которой играл брат матери и брат невесты. Сватовство начиналось по первому соглашению с дядей невесты, ему доставались подарки, он же совершал обручение. Не менее значимую роль играл брат невесты, находившийся около нее безотлучно до венчания, не впуская в дом жениха [22, Вып. 14. 1892. с. 13–14].

Учитывая, что были накоплены конкретные сведения по различным вопросам истории и этнографии народов, осуществлялись подготовка и выпуск номеров, полностью посвященных этой информации. Определенные тематические выпуски, отражали хозяйственно–ремесленную деятельность народов. Так, в выпуске восьмом опубликован материал, посвященный «описанию кустарной промышленности» [22, Вып. 14. 1892] в северокавказском регионе. Отдельный выпуск посвящен описанию шелководства и пчеловодства» [22, Вып. 11. 1893. с. 155].

Один из «Сборников ...» был полностью посвящен описанию Карачая, его истории [22, Вып. 43. 1913]. Приводятся детальные сведения о географии местности с приложением карты, климате, разнообразных сведениях об археологических памятниках расположенных на территории, духовной жизни населения, его социальным, экономическим и духовным отношениям распространенным в данной местности.

Необходимо отметить, что тематических выпусков по одной проблеме было немного. Исключение составил выпуск тридцатый, посвященный Св. Евангелию, переведенному специально для «Сборника...» с удинского языка на русский священником Семеном Бежановым. Со временем в выпусках стали появляться сборнике, посвященные описанию рукописей общества [22, Вып. 33. 1904; Вып. 34. 1904; Вып. 40. 1909; Вып. 41. 1910].

Выпуск двенадцатый «Сборника ...», полностью посвящен устным (фольклорным) источникам. Тексты, зафиксированы, как на русском, так и на национальном языке, снабжены дословными переводами на русском языке и примечаниями. Помимо этого, к текстам, прилагаются «Заметки ...» и пояснительный словарь Л. Г. Лопатинского, а так же комментарии к текстам «знатока народных сказаний» [22, с. I] В. Ф. Миллера.

Несмотря на большое количество сведений по географии, статистике, экономике, праву, этнографии большее внимание уделялось памятникам устной культуры: легендам, сказкам, загадкам народов Северного Кавказа. В частности, были опубликованы сказания татар–горцев «о нартских богатырях», бытовавшие у многих народов: адыгов, сванетов, осетин и др. Немало опубликованных пословиц, поговорок и анекдотов сопровождалось переводами с местного на русский язык. Благодаря работе немногочисленной группе местных собирателей, были зафиксированы материалы на национальном языке, а так же их русский вариант, что делало ее доступной для широкого круга читателей. Материалы снабжались пояснениями и примечаниями, что позволило сохранить ценные источники, дошедшие до нашего времени в своем первоизданном виде.

Начиная с семнадцатого выпуска, публиковались устные тексты, записанные на языке этносов в их первоизданном виде. Так, к текстам на кумыцком языке прилагались словари: русско-кумыцкий и кумыцко-русский. Многочисленные устные источники народов, были опубликованы как на национальных, так и русском языках. В связи с накопившимся материалом с 1901 г. в издание вошел специальный отдел, в котором размещались фиксированные фольклорных материалов. Собранные материалы дошли до нас в том виде, в котором бытовали среди этносов.

Наряду с собиранием текстов велась их лингвистическая обработка. В этом плане значимый интерес представляет опубликованная «Грамматика удинского языка», отражавшая уровень изучения языков и наречий, распространенных в регионе, не исследованных в свое время П. К. Усларом. Многие выпуски «Сборников...» снабжены рисунками и снимками [22, 1891. Вып. 11. с. 5, 8, 20, 22, 24; 1905; Там же. 1904. Вып. 33. с. 31.; Вып. 35. с. 7, 29, 43.]. В них печатались благодарственные послания академикам, принимавшим участие в обработке и публикации материалов, комментарии к текстам Л. Г. Лопатинского.

Накопленная исследовательская практика по изучению окраин страны, способствовала созданию «Программы ...» в которой учитывались специфические особенности северокавказского региона. В сферу внимания попали разноплановые вопросы, которые включали как политико-экономические (административная организация, описание природных ресурсов) стороны жизни населения региона, так и сохранившиеся среди местного населения устные памятники (эпос, сказки, пословицы и поговорки). С целью получения желаемых результатов, к проведению исследований всех образованных людей. Более того, было создана источниковедческая база, способствующая активной работе на местах. В результате, была накоплена значительная информация о регионе, в дальнейшем ее систематизации и публикации в специальных периодических изданиях. Одним, из которых стали тематические «Сборники ...». По мере издания, которых, учеными осознава-

лось, их роль в изучении Северного Кавказа, отмечалось, что для тщательного исследования источников понадобились бы целые комиссии специалистов по разным отраслям знания и десятки лет самого упорного [10, с. 225].

Литература:

1. Абаев., В.И. Проблемы нартского эпоса. Нартский эпос. Материалы совещания. Орджоникидзе. 1957. с. 22.
2. Аутлев, П. У. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп. 1963. — 223 с.
3. Авдеев, В.Б. Русская расовая теория до 1917 года. Москва. 2004. с. 9.
4. Гаврилов, П. А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис. 1869. Вып. 2. с. 65–66.
5. Гадлю, А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. Санкт–Петербург., 1994. с. 3–4.
6. Гусев, В. Е. Чернышевский о народной поэзии // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языкознания. 1954. — Т. XIII. Вып. 4. с. 364.
7. Дубровин, Н. Ф. О народах Центрального и Северо–Западного Кавказа. Нальчик, Эль–Фа. 2002. с. 12.
8. Записки русского географического общества. Кн. I. Санкт–Петербург. 1849. с. 64–81.
9. Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис. с. 186.
10. Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. — Т. IX. № 2. Тифлис. 1887. с. 225.
11. История Адыгея с древнейших времен до начала XX в.: В 2 т. — Майкоп: Адыгейс. респ. кн. изд–во, 2009. — Т. I. — 452 с.
12. Ключевский, В. О. Сочинения: В 9 тт. Москва 1987. — Т. 1. с. 78–79.
13. Леви–Стросс. К. Первобытное мышление (Сер. Мыслители XX века). Москва. 1994. с. 56.
14. Леманс, Ю. Ф. Краткая расология Европы. Мюнхен. 1925. с. 48.
15. Лесной великан. [Электронный ресурс] URL: <http://nat-geo.ru/> (дата обращения: 10.05.2013)
16. Медушевская, О. М. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники Российской истории. Москва. 1998. с. 407–413.
17. Миллер, В. Ф. Осетинские тексты / В. Ф. Миллер Осетинские этюды. Москва. 1881. — Ч. I. С. 6.
18. Миллер, В. Ф. О Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа, издаваемом Управлением Кавказского учебного округа. Отзывы, напечатанные в Журнале Министерства Народного Просвещения. Москва. 2011. с. 1.
19. Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обрядов. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа: издание управления Кавказского учебного округа. Тифлис. — Вып. 2. 1881. с. С. 5–17.
20. Программа для собрания сведений по этнографии. Живая старина / Отделение этнографии Императорского географического общества; под ред. В. И. Ламанского. Санкт–Петербург. — Вып. I. 1890 с. XLVII — LII.
21. Программа собирания сведений о разных местностях и племенах населяющих оные. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа: издание управления Кавказского учебного округа. Тифлис. — Вып. I. 1881. с. VIII — XXIV.
22. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис. — Вып. 1–46. 1881–1929.
23. Труды V Археологического съезда в Тифлисе. Москва. 1887.
24. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX — нач. XX вв.. Нальчик. 1979. с. 252.
25. Хутиз., К. К. Охота у адыгов: Эколого–этнографический аспект / К. К. Хутиз. Кн. I. Майкоп. 2001. — 224 с.
26. Шадже, А. Ю., Шеуджен Э. А. Северокавказское общество: опыт системного анализа. Москва–Майкоп. 2004. с. 42.
27. Шеуджен, Э. А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти / Э. А. Шеуджен. Москва–Майкоп: изд–во АГУ. 2012. с. 8.

Проблема идеализации христианского образа императора Константина в произведениях Евсевия Памфила

Мышинников Игорь Алексеевич, студент
Смоленский государственный университет

Тема идеализации исторических личностей, оставивших великое наследие своим потомкам, всегда является актуальной для исследования. К таковым относится и выдающийся император — Константин Великий. Об этом правители до нас дошло довольно большое количество источников, но, к сожалению многие из них содержат относительно небольшое количество сведений позволяющих рассмотреть Константина с разных позиций и дать критическую оценку его деятельности. Идеализация данного образа объясняется различными причинами, главной из которых, на наш взгляд, является работа христианских писателей. Для которых было крайне «невыгодно» изображать правителя, положившего начало христианизации всего римского мира, со стороны победителя в гражданской войне 306—310 годов, убийцы сына и жены, а по сути руководителя языческого религиозного культа до конца своей жизни (крестился Константин на смертном одре).

К большому сожалению исследователей один из самых известных источников жизни великого императора, написанный личным биографом Константина — греческим церковным историком Евсевием Памфилом «Жизнь Константина» представляет перед читателем образ, лишённый недостатков, никаких критических замечаний не содержит [6]. «Церковная история» Евсевия Памфила раскрывает исторический контекст жизни великого императора [7]. В данной работе мы попытаемся дать критическую оценку фактам, приводимым Евсевием в своих произведениях в отношении христианизации правителя.

Памфил идеализирует сына Констанция Хлора и Елены. Такое стремление показать государя только с положительной стороны ставится учёными под сомнение и вызывает недоверие к тому, что сообщает историк. Как пишет Якоб Буркхардт: «Константин попал в руки худшего из льстецов, полностью исказившего его память» [1, с.221]. Но благодаря этим произведениям Евсевия можно понять, каким хотел видеть себя властитель империи. Такой вывод можно сделать исходя из того, что автор начинал свои труды во время жизни правителя, с которым имел непосредственные контакты и, вероятно, учитывал его негласные пожелания при написании работ.

В 5-й главе биографии «Жизнь Константина» правитель предстаёт перед нами в качестве «учителя благочестия, который громогласно, во всеуслышание свидетельствовал, что он знает истинного Бога и отвращается от ложных» [6, с.15]. Для того чтобы данная цитата соответствовала действительности император должен был, во-первых принять христианство, то есть креститься по обычаю церкви, совершив определённый обряд, а во-вторых снять с себя функции Верховного понтифика

римского языческого культа (ведь как известно нельзя служить двум богам одновременно, по крайней мере в христианском вероучении).

Из манеры повествования Евсевия можно сделать вывод о том, что Константин чуть ли ни с рождения был христианином, чтобы этот довод был существенней, даже говорится, что его отец Констанций Хлор также был благочестивым [6, с.25]. Ни о каком участии Константина и его отца в самых кровавых гонениях, проводимых основоположником эпохи поздней римской империи (домината) Диоклетианом разумеется ничего не говорится. Но из простой логики вещей и статистики следует, что политически христианство было как минимум невыгодно ни отцу, ни сыну. Во-первых, христиан было не более 10% населения страны [2, с.86], а во-вторых, любое сочувствие последователям Христа в то время каралось казнью, притом, что Константин проживал при дворе тирана Диоклетиана в качестве заложника, как повествует Евсевий [6, с.37]. Биограф пишет, что будущий инициатор первого Вселенского собора христианской церкви не унаследовал ничего дурного при дворе «этих безбожников». В это верится с трудом, даже с учетом мнения историка Э. Гиббона, который утверждает, что при дворе Диоклетиана у Константина «пыл юности умерялся благоразумием... он относился холодно и равнодушно ко всем приманкам наслаждения» [3, с.583]. Это обстоятельство может сохранять надежду на то, что Константин не полностью забыл христианство, но специально утаивал свою расположенность к нему (познакомила с вероучением Константина мать, впоследствии канонизированная церковью Елена). С другой стороны трудно себе представить дальнейшее удачное восхождение на олимп власти Константина, лишённого поддержки правителей, народа и армии, которые в подавляющем большинстве были язычниками. Поэтому можно уверенно утверждать, что именно такая закалка характера при дворе тиранов способствовала взрослению Константина как политика, который должен в первую очередь быть реалистом и рационально смотреть на положение дел в государстве. Религия всегда являлась в Римской империи продолжением власти и служила стабильности государства, поэтому Константин и пытался погасить религиозные конфликты, то есть гонения против христиан, но ни в коем случае нельзя говорить о том, что он воздвигал христианство в ранг единственной государственной религии. Гений правителя заключался в даровании христианству легального статуса Миланским эдиктом 313 года, именно с этого момента начинается процесс христианизации империи, который завершится при Феодосии. Можно предположить,

что пребывание при дворе тиранов было полезно для Константина, оно работало на его будущее. Сыну Хлора будет всегда полезно показать свою мудрость и политическое коварство, демонстрируя где-то великодушие, где-то лицемерие и другие маски, свойственные правителям всех времён, и которым Константин мог научиться у Диоклетиана. Но об этом Евсевий дипломатично умалчивает, из его повествования ясно лишь то, что герой был идеальным правителем, отцом, военачальником, христианином [5].

Константин рос в языческой среде, поэтому церковная точка зрения принятия христианства Константином в ходе единственного видения креста на небе перед битвой у Мульвийского моста представляется не достаточно убедительной. Вероятно, именно Евсевий был автором этого мифа, который формировался на протяжении всего правления Константина, необходимого для того, чтобы представить императора христианином уже с самого начала своего царства. Убедительно доказывает это М.М. Казаков [7].

История с легендарным ведением креста берёт начало в ходе первой гражданской войны в империи. Хотелось бы отметить, что её развязал именно Константин, вмешавшийся в борьбу за власть вопреки порядку наследования системы домината. Но у Евсевия объясняется всё просто согласно 25-ой главе: «Константин получил царскую власть по воле Божьей». Гражданская война обозначается как справедливая война с гонителями христиан [5, с.412], противники Константина называются «противниками Бога».

Вероятнее всего сын Констанция Хлора стал перед выбором новой официальной религии или определённого культа, так как предыдущие его не могли удовлетворить в силу того, что они были покровителями его соперников в гражданской войне 306–310 годов. В своей монографии И.Ю. Шабага на основе латинских панегириков говорит о том, что Константин верил в Аполлона как «существование некоего единого всепроникающего божества, судью всего, которое, оказывает поддержку Константину» [10, с.89]. Сыну Хлора необходимо было отмежеваться от своих политических конкурентов, которые имели своих божественных покровителей. В таких условиях, как отмечает И.Ю. Шабага «в 310 г. Константин отказался от божественного патрона Геркулеса и его покровителем был объявлен Солнце — Аполлон (Sol — Apollo), [10, с.88]. Теперь уже для императора было мало сменить верховного бога, ему теперь было необходимо нечто новое, незапятнанное в его сознании божество, с которым можно было связать свою власть, на которое можно было опереться. Можно согласиться с мнением профессора М. М. Казакова о том, что данный выбор был оформлен в сознании Константина в 310 году в Галлии в храме Апполона с помощью видения богов победы — Аполлона и Виктории, во время последних походов Константина против Максимиана [5]. Боги предсказали победу великому правителю и дальнейшие 30 лет нахождения у власти. Поверил или нет Константин вероятно симитированному видению неизвестно,

но явно, что оно должно было польстить ему, и культ нового божества мелькал в его голове. К тому же цифра XXX, которую мог себе только пожелать в то время сын Елены, могла стать его символом и появиться знамёнах его воинской «братии». Вскоре Константин действительно разгромил войско Максимиана, и теперь Аполлон явно становился для императора единственным божеством, так как данный культ можно было объединить с культом Солнца, который был близок и понятен каждому язычнику, к тому же они не сильно различались в массовом сознании. Вероятно, это объединение и предпринял великий политик. Константин был переходным правителем, так и культ Солнца мог быть неосознанным, но переходным для более сложного культа Христа. Церковный историк В.В. Болотов на основе сравнений и анализа источников отмечает, что Константин разделял синкретический культ Аполлона и в силу ряда особенностей этого культа, он мог считать христианство родственной ему религией и продолжать толерантную политику отца [2, с.92]. Это говорит о том, что глубокого понимания веры как таковой у Константина ещё не было, и объясняется это обыденным поклонением языческому культу.

Языческий культ империи был очень сложным явлением и основывался на традиции римской религии включать в свой пантеон всех богов, которым поклонялось население государства. Это не придавало римской религии чёткой системы, которая уже была у христианства. Языческий культ готов был принять и включить Христа в свой пантеон, но последователи новой религии отказывались поклоняться другим богам, оказавшись преданными единственному Богу, что власть восприняла как игнорирование законов империи. Вследствие чего возникали гонения на христиан, и это логично при жёсткой иерархии и централизации государственной системы. Может быть, именно факт абсолютной приверженности верующих Христу привёл Константина к мысли о том, что поклоняясь единому Богу, христиане могли бы верно служить и единому императору.

Битва у Мульвийского моста, во всяком случае, является переломной во всех источниках. Церковные историки вслед за Евсевием Памфилом утверждают, что на небе было крестное знамение, а позже во сне полководцу явился Христос с тем, чтобы дать поручение разместить на воинских штандартах божественный символ, который станет решающей силой в битве с превосходящим по силе соперником. Встаёт вопрос, не слишком ли много видений тех или иных богов с разными пророчествами, причём все предсказывают победу? Интересна приводимая П. Гиро составляющая часть языческой традиции, по которой «не следует с первого раза верить тому, что кажется проявлением воли богов: нужно ждать, чтобы знамение повторилось несколько раз» [4, с. 295]. Соответственно битва у Мульвийского моста имеет и языческий контекст. IV век — это время, в котором многое связывалось с вмешательством сверхъестественных сил, тем более в Римской империи, которая не одно столетие свя-

зывало своё благосостояние и благополучие с расположением тех или иных богов в пользу Рима. Император Константин не был сильно впечатлительной личностью, что видно из его жизни, не приукрашенной биографами и панегириками. Но он должен был поддерживать в народе мысль, что победил не с помощью хорошей армии или благодаря личным военным талантам, но с помощью бога, а вот какого, здесь вопрос до сих пор открытый. Придание победе не личного характера, а божественного было необходимо для того, чтобы выделиться среди соправителей империи и показать, что именно Константину благоволил бог. Как отмечалось выше, армия была языческой с обеих сторон, и знамение в виде креста на небе, а позже на штандартах вряд ли в то время пугало кого-то, ведь культ Солнца, избранный Константином, знали все. В тот момент было удобно отнести победу божественному провидению, чтобы не делить её с союзником Лицинием, который также победил армию гонителя христиан Максимиана Дазы с помощью небесных сил — перед решающей битвой ему явился ангел и пообещал победу, как повествует Лактанций [8, с. 240]. Какому богу обязан Константин победой, непонятно. На триумфальной арке в честь победы говорится, что победа одержана с божественной помощью, но не конкретизируется какой [8, с.158]. Такое абстрактное понимание сверхъестественных сил в тот момент никого не могло волновать, так как ещё сохранялся культ самого императора, и его связь с любимыми богами для языческого населения империи была очевидной. И только через несколько десятилетий, в ходе формирования легенды обращения Константина в христианство посредством видений Христа и знамения на небе именно словам «божественным образом одержана победа» придали христианский контекст. Многие авторы считают, что эту легенду ведения инициировал сам Константин, чтобы предстать в глазах христиан фигурой более «красивой», чем был на самом деле. По мере сближения императора с христианством легенда обрастала подробностями. И по этой легенде наследник Хлора уже был христианином на момент сражения с Максенцием. Интересно и сравнение редакций, которое приводит М. М. Казаков, «Церковной истории» Евсевия Памфила, где первая редакция больше внимания уделяет благочестию Лициния, а уже во второй, божественный аспект и все почести плавно переходят с личности Лициния на Константина [7]. Что говорит о сильной субъективности автора, мнение которого менялось с изменением политической обстановки. После победы над «лишившимся ума» Лицинием, когда Константин стал единовластным правителем и уже с определенным наметившимся союзе государства с церковью легенда логически была завершена Евсевием. А опорным моментом обращения стал эпизод, связанный с победой у Мульвийского моста. Легенда была завершена уже после смерти Константина, её главным автором был именно Памфил.

Правитель Римского государства на протяжении всей своей жизни не показывал образа праведника. Лучшим

доказательством этого является тот факт, что Константин в 326 году приказал убить родного сына Криспа (также незаконнорожденного, как и сам Константин) по ложному доносу на него Фаусты (жены императора), а после этого, разобравшись в обмане утопить жену в бассейне как повествует Зосим [2, с.90]. И это преступление произошло уже после знаменитого Миланского эдикта и первого Вселенского собора. А ведь инициатором сближения с церковью был император, казалось бы, уже христианин в душе. Из этого можно сделать вывод о том, что языческое начало на протяжении долгих лет жизни превалировало над Константином. Римская религия может оправдать преступление о чём сообщает французский историк Поль Гиро: «Не нужно слишком мучиться из-за греха, избежать которого не в нашей власти» [4, с.295]. Следовательно, такое поведение и беспощадные действия правителя могла «санкционировать» религиозная традиция предков, которой вероятно и руководствовался Константин, до конца жизни остававшийся Верховным понтификом римской религии. У Евсевия данный момент замалчивается, так как «нельзя служить двум богам одновременно» в христианском вероучении.

Константин примет крещение за несколько дней до своей смерти. Что с одной стороны можно объяснить, как желание очиститься от грехов, совершив определённый религиозный обряд и тем самым обеспечить себе вечную жизнь в раю. Так как, принимая крещение, душа человека освобождается от всех грехов, совершённых до этого. В этом можно усмотреть языческую традицию, которую описывает Поль Гиро «вся римская религия сводится к обрядам; но эти обряды обставлены множеством подробностей, из которых ни одна не может быть опущена» [4, с.290]. Что подтверждает мысль о понимании правителем государства крещения с позиций язычества, где точное соблюдение обрядов гарантировало благожелательное отношение богов, как во время земной жизни, так и после смерти. Но это предположение о моменте фактического принятия новой веры императором весьма сомнительно, ведь смерть может застать человека внезапно и тут можно и не успеть совершить таинство крещения, что вообще лишает возможности попасть Царство Божье.

Евсевий оправдывает позднее крещение императора, желанием креститься на реке Иордан, подобно Христу, но в связи с болезнью вынужденно принятое в Никомидии. Сложно себе представить, что император не имел возможности сделать это раньше. Данное объяснение представляется как минимум упрощённым. С другой стороны позднее крещение может говорить о том, что именно к этому времени Константин ощутил себя полноценным христианином, осознанно готовым к принятию великого таинства. Так это или иначе, но Константин пришёл через тернистый путь и определённые сложности, обусловленные политическими, религиозными, личностными факторами к христианству, официально приняв обряд крещения. Скорее всего правитель не хотел идти на конфликт с язычеством, но вероятно именно искреннее желание

вечной жизни, описанное в 63 главе является абсолютной правдой, Константин по факту уже не мог осуществлять руководство языческим культом, хотя де-юре оставался Верховным понтификом.

Христианизация императора шла на протяжении всей его жизни и закончилась крещением на смертном одре. Да, Евсевий умалчивает о «языческом начале» Константина, тем не менее, главным выводом его работ является важнейший вклад личности правителя в начало христианизации империи. Так как личность Константина весьма противоречива и где-то легендарна, её нужно воспринимать как олицетворение того переходного периода истории Римской империи когда старый порядок и миропонимание пришло к необходимости новой идеологии, культуры, веры с соответствующими изменениями в государстве. Ознаменовал этот период Константин, заслуги

которого перед христианским миром всем известны и не подвергаются никакому сомнению. Битву у Мульвийского моста можно фактически назвать моментом обращения императора к новой вере именно потому, что после неё начнутся реальные действия по легализации христианства. Константин станет единоличным правителем империи и будет проводить умеренную политику веротерпимости по отношению ко всем верованиям и культам. Для него будет главной задачей спокойствие отчизны. Путь же к христианству, превратившийся из личного в общемировой, правитель закончит на смертном одре, крестившись за несколько дней до своей смерти в 337 году. Что можно трактовать как логически завершившийся процесс формирования истинно христианской личности Константина, которую, можно считать фундаментальным камнем будущей христианской цивилизации.

Литература:

1. Буркхардт Якоб Век Константина Великого. — М.: Изд-во: «Центрполиграф», 2003. — 367с.
2. Воробьёва, Н. Н. Проблема отношений христианской церкви и государства в Римской империи I—IV вв. в освещении отечественной историографии второй половины XIX — начала XX в. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 216 с.
3. Гиббон, Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. Т. 1 / Пер.с англ. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. 640 с.
4. Гиро, П. Быт и нравы древних римлян. — Смоленск: Русич, 2000. — 576 с.
5. Евсевий Памфил. Церковная история. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. 448 с.
6. Евсевий. Жизнь Константина / Перев. СПб. Духовной Академии, пересмотрен и исправлен Серповой В. В.; Примеч.: Калинин А. М.: Изд. Группа Labarum, 1998. 352 с.
7. Казаков, М. М. Христианизация Римской империи в IV в. М., 2003// URL: [http:// biblicalstudies.ru/Books/Kazak3.html](http://biblicalstudies.ru/Books/Kazak3.html) (дата обращения 17.02.2014)
8. Фирмиан Луций Цецилий Лактанций О смертях преследователей (De ortibus persecutorum) Перев. с лат. вступительная статья, комментарии, указатель и библиографический список В. М. Тюленева.: Изд-во «АЛЕТЕЙ-Я» СПб, 1998. 281 с.
9. Рудоквас, А. Д. Религиозная политика императора Константина Великого. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1996// URL: http://ancientrome.ru/public/rudokvas/rud_01-1.htm#vved1 (дата обращения 03.03.2014)
10. Щабага, И. Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — 144 с.

Проблема преемственности взглядов на семейные отношения у славян после принятия христианства

Мышинников Игорь Алексеевич, студент
Смоленский государственный университет

Тема крещения Руси всегда остаётся актуальной для исследования ввиду того, что влияние этого события-процесса (христианизация Руси проходила не одно столетие, причём не без использования «огня и меча») на общественную, политическую, культурную, экономическую жизнь Древней Руси невозможно переоценить. Виду многоаспектности данного процесса в данной работе мы по-

пытаемся проследить как происходила преемственность и изменение взглядов «крещёных язычников» на семью, семейные отношения, регламентацию взаимоотношений с домочадцами.

Принятие христианства затронуло все аспекты жизни славян, в том числе и семейные отношения. Существуют разные позиции учёных по данному вопросу. Хотелось

бы выделить два взгляда на проблему. Первую позицию представляют, прежде всего, учёные атеисты. Их позиция заключается в том, что языческая традиция была ассимилирована христианством с сохранением языческих праздников, но уже в новом качестве, они как бы наслоились на христианские. Другая позиция, весьма осторожная заключается в признании того, что народ, приняв христианство, исключительно «по просьбе-повелению» Владимира воспринял сначала форму, а уже затем, с течением времени вник в смысл христианского вероучения.

Хотелось бы отметить, что одновременно ни один народ не может изменить своё мировоззрение. А если вспомнить, как проходила христианизация в Римской империи, то мы также увидим, что процесс растянулся на целое столетие, начатое Константином в 313 году и законченное Феодосием в 392 году.

До христианства именно язычество проникало во все сферы жизни общества. Насколько велико было влияние древнего культа можно судить по народным праздникам, известных до сих пор — Масленице, сжигания чучела, гаданьях на Святках, гуляньях на Ивана Купала и других. Языческие элементы сохранились в обрядах на свадебных гуляньях, песнях, фольклоре. И эти элементы мы можем видеть сегодня, их не смогло искоренить тысячелетнее господство христианства на Руси.

Хотелось бы отметить, некоторые языческие традиции, трансформировавшиеся уже в христианстве. В апреле, когда активно начинается пробуждение природы, язычники поклонялись божествам, покровительствующим семейной жизни, браку, роду, любовным отношениям — Ярилу, Лелю, Ладе. Рано утром 22 апреля все славяне поднимались на холмы для встречи «рождения солнца», символизирующего рождение новой жизни. Этот ритуал был частью культа Дажьбога, сам день назывался «Красная Горка». После крещения Руси (988 год — весьма условная дата, это прежде всего крещение Киева) «Красная Горка» трансформировалась в христианский праздник в первое воскресенье после Пасхи, только место языческого культа Дажьбога заменил Христос. На Фоминой неделе (Навиев День) древние славяне отмечали Радоницу — весенний праздник для умерших. Данный языческий праздник был связан с воспоминанием родовых божеств и приношением жертв на погребальных курганах.

До сих пор этот праздник остаётся ярким показателем синкретизма русской культуры и православной веры, заключающейся в слиянии разных, порой противоположных элементов. В то же время это свидетельствует о невозможности с принятием христианства сразу уничтожить любые проявления языческого верования. Выход из ситуации нашли в принятии формы обычая, но принципиально нового наполнения его христианским смыслом. В связи с обозначенной темой мы остановимся на самых важных, принципиальных трансформациях сферы семейных отношений, связанных с принятием христианства на Руси.

Затрудняет изучение данной темы малое количество источников, дошедших до наших дней. Именно поэтому опорой в изучении язычества на Руси можно считать, прежде всего, этнографические источники: обряды, песни, заговоры, игры, хороводы, заклинания, сказки. Также ответы на многие вопросы даёт древнерусская литература, а также описания исследователей.

Мировоззрение славян по отношению к семье и семейной жизни определялось, прежде всего, позицией силы, превалировала грубая чувственная естественная основа. Семья, как правило, представляла собой случайный и непрочный союз, построенный по принципу господства физической силы мужа. Глава семьи не был ограничен ни нравственными обязательствами, ни нормами правового закона, ни теми же высокими христианскими нормами морали. В таких условиях муж находился на правах деспота и тирана, имевшего полную власть над домочадцами. Понятия любви, на котором строится всё христианское вероучение, если и было знакомо славянам-язычникам, то вероятно очень смутно и не могло быть крепкой основой-фундаментом древнерусской семьи.

Об отношениях в семье, семейным традициям можно сделать определённые выводы из отправления славянами языческого религиозного культа. Древние русы особо почитали культ Рода и Рожаниц. Род был первым в славянском пантеоне божеством мужского пола, если так можно сказать. Материальных следов этого культа не сохранилось, ни изображений ни ритуальных тотемов. Однако в славянском языке осталось много однокоренных слов, вероятно связанных с именем божества «Род», например: родители, родственник, роды, родинка, природа, урожай, родник и другие. Род» повсюду окружал человека, ничто нельзя было скрыть от его ока. Отсюда и родовое мышление у славян, формировавшееся не одно поколение и связанное с ним почитание предков (с принятием христианства и эта черта древнерусской ментальности трансформируется в поминовения усопших родителей в ходе совершения того или иного религиозного обряда). Каждый Рода пользовался его защитой. Интересен тот факт, что невеста, когда выходила замуж, делала вид будто её насильно заставляют покидать род, чтобы не оскорбить хранителей своего рода, отсюда и сохраняющиеся до сих пор рыдания невест перед свадьбой. Культ Рожаницы был связан с богиней плодородия и плодovitости всего живого. Отсюда и популярная в народном сознании и запечатлённая в народном творчестве тема плодородия и многогачадия, воспринимавшееся славянами как благоволение им божества.

Для лучшего понимания проблемы приведём некоторые свадебные обряды, ярко показывающие черты, связанные с нашей тематикой. На славянской свадьбе все были одеты в ярко-красные одежды и золотые украшения, символизирующие то же плодородие и богатство. Молодожёны же были одеты в чёрно-белый цвет, символизирующий невзгоды и радости семейной жизни. Ночь молодые проводили на снопах с мехами также символизирующих

богатство и многочадие. Остальные участники свадебного пира в это время «разгулом помогали делу» — пили, дрались, развлекались. То есть ни о каком нравственном и целомудренном поведении говорить не приходится.

Другим божеством, покровительствовавшим семейным отношениям в любви и благополучии была Лада с сыновьями Лелем и Полелем. Лель олицетворял страсть, молодость, весну. В языческой традиции Лель побуждал природу к оплодотворению, а человека соответственно к созданию семьи. Интересен тот факт, что в русском языке сохранились такие слова, как «лелеять», то есть любить; ладить жить в согласии, и другие. Все эти слова имеют прямое отношение к семье и браку. В «Повести временных лет» мы встречаем слова, которые свидетельствуют о том, что в Древней Руси кроме моногамных существовали ещё и полигамные формы семей: «радимичи, и вятичи... имяху же по две и по три жены» [6; с. 15]. Подтверждает этот факт то, что креститель Руси — князь Владимир, до принятия им христианства имел пять «водимых» по языческому обряду жен [9; с. 56]. Обычные члены древней славянской общины, по свидетельствам зарубежных источников архиепископа Бонифация, Аль-Масуди, Маврикия Стратега вели упорядоченный образ жизни [4; с. 207–208]. Это можно понимать и иначе — содержать несколько жён и наложниц весьма накладно, а средств у простых общинников, как известно, было не много.

Ещё одной чертой, характерной для семейных отношений древнерусского общества был левират — обычай брать в жены вдову умершего брата, что доказывает С. Бахрушин. Доказательством этому служит тот факт, что князь Владимир после убийства своего брата Ярополка женился на его вдове [1; с. 20].

Жена в языческой семье полностью подчинялась мужу. А. Савельев уточняет характер и причины этого положения и говорит, что «жёны подчинялись мужчине не как бесправные существа, лишённые какой-либо самостоятельности, а только как более слабые члены общества сильным» [8; с. 25]. В.О. Шульгин отмечает, что идея превосходства мужчины над женщиной есть в космогонии славян в образах, связанных с природой [11; с. 38–39]. Женщина — это вода, символизирующая пассивное начало, а вот мужчина — это свет, то есть активность, творчество, преобразование. Весьма интересным представляется дальнейшее развитие мысли: без света и тепла вода — это снег, лёд, смерть. Значит, только под воздействием мужчины женщина получает жизнь и движение. На наш взгляд всё-таки самым ярким проявлением статуса женщины по отношению к мужчине является обряд разувания женой мужа во время брачной церемонии. Таким образом, древние славяне придерживались патриархального взгляда на отношения мужа и жены: муж — глава семьи, кормилец, а жена — хранительница очага. В соответствии с таким укладом вполне рациональными представляются себе права мужа судить жену и подвергать телесным наказаниям, вплоть до распоряжения её жизнью.

Так В.Н. Татищев приводит пример как за подготовку покушения на жизнь своего мужа князя Владимира Рогнеда (его жена) чудом избежала наказания, от клинка женщину спасло появление в покоях малолетнего сына Изяслава. [2; с. 164–165].

Женщине всегда была хранительницей очага, она отвечала за атмосферу жилища, должна была уметь рукодельничать, грамотно вести хозяйство, уметь готовить и так далее. Положение жены характеризует и тот факт, что у славян-язычников было принято после смерти мужа сжигать и его жён. Немецкий архиепископ Бонифаций, укоряя английского короля Этельреда в ведении распутной жизни, приводит ему именно этот пример [4; с. 207–208].

Особое место в семейных отношениях славян-язычников занимали отношения родителей и детей, вот где ни о какой ювенальной юстиции никогда бы не подумали. Дети были полными «рабами» своих родителей, их жизнью распоряжались иногда и так: в голодные годы в Новгороде родители продавали или отдавали лишние рты «отец и мати чадо свое въсажаше в лодью даромъ гостымъ» или когда «даяху свои дети отец и мати дерень гостимъ изъ хлеба» [5; с. 22]. Дети даже супругов себе не выбирали, всё решали родители. Князь Игорь женился по указанию Олега, как говорится в «Повести временных лет» [6; с. 23, 53]. Но нельзя забывать о том, что родители несли ответственность за своих детей, содержали их до выхода во взрослую жизнь, связанную со вступлением в брак. Дети же должны были заботиться о родителях, содержать их в старости, именно дети в первую очередь должны были осуществлять право кровной мести за убийство родителей [7; с. 5]. Власть отца и матери над своими чадами прекращалась полностью только со смертью обоих родителей [2; с. 467,]. Власть родителей над дочерьми прекращалась с момента выдачи их замуж, поскольку последние переходили под власть мужа, исключавшую власть отца и матери.

Таковыми были брачно-семейные отношения в дохристианской Руси. Что же изменилось после 988 года с принятием высоконравственной религии, ставящей перед каждым христианином идеалы добра, любви, жалости и действенного сострадания?

Христианство должно было изменить языческие обычаи семейных отношений: мужа и жены, родителей и детей, взрослых и ребенка. Как это происходило, мы можем говорить на основании памятников древнерусской литературы: «Поучения Владимира Мономаха своим детям», «Русской правды», «Повести о Петре и Февронии», «Пчеле» и другим.

Летописец отмечает изменения, произошедшие с князем Владимиром после крещения. Он остался мудрым полководцем и правителем, но стал «примером доброты, милосердия и сострадания» [6; с. 55–56]. Бесспорным является предоставление христианством русскому народу идеального образа брака, при котором союз мужа и жены освящается Богом и служит залогом верности и любви

(в её высшем проявлении), которые простираются даже за пределами земной жизни. «Повесть о Петре и Февронии» передаёт новую христианскую традицию отношения к семье (и недаром сегодня в XXI веке эту традицию пытаются восстановить после советского периода). На наш взгляд одним из самых интересных эпизодов этого произведения заключён в отрывке: «И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот посмотрел на святую, имея нечистые помыслы. Феврония же, сразу угадав его дурные мысли, преподнесла мужчине урок, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?» [12; с. 79]. Так просто христианская традиция разъясняет нелепость и невозможность измены.

«Поучение Владимира Мономаха» даёт нам образец духовной и нравственной модели жизни христианина. Князь предостерегает детей от пороков (грехов): лжи, блуда, пьянства и прочих [3; с. 57].

Владимир видит в женщине уже, не пассивное начало, а идеалы добра, целомудрия, верности и красоты. Христианство раскрыло женское достоинство и призвание, дав им религиозное обоснование, непреложной вершиной которого стало почитание Богородицы. Христианство, признавая разность, но равнозначность полов, подчеркнула, что в браке зависимость женщины от мужчины такая же, как мужчины от женщины. В «Русской правде» содержится много статей, определяющих права женщины в семье на позициях равноправия с мужем, в частности как полновластной хозяйки имущества покойного мужа. Из этого можно сделать вывод о том, что общественная мысль начинала видеть в женщине мать, ближайшего соратника мужа, хранительницу тёплого семейного очага.

Христианство в древнерусскую традицию привнесла и новый взгляд на личность ребёнка, его жизнь и воспитание. Ребёнок — это такой же носитель образа и подобия Бога как и взрослый. Христианство определяет рождение и воспитание детей как одну из главнейших целей брака, как великую радость, поэтому и отношение родителей к своим чадам должно быть подобно отно-

шению Бога к людям и основываться на любви. Дети даются Богом родителям на воспитание и являются ответственными за это воспитание перед Богом. Христианское вероучение не допускает никакого насилия над детьми, даже, раздражение и гнев как формы несдержанности и нетерпимости не допускаются. В фольклоре нашли отражение основные христианские принципы семейных отношений: «Детей наказывай стыдом, а не кнутом»; «Кто красен дочерьми и сыновьями в почете, тот в благодати»; «Кто родителей почитает, тот навеки не погибает».

Даже эти немногочисленные примеры позволяют утверждать, что наши предки с принятием христианства, старались воплощать в жизни христианские идеалы, хотя нельзя забывать, что языческие традиции не могли в короткий срок изжить себя, поэтому многие обычаи либо изжили себя, либо трансформировались под влиянием христианства.

Таким образом, принятие христианства на Руси с течением времени коренным образом изменило воззрение славян на семью и семейные отношения. Христианское вероучение внесло в институт семьи совершенно чуждый древнему языческому восприятию мира возвышенный и чистый идеал духовности и божественности, признавая брак не союзом, а таинством соединения любящих друг друга людей и призывающих Бога быть свидетелем этого таинства.

По христианскому учению только Бог является владелькой жизни, Он один имеет власть дать человеку жизнь, или лишить его жизни. Ни один человек, будь то отец, или муж, или кто-то иной не имеют права лишить человека жизни. И если в христианской семье муж признается главой семьи, то это означает, прежде всего, принятие ответственности на себя перед родными и Богом за материальное, социальное, духовное благополучие семьи.

Если в дохристианскую эпоху господствовал патриархальный уклад и взгляд на человека в целом, на ребенка в том числе, то христианство возвестило ценность человеческой личности самой по себе, ценность человека не только как члена общества, но как образа и подобия Божия, ценность человека. Поэтому и родителям предписывает относиться к детям как к Божественному дару и сокровищу.

Христианство как религия высокой нравственности была принята нашими предками славянами, однако путь отказа от языческих воззрений был непростым и долгим. И в народных традициях, обрядах язычество удерживалось ещё достаточно долго.

Литература:

1. Бахрушин, С. К вопросу о крещении Киевской Руси // Религия и церковь в истории России. М., 1975.
2. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1915.
3. Древняя русская литература: Хрестоматия: Учеб. Пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит». / Сост. Н. И. Прокофьев. 2-е изд., доп. М.: Просвещение, 1988. 429 с.
4. Нидерле, Л. Славянские древности. М., 2000.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.

6. Повесть временных лет. По Лаврентьевскому списку. М. — Л., 1950. Ч. 1.
7. Черниловский, З. М. Русская Правда в свете других славянских судебников // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии. М., 1984.
8. Савельев, А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Н. Новгород, 1881.
9. Татищев, В. История Российская. М., 2003. Т. 1.
10. Татищев, В. История Российская. М., 2003. Т. 2.
11. Шульгин, В. О. О состоянии женщины в России до Петра Великого. Киев, 1850.
12. Этика и психология семейной жизни: Хрестоматия для учителя. Часть II. Семья в русской литературе / Сост. Т. Г. Кислицыной. М.: Школа-Пресс, 1999.

Организация благотворительной помощи на Дону солдатам в годы Первой мировой войны

Немова Валентина Викторовна, кандидат исторических наук, преподаватель истории и обществознания
МБОУ гимназия № 45 (г. Ростов-на-Дону)

С началом Первой мировой войны экономика Дона, как и по всей стране, перестраивалась на военный лад. Высочайшим указом от 24 июля 1914 года Область войска Донского была объявлена на военном положении.

В первые недели войны хозяева 53 предприятий Области войска Донского заявили о своей готовности работать на военные заказы.

Ростовская городская администрация прилагала гигантские усилия для нормализации жизни города, но война вносила свои коррективы: переводились с запада промышленные предприятия, которые необходимо было размещать, а в это время санитарные поезда ежедневно привозили сотни раненых. Экономика города приходила в упадок.

Несмотря на то, что г. Ростов-на-Дону считался богатым городом (в 1916 г. доходы казны составляли 3 млн. 266 тыс. руб.), к июню 1917 года его долг достиг 8,7 млн. руб. [2]. Это ухудшило жизнь простых людей. Многим жителям Дона благотворительная помощь помогала выжить.

В годы Первой мировой войны повсеместно в г. Ростове-на-Дону создавались благотворительные комитеты, которые собирали пожертвования семьям, в результате призыва оставшимся без кормильца, средства на рождественские и пасхальные подарки донским казакам, проводили кружечные сборы на покупку теплого белья и сапог для ростовских пехотных полков, сражавшихся на фронте, организовывали дни «Красного Креста»

В г. Ростове-на-Дону действовали также комитеты Великих княгинь Елизаветы Федоровны, Марии Павловны, Татьяны Николаевны, открывшиеся в 1915 году. Существовал в городе и Чешский комитет помощи военнопленным, которых привозили в город целыми эшелонами. Комитеты прекратили существование в 1918—1919 гг.

Регистрация лиц, пользующихся благотворительной помощью, составляла одну из основ правильной поста-

новки благотворительности, так как облегчала работу благотворительных учреждений, давая им возможность определять размеры пособий.

Путем правильно поставленной регистрации устранялась возможность скрытого получения одним лицом пособий одновременно от нескольких учреждений, а также необходимость повторного получения помощи одного и того же учреждения.

Регистрация находилась в тесной и неразрывной связи с благотворительными учреждениями, из чего в свою очередь следовало, что «... учет должен вестись учреждением, которое непосредственно или через предведомственные ему органы оказывает благотворительную помощь» [2]. Это говорит о том, что благотворительность на Дону носила масштабный характер.

Первая мировая война привела к большим потерям в действующей армии. Тысячи военнослужащих нуждались в помощи. Государство не готово было решать эту проблему, возникла необходимость в поддержке всего общества.

Поэтому война активизировала деятельность Земств и Союзов Городов. Так, именно в это время (5 августа 1914 г.) было утверждено Временное положение об эвакуации больных и раненых.

Был образован дамский комитет, который занимался сбором пожертвований деньгами, вещами среди знакомых, в магазинах, без устройства кружечных сборов.

Собираемые средства расходовались на помощь больным, раненым воинам, помощь вне города оказывалась в форме посылок и подарков в действующую армию.

Широко известна была в то время благотворительная деятельность Нахичеванского-на-Дону комитета Всероссийского Союза Городов (ВСГ), испытывающего потребность в благотворительных средствах. Кроме того, благотворительный комитет при Нахичеванском Комитете ВСГ собрал некоторую сумму денег и вещи для посылки по-

дарков в армию к праздникам. Однако в армии была потребность в теплом белье, которого Комитет достать не мог. Он обратился в Доно-Кубанский Земский Комитет в г. Ростове-на-Дону с просьбой предоставить 100 комплектов вещей.

Доно-Кубанский Комитет выдал необходимое белье и предоставил счет Нахичеванскому Комитету, который был оплачен из благотворительных средств.

Как видно, государство, сохраняя за собой принцип финансирования нужд военнослужащих, все больше и больше опирается на помощь частных денег, при этом все больше регистрируется благотворительных комитетов и земств с целью, как для направления помощи на поля сражений, так и для оказания помощи больным и раненым воинам.

Мысль об оказании юридической помощи пострадавшим от войны, должна была возникнуть в учреждении, поставившем своей целью помощь больным и раненым воинам.

Государство и общество ясно осознали, что каждому воину, героически исполняющему свой долг перед Отечеством, должна быть дана полная уверенность в том, что страна не только прилагает все усилия к тому, чтобы залечить его раны и недуги, но и проявить заботу о его близких и родных.

Один из правозащитников того времени Н. В. Тесленко говорил: «Разнообразны, сложны нормы закона и служебный состав армии, также разнообразны и те единичные случаи, по поводу которых нормы должны приводиться в действие. В разрешении вопросов заинтересованы сами воины, их семьи и те общественные и государственные органы, на которые законом возложена обязанность приводить его в действие» [3].

Эти соображения легли в основу его доклада об организации по плану князя С. А. Друцкого Юридического Отдела при Всероссийском Городском Союзе.

К работе Отдела были приглашены юристы-теоретики и практики по военному, административному и гражданскому праву, составившие первое Общее Собрание Отдела, созданное 28 февраля 1915 г.

Общее Собрание решило выработать проект организации Юридического отдела и наметило следующие пути своей деятельности:

- 1) комиссия разделяется на подкомиссии по отдельным отраслям права;
- 2) ежедневные дежурства от 14 до 16 часов в составе не менее трех консультантов, которые дают при коллективном обсуждении в письменной и устной форме ответы пострадавшим от войны, лично или письменно обращающимся за консультацией;
- 3) вопросы, вызывающие сомнение, вносились дежурными консультантами на обсуждение подкомиссий по соответствующей отрасли права;
- 4) вопросы общего характера и вопросы, затрагивающие несколько областей права, вносились на рассмотрение Совета Юридического Отдела.

Также необходимо было позаботиться о том, чтобы сотни тысяч увечных, которые вернулись или собирались вернуться на родину, потеряв свое здоровье, трудоспособность на войне, не были обречены на жалкое нищенское существование — «... «лишних людей», лежащих бременем на своих родных, обществе и государстве, а по возможности сделались полезными и нужными работниками и с этой целью их долечивание или обучение прежнему или новому ремеслу должно повести к возможному восстановлению их трудоспособности» [5].

Следует сказать, что процесс болезни иногда признавался законченным и даже сами увечные считали свою инвалидность окончательной, однако фактически в очень многих случаях при надлежащем лечении возможно было существенное улучшение, частичное, а иногда и почти полное восстановление трудоспособности.

Более того, люди, получившие самые тяжкие виды увечья, с помощью протезов могли приобрести возможность работать.

Увечные, которые были совсем лишены трудоспособности, тоже не могли быть брошены на произвол судьбы. Необходимо было позаботиться об оказании им помощи, в особенности это необходимо было для тех несчастных, которые нуждались в уходе, часто являясь бременем для окружающих.

Поэтому некоторые виды помощи целесообразно было оказывать на местах, в городах и станицах, а другие виды, требующие для своего осуществления крупных учреждений и наличие специалистов, только в крупных центрах.

Всероссийский Союз Городов, сознавая всю неизмеримую важность правильной и широкой постановки дела помощи раненым воинам, поставил задачу соответствовать в организации этой помощи во всех ее видах (медицинской, трудовой, педагогической) и вместе с тем пропагандировать идеи правильной, планомерной помощи увечным как в обществе, так и среди самих увечных.

Права героев нужно защищать, и эта неоспоримая истина легла в основу тех преобразований, которые происходили в Российской империи. И подобная защита должна распространяться как на самих воинов, так и на их семьи. Именно поэтому в годы Первой мировой войны законодательно оформлялись документы, в которых решались вопросы по обеспечению пенсиям и пособиями воинских чинов и их семейств, привлечения к деятельности в этой области органов общественного самоуправления.

Государственное управление общественным призрением было сохранено и при Временном правительстве. Так, 21 марта 1917 г., было принято постановление «О подчинении самостоятельных благотворительных организаций подчиняющим ведомствам и учреждениям».

5 мая 1917 г. Временное правительство постановлением «Об образовании Министерств Труда, Продовольствия, Почт и Телеграфов и Государственного призрения» благотворительные заведения и попечительства передало в ведение вновь образованного Министерства Государственного Призрения.

Декретом Временного правительства 29 июня 1917 г. «Об организации Временного Общегосударственного Комитета помощи военнослужащим» было установлено, что отныне помощь признается обязанностью государства и осуществляется через местные органы самоуправления [4].

На Временный Общегосударственный Комитет возлагалось:

1. Разработка планов помощи нуждающимся и обсуждение мер по повсеместному проведению этой помощи в жизнь, ее объединению и согласованию.

2. Представление Министру Государственного Призрения о нуждах в деле помощи раненым и о необходимых для этой цели кредитах, а также распределение разрешенных кредитов и наблюдение за порядком их расходования.

3. Предварительная разработка для внесения Министром во Временное Правительство законопроектов по всем вопросам помощи защитникам отечества и пересмотр действующих законоположений о пенсиях и других видах помощи.

Помощь на местах возлагалась на органы земского и городского самоуправления, которые для этой цели должны были образовать «Комитеты помощи военноувечным», состоящие из представителей этих самоуправлений и представителей местных союзов, где они были образованы.

Таким образом, война активизировала благотворительную деятельность Земств и созданного Союза Городов, которые занимались сбором пожертвований деньгами и вещами. Государство, сохраняя за собой принцип финансирования нужд военнослужащих, все больше и больше опиралось на помощь частного капитала с целью направления помощи как на поля сражений, так и больным и раненым.

Для оказания более качественной помощи пострадавшим необходим был учет воинов, так как только имея цифры всех категорий увечных, государство и отдельные органы самоуправления, каждый в своей области, мог выяснить размер нужды.

Для объединения мероприятий земств и городов в деле помощи раненым было решено образовать Совецание из представителей от Главных Комитетов Союзов с участием представителей от Всероссийского Союза раненых воинов.

Только эвакуированные на родину через Петроградский пункт казаки хорошо и заботливо были снабжены из склада Ее Высочества одеждой и обувью. Увольняемые же из других мест Империи являлись домой в том обмундировании, в котором они были доставлены на перевязочные распределительные пункты прямо с боевых

позиций. Вместо казачьей одежды часто на донцах была негодная армейская одежда, могла быть германская или австрийская шинель, зачастую грязное белье, развалившиеся сапоги или ботинки.

Это производило тяжелое моральное впечатление, особенно на отдаленные, жившие вековыми традициями станицы, которые встречали своих станичников-героев с духовенством и колокольным звоном. «Это давало пищу для разговоров, так как станицы и хутора непрерывно шлют на боевые позиции своим землякам взамен приходящей у них в негодность одежды как обмундировочные вещи и сапоги, так и белье. Но, очевидно, или посылаемые вещи не доходят до тех казаков, которые уже эвакуированы из полков и находятся на лечении в разных городах, или полковые обозы оотянуты бывают на дальнейшее расстояние от боевых позиций. Поэтому также казаки прибывают обратно в свои округа уже в пришедшем в негодность и частью растерянном обмундировании» [1].

Совещание, состоявшееся 6 марта 1915 г., под председательством Наказного Атамана Области Войска Донского В.И. Покотило просило Ее Императорское высочество прийти на помощь увечным казакам, положение которых в эвакуированный период ничем не отличалось от положения чинов регулярной армии.

Направлять всех раненых казаков на окончательное лечение в станичные лазареты Области войска Донского, где станицы могли их благотворительным путем обмундировать, не всегда было возможно, поэтому воинские учреждения, организации Красного Креста, Земского и Городского Союзов заботливо снабжали казаков наравне с нижними чинами армии бельем и обувью.

Наказному Атаману было отправлено 20 тыс. руб., для того чтобы он распределил эту сумму между Окружными Атаманами на заготовку необходимых вещей, так как именно они постоянно соприкасались с нуждающимися, знали их образ жизни, лучше кого бы то ни было понимали сущность того положения, в котором оказывались увольняемые со службы казаки.

С увеличением возвращающихся из плена вставал вопрос использования этой рабочей силы, как в качестве военнослужащих, так и в качестве работников гражданской сферы. Бывшие военнопленные превращались в реальную силу, оказывающую помощь России не только на полях сражений, но и в социальной, трудовой сфере.

Таким образом, роль благотворительных организаций и комитетов проявлялась в разных ипостасях. Заботясь и помогая, насколько это было возможно, оставшимся дома семьям воинов, Комитеты и Попечительства не забывали и о военнослужащих, которые на поле брани защищали честь и достоинства России.

Литература:

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 441. Оп. 1. Д.79.
2. ГАРО., Ф. 442. Оп. 1. Д.2.
3. ГАРО., Ф. 806. Оп. 1. Д.13.

4. Коновалова, Т. Б. История российской благотворительности и ее связь с государственными структурами социального обеспечения. М., 1997.
5. Хрипков, Ю. В пользу воинов и их семейств: 100 лет русской благотворительной марке // Родина. 2005. № 2.

Положение инвалидов Отечественной войны в СССР (на материалах Краснодарского и Ставропольского краёв в 1945 – середина 1950-х гг.)

Осмачкин Алексей Викторович, аспирант
Армавирская государственная педагогическая академия

Великая Отечественная война оказала огромное влияние на всех жителей Советского Союза. Цена победы над фашистской Германией, как для государства, так и для советских жителей оказалась неимоверно велика. Кроме колоссальных людских потерь война породила большое количество сирот и вдов, а также инвалидов войны, которые защищая свою Родину, остались калеками. В этой статье речь пойдёт не обо всех группах инвалидов, а лишь о тех, кто остался калекой во время боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны.

Несмотря на важность этой проблемы для общества в историографии советского периода данному вопросу исследователями практически не уделялось внимания. Можно выделить работы В. Фёфёлова [10.] и Д. Соколова [9.] написанных в мемуарно-биографическом жанре. Однако современная историография отмечается значительным ростом интереса к исследованию положения данной группы общества в послевоенные годы. Одними из первых работ, в которых уделялось внимание этой проблеме, были исследования Е. Ю. Зубковой [6.], А. В. Шубина [12.] и др.

В первые послевоенные годы инвалиды войны массово пополняли ряды нищенствующих. На такой образ жизни для значительной части фронтовиков оказывали влияние несколько факторов: с одной стороны, не желание быть обузой для членов своих семей и так находившихся в тяжёлом положении. А с другой, сохранение собственной жизни, необходимым условием которой, была нужда просить милостыню в общественных местах, где была велика вероятность, что кто-нибудь подаст на «кусочек хлеба» [2, С.11].

По разным оценкам, в Советском Союзе после войны насчитывалось более 2,5 млн. человек признанными инвалидами, из них около 1–1,5 млн. человек являлись не трудоспособными и около 800 тысяч человек вели бродяжнический образ жизни [8, С.237–239.]. К началу 1950-х гг. ситуация резко изменилась. Так, согласно секретному докладу МВД СССР в Президиум ЦК КПСС о мерах по предупреждению и ликвидации нищенства от 20 февраля 1954 г. отмечалось, что во втором полугодии 1951 г. было задержано 107.766 чел., в 1952 г. — 156.817 чел., а к 1953 г. было зафиксировано 182.342 задержания, из которых на долю инвалидов войны приходилось около 70% задержанных [6, С.145.].

Точных данных о количестве инвалидов Отечественной войны проживавших на территории Краснодарского и Ставропольского краёв нет, но согласно статистическим отчётам можно говорить о примерной численности и пропорциональном соотношении различных групп инвалидности и уровню их трудоустройства. Так, согласно анализа отчётных данных учреждений здравоохранения, удельный вес инвалидов войны III группы в изучаемых регионах в 1948 г. составлял около 420 тыс. человек, или 76,1%, а к 1954 г. произошло снижение численности данной группы на 2,5%. Удельный вес инвалидов I группы также сократился с 5,3% до 3,7%. Количество же инвалидов II группы, напротив, увеличилось с 18,6 до 22,7%, это было связано с переселением из других регионов страны и реабилитацией некоторых народов Северного Кавказа. В 1954 г. в Краснодарском и Ставропольском краях не работавшими и не получившими образования и переквалификации числилось 3200 человек, из которых 1018 являлись инвалидами III группы, что было залогом сокращения численности бродяг. В соответствии со справками гайгорсо основными причинами не трудоустройства инвалидов были: по возрасту — 6,4%, материальному обеспечению — 11,8 и по состоянию здоровья — 67,7% [3, Л. 7–7об.].

Такое сокращение численности попрошайничающих фронтовиков — инвалидов являлось не только свидетельством естественной убыли населения, но и того, что часть населения вернувшаяся домой пройдя курсы переквалификации с целью работы в новых условиях, а, другая, преследовалась органами НКВД и помещалась в заведения закрытого типа, которых по стране было 13. О судьбе и деятельности данной группы людей на рубеже 1940–1950-х гг. показал А. Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ», на примере заключённых Спасской инвалидной колонии [10, с. 123–142.].

Необходимым условием, оказавшим влияние на сокращение численности нищих перед государством, встала проблема развития нового направления социальной политики, включающее в себя трудовое и материально — бытовое обеспечение инвалидов. Именно этот комплекс мер был приоритетным для партии и её идеологической деятельности не раз пропагандировавшей лозунг о социальной справедливости, включавший в своём содержании

и заботу государства об инвалидах. Однако обеспечение поддержки этой группы населения было обусловлено, не столько желанием помочь мало трудоспособному населению, сколько своеобразной попыткой контроля над бывшими фронтовиками, которые, по мнению А. И. Микояна, являлись потенциальными «неодекабристами» [6, с. 28.].

Об уровне организации социальной помощи в стране свидетельствуют многочисленные жалобы и доносы населения, которые являлись способом общения рядовых членов советского общества с представителями власти, исходя из которых, можно сделать выводы об уровне жизни и настроениях жителей Советского Союза.

О степени реальной оказываемой социальной поддержки государством изучаемой группы населения свидетельствует жалоба инвалида Отечественной войны I группы И. И. Поливакина, который отмечал: «Я состою инвалидом с 1945 г. до сего времени (жалоба датирована 1953 г.). За этот период кроме сухпайка (3 кг муки, 400 гр. масла и 400 гр. сладостей) не получал, получаемая мною пенсия в размере 162 рублей, конечно, удовлетворить потребности не может. Имеющиеся брючки, рубашка и ботинки приходят в негодность, а также и бельё. Всё это требует замены. Кроме своих бывших рабочих рук ничего не имею, вот почему убедительно прошу оказать мне в этом помощь [4, Л. 184.]».

О действительном улучшении положения этой группы населения можно говорить с 1952 г., когда Военным Министром СССР подписан приказ включавший «Инструкцию о порядке отбора и направления военнотрудовых, членов их семей, пенсионеров и вольнонаёмного состава в санатории и дома отдыха военного министерства СССР» [13, С.97.]. Фактическое действие и реализация основных положений данного документа на территории Краснодарского и Ставропольского краёв начинает воплощаться в жизнь лишь с середины 1950-х гг.

Так, в Краснодарском крае действовало 2 санатория, в которых проходили реабилитацию и лечение за 1954 г. 348 человек, из которых инвалидами I группы являлись 76 человек проходившие курс реабилитации с членами семей, остальные инвалиды Отечественной войны относились ко II группе. В 1955 г. на лечении находилось уже 567 человек [3, Л. 8.]. В Ставропольском крае был один пансионат подобного вида расположенного в районе Минеральных вод, в котором, за период с 1954 по 1957 гг., проходило реабилитацию 283 человека [5, Л. 46.]. Главной заслугой учреждений подобного типа было и то, что кроме лечебных мероприятий, осуществлялась и психологическая помощь специалистов, которые направлялись для этих целей из центральных регионов страны, а также в случае необходимости инвалиды — фронтовики ставились в очередь на протезирование и снабжения инвалидными колясками, процесс обеспечения которыми затягивался на долгие годы. Но, несмотря на ряд достижений в социальной сфере, по — прежнему, развитие здравоохранения в стране находилось на низком уровне, не имея возможности оказания необходимой помощи.

В связи с тем, что социальная политика государства начала оказывать серьёзное влияние на положение инвалидов Отечественной войны лишь к середине 1950-х гг., встаёт вопрос о том за счёт чего смогли выжить представители данной группы населения, кто осуществлял помощь до этого периода.

В первые послевоенные годы на помощь этим лицам пришла советская общественность. Население, пережившее тяжёлые годы военного лихолетья, из войны вынесло не только чувство патриотизма и гордости за свою страну, но и небывалое чувство сплочённости и коллективизма. В условиях послевоенного голода, массового трудового героизма требующего невероятных усилий с целью скорейшего восстановления экономики страны, населением осуществлялась поддержка практически забытой группы бывших фронтовиков, не имеющих возможности обеспечить своего существования.

Забота советской общественности об инвалидах носила разнообразный характер. Начиная от простой психологической поддержки и заканчивая попытками создания протезов и определённых средств передвижения т.н. «тележек на колёсиках» заменяющих инвалидные коляски, в движение которые приводились при помощи рук, отталкиваясь от земли.

Но, существовала и другая, значительно меньшая, группа людей считавших инвалидов «досадным балластом советского общества» [1, Л. 35.], не видя в них полноправных членов общества, не имеющих возможности приносить пользы государству. Своеобразным ответом на высказывания подобного рода являлись многочисленные примеры трудового подвига инвалидов-фронтовиков.

На страницах местных периодических изданий можно найти неоднократные свидетельства трудового подвига отдельных представителей состоящих на инвалидности советского населения. Показателен пример возврата к мирной жизни и активного участия в трудовой деятельности инвалида II группы В. Титова, работавшего трактористом-комбайнером в колхозе «Путь Ильича» Гулькевичского района Краснодарского края. Несмотря на то, что во время войны, потеряв левую ногу, он продолжал трудиться наравне с другими членами общества и в 1948 г. был признан одним из передовиков жатвы по своему району. Этот пример примечателен даже не самим фактом самодостаточного труда, а тем как он сам прокомментировал результаты своей деятельности: «Как я могу сидеть сложа руки и жаловаться на судьбу, когда мои товарищи не вернулись с войны... Я обязан трудиться и за них, показывая своим трудом пример подрастающему поколению» [7.]. Ещё одним образцом трудового героизма является достижение бригады паровоза номер 248 под руководством машиниста И. Будко, состоявшего на инвалидности с 1944 г.. Он с помощником машиниста Варавинным и кочегаром Шалитой провели поезд на участке Армавир — Кавказская в 3.200 тонн, при норме — 2400 [1, Л. 45.].

Из этих примеров, носящих явные элементы пропагандистской деятельности, можно сделать вывод и о том,

что многие инвалиды войны не только не потеряли смысла жизни, но и старались своим образцом показать, что несмотря на полученные травмы и увечья, они по-прежнему являлись полноправными членами общества, стремящимися к быстрому восстановлению народного хозяйства страны.

Таким образом, положение инвалидов Отечественной войны в первые послевоенные годы было очень тяжёлым.

Государством в этот период оказывалась поддержка в виде выплат незначительных пенсий и единовременных продуктовых поставок. В этих условиях важное значение принадлежало советской общественности осуществлявшей помощь и заботу за этой группой населения. Благодаря успехам, достигнутым в социальной политике к середине 1950-х гг. можно говорить об улучшении качества жизни инвалидов войны, нашедших своё новое место в послевоенном мире.

Литература:

1. Архивный Отдел Администрации г. Армавира (АОАА.). Ф. Р-1322. Оп.1. Д.263.
2. Бессонов, А. Воспоминания о жизни в Советском Союзе. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1997. — 61с.
3. Государственный Архив Краснодарского Края (ГАКК.) Ф. Р. — 1246. Оп.4. Д.1059.
4. ГАКК. Ф.Р-687. Оп.3. Д.1616.
5. Государственный Архив Новейшей Истории Ставропольского края (ГАНИСК.). Ф.1. Оп.2. Д.1770.
6. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953 гг. — М.: РОССПЭН, 1999. — 229с.
7. Коновалов, С. Трудовой подвиг. — // Армавирская коммуна, 6 сентября 1948.
8. Мартиросян, А. Б. За порогом победы. — М.: Вече, 2014. — 320с.
9. Соколов, Д. П. Вычеркнутые из жизни: судьбы инвалидов в СССР. — rys.arhipelag.ucoz.ru ... sokolov.vycherknutye... sssr...
10. Солженицын, А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956: Опыт художественного исследования. Т. 2. — М.: Время, 2003. — 308с.
11. Фефёлов, В. В СССР инвалидов нет! — Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1986. — 82с.
12. Шубин, А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917—1985 гг. — М.: РОССПЭН, 2001. — 689с.
13. Ярская-Смирнова, Е., Романов П. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940—1985 гг. — М.: ООО «Вариант», ЦСГПИ, 2008. — 376с.

Антикоммунистическая деятельность молодёжных организаций, находящихся в структуре либеральных партий России в 2000–2005 гг.

Питкевич Валерий Валериевич, аспирант

Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды (Украина)

Статья освещает антикоммунистическое направление деятельности ведущих либеральных молодёжных организаций России в начале XXI в., с целью определения причин и последствий данной деятельности для левых сил, общества, молодёжи, власти и непосредственно самих либералов.

Ключевые слова: молодёжь, молодёжная организация, антикоммунизм, левые силы, либералы, партия, власть, государство, общество, политическая борьба, митинг, акция, протест.

Постановка проблемы. На рубеже XX и XXI веков, в России наступает новый этап общественно-политического развития, в котором одно из ведущих мест занимают молодёжные организации и движения. Молодёжь, которой в принципе свойственна активная гражданская позиция, принимает участие в живой политической жизни. Создаются политические молодёжные организации различного толка и направленности. Между организациями возникает конкуренция в борьбе за умы молодых людей. На этом фоне достаточно большие обороты набирали молодёжные объединения либерального толка. В связи

с этим в данной статье хотелось бы коснуться некоторых аспектов деятельности двух наиболее известных и влиятельных молодёжных организаций либерального сектора, которые ко всему прочему находились в полном подчинении политических партий. Речь идёт о молодёжных организациях: «Молодёжное Яблоко» (МЯ) — созданной на базе партии «Яблоко» и «Молодёжном Союзе правых сил» (МСПС) — созданном при партии «Союз правых сил» (СПС).

Заявленные молодёжные организации и политические партии, в начале столетия стали ведущими оппозицион-

ными силами либерального толка в российской политике. Говоря об организациях, следует понимать, что их деятельность была подчинена воле партийных покровителей, так как и МЯ и МСПС — не являлись самостоятельными организациями и целиком принадлежали партии «Яблоко» и СПС. В связи с этим, организации всячески способствовали продвижению своих партий в борьбе за власть. Либералы системно и систематически критиковали действия руководства государства. МЯ и МСПС, не упускали возможности выступить с протестом в отношении тех или иных решений Правительства и Президента. Помимо этого, либералы находились ещё и в конфронтации с политическими силами левого спектра. При этом коммунисты и либералы были абсолютными антагонистами. У них было диаметрально противоположное мировоззрение, идеология, формы и методы политической борьбы. Поэтому их невосприятие друг друга весьма очевидно, но в существующей борьбе очень часто задевались не только партийные интересы. Либералы боролись с коммунистами в настоящее время, но с использованием прошлого, что затрагивало народ и его историю. Семидесятилетнее коммунистическое прошлое одними рассматривалось, как золотое время России, а другими — как абсолютная трагедия. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть антикоммунистическое направление деятельности либералов дабы ответить на ряд вопросов: 1. Почему либералы вели активную антикоммунистическую деятельность? 2. К каким последствиям приводила данная деятельность? 3. Какое представление о прошлом формировалось при этом у молодёжи? Если ответ на первый вопрос лежит на поверхности — это идеологические противоречия, разные оценки прошлого, разное видение будущего России, то второй и третий вопрос, остаются открытыми.

Цель работы. Проанализировать антикоммунистическую деятельность молодых либералов для определения последствий в отношении левых сил, власти, общества, а также для самих либералов.

Степень разработанности темы. Тема, касающаяся молодёжных движений в России в постсоветский период, имеет весьма высокую степень заинтересованности со стороны исследователей различных областей науки. Много исследований проведено в социологии, политологии, психологии, педагогике. Что касается исторических работ, то они также представлены, но те аспекты, которые подняты в настоящей статье в указанных хронологических рамках, в исторических исследованиях практически не затронуты. Поэтому, в проведении исследования, мы опирались на письменные первоисточники, такие как уставные и программные документы, планы работы организаций, протоколы. Важное место в разработке темы заняли периодические издания (статьи журналистов, политологов, обозревателей в печатных и электронных информационных изданиях). Кроме этого в работе были использованы материалы из официальных сайтов организаций и их электронных архивов.

Основная часть. Совершив кардинальный поворот в 1991 г. Россия, как и ряд других постсоветских государств, вступила в новую систему общественно-политических отношений. 90-е годы стали для России периодом перехода от социализма к капитализму, что на деле привело к глубочайшим экономическим проблемам. За почти десятилетнее правление Б.Н. Ельцина Россия испытала все возможные потрясения, затронувшие все сферы жизни общества и государства. Данные процессы привели к тому, что во второй половине 90-х г. коммунистические силы берут реванш. Левые силы заручаются поддержкой населения, не желающего ещё большего ухудшения своей жизни. Считая, что коммунисты вернут былую силу государству и будут думать в первую очередь о рабочем и среднем классе, население отдаёт свой голос коммунистам. На выборах в парламент в 1995 г. КПРФ (ведущая коммунистическая партия России) одержала убедительную победу. На выборах в 1999 г. также заняла первое место. Кроме того ряд губернаторов в регионах России были членами КПРФ. Всё это говорит о том, что большая часть общества желала, если не возродить СССР, то вернуться к тем стандартам жизни, которые были при коммунистической власти. Благодаря такому положению дел, коммунисты оказываются в высших эшелонах власти. Но привести своего человека на пост Президента, ни в 1996 г., ни в 2000 году коммунистам не удалось.

В 2000 г. Россия избирает президентом В.В. Путина. С приходом Путина, Россия не развернулась на сто семьдесят градусов, но при этом существенные изменения в жизни общества и государства произошли. Первые годы правления В.В. Путина, его позиции ещё не были настолько прочны, как в последующем. При этом существовала довольно сильная оппозиция, разделившаяся на левых и либералов. Ни левые, ни либералы, не одобряли политику Президента и Правительства, постоянно осуждая их решения, но объединять свои усилия оппозиционеры не стали. В российской политике произошло формирование 3-х сил: первая — власть; вторая — оппозиция либерального спектра; третья — оппозиция левого толка. При таком раскладе сил все противостояли всем.

Либералы взяли курс на критику власти, а также дискредитацию коммунистов, дабы ослабить их, и тем самым стать главной оппозиционной силой в России. Это должно было быть промежуточным этапом для прихода их к власти. Либералы дискредитировали коммунистов, освещая просчёты и откровенные преступления большевиков и советской власти в прошлом. Через примеры прошлого, либералы акцентировали внимание на том, что современные коммунисты так же, как и их предшественники приведут Россию к тоталитаризму, диктатуре, репрессиям и упадку.

В частности, 7 ноября 2000 г. в день празднования коммунистами дня «Октябрьской революции», а также нового государственного праздника «Дня примирения», активисты «Молодёжного Яблока» провели в Росто-

ве-на-Дону театрализованную акцию против «Советского» режима. Выйдя на центральную площадь, молодые либералы пронесли брёвна с надписями «шовинизм», «тоталитаризм» и «террор», выкинув их в урну для мусора. При этом урна символизировала «Советское» прошлое. Данными действиями молодые «яблочники» выступили против насилия над личностью, во всех его проявлениях, и подчеркнули, что подобное, Россия переживала совсем недавно, поэтому следует оставить данные явления в прошлом [9].

В 2001 г. 29 и 30 октября в знак протеста против коммунистической идеологии, «Молодёжный СПС» совместно с «Московским Молодёжным Яблоком» провели антикоммунистический митинг в Москве. На митинге звучали слова осуждения коммунистического прошлого России, осуждался комсомол как молодёжная структура тоталитарной системы СССР [5].

Продолжая антикоммунистический курс, 7 ноября в день Октябрьской революции, «Молодёжный СПС», провёл митинг на Лубянской площади Москвы, где со стороны либералов очередной раз был подвержен критике коммунизм и высказан протест современным коммунистическим силам в их попытках получить реванш, и тем самым вернуться к власти [2].

В 2002 г. «Молодёжный СПС» выступил категорически против празднования 23 февраля, «Дня защитника отечества», считая его одним из трагических дней в истории России. МСПС осуждал коммунистический режим за преступления перед человечеством, а также отметил, что именно 23 февраля 1944 г. со своей территории проживания были депортированы чеченский и ингушский народы, что являлось преступлением советской власти в отношении целых народов [7].

Новые вызовы российскому обществу заботили молодых либералов и заставляли их принимать меры. Фашизм, нацизм и коммунизм ставили в один ряд, категорически отторгая любое их проявление. В связи с этим, в августе 2002 г. организация выступила с рядом мероприятий, направленных против коммунизма и советского прошлого. 22 августа МСПС принял участие в шествии в память о погибших в день путча 1991 г. в Москве. И. Антонов заявил, что молодые люди, которые по причине возраста не могли в 1991 г. внести свой вклад в установление демократии в стране, в эти дни наряду с защитниками Белого дома приносят благодарность всем тем, кто тогда рисковал своей жизнью. Из данного заявления следует, что для либералов из СПС дата развала СССР являлась трагической, но не по причине исчезновения Союза, а по причине использования силовых попыток удержать развал и возникших в результате этого жертв [6].

22 апреля 2003 г. в день рождения В. Ульянова-Ленина молодёжные демократические и правозащитные организации, в том числе «Молодёжный СПС» и «Молодёжное Яблоко», провели на Пушкинской площади театрализованный митинг-акцию «Похороним тело и дело Ленина!» На митинге собралось около сотни молодых людей, ко-

торые выступили за захоронение тела Ульянова-Ленина и за законодательный запрет деятельности коммунистической партии. Лидер МСПС И. Антонов отметил, что необходимо избавляться от символов прошлого, таких как кладбище коммунистических вождей на Красной площади и советского гимна в качестве государственного [8].

Как видно из предоставленных фактов, первые годы правления В.В. Путина, молодые либералы позиционировали себя яростными борцами с советским прошлым и коммунистической идеологией. Но после поражения либералов на парламентских выборах 2003 г., в работе молодых либералов и их партийных покровителей наблюдаются изменения. Не способность партии «Яблоко» и партии СПС объединить свои усилия, привело к тому, что «Яблоко» начало постепенное сближение с левыми силами. 2 июня 2004 г. активисты СКМ РФ и «Молодёжного Яблока» провели акцию против принятия нового закона о референдуме. В августе 2004 г. «Молодёжное Яблоко» поддержало волну протеста против монетизации льгот, которую активно осуждали на своих митингах левые силы в лице СКМ РФ, КПРФ, «Трудовой России», АКМ и других. «Молодёжный СПС» всё больше направлял усилия на борьбу с властью, нежели с коммунистами [1, с. 146–147].

К концу 2004 г. либералов всё меньше заботили коммунисты. С приходом Путина, левые силы утратили электорат, а, следовательно, и позиции во власти. Поэтому бороться, пусть и с принципиальным, но уже ничего не решавшим противником, у либералов необходимости не было. Либералов заботило больше укрепление позиций Президента Путина и его политических соратников.

Подводя итог пятилетней борьбы либеральных молодёжных движений с коммунизмом, следует отметить следующее:

1. К концу первых пяти лет двадцать первого века в российской политике наблюдается ослабление позиций левых сил, в частности партии КПРФ. Данная политическая сила теряет лидерство в парламенте, а её представитель проигрывает президентские выборы в 2004 г. Всё меньше людей поддерживает коммунистов. Именно этого своей деятельностью добивались либералы, но утверждать, что это всецело их заслуга, не представляется возможным, потому как позиции либералов ослабли ещё больше. Ведущие либеральные партии России — «Яблоко» и СПС вовсе не прошли в 2003 г. в парламент, а численность их приверженцев явно уменьшалась.

2. Борьба внутри оппозиционного лагеря, не давала возможности сплотиться против власти. Отчасти поэтому в противостоянии либералов и коммунистов победу одержала власть.

3. Общество реагировало на антикоммунистические действия не однозначно, следовательно, и влияние было разным. Поскольку рассматриваемые организации являются молодёжными, то их деятельность в первую очередь направлена на молодёжь. В этой среде либералам было проще проводить пропагандистскую работу, тем самым

влиять на сознание молодёжи, создавая из коммунистов и советского прошлого России образ абсолютного зла.

Что касается более зрелой части общества, той, которая жила в СССР в сознательном возрасте, для них антикоммунистические настроения были далеко не всегда приемлемы. Для них осуждение коммунистического прошлого, очень часто рассматривалось, не как осуждение авторитаризма и насилия над личностью, а как попытка разрушить стержень государства, которое они честно

и преданно строили, как попытка разрушить их мир, как измена своему прошлому и своим корням. У многих борьба с коммунистическим прошлым и настоящим ассоциировалась с предательством своего Отечества. Поэтому антикоммунистическая деятельность либералов в начале XXI ст., скорее отталкивала общественность, нежели привлекала. Что также стало одним из факторов, приведших к утрате политического веса либералов в российской политике в начале века.

Литература:

1. Лоскутова, Е. Юная политика. История молодёжных политических организаций современной России / Лоскутова Е. — М.: Панорама, 2008. — 424 с.
2. Молодёжь против повторения кровавых экспериментов коммунизма / Официальный сайт СПС / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sps.ru/?id=38971>
3. Политическая Программа ОПОО СПС — «Россия перед вызовами XXI века: либеральный ответ» 14 декабря 2001 г. / Официальный сайт СПС / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sps.ru/?id=214522>
4. Программа Российской демократической партии «Яблоко» / Под. ред. Г. А. Явлинского — М.: 2001 г. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/vved.html>
5. Сегодня комсомол — завтра политзаключенные / Официальный сайт СПС / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sps.ru/?id=38967>
6. Советский гимн — неуважение и кощунство / Официальный сайт СПС / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sps.ru/?id=39017>
7. 23 февраля — праздник не для всех / Официальный сайт СПС / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sps.ru/?id=38985>
8. Официальный Сайт партии СПС [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sps.ru/?id=82943>
9. Официальный Сайт партии «Яблоко» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Union/MMYA/2000.html>

Вопрос инородцев в системе школьного образования (1903–1917 гг.)

Предигер Берта Иосифовна, историк, исследователь (г. Москва)

В данном исследовании рассматривается вопрос учащихся инородцев в школьном образовании и их положение в системе гимназического образования. Произведен ретроспективный анализ развития образовательных систем инородцев, сформулированы характерные особенности, отобразившиеся на реформировании начального, развитии общеобразовательного и гимназического образования. Обращалось внимание на состав учащихся гимназий по вероисповеданию, их статус, успеваемость, повышение образования. Обоснован вывод о неоспоримой роли инородцев в развитии светского образования и вклад в гимназический курс обучения выпуском в числе гимназистов, окончании педагогического класса, получением золотых и серебряных медалей.

Ключевые слова: религиозное начальное образование, национальное образование, общеобразовательная школа, инородцы и гимназия, ограничения в образовании.

Целью исследования является определение места и роли инородцев в системе начального, общего и их влияние на развитие гимназического образования. Реализация цели производилась на фактическом архивном материале мужских и женских гимназий попечителя КУО с привлечением исторических и литературных материалов, нормативно-законодательной базы, обеспе-

чивающих объективное и всестороннее изучение вопроса.

Корпус документов по учебно-образовательной деятельности гимназий располагает данными о количестве инородцев в составе учащихся, движении в учебных заведениях по выпуску и получению удостоверений по окончании полного курса и дополнительного 8 педагогического

класса, ограничений на право обучения. Во внимание берутся основные группы учащихся инородцев в средних общеобразовательных учебных заведениях, отобразившиеся в учебной документации на фоне православных — немцы, татары-магометане и евреи. При использовании принципа объективности в упоре на архивный материал учебного округа по деятельности гимназий в их подлинном содержании был произведен всесторонний анализ развития образования инородцев в его многогранности и противоречивости. Принципы историзма позволяют проследить развитие национального и светского образования с позиции изменения в социально-экономических и общественно-политических условиях. Актуальность заключается в сложности обеспечения безопасности межконфессиональных отношений в образовательной среде и острой потребности в доминирующей роли государства в политике в сфере образования.

Обусловливается утраченным вниманием государства к инородцам в образовании с учетом их культурных и религиозных особенностей. Положительный и отрицательный исторический опыт показал особое отношение государства к национальному содержанию в образовании в лице учащихся инородцев их прав и свобод.

При организации школьной сети местными органами управления образованием учитывалось вероисповедание инородцев и этнокультурные особенности. Для успешного обучения для них организовывались дополнительные классы с целью подготовки по русскому языку при поступлении в русские гимназии, городские и центральные училища [1, л. 3]. Для преподавания Закона Божия в учебные заведения приглашались священнослужители разных конфессий с учетом состава учеников. В современном школьном образовании учащиеся разных национальностей и вероисповеданий потеряны в общей массе учащихся. В учебно-воспитательную программу прочно внедряется курс православного вероучения, осуществляется укрепление православных традиций устройством модельной комнаты в общеобразовательных учреждениях, добровольно-принудительное участие инородцев в православных школьных праздниках. Ученик с иной религиозно-языковой ориентацией остается один на один с проблемой адаптации и невозможностью соблюдать основу традиций — кошер и халяль в школьных столовых.

Учебно-воспитательный курс не предусматривают изучение культуры народов нашей страны на уровне исторического признания и уважения как нормы межлических отношений к тому или иному этносу, что могло бы укрепить и сохранить демографическую целостность России. Узкое и одностороннее учебно-воспитательное направление в современной школе вызывает отчуждение от учащихся других вероисповеданий, обостряя межнациональные отношения, что неизменно приводит к росту национализма. По этому вопросу целесообразно привести высказывание из полного собрания речей в Государственной думе (1906—1911), которое остается актуальным и в наше время: «Права и преимущества пра-

вославной церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений. Нам нужна великая Россия» [2, с. 251].

В изучении историко-педагогической базы в интересах исследования были выделены документы по учебному делу. Они включают распоряжения попечителя, циркуляры МНП и работу педагогических советов. Наиболее информативными являются документы по работе педагогических советов мужских и женских правительственных и частных гимназий КУО: прием и набор учащихся, проведение испытаний, перевод в следующий класс, оставление на осень, увольнение, выдача аттестатов и свидетельств, награждение медалями, ограничение учеников евреев, допуск экстернов и посторонних лиц к испытаниям на получение аттестата и свидетельства за 7 и 8 класс, отчеты классных наставников. Содержание этих документов позволяет раскрыть заданную цель. В образовательной деятельности гимназий учащиеся всех исповеданий подчинялись общим правилам приема (кроме евреев), программам и учебникам, выработанным и дозволенным МНП, уставам учебных заведений, распоряжениям попечителя и решениям педагогического совета [3, с.9—11]. К учащимся применялись единые учебно-педагогические и нормативно-методические требования. При устройстве образовательных учреждений вниманию местных органов управления образованием подвергались учащиеся татары-магометане и евреи. Евреи были подчинены особому государственному контролю (процентной норме, запрещению на передвижение, право на жительство во время прохождения обучения), мотивированного установлением нормального соотношения евреев к числу учащихся христианских исповеданий [4, с.53].

Второй группой, подвергнутой ограничениям являлись татары-магометане, их положение в русских учебных заведениях обусловлено недопустимостью изучения христианского вероисповедания. Так, на совещании деятелей по народному образованию директор народных училищ П.В. Никольский «призвал обсудить проблему татарской организационной школы, т.к. ввиду их религиозной разницы с христианами, их дети не могут ходить в русскую школу» [5, с.101]. Немецкие учащиеся не имели ни религиозных, ни правовых ограничений в образовании, кроме запрещения употребления немецкого языка в общественных учреждениях, городских и сельских школах в период Первой мировой войны (1915) [6, с.33]. Для учащихся лютеран и католиков в составе русских начальных, общеобразовательных и средних разного типа учебных заведений назначались пасторы и священники для преподавания Закона Божия [7, л. 82, 85; с.97,98,103,197,198]. Немецкие учащиеся и дети иностранцев представлялись большинством среди инородцев в гимназиях и реальных училищах Аткарска, Камышина и Саратова, в отдельных учебных заведениях в качестве гимназистов и экстернов соперничали с числом еврейских учеников. Так как, в до-революционный период народы разделялись по вероисповеданию, к немецким учащимся целесообразно от-

нести детей иностранцев, исповадовавших протестантство и католичество, изначально находившихся в составе колонистов и иностранных подданных — это австрийцы, англичане, литовцы, поляки, французы и швейцарцы. Основой системы начального национального немецкого образования являлись церковно-приходские школы с преподаванием на общеупотребительном немецком языке, изучением литературного немецкого языка, набором конфессиональных предметов и национального состава учеников и учителей. Со второй половины XIX — начала XX вв. церковно-приходская школа постепенно утратила конфессиональный и национальный характер. Было введено преподавание на русском языке с частичным национальным компонентом, который по объему и количеству часов не мог претендовать на определение школы как национальной. В этот период система немецкого образования наполнялась гуманитарными и естественными науками, иностранными языками, прикладными предметами, преобразовавшись в общеобразовательную утилитарную школу по подготовке молодого поколения к жизни.

С появлением материальных средств обучения: учебников, учебных пособий, учебно-методической литературы и программ, новых методов обучения и воспитания, определилась совершенно новая учебно-педагогическая ситуация. Оформление ученической среды отличалось появлением школьной мебели, классов-мастерских для уроков труда, разделение классов по возрасту, смешанное обучение. В образовательный процесс внедрялась классно-урочная система: часовая нагрузка учителей, классные журналы, расписание занятий, репетиции по проверке знаний, допуск к экзаменам и сроки экзаменов, отчетность. Содержание образования приобретало необратимый светский характер. Преподавание на русском языке привлекало русских учеников, немецкие школы при церкви и частные заполнялись русскими детьми, а русские учебные заведения наполнялись немецкими ввиду переполненности своих школ [8, л. 82, 85; с. 97–99, 103, 104, 197, 198; с. 91, 92, 95–98, 147]. В отчете директора народных училищ от 7 июня 1908 г. за № 2491 к попечителю указывается, что в двухклассном училище при евангелическо-лютеранской церкви в Саратове обучается 50% русских детей [9, л. 11 об., 12]. В докладе отдела народного образования Саратовской губернской земской управы (1916) сообщалось, что «русские школы, в которые немцы охотно отдают детей, переполнены немецкими детьми» [10, с. 143]. По переписи населения Саратовским губернским статистическим комитетом в вопросе грамотности констатируется, что «в православных церковных школах в 1907 г. состояло 902 немецких ученика» [11, с. 39].

В результате модернизации немецкого образования культурно-этническая основа школ стала развиваться в светском направлении. Утратился базовый язык преподавания, духовная общность, изменился конфессиональный состав учителей и учащихся вхождением русских учителей и учеников в немецкие школы и уход

немецких детей в русские, пошатнулся национальный менталитет школьников, происходила переоценка духовных и семейных ценностей, идеалов, коммуникативная школьная среда стала полем интеграции культур. Религиозное национальное образование потеряло свое универсальное значение. Система гимназического образования у немцев складывалась как форма частных учебных заведений с правами гимназий и реальных училищ, в их число входила Саратовская частная женская гимназия С. Н. Штокфиш [12, л. 18], Саратовская частная мужская гимназия Д. Ф. Гесс и др. [13, с. 94]. Минимальное количество частных учебных заведений было обусловлено доступом в правительственные и другие гимназии, в которые принимались дети независимо от вероисповедания и национальности. Например, в Самарской третьей женской гимназии, учрежденной княгиней А. С. Хованской в 1913 г. были выданы аттестаты за 7 класс из 9 учениц 8 немецким девочкам [14, с. 1, 5]. Можно предположить, что возможность поступления в средние учебные заведения МНП сдерживала развитие немецкого национального гимназического образования. Другая причина заключалась в упоре немцев на исторически сложившуюся норму в образовании — это начальная и общеобразовательная школа, в среднем выход из 6 основного класса реального училища и после окончания полного курса гимназии — 7 классов.

Председатель Камышинской управы П. Зиньковский в обращении к Саратовскому губернатору об открытии новых и преобразовании существующих учебных заведений высказал и другую причину: «Лишь дороговизна содержания детей в городе и недостаток средств препятствует сельскому населению учить своих детей в средних учебных заведениях города» [15, л. 67]. Окончание начальной школы было достаточным для поступления в ремесленные отделения и ремесленные школы, занятие земледелием, ремеслом, вступлением в общественно-трудовую жизнь. Гимназическое обеспечивало возможность поступить на государственную службу, дополнительный педагогический 8 класс — получить звание домашнего наставника (цы) и домашнего учителя (цы), числиться в качестве слушательниц на педагогических курсах и в высших женских курсах, поступление в институты. Примером получения звания домашней наставницы и домашней учительницы может служить Казанская Ксенинская женская гимназия, в которой в 1903 г. было вручено свидетельство домашней наставницы — Штер Анне, учительницы — Шведенберг Ольге. В 1905 г. на звание наставницы получила свидетельство — Келлер Ванда, учительницы — Кюнстлер Мария, в 1909 г. — Штибен Анна, в 1915 г. — Грубер Елена, наставницы — Мейер Анна, Тидеман Джесси, учительницы — Верт София и Семон Генриэтта, в 1917 г. — Вейнбенцер Амалия [16, 16 л.]. Всего из 19 выверенных гимназий периода 1903–1917 гг. получивших звание домашней наставницы и домашней учительницы составило — 18, сдавших дополнительные экзамены по гуманитарным и естественным наукам и ла-

тинскому языку за курс 8 класса — 24, выпускников в качестве гимназистов по окончании 7 класса — 164, окончивших 8 класс — 144 [17]. За эти годы были вручены аттестаты, свидетельства и удостоверения из общего числа учеников — 6.076, немцам и детям иностранцев в количестве — 308 [18]. По имеющимся у нас документам в Самарской первой женской гимназии по окончании курса за 7 класс в 1903 г. из 11 золотых и 3 серебряных была награждена золотой медалью — Зенгтеллер Теодозия, серебряной — Бруммер Зинаида [19. Л. 15, 15об., 31]. В Саратовской частной женской гимназии М. И. Островской — Горенбург за курс 7 класса серебряная медаль была вручена — Иде Гейнриховне Шмидт [20, л. 3]. Эти показатели претендуют на вклад немцев в гимназическое образование. Есть основания заключить, что система немецкого образования развивалась в трех направлениях: религиозное национальное начальное, начальное повышенное, общее и среднее на примере частных учебных заведений с правами правительственных. Дети татар — магометан не составляли конкуренцию инородцам в силу их минимального количества в общей русской школе и правительственных гимназиях. По этому поводу мулла из Кузнецкого уезда Саратовской губернии сообщил, что они не желают изменять русско-татарские школы, установленные законом 1907 г., в которых преподаются наряду с вероучением русский язык, арифметика и другие жизненно важные предметы: «Не уничтожайте наши мектебе, а делайте из них организационные общеобразовательные школы. ... Необходима одна школа, чтобы она удовлетворяла потребность и в вероучении и готовила к современной жизни» [21, с. 103].

Основой конфессионального национального начального татарского образования являлись: мектебе, медресе и татарские национальные школы [22, с. 43]. На начало XX в. ново-методные начальные и средние школы мектебе и медресе преобразовывались в реформированные общеобразовательные мусульманские учебные заведения, сохранившие национальный характер (23, с. 35, 48, 50). В отличие от немецких в национальных школах системы образования татар-магометан большое внимание уделялось татарскому языку и религиозным предметам, которые по объему и количеству учебных часов превосходили общеобразовательные. Эти элементы содержания образования включали сохранение этнического состава шакирдов и их духовное единение с преподавателями.

Русский и иностранные языки преподавались в качестве учебного предмета. Убедительным примером в вопросе развития национального образования татар-магометан являются крупные медресе, пользовавшиеся популярностью — «Буби», «Мухаммадия», «Хусаиния», «Галия» и другие [24, с. 36, 37, 39]. Хорошим показателем является рост национальных учебных заведений. Так, в Казанской губернии на 1907 г. их число составило — 877 и обучающихся в них — 66.787 [25, с. 41]. В сравнение Саратовская и Самарская губернии, отличавшиеся

большим количеством немецких школ взятые вместе с еврейскими всех губерний КУО не могли соперничать с числом национальных школ татар-магометан одной губернии [26, с. 118, 120; с. 5–7; 1об.; с. 242; с. 145]. В противодействие ограничениям система среднего образования предоставляла альтернативу, давая право ученикам сдать экзамен на получение аттестата и свидетельства на базе мужских и женских гимназий в качестве экстернов и посторонних лиц. Примером получения удостоверений среди учащихся татар-магометан может служить Астраханская и Казанская гимназии. В 1917 г. свидетельство о выдержании дополнительных испытаний за курс Астраханской мужской гимназии по латинскому языку в качестве экстерна получил — Усейнов Мамед — Асан, в Казанской третьей мужской гимназии в 1910–1912 и 1914 учебные годы были вручены свидетельства за дополнительный экзамен по латинскому языку за курс 8 класса — Губайдулину Абдул-Газису, Казем — Бек Владимиру, Казем-Бек Сергею, Казем — Бек Елене, Ахмерову Дауду.

В Казанской четвертой женской гимназии в качестве выпускниц гимназисток 7 класса в 1911–1913 учебные годы получили аттестаты — Вагапова Фатима, Давлеткильдеева Фатима, Мухамедова Зулайха. В Самарской первой женской гимназии Юсупалиеву Батыргали был вручен аттестат за 7 класс, сдавшего в 1911 г. экзамен в качестве постороннего лица [27, 2л.; л. 7; л. 7; л. 9об.]. Всего в выверенных гимназиях рассматриваемого периода в общем списке учащихся были обнаружены — 13 татар-магометан. Их минимальное число в русских гимназиях подчеркивает особенность системы образования в сохранении и развитии национальной татарской школы по программе гимназий, которая открывала путь к получению профессии и высшего образования. Начальное религиозное в традиционной еврейской ашкеназской системе образования формировалось как частное для мальчиков и девочек (хедер, Талмуд-Тора), учреждаемые по инициативе общества и группы родителей. Талмуд — Торы готовили детей бедных родителей к трудовой деятельности и социализации в общественную жизнь.

Учебные предметы и русский язык были ориентированы на практическое применение, так возникла начальная еврейская школа повышенного типа (общеобразовательная). К этому типу учебных заведений относились казенные еврейские училища 1 и 2 разряда, в которых обучение производилось по специальной программе и раввинские для подготовки учителей и раввинов, по курсу они соответствовали гимназиям.

Некоторые частные средние школы для девушек с курсами гимназий имели права правительственных с выдачей аттестатов, дающие право поступления в вузы [28 с. 55]. 4-х летний курс обучения в раввинских училищах позволял ученикам переходить в русские гимназии и по окончании курса поступить в университет. [29, с. 35, 49]. Таким образом, на практике учебно-педагогическая база всех типов еврейских школ обеспечивала непрерывность в школьном образовании. Можно сделать вывод, что ев-

рейское образование имело три ступени развития: религиозное начальное, повышенное начальное, общее и среднее с программой гимназий. Еврейское образование как национальное не получило развития, т.к. преподавание еврейских предметов производилось на немецком языке и немецком жаргоне с переходом на русский язык, идиш и иврит являлись предметными, гуманитарные и естественные дисциплины во многих школах потеснили религиозные.

Разрешение преподавания в частных начальных школах на языке меньшинств (1914), не определяло статус еврейских школ как национальных, т.к. создаваемые школы на идиш, не смотря на национальный состав учеников, духовно-нравственную целостность школьной среды, по курсу обучения являлись светскими [30, с.16]. В связи с ограничениями в образовании количество евреев в системе гимназического образования из числа выверенных гимназий в рассматриваемый период на фоне православных составило — 538, из них получившие свидетельство об окончании 8 класса — 125, сдавшие дополнительные экзамены по естественным и гуманитарным дисциплинам и латинскому языку — 45, звания домашней наставницы были удостоены — 12, домашней учительницы — 3 [31], награжденных медалями — 5, что является показателем вклада в гимназический курс обучения. Согласно списка награжденных в Самарской первой женской гимназии за курс 7 класса в 1903 г. была вручена серебряная медаль — Гальперн Софии, в 1909 г. золотая — Лейтман Софии, в 1910 г. — Блюмберг Малке, в 1912 г. — Уманской Мариам, в 1914 г. серебряная — Аксельрод Доре [32, л. 1–40]. Статистика инородцев в гимназическом образовании и награждения были выверены из отчетов председателей педагогических советов гимназий КУО в Московские высшие женские курсы, которые не могут претендовать на полноту сведений. В отдельных случаях к общему списку прилагались дополнительные сведения о награждениях [33, с.18] или данная графа не заполнялась, т.к. отчетность предусматривала, прежде всего, количество выданных удостоверений на основании предложения попечителя КУО [34, л. 1]. С другой стороны в изученные дела вложены многочисленные случайные листки со списками учеников разных лет, с недостающими сведения (год выдачи и какой документ был выдан, отсутствие отчества ученика, заверение директора учебного заведения или председателя педагогического совета). При изучении статистических данных учащихся обнаружилась важная деталь.

Если учесть, что фамилии ашкенази имели немецкие корни, то статистика немецких учащихся пополнялась евреями, пользовавшиеся немецкими фамилиями с употреблением немецкого языка и принявших лютеранство, выявленных по традиционным еврейским именам и прежнему вероисповеданию. В других случаях немцы и евреи православного вероисповедания пополняли статистику русских учащихся. Одним из многочисленных

примеров являются немецкие и еврейские ученицы в составе Камышинской Алексеевской женской гимназии в 1911–1912 учебном году, их православное исповедание указано классном журнале [35, л. 51,75,216]. В итоге в силу религиозных и общественно-политических причин часть немцев и евреев расплылась среди православных в ущерб личного вклада в гимназическое образование, повышения качества обучения, увеличивая заслугу перед образованием православных учащихся. Результат исследования показывает, что характерной особенностью развития системы образования инородцев является переход от религиозного курса к светскому. На государственном уровне происходил закономерный процесс организации новых форм народного образования, который теоретически предусматривал подчинение всех национальных в общую образовательную структуру. Обязательный религиозный курс во всех учебных заведениях требовал поиска компромиссных решений в составлении объема учебных предметов, определяющих статус заведения и его предназначение: подготовка гражданских лиц к трудовой деятельности и службе, членов духовенства или продолжение образования. С конца XIX-начала XXвв. рассматриваемые образовательные системы кардинально изменили традиционную, приспособив ее к условиям современной жизни. База начального религиозного образования обеспечила учащихся первоначальной учебной подготовкой, послужившей основой в развитии общего и гимназического образования и его непрерывности. Положение инородцев в системе гимназического образования обусловлено доступностью к обучению, для отдельной категории учащихся религиозными и правовыми ограничениями. Инородцы в гимназическом образовании положительно повлияли на статистику, комплектование классов и педагогического состава, качество обучения, повышение образования, что обеспечивало конкурентоспособность учебного заведения. Отрицательный момент объясняется политикой правительства в сфере образования, вынуждающей учащихся к принятию иного вероучения для продолжения образования. Роль и место инородцев в развитии светского и гимназического образования рассматриваемого периода обоснованы результатами исследования. Представленный материал имеет теоретическую и практическую значимость, в пересмотре подходов администрации школ к национальному составу учеников при составлении планов по учебно-образовательной, общешкольной и внеклассной воспитательной работе. Необходимость проявления интереса к конфессиональному составу учеников в организации культурных мероприятий, соблюдая равенство в проведении народных и календарных праздников. В содержании образования целесообразно учитывать интеллектуальный потенциал нерусских учащихся, обеспечение взаимопонимания и сотрудничества между учениками и учителями независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности [36].

Литература:

1. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан, далее НА РТ). Ф.92.Оп.2. Д.6302. 1907–1908. Л. 3
2. Шелохаев, В. В. Столыпинский тип модернизации России // Российская история. № 12. — М. — 2012. — с. 251
3. Известия по народному образованию. № 11. — 1915. — СПб. — с. 9–11
4. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуры в прошлом и настоящем. Т. 13. М.: «ТЕРРА». — 1991. — С.53
5. Труды второго совещания деятелей по начальному народному образованию, состоявшиеся при Саратовской губернской земской управе 14–16 июня 1916 г. Журналы постановлений и докладов. Иностранческое начальное образование. — Саратов. — С.101, 103
6. Томан, И. Б. История культуры российских немцев (XVIII-начала XX века.). Ав. в виде научного доклада к.и.н. — М. — 1997. — С.33
7. НА РТ. Ф.92.Оп.2. Д.8536. 1907–1908. Л. 82, 85; Памятная книжка Саратовской губернии — Саратов. — 1910. — С.97,98, 103, 197,198
8. НА РТ. Ф.92.Оп.2. Д. 8536. 1907–1908. Л. 82, 85; Памятная книжка Саратовской губернии — Саратов. — 1910. — С.97–99, 103, 104, 197, 198; 1907 г. С.91, 92, 95–98, 147
9. НА РТ. Ф.92.Оп.2. Д. 8760. 1908. Л. 11об., 12
10. Труды второго совещания деятелей по начальному народному образованию, состоявшиеся при Саратовской губернской земской управе 14–16 июня 1916 г. Журналы постановлений и докладов. Иностранческое начальное образование. — Саратов. — с. 143
11. Луппов, П. Н. Немецкая начальная школа в России. К вопросу о немецких колониях на русской земле. — Пг., — 1916. — С.39
12. ОГУ «ГАСО» (Областное государственное учреждение «Государственный архив Саратовской области», далее ОГУ «ГАСО»). Ф.13. Оп.1. Д.3080. 1908. Л. 18
13. Памятная книжка Саратовской губернии. Изд. Саратовская губернская статистическая комиссия. — Саратов. — 1907. — С.94
14. ЦХД до 1917 г. Ф.363.Оп.3. Д. 665. 1913. Л. 1, 5
15. НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.8754. 1908. Л. 67
16. ЦХД до 1917 г. Ф.363. Оп.3. Д. 291. МНП. КУО. Казанская женская гимназия имени Ея Императорского Величества Великой княгини Ксении Александровны. 1903–1915 и 1917 учебные годы. 16л.
17. ЦХД до 1917 г. Ф.363.Оп.3. Д.663. МНП. КУО. Самарская первая женская гимназия. Список учениц, окончивших курс 7 и 8 классов в 1903–1908. Л. 9об., 12, 12об., 14, 22об.; Д. 81. МНП. КУО. Астраханская вторая мужская гимназия. 1917 г., Л. 2; Д.83. Астраханская мужская гимназия. 1903–1909. Л. 3,4
18. Там же
19. Там же, 1907–1916. Л. 15, 15об., 31
20. ОГУ «ГАСО». Ф.244. Оп.1. Д. 12. 1910. Л. 3
21. Труды второго совещания деятелей по начальному народному образованию, состоявшиеся при Саратовской губернской земской управе 14–16 июня 1916 г. Журналы постановлений и докладов. Иностранческое начальное образование. — Саратов. — с. 103
22. Амиханов, Р. У. Некоторые особенности развития народного образования у татар дооктябрьского периода // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. — Казань. — 1992. — С.43
23. Ялалов, Ф. Г. Национальные гимназии России. Монография. — Казань: ЗАО «Новое знание». — 2001. — С.35. 48, 50
24. Амиханов, Р. У. Некоторые особенности развития народного образования у татар дооктябрьского периода // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. — Казань. — 1992. — С.36, 37, 39
25. Там же, 1907. С.41
26. Егоров, А. Картограммы распределения еврейских школ по губерниям и областям России //Корни. № 19. — Саратов. — 2003. — с. 118, 120; Луппов П. Н. Немецкая начальная школа в России. К вопросу о немецких колониях на русской земле. — Пг., — 1916. — С.5–7; НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.8806. 1908. Л. 1об.; Памятная книжка Саратовской губернии. Изд. Саратовского губернского статистического комитета. — Саратов. — 1907. — С.242; Труды второго совещания деятелей по начальному народному образованию, состоявшиеся при Саратовской губернской земской управе 14–16 июня 1916 г. Журналы постановлений и докладов. — Саратов. — 1916. — С.145
27. ЦХД до 1917 г. Ф.363. Оп.3. Д. 289. МНП. КУО. Казанская третья мужская гимназия. Директору Московских высших женских курсов. Список коим были выданы удостоверения в выдержании испытания за 8 класс по латинскому языку в 1910–1915. Л. 7; Д.290. Л. 7; Д.663.Л. 9об.; Д.81. 2л.

28. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуры в прошлом и настоящем. Т. 13. М.: «ТЕРРА». — 1991. — С.55
29. Биншток Лев. Вопрос об еврейских училищах. — М. — 1866. — С.35, 49
30. Краткая еврейская энциклопедия гл. ред. Ицхак Орен (Надель) д-р Нафтали. Т. 6. — Иерусалим. — 1992. — С.16
31. ЦХД до 1917 г. Ф.363. Оп.3. Д. 665. МНП. КУО. Список аттестатов, выданных ученицам с 1903 по 1909 г., окончившим курс 7 класса Самарской третьей женской гимназии, учрежденной княгиней А. С. Хованской, бывшей Межак. 1910. Л. 7; Д.664. Л. 13; Д.291. Л. 2,3,5; Д.663. Л. 4; Д. 81. Л. 2; Д.82. Л. 2,6; Д.191. 7л.; Д. 289. Л. 13; Д.290. 7л.; Д.369. Л. 4; Д.293. Л. 1—3, 8, 10; Д.83. Л. 2об., 3, 4, 4об., 5, 5об., 6; Д. 663. Л. 8, 10, 10об., 12, 12об., 14, 16, 17, 18, 20, 20об., 22, 23, 25, 29об., 38
32. ЦХД до 1917 г. Ф.363. Оп.3. Д.663. МНП. КУО. Самарская первая женская гимназия. Список учениц, окончивших курс 7 и 8 классов в 1903—1908 г. 40л.
33. ЦХД до 1917 г. Ф.363. Оп.3. Д.663. МНП. КУО. Самарская первая женская гимназия. 1907—1916. Л. 18
34. ЦХД до 1917 г. Ф.363. Оп.3. Д.81. МНП. КУО. Астраханская вторая мужская гимназия. 1917. Л. 1
35. ГКУВО «ГАВО» (Государственное казенное учреждение Волгоградской области «Государственный архив Волгоградской области», далее ГКУВО «ГАВО»). Ф.304. Оп.1. Д.14. Л. 51, 75, 216
36. Кодексы и законы РФ. Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации». № 273—ФЗ. Образовательные программы. Режим доступа: www.zakon.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/12/. 30.12.2014.

Выдающиеся священнослужители острова Сахалин: протоиерей Александр Унинский (... 1920 г.) — пастырь, педагог, исповедник

Пряшников Сергей Владимирович, аспирант
Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет (г. Москва)

В статье ставится задача показать на примере выдающегося священника острова Сахалин протоиерея Александра Унинского условия жизни островного духовенства. Он жил на рубеже XIX — XX веков, и был свидетелем происходящих процессов на далекой территории Российской Империи. В результате тщательного анализа имеющегося архивного материала автор показывает насколько разнообразно и многопланово было служение священнослужителей Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: остров Сахалин, протоиерей Александр Унинский, Русская Православная Церковь на Сахалине, новомученики и исповедники XX века, выдающиеся сахалинские священнослужители.

Середина XIX — начало XX столетия период активного освоения острова Сахалин. Следует отметить, что нагрузка у сахалинского православного духовенства в годы, когда это место являлось официальным местом отбывания наказания, была неимоверно велика. Во-первых, сама паства — достаточно сложный и пестрый мир каторжан, с их условными и фактическими семьями. Во-вторых, трудности связанные с неизбежными территориями, значительными расстояниями и климатом. Чтобы представить в каких условиях совершали своё служение представители Русской Православной Церкви необходимо свидетельство очевидцев тех непростых времен.

Представленная статья — это попытка рассказать о жизни удивительного человека, священнослужителя, педагога протоиерея Александра Унинского. Основной материал, который автор использует в данных исследованиях, взят из обширного архивного фонда № 1133 под названием «Канцелярия начальника острова Сахалин» (РГИА ДВ).

Жизненный путь священнослужителя протоиерея Александра Унинского неразрывно связан с Сахалином. Упоминание о нем как благочинного церковью Севера острова мы находим в Камчатских епархиальных ведомостях. В этом церковном издании имеется описание поездки Преосвященного Евсевия епископа Камчатского по своей епархии с 8 июня по 22 августа 1893 года. В статье говорится, что в Александровском порту на катерах его встречал благочинный Сахалинских церковью священник Александр Унинский [6, с. 32—39]. Отец Александр являлся одним из авторитетных и уважаемых священников, отдавший более 14 лет своей жизни служению островному населению.

Уникальным в своем роде является документ, заполненный отцом Александром Унинским — «Клировая ведомость тюремной Церкви Покрова Пресвятой Богородицы поста Александровского острова Сахалин Владивостокской епархии за 1899 год» [5, с. 38—42].

Священник Александр Петрович Унинский был сыном дьякона Вятской губернии, Глазовского уезда, села

Уной (Уни). Обучался в Вятской Духовной семинарии, по окончании которой в течение трех лет был учителем в земских народных школах инородческой Иольской и Унинской. В 1883 году вместе со своей семьей прибыл в Амурскую область. Занимался сельским хозяйством, в течение двух лет бесплатно вел обучение крестьянских детей грамоте в селении Семиозерском.

Указом Камчатской Духовной Консистории за № 4999 от 11 ноября 1887 года зачислен штатным псаломщиком к Градо-Благовещенскому Кафедральному Собору. Через два месяца, то есть 13 января 1888 года, Преосвященнейшим епископом Гурием был рукоположен в сан диакона. Свое диаконское служение отец Александр Унинский проходил в главном соборе города Благовещенска. В скором времени здесь же была совершена его священническая хиротония.

10 февраля 1888 года иерей Александр был определен священником — миссионером в село Янчих (*неразборчиво*) с назначением к временному несению церковно-приходских пастырских обязанностей в Павловском приходе по реке Тами. В конце февраля того же года он переведен священником к храму святых Филиппа и Иннокентия, что в селении Янчих Южно-Уссурийского края. Являясь настоятелем этого храма, иерей Александр Унинский указом Камчатской духовной консистории за № 1980 стал исполнять обязанности священника при Александровском и Николаевском единоверческих приходах.

По распоряжению епископа Гурия происходит его назначение к первой походной в Южно-Уссурийском крае церкви с устройством церковной жизни в селах Дубининское, Осиновское, Ивановское и Григорьевское. На основании указов Святейшего Синода и Камчатской Духовной консистории в 1889 году бывшую походную Церковь переименовывают в Михайловскую. Постоянное её место расположения определено в селе Дубининском. В октябре того же года стараниями отца Александра на средства церковного попечительства открывается начальное училище для обучения грамоте детей прихожан. В нем священник состоял законоучителем, вел преподавание совершенно бесплатно. Единоновременно ему было поручено исполнять пастырские обязанности в пятом Забайкальском Казачьем стане близ урочища Анучино.

За усердно-ревностное исполнение своих пастырских обязанностей и трудов по устройству приходских храмов в первой Михайловской походной церкви при «отлично хорошем поведении» Преосвященнейшим епископом Гурием 2 декабря 1889 года священник Александр Унинский был награжден набедренником.

Телеграммой Камчатской Духовной Консистории № 370, согласно предложению правящего епископа, отца Александра переводят в церковь Скорбящей иконы Божией Матери в село Каменьск-Рыболова, Ханкайского участка. Здесь священник Александр Унинский открыл в церковной сторожке школу для обучения грамоте детей жителей села, в которой выполняет обязанности законоучителя, не получая за свою педагогическую деятельность жалованья.

30 декабря 1889 года по распоряжению духовной консистории происходит его назначение благочинным церковью по Ханкайскому участку. За время работы в должности благочинного его стараниями, ходатайством и руководством были построены в новооткрытых приходах храмы на средства жителей сёл Жариковского, Вознесенского и Спасского. Церковные общины снабжались всем необходимым: святыми иконами, утварью и облачением, с «построением при церквях священнических домов» [5, с. 40]. Духовно окормлял отец Александр служащих в воинских частях Уссурийского Конного дивизиона и Первого Уссурийского регулярного казачьего стана в Атамановском урочище.

13 мая 1892 года указом № 1762 он переводится к Свято-Покровской церкви поста Александровского в должности благочинного над сахалинскими церквями. Здесь, как и в других местах своего священнического служения, протоиерей Александр Унинский занимается безвозмездным преподаванием Закона Божия в имеющихся школах. 23 июня 1893 года епископом Камчатским Макарием он был награжден фиолетовой скуфьей, а 9 апреля 1897 года по распоряжению Святейшего Синода (указ № 1231 от 9 мая 1897 г.) священник отмечен бархатной фиолетовой камилавкой. Следующим его шагом стало открытие в своей квартире 1 октября 1897 года подготовительного училища с 4-х классной программой [4, с. 80—83]. Впоследствии это островное учебное заведение получило собственное помещение, где обучалось более 40 детей. Основной предмет — Закон Божий преподавал отец Александр Унинский совершенно бесплатно.

Министерство Внутренних Дел пожаловало ему за труды по первой всеобщей переписи населения 1897 года темно-бронзовую медаль для ношения на груди с лентой государственных цветов. Эта награда еще раз подтверждает разностороннее служения островного духовенства.

Ранее, 11 мая 1896 года, священник Александр был награжден для ношения на груди серебряным наперсным коронационным крестом и серебряной медалью на Александровской ленте. Из инородческих языков в совершенстве знал Вятческий (*неразборчиво*). Постоянной спутницей его путешествий и трудов была жена Унинская Ксения Павловна, которая воспитывала 9 детей [5, с. 38—42].

С чем сталкивалось сахалинское духовенство? С одной стороны — это льготы, более благоприятное материальное положение, чем у остального дальневосточного духовенства, с другой — полная зависимость от тюремной администрации, отсутствие стабильных приходских общин и доходов от прихожан, специфический контингент населения, трудности с миссионерской деятельностью. Следует отметить, что Главное тюремное управление за выслугу лет на острове Сахалин устанавливала пенсии, которые составляли $\frac{1}{2}$ оклада жалования священнослужителя. При этом прослужить в непростых условиях надо было значительное время. Сумма прибавки равнялась 250 рублей в год и была весьма ощутимой [7, с. 16].

Касаясь содержания сахалинского духовенства в целом, стоит упомянуть переписку за 1894 год благочинного XII участка церквей Камчатской епархии. Священник Александр Унинский сообщает господину начальнику острова Сахалин генерал-майору В.Д. Мерказину о необходимости наладить выплату жалования островным священникам. В пример он приводит сложившуюся критическую ситуацию в Тымовском округе, где начальник умышленно удерживал жалование священнику, что поставило духовное лицо в зависимость от управления вышеозначенного округа [3, с. 1–3].

Благочинный сахалинских тюремных церквей протоиерей Александр Унинский в своем письме губернатору острова отмечал следующее: «Здесь, на острове, деятельность священников настолько разнообразна и обширна по исполнению всех пастырских обязанностей в частях: тюремной, военной и гражданской, более чем при 4000 составе прихожан, только православного исповедания, как приход Александровской тюремной церкви и с существующими несколькими училищами, в которых требуется обязательное преподавание Закона Божия, что одному священнику исполнить все возлагаемые на него пастырскую деятельность, хотя бы при двойном увеличении содержания немыслимо и невозможно. Это всегда будет являться значительным недочетом и его деятельности. А главное, в самой существенной по настоящему времени части — удивительной» [5, с. 32].

Какова же в действительности была пастырская деятельность на острове? Мы это может увидеть на примере должностных обязанностей священника тюремной [5, с. 34] Свято-Покровской церкви поста Александровского, в которые входило:

- Совершение богослужений в воскресные и праздничные дни, общей численностью (до 811 в год);

- Исполнение всех духовных экстренных треб, например, напутствие болящих и др. (до 120 в год);

- Исполнение требоисправлений намеченных в церкви: крещение (до 100 в год), браков (от 35 в год), погребений (до 150 в год);

- От 50 до 60 дней постоянных ежедневных богослужений с исповедью от 3000–4000 исповедников в Великий пост;

- Три обязательные обхождения в год со святым крестом по домам прихожан;

- Церковное письмоводство: ведение документальных церковных книг, авансовых отчетов, составление всех годовых отчетов по церкви и особо по требованию начальства. Кроме того ведение переписки до 300 номеров в год;

- Мелкие требоисполнения по приходу, принятие присяги в мировых судах, полковников, в воинской команде и разных ведомствах острова;

- Сороковые молитвы, молебны, панихиды и прочее (до 300 и более в год);

- Преподавание Закона Божия в школах, в подготовительном училище общим количеством 17 уроков в неделю;

- В военной учебной команде один недельный урок Закона Божия. К существующим требуется добавить еще один урок;

- Тюремная школа требует 12 недельных уроков, но она по недостатку времени, постоянно находилась вне поля деятельности священнослужителя;

- По обязанности благочинного священник должен вести бумаги канцелярии свыше 500 номеров, годовых и полугодовых отчетов, обозрение церквей и паствы по полугодиям, которое простиралось на весь остров. Причем объезжать приходилось всю территорию благочиния [5, с. 32].

Ко всему выше сказанному необходимо отнести работы по наблюдению за чистотой и опрятностью священных сосудов, церковной утвари, ризницею и другим: «Тщательное смотрение за архивом, церковных ходатайств и за всем вообще строением церковным» [5, с. 34].

Влас Михайлович Дорошевич (1864–1922 годы) побывал на Сахалине в 1897 году. После этого он начинает публикацию своих очерков, всколыхнувших всю российскую общественность. Книга «Сахалин- (Каторга)» является своего рода собранием воспоминаний, публикуемых в разных периодических изданиях того времени. Интерес для раскрытия представленной нами темы вызывает глава под названием «Смертная казнь» [2, с. 60–63]. Здесь автор приводит разговор с отцом Александром Унинским, который в те годы служил в посту Александровском.

Из этого рассказа следует, что сахалинское духовенство не оставляло без напутствия и духовной поддержке тех, кто прибывал в заключение или осуждался на смертную казнь. Писатель повествует нам казнь троих каторжан-рецидивистов: пожилого человека, бывалого каторжанина и двух молодых людей. Им вменялось убийство с целью грабежа, совершенное уже на острове. Пишет В.М. Дорошевич, что отца Александра пригласили к осужденным за три дня до смертной казни. По появлению священника они поняли, что смертный час приближается. «Побледнели, испугались, оторопели, слова выговорить не могут, — рассказывает отец Александр, — пожилой каторжанин начал «куражиться», смеяться, издеваться над смертью и над товарищами». Все три дня до казни священник молился вместе с осужденными, беседовали о загробной жизни, читали жития святых, пели псалмы. Осужденные не выпускали отца Александра и просили: «Батюшка, побудьте с нами, страшно нам». Ему удавалось найти несколько часов в сутки, чтобы сходить домой, покушать и опять в тюрьму. Спали мало, да и до сна ли было! Беседовали много и о разном. Священник пытался вселить в них надежду, рассказывал о случаях, когда уже на эшафоте объявлялось прощение. «Разве можно человека надежды лишать? — спрашивает отец Александр и сам же отвечает, — без надежды человек в отчаянье впадает». Он был с ними до конца. Когда вечером принесли чистую одежду, все поняли — час смерти близок. На рассвете приговор должен быть приведен в исполнение. В эту ночь они практически не спали, батюшка исповедовал их и при-

частил. Утром он облачился в черное священническое облачение и пошел вместе с ними во двор тюрьмы. Как переживал батюшка в эти минуты видно из его рассказа. Заканчивая это печальное повествование, отец Александр говорит, что умерли эти осужденные удивительно спокойно, перед этим приложились к кресту. Тот пожилой каторжанин, смеявшийся над смертью, перед казнью все больше и больше падал духом: «Его чуть ли не пришлось нести на эшафот» [2, с. 60–63].

Владивостокские епархиальные ведомости от 1906 года публикуют резолюцию управляющего епархией № 986, в которой настоятель Александровской тюремной церкви протоиерей Александр Унинский уволен за штат и приписан к Владивостокскому кафедральному собору. Таким образом, протоиерей Александр прослужил на острове более четырнадцать лет!

Со временем он уезжает в Благовещенск, где продолжает своё служение вплоть до 1920 года. Кончина его жизненного пути трагична. Пострадал отец Александр в этом же году 7 февраля в городе Благовещенске. По свидетельству очевидцев он надел рясу и крест, открыто встал перед безбожниками и был расстрелян ими во дворе своего дома [8, с. 57]. Протоиерей Александр Унинский был прославлен в лике святых Новомучеников и Исповедников Российских Русской Православной Церковью Зараницей 1 ноября 1981 года [9].

В процессе исследовательской работы для нас стал интересен вопрос взаимоотношений благочинного округа и тюремного начальства. В метрических книгах, хранящихся в Государственном Историческом Архиве Сахалинской области, имеется внутренняя переписка. Хотелось бы обратить внимание на решение спорных моментов. Один из охранников Александровской тюрьмы по неосторожности выстрелил себе в голову и от этого умер. На записке, в которой поясняются детали данного происшествия, стоит резолюция о. Александра Унинского: «Отпевание провести, так как причина смерти очевидна» [1, с. 70].

Предание земле умершего человека в особых случаях требовало письменного разрешения отца благочинного. Начальник Александровской тюрьмы описывает обстоятельства смерти 34 летнего каторжанина Якова Мистового. Он самовольно уходит с работы. Спустя некоторое время смотрители поселения находят его повешенным. Резолюция отца Александра разрешает предание земле без церковного отпевания [1, с. 98].

Протоиерей Александр Унинский являлся одним из авторитетных священнослужителей острова Сахалин. Его судьба неразрывно была связана с местом, которое многих пугало своей суровостью. Мы увидели, насколько многопланово было его служение, насколько он был не равнодушен к тем, кто его окружал.

Литература:

1. Докладная записка. Метрическая книга Свято-Покровской церкви. ГИАСО. Ф. 23-и. Оп. 1. Д. 45.
2. Дорошевич, В. Сахалин. (Каторга). Всероссийский фонд культуры Сахалинское отделение Литературно-издательское объединение «ЛИК». Южно-Сахалинск. 1991. (текст печатается по изданию Влас Дорошевич «Сахалин (Каторга)». Москва. 1903).
3. Материалы об отпуске содержания священникам Сахалинских церквей за 1894 год. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2236.
4. Новостной раздел. Владивостокские епархиальные ведомости. — [Владивосток]. — 1912. — № 3.
5. О назначении священников на остров Сахалин 1896–1902 гг. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1483.
6. Описание поездки Преосвященнейшего Евсевия, епископа Камчатского для обозрения церквей епархии с 8 июля по 22 августа 1893 года. ГИАПК. Камчатские епархиальные ведомости. — [П-Камчатский]. — 1898. — № 12.
7. Переписка с Приамурским генерал-губернатором, другими учреждениями, прошения лиц духовного звания о назначении им за выслугу лет пособия 1897–1899 гг. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1672.
8. Польский, М., протоиерей. Новые мученики Российские. Типография преподобного Иова Почаевского. 1957.
9. Служба святым Новомученикам и Исповедникам Российским. Библиотека Якова Кротова. — 2009. [Электронный ресурс] URL: http://krotov.info/libr_min/worship/minea_mes/novomuchen.html (дата обращения 20.07.2012).

Положение бригадиров полеводческих бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны

Рыков Алексей Викторович, магистрант
Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Бригадир полеводческой бригады являлся важной фигурой в структуре колхозного строя. Согласно «Примерному уставу сельскохозяйственной артели» бригадир распределяет работу между членами артели. При распределении он обязан «наилучшим образом использовать каждого колхозника своей бригады, не допуская при распределении работы никакого кумовства, семейственности и строго учитывая трудовую квалификацию, опыт и физическую силу каждого, а в отношении беременных и кормящих женщин — необходимость облегчить их работу, освобождая женщин от работ за месяц до родов и на месяц после родов с сохранением за ними содержания на эти 2 месяца в половинном размере средней выработки ими трудодней» [1].

Еще одной важной функцией бригадира является подсчет работы колхозников и «соответственно установленным расценкам записывает в трудовую книжку колхозника количество выработанных им трудодней» [1]. Он же обязательно участвовал в заверении годового итога работы и дохода каждого колхозника [1]. Бригадир назначался правлением артели на срок не менее 2 лет [1].

Во время Великой Отечественной войны произошло значительные изменения в положении бригадиров полеводческих бригад. Цель данной работы — рассмотреть основные факторы, повлиявшие на их положение. Прежде всего можно выделить несколько основных факторов: 1) изменение кадрового состава бригадиров полеводческих бригад; 2) осуществление бригадами их непосредственной деятельности в условиях военного времени. Во-первых повысилась их роль как организаторов непосредственного сельскохозяйственного производства. В условиях военного времени, нехватки техники и людских ресурсов они должны были организовать выполнение повышенных государственных планов.

Также следует отметить, что выросла роль бригадира как человека фактически устанавливавшего количество выработанных колхозником трудодней. По постановлению СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 13.04.1942 № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» за невыработку необходимого минимума трудодней колхозник мог быть осужден на срок до 6 месяцев исправительно-трудовых работ с удержанием из заработной платы 25% трудодней в пользу колхоза, а также лишен приусадебного участка [2, с. 381–382]. В результате, теперь от бригадира зависел не только доход колхозника, но часто и то подвергнется ли он преследованию или нет.

Начало Великой Отечественной войны очень сильно ударило по кадровому составу бригадиров полеводческих бригад Алтайского края. Большое число брига-

диров полеводческих бригад было мобилизовано в действующую армию. Сельское хозяйство лишилось лучшей части руководящих работников, наиболее подготовленной и имевшей опыт по организации производства. В целом по Сибири к концу 1943 г. оставалось всего лишь 10,1% бригадиров полеводческих бригад, имевших довоенный опыт работы [3, с. 92]. В крае ситуация была столь же непростой. В частности, на конец 1944 года из 5516 бригадиров края довоенный опыт (от 3 лет и более) имели всего 675 человек (или 12,3% бригадиров) [4]. В Ойротской автономной области на 1943 год из 309 бригадиров-полеводцев по стажу работы до одного года было 233 человека, а со стажем работы свыше трех лет — всего лишь два человека [5, с. 372].

Руководство края было вынуждено реагировать на данную проблему и использовало для ее решения ряд способов различных. В частности, одним из главных способов решения этой проблемы со стороны партийного руководства края стало направление на должности руководящего состава колхозов коммунистов из городов и районных центров.

3 июля 1941 г. бюро краевого комитета ВКП (б) приняло решение направить более половины коммунистов, работавших в районах края, непосредственно в сельскохозяйственное производство. При этом краевой комитет партии требовал обеспечить при отборе тщательную проверку деловых и политических качеств посылаемых на постоянную работу в колхозы коммунистов с тем, чтобы отобрать «морально и политически устойчивых людей, способных на деле осуществить большевистское влияние и руководство работой на селе». Крайком также предложил из 14 тысяч служащих сельских предприятий и учреждений значительную часть послать на работу в колхозы [6, с. 157].

В ноябре 1941 г. бюро крайкома партии и крайисполком на совместном заседании обсудили вопрос о работе коммунистов, командированных из городов на руководящую работу в колхозы. Они потребовали от секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов лично на месте с работой коммунистов-председателей, оказать им необходимую помощь в укреплении хозяйств, подборе кадров, выполнении обязательств перед государством, а также принять меры к созданию для них необходимых материально-бытовых условий [7, с. 104].

Еще одним из основных способов решения нехватки кадров среди полевых бригадиров стало активное выдвижение на эту должность женщин. Если в довоенный период в крае (в 1940 г.) женщин в должности полевого бригадира не было вовсе, то к 1944 г. процент женщин среди

полевых бригадиров достигает 39,2% [8, с. 402]. В Ойротской автономной области этот процент был еще выше и достигал двух третей от всех руководителей полеводческих бригад [5, с. 372].

Также одним из способов решения проблемы нехватки кадров стала организация дополнительного обучения и переподготовки для бригадиров полеводческих бригад. Вопросы подготовки сельскохозяйственных кадров рассматривались и на пленумах краевого комитета партии при обсуждении проблем развития сельского хозяйства края. При отделе кадров крайкома ВКП (б) была создана специальная оперативная группа по руководству подготовкой и переподготовкой механизаторских и руководящих сельскохозяйственных кадров [7, с. 107]. Среди полеводческих бригадиров активно стали проводиться различные семинары, совещания с передовиками, курсы подготовки в райцентрах и краевом центре.

Следует отметить, что вышеперечисленные меры не позволили полностью решить проблему нехватки бригадиров полеводческих бригад. В результате данных мобилизационных мер к руководству бригадами приходили люди, которые не имели опыта работы в сельском хозяйстве, организаторских способностей или попросту малограмотные.

Например, в полеводческой бригаде № 2 производили пахоту на глубину 5–7 см. Руководство колхоза и сам бригадир этой бригады П. Шихалев мер к нарушителям агротехники не применяли [9]. В колхозе им. Димитрова Шипуновского района из 40 рабочих лошадей ввиду плохого ухода, 35 выведены из строя. Бригадир полеводческой бригады Скиба, вместо борьбы за сохранение конского тягла, «сам 2-х лошадей вывел из строя» [10].

В результате, уход на фронт большей части бригадиров полеводческих бригад, а также некомпетентность приходивших на их место людей привели к появлению тенденции постоянной ротации данной категории руководящего состава колхозов. Данная тенденция имела место на протяжении всей войны. Например, в Тюменцевском

районе за 1941–1944 годы сменилось 116 бригадиров полеводческих бригад, из них в 1943–10, а в 1944–19 бригадиров [11]. В Новичихинском районе из 91 бригадира за 1943–1944 г. сменилось 57 человек. Только в одном колхозе им. Куйбышева за это время сменилось 7 полевых бригадиров [12]. За 1944 год в Павловском районе сменилось 29 бригадиров полеводческих бригад [12] в Петропавловском районе «из 97 бригад сменилось более 20 человек» [14], а в Чарышском районе сменяемость бригадиров полеводческих бригад достигнет 40–45% [15].

Также следует отметить, что бригадиры полеводческих бригад, в числе других руководящих колхозных кадров оказались под пристальным вниманием органов НКВД. В годы войны они все чаще в своих спецсообщениях руководителям края стали заострять внимание на «засоренность кадров», которая заключалась в их политической неблагонадежности. В частности, указывалось на бывшее кулацкое состояние, арест и осуждение родственников бригадиров полеводческих бригад органами НКВД, а также их антисоветскую направленность [16]. Нередко это приводило к их осуждению по политическим мотивам, но в целом процент осужденных бригадиров полеводческих бригад был минимальным. Всего за годы войны по Алтайскому краю было репрессировано 24 полеводческих бригадира [17].

В результате, подводя итог следует отметить, что за годы войны в положении бригадиров полеводческих бригад произошли большие изменения. Значительные изменения в кадровом составе бригадиров полеводческих бригад прежде всего привело к снижению в целом профессионализма данной категории руководящих колхозных работников. Это в свою очередь не могло не сказаться на осуществлении сельскохозяйственных работ. Также следует отметить, что в этот период произошло увеличение давления со стороны партийных органов и органов правопорядка. Но несмотря на все вышеизложенное в этих непростых экстремальных военных условиях большинство из них смогло правильно организовать работу и обеспечить страну необходимой сельскохозяйственной продукцией.

Литература:

1. «Примерный устав сельскохозяйственной артели» (утв. СНК СССР, ЦК ВКП (б) 17.02.1935) // Советская Сибирь. 1935. 20 фев.
2. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудовой» // Хрестоматия по новейшей истории России, 1917–2004. В 2 ч. Ч. 1. 1917–1945 / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Шагина. М., 2005.
3. Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / М. Р. Акулов, В. Т. Анисков. — М.: Мысль, 1970. — 364 с.
4. ГААК., Ф. П-1. Оп. 18. Д. 563. Л. 74.
5. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / под ред. Л. П. Потаповой. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1973. — 541 с.
6. Алтай в годы Великой Отечественной войны / под ред. Е. В. Заруцкой. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1960. — 236 с.
7. Гаврилов, Н. С. Алтай в Великой Отечественной войне / Под. ред. В. Соколова. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. — 245 с.
8. Арутюнян, Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. — издание 2-е. — М.: Изд-во АН СССР, 1970. — 466 с.

9. ГААК., Ф. П-1. Оп. 18. Д. 155. Л. 403.
10. ГААК., Ф. П-1. Оп. 18. Д. 156. Л. 248.
11. ГААК., Ф. П-1. Оп. 18. Д. 556. Л. 30.
12. ГААК., Ф. П-1. Оп. 18. Д. 404. Л. 199.
13. ГААК., Ф. П-1. Оп. 18. Д. 557. Л. 16.
14. ГААК., Ф. П-1. Оп. 18. Д. 557. Л. 42 об.
15. ГААК., Ф. П-1. Оп. 18. Д. 556. Л. 82.
16. ГААК., Ф. П-1. Оп. 18. Д. 404. Л. 206.
17. Посчитано по: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае / Управление архивного дела администрации Алтайского края; Отв. ред. Г.Н. Безруков. — Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 1998 — Т. 5: Июнь 1941 — май 1945., Т. 7: 1920—1965.

Состояние коневодства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны

Рыков Алексей Викторович, магистрант

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Коневодство в годы Великой Отечественной войны приобрело еще большее значение, по сравнению с предыдущим периодом. Одним из основных результатов социалистической модернизации на селе, проводимой в 1930-е гг. путем коллективизации, должна была стать массовая механизация сельскохозяйственных работ. Она в свою очередь должна была минимизировать роль лошади в колхозном производстве, но осуществление технического перевооружения на селе было прервано началом войны. В результате массовых мобилизаций тракторов и автомобилей на фронт, лошадь вновь становилась основной тягловой силой в сельском хозяйстве края.

Цель данной работы — рассмотрение основных причин сокращения конепоголовья, как главной тенденции в коневодстве в годы войны. Основное внимание будет уделено рассмотрению таких причин, как мобилизация лошадей, сокращение делового выхода жеребят, а так же падеж конепоголовья.

Коневодство в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны находилось в очень тяжелой ситуации. Прежде всего это выражалось в том, что в годы войны произошло огромное сокращение конепоголовья. В частности, на 1 января 1941 в крае имелось 433,7 тысяч голов лошадей [1], а на конец 1945 г. их насчитывалось всего 136,3 тысяч голов [2]. Таким образом за годы войны поголовье лошадей в крае сократилось ориентировочно на 297,4 тыс. голов.

По отдельным районам снижение конепоголовья являлось исключительно резким. Так в Сорокинском районе с 1 января 1940 г. по 1 августа 1944 г. произошло снижение поголовья на 5014 голов или 83,4%. В Славгородском районе поголовье лошадей снизилось на 4975 голов или 78,8%, в Белоглазовском районе на 5488 голов или 78,0% [3].

В качестве основных причин снижения конепоголовья можно выделить следующие: мобилизация лошадей на фронт, снижение рождаемости лошадей и падеж лошадей по различным причинам.

Первой причиной резкого падения поголовья лошадей в крае является мобилизация конепоголовья на фронт. Изъятие лошадей регламентировалось Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об автотракторном и гужевом транспорте, поставленном для Красной Армии» Согласно ему все изъятые, в порядке мобилизации, для нужд Советской Армии лошади, повозки и упряжь принимались Наркоматом Обороны СССР от колхозов и отдельных граждан — за плату [4, с. 18].

Всего за 1941 г. в войска было мобилизовано 42183 лошади. За 1942—1943 гг. количество мобилизованных лошадей значительно снизилось и составило всего лишь 6085 лошадей за 2 года. В 1944—1945 гг. мобилизация лошадей уже не производилась. Всего за годы войны Алтайский край дал для нужд фронта 48268 лошадей [5, с. 178]. Следует отметить, что мобилизация лошадей на фронт оказала большое негативное влияние на состояние коневодства в Алтайском крае, но решающим фактором падения числа конепоголовья она не являлась. Другие факторы, такие как снижение рождаемости и падеж лошадей, оказывали гораздо большее влияние на общую ситуацию в коневодстве. Так например только за период с 1 января по 1 октября 1943 г. по колхозам края по разным причинам пало 61334 лошади [6].

Еще одной немаловажной причиной снижения численности конепоголовья в крае является сокращение делового выхода молодняка. Если в 1940 г. фактически был выращен 71081 жеребенок, то в 1943 г. всего 11661 [7]. Соответственно снизился и деловой выход жеребят. Если в 1940 г. он составлял 56 жеребят на 100 маток, то к 1943 г. он составил всего 12 жеребят на 100 маток [8]. Основными причинами снижения делового выхода молодняка были снижение конской случной кампании, а также увеличение абортирования лошадей.

Следует отметить, что план случной кампании за годы войны не выполнялся. В частности, в 1941 г. план случной кампании был выполнен лишь на 70,4%, в 1942 г. — на

81,0% [9], а в 1943 г. всего лишь на 58,8% [10]. Основными причинами этого являлась непригодность скота к случке, следствием которого становилось использование скота во время случной на сельскохозяйственных работах. В частности, в Краюшкинском районе числится годных к случке 53 жеребца. При проверке оказалось, что 90% этих жеребцов, т.е. 48 голов, истощены и непригодны к случке (в июле 1944 г.) в силу того, что на них ездят и работают с ведома секретаря РК ВКП (б) [11]. Такие случаи не являлись единичными и были довольно частым явлением [12].

Также причиной невыполнения плана случной кампании является затяжка хозяйств в его выполнении. Это было связано с тем, что колхозы откладывали проведения случной кампании до окончания посевной. В результате вместо установленных 5 месяцев случная кампания проводилась всего 1 месяц, так как в июне уже начиналось сенокосение. Результаты хода случной кампании показывают, что на 1 апреля 1943 г. по краю было случено всего 3470 кобыл или 3,8% к их фактическому наличию на 1 апреля 1943 г. На 1 августа 1943 г. по краю уже было случено 46787 кобыл или 58,4% к их фактическому наличию на 1 августа 1943 г [13]. Причем данная ситуация повторялась из года в год. Например, председатель колхоза им. Ворошилова — тов. Бурда отложил конскую случную до окончания посевной и на 1 июня не случил ни одной кобылы, а жеребца-производителя сам лично использовал в разъезде [14].

Второй основной причиной снижения делового выхода жеребят являлось увеличение абортирования лошадей. Оно было прежде всего связано с использованием жеребых лошадей на сельскохозяйственных работах. В частности, в Шипуновском районе от случки 1944 г. абортировало 20 маток из слученных 981 матки исключительно от того, что на матках усиленно работали [15]. Но следует отметить, что количество абортировавших маток на протяжении сокращалось. Так если, от случки 1941 г. по краю абортировало 7544 кобылы или 10% от числа слученных, то от случки 1942 г. абортировало 1932 кобылы или 4,2% [16], а по данным 29 районов от случки 1943 г. абортировало всего 759 кобыл или 3,5% от числа слученных [17].

Самой главной причиной сокращения численности конного поголовья является резкое увеличение падежа лошадей. В частности, Это происходило по нескольким причинам. Самой распространенной причиной падежа лошадей являлась «бесхозяйственность». В термин «бесхозяйственность» в документы того времени включался падеж от бескормицы и истощения, а также непосильной эксплуатации и вредительского отношения. Так, за 1943 г. по 40 районам края от истощения пало 16800 лошадей или 44% от общего числа павших лошадей, от ран, побоев и других повреждений — 9262 головы или 21% и 5799 голов пало от заразных заболеваний [18]. Основными причинами истощения лошадей служили нехватка корма, а также их усиленная эксплуатация. В условиях военного времени,

в связи с мобилизацией техники и снижением их общего количества, резко возросла нагрузка на оставшиеся лошади. В результате, для выполнения необходимых сельскохозяйственных работ приходилось использовать даже истощенных лошадей, что нередко приводило к их падежу. В частности, в Павловском районе в колхозе «Обской рыбаки» зоотехник по коню освободил от работы 9 лошадей по истощению и чесотке, уполномоченный райкома партии т. Подопригора отменил это распоряжение и составил использовать лошадей на работе. По дороге 1 лошадь пала [19].

Еще одной причиной падежа лошадей являлась «варварская эксплуатация» лошадей. Например, в колхозе «Новая жизнь» где зам. пред. колхоза Дмитриев освобожденную от работы лошадь самовольно, при возращении конюха взял с конюшни, запряг в комбайн для перевозки, лошадь была слабая, везти комбайн не могла и Дмитриев «со злостью начал бить лошадь железной лопатой и разбил ей зад до глубоких открытых ран» [20]. Следует отметить, что «бесхозяйственность» и «варварская эксплуатация» часто были вызваны чрезвычайными условиями, в которых оказалось сельское хозяйство в военные годы и нередко носили вынужденный характер.

Также причиной падения большого числа лошадей было распространение среди лошадей заразных заболеваний. В 1943 г. заразными заболеваниями заболело 5545 голов, за 7 месяцев 1944 г. заболело — 22947 голов. Наиболее распространенными заболеваниями среди лошадей в годы войны были чесотка, лимфангоит, менингит и пироплазмоз. Самым распространенным из них была чесотка. За 7 месяцев 1944 г. заболело чесоткой 17349 голов. Обработано против чесотки было 147668 лошадей [21]. Причинами этого была прежде всего обезличка, а также тяжелая ситуация в ветеринарии. Обезличка как правило выражалась в том что в колхозах лошади не были закреплены за конюхами и ездовыми, а также за ними не закреплялась определенная сбруя. Сами конюхи и ездовые постоянно менялись и как правило были очень низкой квалификации. Все это и способствовало распространению такого заразного заболевания как чесотка.

Тяжелой была ситуация и с ветеринарами, которые должны были бороться с заразными заболеваниями. В ряде районов края было недостаточное количество или вовсе отсутствовали газокамеры, необходимые для обработки лошадей. Также была проблема с кадрами — подготавливалось недостаточное количество ветсанитаров для противочесоточных мероприятий [22].

Подводя итог, следует отметить, что в целом по краю в коневодстве в годы войны сложилась очень тяжелая ситуация. Снижение механизации в сельском хозяйстве привело к увеличению роли и нагрузки на них. Лошади были вынуждены осуществлять гораздо больший объем работ, по сравнению с предыдущим периодом. Главной тенденцией в коневодстве явилось резкое сокращение поголовья вследствие различных причин. Мобилизация лошадей на фронт не сыграла решающей роли в сокра-

щении конского поголовья. Сокращение же делового выхода жеребят было следствием отнесения руководством колхозов случной кампании к второстепенным интересам на фоне проблем с выполнением более важной посевной

кампании. Основной из причин сокращения конепоголовья стал массовый падеж лошадей, обусловленный как распространением заразных заболеваний среди лошадей, так и бесхозяйственностью колхозных руководителей.

Литература:

1. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2245. Л. 37.
2. Арутюнян, Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. — издание 2-е. — М.: Изд-во АН СССР, 1970. — 466 с.
3. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2254. Л. 66.
4. СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: краткая хроника / отв. ред. С. В. Рогинский. — М.: Воениздат, 1964. — 867 с.
5. Ростов, Н. Д. Мобилизация транспортных ресурсов Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. — 191 с.
6. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2245. Л. 183.
7. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2254. Л. 68.
8. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2254. Л. 68.
9. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2245. Л. 176.
10. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2254. Л. 67.
11. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2254. Л. 67 об.
12. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2245. Л. 178.
13. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2245. Л. 177.
14. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2245. Л. 178.
15. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2254. Л. 68 об.
16. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2254. Л. 68 об.
17. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2245. Л. 181.
18. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2245. Л. 19 об.
19. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2245. Л. 20 об.
20. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2245. Л. 19.
21. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2254. Л. 69.
22. ГААК., Ф. Р-569. Оп.4. Д. 2245. Л. 119–119 об.

Развитие музыкальной науки в Центральной Азии в средние века

Собиров Абдор Робиджон угли, студент
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Известно, что Средняя Азия — один из очагов мировой цивилизации. Проживавшие тут народы внесли неоценимый вклад в сокровищницу мировой науки и культуры. Помимо всего прочего, они обладают богатым и древнейшим наследием в сфере музыкального искусства. Свидетельством этому могут служить древние письменные источники по истории музыкального искусства народов Средней Азии, а также археологические памятники, которые доказывают наличие высокой культуры этих народов. Однако в период арабского завоевания (VII — IX века) письменные источники, касающиеся музыки, наравне с другими культурными памятниками были сожжены и утеряны. Именно в результате этого до нас дошли только письменные памятники, относящиеся к истории культуры народов Средней Азии относительно позднего времени. Во второй половине IX века, в резуль-

тате распространения национально-освободительного движения в Мавераннахре и Хорасане, противодействия местных народов завоевателям, восстаний, была свергнута власть арабского халифата и возникли местные государства — Тахиридов, а позднее Саманидов. В этот период были созданы условия для развития науки, культуры и искусства. Ученые, вышедшие из Средней Азии именно в этот период, прославились своими научными трудами на весь мир. Создавшие бессмертные труды и в других отраслях науки, ал-Фараби, Ибн Сина, ал-Хорезми и множество других великих ученых, писали научные труды и в сфере теории музыки («Илми мусикий»), открыв тем самым целый период в истории развития музыкальной науки Востока. Эти ученые сыграли решающую роль в возникновении теории музыки, использованной народами Востока. Великий ученый-философ, один из осно-

вателей теории музыки на Востоке в Средние века — Абу Наср Мухаммад ал-Фараби, родился в 871 году в городе Фараб на берегу Сырдарьи и умер в 950 году. Выходец из тюркских племен Средней Азии, первое образование он получил в родных краях. Обладая отличными знаниями ал-Фараби продолжил своё образование в Багдаде, Дамаске и позднее в Египте. Ал-Фараби являлся прекрасным музыкантом и теоретиком музыки. Он умел играть на всех музыкальных инструментах своего времени. Особенно мастерски он играл на нае и танбуре. Ал-Фараби являлся одним из величайших ученых своего времени, создавшим крупные научные труды по философии, логике, математике и другим наукам. Музыка тогда считалась одной из сфер математической науки, в которую входили также арифметика, геометрия и астрономия. В своих трудах, посвященных музыке, Ал-Фараби обосновал теорию музыки Востока. Его произведениями, посвященными музыке являются «Китабул-муסיкий ал-кабир» («Большая книга о музыке»), «Киламу фил-муסיкий» («Книга о методах музыки»), «Китабул-муסיкий» («Книга музыки»), часть посвященная музыке «Китабун фи-ихсазил — улум» («Книга о классификации наук»), «Китабун фи-ихсазил-икаъ» («Книга о классификации музыкальных ритмов») и другие. Научно-теоретические произведения ал-Фараби и других ученых того времени, в связи с требованиями эпохи, были написаны на арабском языке. В них разъяснялись корневые вопросы теории музыки Востока. Книги ал-Фараби, посвященные теории музыки, являлись самыми полноценными и известными на Востоке и служили в качестве источника для произведений последующих ученых-музыковедов. Одним из продолжателей дела ал-Фараби являлся Абу Али ибн Сина. Абу Али ибн Сина (980—1037) родился близ Бухары в селении Афшона. Он был великим философом, натуроведом, известным медиком и в то же время прекрасным теоретиком музыки. Книги Ибн Сины «Китабуш-шифо» («Книга исцеления»), «Донишнома» («Книга знаний»), «Рисалатун фи-илмил муסיкий» («Произведение о науке музыки») и части других книг, посвященных музыке имеют важное значение в истории науки и музыкальной культуры мира. Абу Али ибн Сина не ограничился созданием специальных произведений о музыке, но даже и включил крупные работы, посвященные теории музыки, в книги по медицине. Это, конечно же не было случайным явлением. В своих бесмертных произведениях по медицине, Абу Али ибн Сина очень высоко оценивает силу чувственного влияния музыки и её роли в лечении различных душевных болезней. Так, в книге Ибн Сины «Конуну фит-тибб», автор в нескольких местах рекомендовал музыкальные произведения в качестве части «программы исцеления» душевных болезней и выделил отдельную главу, комментирующую теорию музыки. Размышления на эту тему содержат и его книги «Китабуш-шифаъ», «Китабун-нажат» («Книга спасения»). Сравнительный анализ комментариев данного автора по некоторым вопросам

музыки доказывает, что Абу Али ибн Сина, в своих трудах по музыке, развил и вывел на более высокую ступень музыкально-эстетические взгляды ал-Фараби.

Немаловажное значение в истории музыкальной культуры IX—X века также имеет посвященная теории музыки часть энциклопедии Абу Абдуллаха Мухаммада ибн Юсуф ал-Котиб ал-Хорезми «Мафатихул-улум» («Ключи наук»), вышедшей в Средней Азии. Произведение ал-Хорезми считается одним из важных источников, освещающих историю науки и культуры народов Средней Азии. В своих энциклопедических трудах, ученые Востока первоначально считали музыку одним из предметов философии и, таким образом, включали ее в свои произведения в качестве предмета философии. Без сомнения, они учитывали художественно-эстетическую и социально-воспитательную роль музыки. В более поздние времена, в книгах энциклопедического типа музыкальная наука была включена в качестве предмета математики. Произведения ал-Кинди, ал-Фараби, Ибн Сины, ал-Хорезми и многих других известных ученых в течение многих веков служили в качестве основного источника в изучении теории музыки народов Востока и предопределили суть музыкальных произведений, созданных в поздние времена. Произведения, касающиеся теории музыки, написанные со времен ал-Фараби до XV века, по своему содержанию довольно близки друг к другу по многим вопросам. Однако в этих трудах, созданных в различные времена и посвященных теории музыки, существуют и определенные противоречия. Крупный ученый XIII века Сайфиуддин Абдулмумин ал-Урмавий пытался доказать неправильность теоретических суждений ал-Фараби по некоторым вопросам. Такие противоречия касаются вопросов музыкальной акустики, музыкального звука, ритма и др. В этих противоречиях нашли своё отражение изменения, произошедшие в истории музыки за более чем трёхвековой период. Тезисы, представленные в трудах о музыке Востока, довольно близки к начальной теории музыки современного периода. Но тезисы, связанные с практической стороной музыки народов Востока, представленные в трактатах о музыке средних веков, совершенно не совпадают с современной теорией. Средневековые ученые музыковеды в вопросах теории брали в качестве основы характеристики, данные в трудах ал-Фараби и ибн Сины. Теория музыки была ещё более развита в трудах поздних авторов, таких как Сафиуддин Абдулмуъмина, Махмуда бин Масъуд аш-Шерозий (XIII—XIV), Хужа Абдулқодир Марогий (XIV век, автор «Жамиул-алхан» и «Макаси-дул-алкан»), Ал-Кусайний, Абдурахмон Жомий (XV век) и других. В произведениях этих авторов вопрос «макома» ставился в качестве самого главного и важного вопроса. Целью разъяснения теории музыки являлась её связь с живыми музыкальными произведениями — макомами и объяснение её общности с музыкальной практикой. Эти вопросы описывают теоретические и практические стороны макомов и в целом элементы, составляющие произведения живой музыки народов Востока.

Литература:

1. Каримов, И. А. Тарихий хотирасиз келажак йўқ. — Тошкент: Шарқ, 1998 йил.
2. Хамидов, Х. Ўзбек анъанавий қўшиқчилик маданияти тарихи. — Тошкент: Ўқитувчи, 1996 йил.
3. Шамсиддинов, Р. Ўзбекистон тарихи. — Тошкент: Шарқ, 2013 йил.

Формирование особенностей среднеазиатских геополитических интересов Российской империей

Ташкенбаева Диёра Абдурашидовна, преподаватель, исследователь
Ташкентский государственный педагогический университет (Узбекистан)

Данная статья освещает процесс формирования особенностей геополитического интереса Российской империи к территории Средней Азии, мотивы её колонизации и влияние на культурную жизнь среднеазиатских ханств.

This article covers the process of formation of the features of the geopolitical interest of the Russian Empire to the territory of Central Asia, the motives of colonization and its impact on the cultural life of the centralasian khanates.

Российская империя постоянно нуждалась в расширении своих земель. Этого требовали экономические и стратегические вопросы. Поэтому Российская империя неудержимо проводила свою колониальную политику. Необходимость расширения географического пространства требовало постоянного продвижения Российской империи. Так были последовательно присоединены к Российской империи Украина, Прибалтика, Сибирь, Кавказ и Средняя Азия. Чаще всего это присоединение шло военным путем. Это определялось основной концепцией Российской империи как колониальной державы. Все экономически развитые страны (Англия, Франция, Испания) вели свою колониальную политику в различных регионах мира, и Россия не была в этом плане исключением [1].

Еще в первой половине XIX века Россия проявляла интерес к среднеазиатскому региону, пытаясь наладить с ним экономические связи, изучить возможность его завоевания и последующего освоения. Активная внешняя политика на данном этапе в то время не велась. В 50-е годы XIX века Россия предприняла практические шаги для проникновения в Среднюю Азию. Правительство организовало три русские миссии в этот регион: научную под руководством ученого-востоковеда Н. В. Ханыкова, дипломатическое посольство Н. П. Игнатьева и торговую миссию Ч. Ч. Валиханова. Они имели общую задачу — изучение политического и экономического положения государств Среднего Востока, подготовку будущего военно-политического наступления. В царствование Александра II завоевание Средней Азии выступило на первый план имперской внешней политики России. На юго-востоке от России располагались обширные среднеазиатские территории. Они простирались от границ с Китаем на востоке до Каспийского моря на западе, от Центральной Азии

(Афганистан, Иран) на юге до южного Урала и Сибири на севере. Население этого региона было невелико (около 5 млн. человек).

Россия с XVI в. поддерживала торговые связи с мусульманскими центрами Средней Азии, посредниками в этих связях были среднеазиатские купцы и волжские татары. Немусульмане длительное время не имели доступа к среднеазиатским рынкам. Отдельные военные экспедиции России против Хивы с берегов Каспийского моря еще в 1717 г., а затем в 1839 г. потерпели крушение в пустыне. Некоторые поездки и посольства в первой половине XIX в. несколько способствовали расширению контактов, и все же до середины XIX в. среднеазиатские ханства оставались для России малоизвестной, далекой, экзотичной Азией [2]. Только окончательное присоединение казахских степей и возведение крепостей по их южному краю превратило Россию в 50-х гг. в непосредственного соседа среднеазиатских ханств. Крымская война и необходимость борьбы за полное подчинение горских народов Кавказа задержали дальнейшую российскую экспансию на юг еще примерно на десятилетие. Только после того, как в 1864 г. было подавлено также и сопротивление черкесов, началось завоевание Средней Азии.

Продвижение Российской Империи в Среднюю Азию было явлением колониальным. Но в отличие от западных метрополий, большей частью не имевших отношений с колониями до их завоевания, между Средней Азией и Россией существовали исторически давние связи.

Во-первых, будучи сопредельными с Россией, среднеазиатские феодальные государства (Бухарское, Кокандское и Хивинское ханства) еще в допетровское время имели с ней довольно оживленные торговые связи. Как свидетельствуют исторические материалы, в XVI в. суще-

ствовал обмен торгово-дипломатическими посольствами между Средней Азией и Московским государством [3].

Во-вторых, не прекращавшиеся междоусобные войны между среднеазиатскими ханствами и неустойчивость внутри самих ханств вынуждали феодальных правителей искать помощь со стороны, а самой близкой и сильной стороной была Россия.

Во второй половине XIX в. социально-политическое положение в среднеазиатских ханствах существенно изменилось, но и стремление к сближению с Россией оставалось заметным. Царизм путем целого ряда военно-политических мер к этому времени сумел создать в Средней Азии несравненно более прочные позиции, чем Великобритания вместе с Османской империей.

Можно сказать, что речь шла о своего рода негласном компромиссе. Этому есть серьезное объяснение. Дело в том, что к тому времени регион находился в глубоком кризисе. В связи с открытием новых путей в Индию и колонизацией ее англичанами, «шелковый путь» потерял былое значение, прежние торговые связи распались, и экономика все больше приходила в упадок. За этим, естественно, следовала и политическая нестабильность. Оттого-то восточные правители и соглашались на компромисс с Россией и, поступаясь частью своих прав, выигрывали в стабильности под эгидой русского царя. С этой задачей российская имперская власть вполне справлялась, причем вела себя весьма продуманно, не вмешиваясь в уклад местной жизни по мелочам и предоставляя значительный суверенитет местной элите.

Тем самым, вторая половина XIX века история Туркестана характеризуется усилением колониального гнета Царской России, что оказывалось на забвении национальной духовности, обычаев и традиций, просвещении и местной архитектуры.

Вследствие шовинистической политики и угнетения Царское правительство в сфере просвещения в сфере образования начало проводить свои определенные работы, что отразилось на ограничении традиционной системы образования и формированию под эгидой империи русско-туземных школ.

Возобновилась работа таких отраслей наук, как естественные науки — география, геология, антропология, этнография, зоология, почвоведение, минералогия. целью которых был колониальный интерес к Туркестанскому краю со стороны Российской империи.

Проводились научные исследования в интересах метрополии, т.е. большой упор ученые делали на изучение наличия полезных ископаемых на территории Туркестана, также проводились исследования горных районов, геологического строения края, почвенного состава Средней Азии. В результате изучения объектов были составлены геологические, географические и топографические карты, также учеными были выдвинуты различные концепции о преимуществах Туркестанского края.

Образовывались научные организации и культурные центры со стороны Царской России в целях дальнейшего

упразднения своей гегемонии на территории Туркестанского края. Так была создана генеральная карта региона, первая метеорологическая станция, начато комплектование первого в Средней Азии архива, основана Туркестанская публичная библиотека, начала работу первая линия телеграфной связи Ташкент — Оренбург, открыта первая астрономическая обсерватория в Ташкенте, открыт первый музей в Ташкенте, а также к 1914 году было завершено строительство летнего дворца бухарского эмира под Бухарой «СитораиМохиХоса». Управление Туркестанского края в лице Царской России понимала важность изучения, образования и развития данного региона, и всяческим образом пыталась систематизировать различные отрасли жизни под свое господство.

Следует охарактеризовать градостроительство и архитектуру. Здесь прослеживается применение европейского стиля в Туркестане, также стоит отметить строительство и особенности развития новых городов в Туркестанском крае, и непосредственно внедрение элементов европейской архитектуры в градостроительство.

Стоит отметить, что исламская политика предусматривала четкое отделение административной сферы от духовной. Исламские институты игнорировались как политическая сила, но за ними устанавливался государственный контроль.

Краевые чиновники были уверены, что без поддержки администрации Ислам скоро лишится широкой общественной поддержки и перестанет быть популярным в среде местного населения. Этим был продиктован и отказ властей от утверждения в должностях избранных мулл и других представителей исламского духовенства, что ярко демонстрирует тенденцию отказа от конструирования в крае, в отличие от внутренней России, особого мусульманского духовного сословия [4].

Были сформулированы новые принципы конфессиональной политики в регионе:

- 1) устранение зависимости местного духовенства от заграничных и российских очагов Ислама;
- 2) ослабление влияния суфизма на духовную жизнь туркестанских мусульман;
- 3) устранение возможности использования вакуфных средств;
- 4) внедрение европейского начала в программы мусульманских школ.

Вопрос о создании специального духовного управления для туркестанских мусульман неоднократно поднимался и в Петербурге, и в Ташкенте. Фактическое обособление туркестанских мусульман от других их российских единоверцев, подчинение исламских деятелей учреждениям Военного министерства, необходимость разработки нового Положения об управлении Туркестанским краем порождали бесконечные дискуссии в правительственных сферах и задерживали принятие окончательных решений долгие годы.

Однако, следует подчеркнуть, что несмотря на степень колониальной зависимости от Российской империи

народ Туркестана не потерял своего духовного потенциала, сохранил свои ценности, духовное наследие и культуру, а также сохранил национальную государственность и главное — сумел донести до будущего поколения.

туру, а также сохранил национальную государственность и главное — сумел донести до будущего поколения.

Литература:

1. Корнилов, А. А. Курс истории России XIX века. — М., 1993.
2. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. — 2-е изд., испр. — СПб., 2000. — Т. 1.
3. Попов, А. Л. Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. — 1940. — № 9. — с. 93–109.
4. Д. Васильев, к.и. н., доцент, проректор по научной работе Института бизнеса и политики (Москва) Опубликовано в ежегодном научно-аналитическом бюллетене «Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия», Нижний Новгород, 2006.

Реализация гендерной политики Республики Казахстан (на материалах Акмолинской области)

Тленшина Гульзада Мукашевна, кандидат исторических наук, доцент
Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова (Казахстан)

Гендерная политика — одна из важных составных демократического, светского развития Республики Казахстан. Она проводится на основе трех документов: Стратегии гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006–2016 годы, а также законов «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин», «О профилактике и противодействии бытовому насилию», принятых в 2009 г.

В каждый раздел Стратегии включены разработанные совместно с региональным офисом Женского фонда ООН (ЮНИФЕМ) индикаторы по достижению гендерного равенства в политике, экономике, образовании, семье, вопросах охраны здоровья и предотвращения насилия в отношении женщин и детей. Поставлена задача добиться 30-процентного представительства женщин на уровне принятия решений. В Казахстане сформировалась собственная модель гендерной политики, основанная на учете национальных особенностей и международного опыта. Социальное пространство женщины значительно расширилось, приобретая новые статусы и образы в общественном сознании: «женщина-бизнесмен», «женщина-политик», «женщина-общественный деятель». Прекрасная половина все более активно выходит на арену общественной жизни и заявляет о себе как о самостоятельной силе общества.

Насколько важна для нашей страны проблема защиты женщин от насилия, можно судить по отношению к ней главы государства, Президента Н. Назарбаева, указом которого в 1998 году была создана Национальная комиссия по делам семьи и женщин, а также определены четыре основных направления ее деятельности [1]. Это — политическое и экономическое продвижение женщин, улучшение здоровья женщин и их семей, искоренение насилия в отношении женщин. По его же инициативе в 1999 году правительством Казахстана разработан «Национальный

план по улучшению положения женщин в Республике Казахстан» [2].

Численность населения Казахстана на 1 февраля 2014 г. составила 17187 тыс. человек. Из них мужчин — 48,3%, женщин — 51,7% [3]. Женщины формируют 40% ВВП страны, участвуя во всех сферах деятельности [4].

Акмолинская область находится в Северном Казахстане. В центре области расположена столица Казахстана — Астана, административно не входящая в область. Административный центр Акмолинской области — г. Кокшетау, основанный в 1824 г. Территория области 146,2 тыс. кв.км (5,4% территории республики). По состоянию на 1 января 2014 г. в области 10 городов, 17 районов и 5 поселков. Численность населения Акмолинской области более 735 тыс.чел. Из них мужчин — 48,3%; женщин — 51,7% [5]

В 2006 году при акимате Акмолинской области была создана комиссия по делам семьи и гендерной политике в составе 15 человек под председательством заместителя акима области. Аналогичные комиссии образованы при акимах г. Кокшетау и районов. Комиссия по делам семьи и гендерной политике при акимате области координирует работу комиссий при акимах г. Кокшетау и районов, акцентируя их внимание на достижение гендерного равенства в политике, экономике, образовании, семье, вопросах охраны здоровья и предотвращения насилия в отношении женщин и детей. Областная комиссия систематически анализирует проводимую в области работу и соответственно планирует свою дальнейшую деятельность. Ежегодно утверждается план работы областной комиссии. В марте 2006 г. было проведено первое заседание комиссии по делам семьи и гендерной политике при акиме области, с участием членов комиссии, представителей государственных органов и СМИ.

Председателем комиссии является заместитель акима Акмолинской области. В составе комиссии 19 человек. Среди них — редактор областной газеты «Акмолинская правда», начальники управлений предпринимательства, образования, культуры, статистики, представители Департамента внутренних дел, управления координации занятости, женских НПО.

Члены комиссии работают по четырем направлениям: политическое продвижение женщин, экономическое продвижение женщин, улучшение здоровья женщин, искоренение насилия в отношении женщин. Эти направления находятся в полном соответствии с указами Президента и положением Пекинской платформы действий, принятой на Всемирном форуме женщин в 1995 году.

Определенный прогресс достигнут в политическом и экономическом продвижении женщин. В 2011 году комиссией по делам женщин и семейно-демографической политики при акиме области создан Клуб женщин-политиков Акмолинской области. Данный республиканский проект выполняется совместно с Республиканской общественной организацией «Ассоциация деловых женщин Казахстана».

Основными задачами Клуба являются политическое, экономическое продвижение женщин на уровень принятия решений, поддержка малообеспеченных и многодетных семей, профилактика социального сиротства, проведение и участие в значимых общественно-политических мероприятиях области.

Члены клуба приняли участие в V, VI экономических форумах, активное участие приняла делегация области в 3-м Евразийском Саммите женщин, где по трем различным номинациям заняла два первых и одно второе место.

В 2011 году при Областном филиале партии «Нур Отан» открыта Школа женского политического лидерства, где на 1 января 2014 г. прошли обучение более 80 женщин. Курсы лидерства длятся 4 месяца, в мае 2014 г. года закончила обучение третья группа слушателей школы.

В тесном сотрудничестве члены Клуба и Школы проводят совместные мероприятия, семинары, круглые столы. Результатами работы можно признать значительное увеличение доли женщин на руководящих должностях. Так, среди женщин — 1 аким района (из 17), 10 заместителей акимов (из 19), 6 начальников управлений области (из 23). Растет численность женщин-депутатов областного, городских и районных маслихатов. Женщины составляют 15% в областном маслихате, 21,1% — в районных маслихатах, 24,2% — в городском маслихате (на 25 января 2012 года). Таким образом среди 276 депутатов маслихатов всех уровней области 59 — женщины (22%). Руководителем областного маслихата является женщина — Дьячек Нина Сергеевна. В Акмолинской области среди 19 государственных служащих корпуса «А» 1 женщина — руководитель аппарата акимата области, 1 — аким района [6].

В целом по Казахстану женщины слабо представлены во власти. В настоящее время из 17 министерских постов только 3 занимают женщины: министерства здравоохранения, по делам экономической интеграции, труда и социальной защиты населения. Среди женщин-политиков:

- 1 — заместитель Премьер-министра,
- 2 — заместителя руководителя канцелярии Премьер-министра,
- 6 — вице-министров,
- 6 — ответственных секретарей,
- 9 — заместителей акимов областей (12% от общего числа заместителей) и гг. Астаны, Алматы.

Наметился положительный сдвиг в судебной ветви власти: среди судей Верховного Суда РК женщины составляют 33,3%, среди судей областных судов — 51% [7].

Политика поддержки государством женского бизнеса последовательно проводится начиная с 2002 года. По поручению Президента была разработана специальная программа его финансирования на 2009–2015 годы. Ее цель — стимулирование экономической активности женщин-предпринимателей посредством льготного кредитования проектов действующих и начинающих субъектов женского предпринимательства.

На 2010 г. в ходе реализации программы освоено 650 млн. тенге. В результате принятых мер по развитию женского предпринимательства в Казахстане доля женщин среди представителей малого и среднего бизнеса составляет 52% [8].

В Акмолинской области на 1 января 2013 года по программам Фонда «Даму» («Развитие») через обусловленное размещение средств в банках второго уровня поддержку получили 680 заемщиков на общую сумму более 32 млрд. тенге. В результате было создано 3972 рабочих места. В том числе на развитие женского предпринимательства было выделено 211 млн. тенге [9].

В настоящее время по Акмолинской области активно действуют более 27 тысяч субъектов малого и среднего бизнеса (МСБ). В них занято 115 тысяч человек, в том числе около 60% женщин. Более 8 тысяч субъектов МСБ возглавляют женщины [10].

Так, в в Атбасарском районе активно действует 2567 субъектов малого и среднего предпринимательства, на которых работает 4842 человек. Доля женщин в районе среди представителей субъектов МСБ составляет более 50%, они трудятся в сфере торговли, общественного питания, хлебопечения, выпускают полуфабрикаты, кондитерские изделия, занимаются переработкой мяса, оказывают услуги по изготовлению различных швейных изделий, оказывают медицинские, парикмахерские услуги, трудятся в сельском хозяйстве.

Яркие примеры успешного бизнеса по Атбасарскому району демонстрируют такие предприниматели как Белимова Н., Устюгова Т., Джапарова Н., Папушина Т., Садыкова Л., Панченко Л., Откумбаева Р., Карабаева Е., Джуркина О., Нурумова Ш., Айтеева К. и многие другие [11].

В целях поддержки женского предпринимательства работают следующие программы:

— Программа обусловленного размещения средств в банках второго уровня для последующего кредитования малого и среднего бизнеса,

— «Даму — Регионы»-Программа финансирования проектов регионального бизнеса за счет средств местных исполнительных органов и АО «Фонд «Даму»,

— Программа «Даму — Өндіріс»,

— Программа финансирования лизинговых сделок предпринимателей в сфере обрабатывающей промышленности через банки и лизинговые компании,

— Программа «Дорожная карта бизнеса 2020».

Успешно проходят в Казахстане республиканские и региональные женские ярмарки «Қанатты әйел» («Крылатая женщина»), организованные Национальной Комиссией по делам семьи и женщин. На них демонстрируют свои идеи и товары деловые женщины, занятые в разных отраслях производства. В г. Кокшетау проведено 6 областных женских ярмарок продаж идей и товаров «Қанатты әйел». Организаторами ярмарок выступили комиссия по делам женщин и семейно — демографической политике при акиме Акмолинской области, Управление внутренней политики Акмолинской области и Женский молодежный Центр «Томирис».

В области принимаются меры по улучшению здоровья женщин и детей. Реализуется Государственная программа «Здоровье народа», которая предусматривает целевые программы по вопросам здоровья женщин.

Особое внимание уделяется борьбе с насилием в отношении женщин, так как именно в этом вопросе наиболее резко проявляется гендерное неравенство в обществе. Всем известно, что массовые и распространенные проявления гендерного насилия — это мировая тенденция, которая не имеет социальных границ и не зависит от национальности, вероисповедания, уровня жизни населения. В послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан 2050» Президент РК Н. Назарбаев отметил: «Меня тревожит ситуация с ростом бытового насилия над женщинами и детьми в семьях. Неуважительного отношения к женщине не должно быть. И сразу скажу, что такое насилие должно пресекаться предельно жестко» [12].

По поручению Президента РК в системе МВД созданы специальные подразделения по борьбе с насилием в отношении детей и женщин. При Национальной комиссии создан Совет по гендерной экспертизе законодательства. В 2003 году принят Закон РК «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РК», касающийся вопросов борьбы с незаконным выездом и нелегальной миграцией с целью последующей сексуальной или иной эксплуатации. Внесены изменения и дополнения и в другие законодательные акты Республики Казахстан, направленные на борьбу с трафиком людей. Выполнены частичная гендерная экспертиза Уголовного и Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. В 2009 г. принят закон «О профи-

лактике бытового насилия». Более жесткими стали наказания за насильственные действия в отношении женщин.

В 2013 году почти две тысячи акмолинских женщин пострадали от бытового насилия, сообщает корреспондент «Kokshetau.Asia» со ссылкой на пресс-службу ДВД Акмолинской области. По данным статистики, только в 2013 году от насилия в семье пострадали 1886 женщин, из них 827 — от мужей, 653 — от сожителей, 406 — от близких родственников. Основными причинами преступлений были ссоры и неприязненные отношения, каждое пятое преступление совершено в результате употребления алкогольных напитков, каждое девятое — из-за ревности [13].

Ежегодно в Акмолинской области с 25 ноября по 10 декабря проводится широкомасштабная акция «16 дней без насилия в отношении женщин», в рамках которой проводятся мероприятия по повышению правовой грамотности населения. Так, в 2013 г. в ходе акции полицейскими совместно с работниками местных исполнительных органов по месту жительства проверено 428 человек, в отношении которых были вынесены защитные предписания. В отношении 65 лиц были установлены особые требования к поведению. В 585 семьях провели беседы профилактического характера. За совершение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений к ответственности привлечено 108 человек, вынесено 100 защитных предписаний, судами установлено 3 особых требования и 2 человека привлекли за нарушения защитных предписаний [14].

Активно участвуют в гендерном просвещении населения СМИ Акмолинской области. «Формирование общественного мнения — достаточно длительный процесс. Журналисты доносят до своих читателей и зрителей актуальные на сегодня вопросы по социальной защите женщин, — отметил в своем выступлении на очередном заседании областной комиссии по делам семьи и гендерной политике при акиме области ее председатель Адильбеков Д. — Поднимают такие проблемы на рынке труда и занятости населения, как ограничения по возрасту и полу, использование женского труда на низкооплачиваемых работах: сервис, торговля. На страницах газет публикуются отчеты с заседаний комиссий по делам семьи и гендерной политике, круглых столов на данную тему, с заседаний областного филиала Ассоциации деловых женщин, выступления женщин-руководителей и женщин-политиков» [15].

Тема гендерной политики является обязательной в сюжетах новостных передач всех телеканалов и радиостанций. Ежемесячные передачи включают в себя освещение вопросов гендерной политики, участия женщин в экономической деятельности, в политических процессах страны. СМИ проводят целенаправленную работу по формированию в общественном сознании необходимости социального равенства мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни, искоренению гендерных стереотипов, связанных с идеей превосходства и доминирования одного пола над другим.

Однако в реализации гендерной политики в Акмолинской области есть еще много проблем. Недостаточно вни-

мания уделяется профилактике бытового насилия в отношении женщин. Так, в области нет ни одного кризисного центра для женщин. В г. Кокшетау действует только приют для жертв торговли людьми, находящийся в ведении Общественной организации «Феминистская лига».

В пристальном внимании нуждается и положение мужчин. В Казахстане ярко выраженное гендерное неравенство наблюдается в средней продолжительности жизни женщин (73,6 г.) и мужчин (63,6 г.). Значительная часть мужчин не только не успевают насладиться прелестями «заслуженного отдыха», но попросту не доживают до него. Между тем, кризисные центры для мужчин открыты только в 4-х городах — Алматы, Шымкенте, Таразе и Костанайе. В то же время для женщин в республике — 28 кризисных центров [16].

В СМИ Акмолинской области недостаточно освещаются такие проблемы, как торговля людьми, многоженство, сексуальные домогательства со стороны мужчин на службе, матери-одиночки.

Безусловно, эффективность гендерной политики во многом зависит от понимания обществом необходимости решения вопросов проблемы равноправия полов. Для достижения гендерного равенства и дальнейшей демократизации общества перед государством стоят задачи достижения сбалансированного участия женщин и мужчин во властных структурах, обеспечения равных возможностей для экономической независимости, развития бизнеса и продвижения по службе, создания условий для равного осуществления прав и обязанностей в семье, свободы от насилия по признаку пола. Действующая в Казахстане Стратегия гендерного равенства, рассчитанная до 2016 г., уже позволила выполнить ряд важных задач. Среди них —

введение гендерной статистики, вовлечение женщин в политику, поддержка женского предпринимательства, гендерные исследования и внедрение соответствующих подходов в систему образования, распространение этих знаний в обществе. По уровню гендерного равноправия Казахстан занимает 31-е место из 135 стран, подвергшихся мониторингу аналитической группы Всемирного экономического форума (ВЭФ) [17]. Подтверждением правильности демократического курса является избрание Казахстана в Исполнительный совет ООН по гендерному равенству и расширению возможностей женщин «Женщины ООН».

Вместе с тем гендерное равноправие еще не стало в Казахстане реальностью. Несмотря на прочную правовую базу для соблюдения равноправия женщин, уровень их дискриминации еще довольно высок. По-прежнему актуальны вопросы борьбы с насилием, улучшения здоровья, экономического продвижения и активного участия женщин в общественно-политической жизни страны.

В послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» Президент РК Н.А. Назарбаев подчеркнул важность гендерного равноправия: «Девушка, женщина всегда была равноправным членом нашего общества, а мать — его самым почитаемым лицом. Мы должны **вернуть безусловное уважение к женщине — матери, супруге, дочери**. Мы должны оберегать наше **материнство**». Президент призвал «не допускать в стране дискриминации половому признаку и на практике обеспечить гендерное равноправие и равные возможности женщинам наряду с мужчинами» [13]. Для решения этих трудных задач казахстанскому обществу необходимо перейти от деклараций к выполнению принятых законов.

Литература:

1. Указ «О национальной комиссии по делам семьи и гендерной политике при президенте РК» Астана 7 февраля 1998 г. // <http://www.http.kub.info/respublika.php?sid=7781>.
2. Национальный план по улучшению положения женщин в Республике Казахстан. — Алматы: Национальная комиссия по делам семьи и женщин при Президенте РК, 1999. — 123 с.
3. <http://www.zakon.kz/4616482>
4. Ярмарка бизнес-леди // Казахстанская правда. — 2011. — 18 октября.
5. http://www.akmola.stat.kz/pressreliz/03_14_03.htm
6. www.akmo.gov.kz
7. <http://www.zakon.kz/4616482>
8. <http://www.bnews.kz/ru/news/post/29155/>
9. Малое и среднее предпринимательство в Акмолинской области // <http://gis.damu.kz>
10. www.akmo.gov.kz
11. Послание Президента РК — Лидера Нации Н. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан 2050»: новый политический курс состоявшегося государства // Казахстанская правда № 567, 14 декабря 2012 г.
12. <http://kokshetau.asia/news899.html#thema-news>.
13. <http://meta.kz/novosti/kazakhstan/850476-akmolinskie-policeyskie-hodataystvuyut-o-trudoustroystve-zhenschin-stradayuschih-ot-nasiliya-doma.html>
14. www.akmo.gov.kz.
15. Акмолинские вести. Еженедельник г. Кокшетау и Акмолинской области. — 2011, 18 октября.
16. См. Литер. — 2013, 14 марта.
17. Абдыкаликова, Г.Н. С посланием сверяя шаг // Казахстанская правда № 456, 2013, 16 января.

Академия Улугбека

Тургунов Мухаммаджон Солим угли, студент
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

С первых дней независимости Узбекистана, по инициативе Президента Ислама Абдуганиевича Каримова, в стране началась работа по восстановлению вековых ценностей и культурного наследия. Своё законное место заняли и те элементы нашего культурного наследия, что были отрицательно освещены в советский период. Немаловажным делом стало увековечение имени нашего великого предка Мирзо Улугбека.

На основании постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан от мая месяца 1993 года, 600-летний юбилей Мирзо Улугбека был очень широко отмечен в 1994 году. Была начата работа по восстановлению академии Улугбека в городе Самарканд.

Представляется необходимым остановиться на самом термине «академия». Данное понятие обозначает некую научно-учебную организацию. В истории науки можно зафиксировать довольно большое количество академий. Например, одна из древнейших известных академий была организована древнегреческим философом Платоном. В данной академии изучалось большое количество различных предметов, однако особое внимание уделялось предмету геометрия. Даже на входе этой академии было написано «Не геометр да не войдет!».

В VIII веке в Китае была создана т.н. «Ханлинская академия». Ещё одна академия была организована в Арабском халифате по инициативе халифа ал-Маъмуна (813–833) в Багдаде. Она именовалась «Байт ул-хикма», что означало «Дом мудрости». Из узбекских ученых в данной академии трудились Мусо ал-Хорезми (783–850), ал-Фергани и многие другие центральноазиатские ученые. Эта академия действовала более 200 лет. На примере Багдадской академии, в городе Ургенче, по инициативе Хорезмшаха Али ибн Маъмуна, была создана еще одна академия. Хорезмшах Али ибн Маъмун пригласил в свою академию многих великих философов и ученых своего времени, таких как: ал-Масихий, ал-Хоразмий, Абу Али ибн Сина, ученик известного ученого мыслителя Ибн Ирака Абу Райхана Беруни и многих других. Организация научных работ в форме академий превратилось в традицию на Ближнем и Среднем Востоке и в Центральной Азии. Этот процесс продолжился в Средней Азии и в последующие века.

В XV веке, в Самарканде, Улугбек организовал свою академию. В историю наук этот научный центр вошел под именами «Самаркандская академия Улугбека», «Самаркандская астрономическая школа Улугбека». Первое название было дано французским философом и писателем Вольтером (1694–1778), второе название академиком Кори Ниёзи. Причиной, по которой наш академик не назвал научный центр Улугбека по примеру Вольтера, является, возможно, веяние времени. В литературе советского периода академия называется Самаркандской

астрономической школой Улугбека. При ней действовала обсерватория, оснащенная самыми лучшими приборами своего времени, библиотека, собравшая в себя 15 тысяч томов по различным отраслям науки, а также высшее учебное заведение — медресе. Это медресе состояло из двух этажей и 50 худжр (келей). Каждая худжра (келья) состояла из трёх комнат. Одна комната худжры использовалась в качестве учебного класса, вторая — общежития, третья выполняла функции кладовой. В медресе обучалось более 100 студентов. В народе это медресе возвеличивалось под названием «Накши Жахон» («Украшение мира»). В медресе Улугбека трудились известные ученые своего времени — Козизода Румий, Гиёсиддин ал-Кошиний, Али Кушчи и многие другие ученые. Наряду с религиозными знаниями, в академии преподавались и естественные науки, такие как: космография, геометрия, астрономия, медицина, география. Сам Улугбек также преподавал в медресе. В результате проводимых астрономических наблюдений, в академии были созданы знаменитые таблицы Улугбека. В рамках работы академии, Али Кушчи написал комментарий к философскому произведению Насириддина Тусий (1201–1274) «Тажниди хожи». Из всего этого можно сделать вывод, что в академии Улугбека велись работы по всем направлениям науки.

Нам известно, что в результате наблюдений и исследований, было определено местоположение 1018 неподвижных звезд и созданы астрономические таблицы. Одним самых важных достижений академии Улугбека в сфере математики стало решение алгебраической задачи 3 степени и определение уровня дуги синуса. Продолжателем научных занятий Улугбека стал один из его учеников — Али ибн Мухаммад Кушчи. После смерти Улугбека, он прибывает в иранский город Керман, где работает в должности дворцового ученого и преподаёт в медресе по таким предметам, как математика и астрономия. В Кермане он организывает свою научную школу и продолжает научные исследования Самаркандской академии. Школа Али Кушчи действует около десяти лет. За этот период, Али Кушчи воспитал и подготовил несколько таких учеников, как Мирим Чалабий, Хусайин Биржандий и др. Если интерес к математике пробудился в Европе в 1145 году, после перевода англичанином Робертом Честерским и итальянцем Герардо Кермонсийским на латинский язык книги Мусо ал-Хорезми «Ал-жабр вал-мукобала», то научными работами Самаркандской академии европейцы начали интересоваться в конце XVI — начале XVII веков. Основной причиной этого интереса стало стремительное развитие астрономической науки в Европе. Начиная с 1643 года, профессор Оксфордского университета Джон Гривс за-

нялся научным исследованием звездных таблиц Улугбека. О значимости и важности Улугбека и его академии в Западной Европе можно проследить из яркого рисунка на обложке чешского астронома Яна Гвелена «Астрономический вестник».

Литература:

1. Каримов, И. А. Тарихий хотирасиз келажак йўқ. — Тошкент: Шарк, 1998.
2. Абдурахмонов, А. Улугбек академияси. Тошкент. 1993.

Видно, что научные работы Улугбека и его последователей внесли неоценимый вклад в развитие математики и астрономии, распространившись через Турцию в Италию и Испанию, а затем и в другие страны Западной Европы.

Алханай — историческое, природное наследие Восточного Забайкалья (историко-культурный анализ категории пространства и времени)

Цыденжапова Дулма Кимовна, студент;
Балдандоржиев Жаргал Баирович, кандидат культурологии
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Пространство и время относятся к основным понятиям, которыми ученые занимались с давних времен. В понимании многих мыслителей существует представление о пространстве как об абсолютном и пустом явлении природы или заполненным неким мировым и неподвижным эфиром. Эти понимания ученых по мере исследования и накопления научных знаний о вселенной, характере взаимодействия тел, природе вещества, строения и структуры материального и нематериального мира постепенно трансформировались. В настоящее время представления об этих явлениях основательно уточнены и изучены. Мы находимся в пространстве и действуем во времени. Что такое пространство и что такое время для нас? Пространство мы представляем как материальное и нематериальное явление, а время позволяет нам различать последовательность действий, которое является свойством мироздания, дающая нам возможность отличать настоящее, прошлое и будущее. Понимание и восприятие времени и пространства накладывают большой отпечаток на представление картины мира. Время и пространство упорядочивают, организуют явления и вещи, окружающие нас в повседневной жизнедеятельности, при попытках философского и научного объяснения мира. Сегодня не существует, наверное, такого закона физики, помогающего сформулировать явления без понятий пространства и времени.

Историко-культурное пространство подвижно и оно может расширяться вместе с завоеваниями территорий, перемещениями народов, географическими открытиями и сжиматься по тем же причинам. Историко-культурное пространство — это географические, природно-климатические и социокультурные условия, детерминирующие развитие людей на определенной территории. Историко-культурное развитие пространства в его географическом и социальном контексте показывает, как территориальное положение имело влияние на целые народы в прошлом [3, с.160].

Немало научных трудов исследователей, фильмов, книг, брошюр посвящено изучению палеовулкану Алханай.

Тем не менее, предметом анализа данной статьи является Алханай как памятник природного явления в его физическом и энергетическом проявлении, как материальное и нематериальное историко-культурное наследие Восточного Забайкалья в его социальном, религиозном значении в пространстве и времени историко-культурного развития территории. Выявляются взаимовлияние, взаимозависимость, взаимодействие социальных, природных, религиозных и культурных символов в историческом пространстве и времени развития.

С научной точки зрения гора Алханай является вулканическим, камни, скалы это застывшая лава, туфы. На дорожках, проложенных верующими и паломниками, можно видеть, что камни в прошлом были жидкой огненной массой. Ученые утверждают, что вулкан здесь извергался примерно 150—170 миллионов лет тому назад. Но при этом близкие высокогорья не являются вулканическими.

Ученые не перестают удивляться образованию и составу каменной гряды Хорео Шулуун и говорят, что подобного творения природы они нигде не видели.

15 мая 1999 года, издано Постановление Правительства Российской Федерации № 533 «О создании в Агинском Бурятском автономном округе национального парка «Алханай». Федеральной службой лесного хозяйства России» был создан национальный парк «Алханай», который стал первым на территории Юго-Восточного Забайкалья.

Границы парка «Алханай» охватывают бассейн реки Иля, которая является левым притоком реки Онон и впадают в реку Шилка, откуда начинаются верховья реки Амур. Общая площадь парка составляет 138 234 гектара, площадь охранной зоны — 105 355 гектара. Расположение национального парка Алханай определяет уникальность его биоразнообразия так как Забайкалье находится на территории мирового водораздела, Алханай — на

стыке бореальных лесов Евразии и великой Даурской степи, Сибири и Дальнего Востока из 340 видов растений произрастающих в национальном парке 180 находит применение в народной (тибетской) и официальной медицине.

В настоящее время в национальном парке «Алханай» 17 объектов, памятников истории и культуры буддизма и бурятского народа. Алханай — природно-культурный памятник, святыня мирового буддизма. В буддийском мире Алханай занимает шестое место по степени святости.

Согласно буддийской космологии, гора Алханай по тибетски Лхуншим Тара, почитается как земная обитель идама в Чакрасамвара или божества Дэмчог, означающего круг высшего блаженства. Скальные вершины — обители божеств, целебные источники и уникальная богатая энергетика святой земли привлекает людей со всего мира. Можно сказать что «Алханай — это место чудес, вековых тайн связи космоса и земли. Священная мандула степной Аги, находящаяся в глубинной Азии, на стыке лесов Евразии и бескрайних степей Монголии, на территории древней Ара Халхи, ныне это Забайкалье» [2].

Гора с давних времен является культовым местом для людей. На Храм-Воротах в Алхане обнаружены наскальные письмена эпохи бронзы. Они открыты в 1977 году известным ученым археологом, академиком А. П. Окладниковым.

По утверждениям исследователей в целом эти письмена типичны для степного Забайкалья, но их выделяет то, что некоторые написаны желтой охрой. Скорее всего, они связаны с культурой плиточников, население которой проживало здесь в лесостепной зоне и имело символическое сакральное значение.

В буддистском мире уникальным является то, что на скале проявляется, известная сутра Ом мани падме хум. Это явление буддисты связывают, с именем Намнай-багша, который своими молитвами освятил это место. Другое отчетливое проявление символа «А» цаннитской философской школы Чойры можно встретить на камне не далеко от села Цугол, который предзнаменовал появление буддистской философской школы цаннит. Существует не зримая энергетическая связь между Храм-воротами на Алхане и рукотворными воротами из камня не далеко от Цугольского дацана не смотря на расстояние. Эти ворота обладают силой исцеления от болезней и недугов. Ушедшие в 1905 году воины на русско-японскую войну через Храм-ворота все до единого вернулись [5].

В середине XIX века на Алхане начал духовные практики буддийский лама, ученый Намнай-багша. В ходе 30-тилетних медитативных практик и созерцания божеств достиг высшей ступени тантрической йоги Сиддхи и силой просветленного ума привел здешних духов хозяев гор к учению Дхармы, превратив горный массив Алханая в священную обитель божеств. В настоящее время ламы Агинского дацана постоянно проводят хуралы [2, с.2].

В 1991 году Алханай посетил его святейшество Далай-лама XIV-й и совершил молебен. С особым благоговением к Алхане относился выдающийся йогин совре-

менности, наставник Далай-ламы XIV-го по философским диспутам Кирти Цэншаб Римпоче. По его словам он еще нигде не видел таких мощных отчетливых проявленных земных обителей божеств [1].

Каждая из священных мест Алханая имеет только присущие ему предназначения, соответствующие жизнедеятельности человека от материнского начала до его ухода в иной мир. Такие как: Каменный грот Эхын Умай — Чрево Матери, скала Чойжил Сумэ — Храм Божества Царства Мертвых и т.д. У входа к целебным источникам паломники поклоняются статуе Будды медицины Отошо. В правой руке божество держит лекарственные растения, а в левой сосуд с целительным нектаром.

На южных склонах Алханая «пульсирует каменное сердце» (Зурхэн шулуун). Скала напоминает по форме сердце. В буддийском истолковании является обителью идама Махакалы, покровителя веры. Здесь люди исцеляются от сердечных недугов. На левосторонних скалах возвышается скала Гуута Үндэр, почитаемая как талисман Алханая, отсеивающая все негативное. На восточных склонах расположена скала, именуемая зула Сумэ — Храм светильник — вечная лампада олицетворяющая силу и энергию созерцания и распространения буддийского учения. Недалеко от Зула Сумэ находится Сэндэмын Сумэ олицетворение львиноликой дакини гневной эманации Будды Праджняпарамиты небесной феи мудрости, защитницы веры и учения Будды. Севернее от Храма Ворот располагается храм Дордже Пагмо величественная Ваджраварахи алмазной Веприцы духовной супруги идама Чакрасамвара. Дакия символизирует состояние высшей радости, внутреннюю живость и знаменует победу над самыми жесткими концепциями, когда уже все грубые идеи и яды ума устранены. Недалеко от обители Дордже Пагмо находится скала Сагаан Үбгэн — Белый старец почитаемый как обитель божества хранителя жизни, долголетия и плодородия. Рядом с ним располагается Балдан Лхамо храм богини повелительницы демонов и искоренительниц ядов. Богиня входит в пантеон 10 гневных богов защитников веры и учения и часто избирается покровителем монастырей. Вблизи храма богини Балдан Лхамо возвышается культовый объект Алханая — храм Будды долголетия Аюши. Также на Алхане есть щель грешников (Загуурди) то есть, промежуточный мир. Скала олицетворяет состояние бордо, в котором человек находится после смерти до следующего рождения.

В глубине Алханая располагаются скалы столпы, которые называют долоон хит — семь монастырей. Это пространство удивительно напоминает монастыри, в которых есть окна двери и священные атрибуты дацанов и даже трон, на котором незримо восседает божество. Щитом Алханая с северной стороны выступает Хаалта-преграда из камней. На солнечной стороне горы есть пещера-грот называемая Нухэн Шулуун. Буддисты его прозвали храмом в честь великого учителя Бадмасамбавы из Индии, которому принадлежит заслуга победы буддизма в Тибете. Он дал обет распространения буд-

дизма в Забайкалье. Еще одна достопримечательность Алханая — это грязевые вулканчики, которые являются истеканием глины. Есть у Алханая свой забор «Хорёо Шулун». Это скала округлой формы и вытянута на 50 метров. Она почитается как храм божества Чойжил — владыки царства мертвых.

Паломники, совершая большое гороо вокруг Алханая, проходят около 108 километров — это расстояние преодолевается примерно за 3–4 дня. Проходя гороо люди обретают здоровье, спокойствие, забывают о недугах, подпитываются энергией и начинают относиться к окружающему миру мудрее и спокойнее.

Алханай считается природной лечебницей. Институтом природных ресурсов проведены анализы целебных вод. Воды выходят из глубин, поэтому и имеют, наверное, другой состав молекул, содержат йод и микроэлементы. Ученые делали анализ крови человека до и после купания, при этом исследование показало изменение состава крови.

По утверждениям исследователей на Алханая особые физические поля. Существуют зоны с разной энергетикой более высокой и низкой и имеют разные проявления. Алханай является тем местом, где реакция воздействия земли с космоса наиболее сильная [2, с. 4–25].

Конечно, все природно-культурные объекты Алханая подлежат глубокому изучению, представляют большой интерес для научного мира и туристов.

Таким образом, категория пространства пролонгированного во времени является важной в научных исследованиях это путь познания мироздания и человека. Например, Пифагор относился к сакральной геометрии, как «к самой сокровенной науки Бога». Сакральная геометрия — изучает формы и пространства исследует пропорции и отношения форм, являющимися матрицами законов и структур Вселенной, рассматривает динамические процессы жизни, отражающие взаимовлияние, взаимодействие энергий и различных планов сознания [4].

В данном исследовании географические, природные, социальные, геополитические, культурные пространства переплетаются в историческом сознании с религиозным и мифологическим пространством. Одна из главных функций понятий исторического, географического пространства и времени в том, что оно определяет рамки нашего исследования, т.е. очерчивает пространство природных, социокультурных, религиозных взаимодействий, взаимовлияний и взаимозависимостей в историко-культурном анализе.

Литература:

1. О первом и единственном визите Далай-ламы в Агинский округ. 2011. URL: <http://savetibet.ru/2011/07/31/dalai-lama.html> (дата обращения: 16.11.2014)
2. С. Ешисамбуев, Алханай — Мир великого блага — Чита: Принт — Мысль 2003. 104 с.
3. Савельева, И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания: Учеб. пособие. — СПб.: Изд-во «Алетейя. Историческая книга». 2007. 523 с.
4. Сакральная геометрия. Институт метафизики С. — Петербург 2004. URL: <http://www.ligis.ru/librari/2963.htm> (дата обращения: 16.11.2014)
5. Цугольский дацан: из прошлого в будущее. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=EDjTCRUixY> (дата обращения: 16.11.2014)

Место сельской промышленности в трудах В.И. Ленина

Чиркунов Илья Вячеславович, аспирант

Армавирский филиал Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

В данной статье автором делается попытка освятить место сельской и кустарной промышленности в трудах В.И. Ленина. Благодаря комплексному изучению данной тематики, складывается полное понимание важных процессов, играющих большую роль в экономической составляющей России.

Ключевые слова: марксизм, ленинизм, промышленность, кустарь, товаропроизводство.

In this article, the author attempts to sanctify the place of rural and cottage industries in the works of V.I. Lenin. Due to the comprehensive study of the subject, the author develops a thorough understanding of important processes, which played an important role in the economic component of Russia.

Keywords: Marxism, Leninism, industry, craftsmen, commodity production.

При рассмотрении данной темы, изначально необходимо разобраться, что понимается под термином «до-

машинная промышленность», а понималась под термином переработка материалов в хозяйстве или доме, где они до-

бывались. Ленин относил домашние промыслы России к некоей необходимой структуре, которая относилась к категориям натурального хозяйства. Однако сразу же хочется оговорить этот момент, так как в ряде других источников домашней промышленности и промыслам дается весьма неоднозначная оценка [1].

Поначалу было принято считать, что домашнюю промышленность можно было обнаружить только в удаленных от центра областях, например в Сибири. В таком месте не было понятия промышленности как отдельного вида занятия, вся промысловая деятельность тесно связывалась с земледелием.

В.И. Ленин считал, что одной из первых форм своего рода «домашней промышленности» можно было считать ремесло. Таким образом, ремесло выступало как производство некоего изделия или товара, который заказывался у «кустаря» неким потребителем. В такой ситуации нельзя не разобрать вопрос, который был связан с материалом производства, то есть то, из чего производилась продукция [2].

В работе «Развитие капитализма в России» говорится о том, что материал мог принадлежать тому человеку, кто заказывал вещь у ремесленника-кустаря или самому ремесленнику-кустарю. Что касается оплаты за выполненную работу, то она не всегда могла выражаться в денежном эквиваленте. Частой практикой являлась оплата труда работника «натурой», то есть предоставление рабочего помещения и содержание ремесленника, вознаграждение в виде доли произведенного продукта и так далее [1].

Безусловно, ремесло выступало в роли важной составной части городского быта в целом и служило достаточным дополнением для крестьянского хозяйства — эта точка зрения поддерживалась В.И. Лениным. Но сразу возникает необходимость сделать небольшую поправку. Официальная фабрично-заводская статистика включала в себя «кустарную промышленность», а ряд земско-статистических сборников, которые занимались регистрацией кустарных промыслов на конкретных территориях, выделял некую особую группу «ремесленников», к которым относились даже строительные группы. С точки зрения ленинизма данное утверждение является неправильным. Эта позиция обосновывается тем, что упомянутые выше строительные группы невозможно на сто процентов отнести к самостоятельным промышленникам. В.И. Ленин относил их к разряду «наемных рабочих», работающих по заказу потребителей.

В работе делается указание на то, что отличить сельского ремесленника от мелкого товаропроизводителя или даже наемного рабочего достаточно сложно. Для безошибочного ответа необходим анализ и разбор ряда экономических данных. В работе В.И. Ленина отмечена попытка Пермского края, посредством, так называемой кустарной переписи, в период 1894—1895 гг., выделения кустарной и ремесленной деятельности из других видов существовавшей в крае мелкой промышленности. Сразу стоит отметить, что по данной переписи, ремесленники и кустари

составляли лишь один процент от общего числа крестьян и находились в уездах с наиболее благоприятными условиями для развития мелкой промышленности.

Подводя краткий итог, следует заметить, что в такой промышленности еще не наблюдалось полностью сформированного товарного производства. В данной ситуации можно было наблюдать лишь зарождение неких товарных обращений, при условии, что ремесленник получал плату за свой труд деньгами, либо им продавалась доля продукта, а на вырученную сумму шла закупка сырья и других, необходимых для работы материалов. Изготавливаемые кустарями продукты редко выходили на общий рынок.

Единственным элементом развития, который был присущ этой форме промышленности — это уход ремесленника на заработки в другие места. Последний был достаточно хорошо развит, особенно в конце XIX века. Результатом «отхода» становилось зарождение самостоятельных ремесленных заведений [1].

Ведя разговор о мелких товаропроизводителях, В.И. Ленин отмечал, что любой ремесленник соприкасался с рынком, и приносил на него продукты труда, чаще всего которые он не производил. Однако соприкосновение с рынком выступало отправной точкой, относительно которой ремесленник постепенно превращался в товаропроизводителя, то есть ремесленник начинал заниматься производством, целью которого выступал сбыт товара на рынке.

Переход являлся постепенным. Эта постепенность усиливалась тем, что рынок для сбыта продукции в основном крайне узок. Таким образом, складывалась ситуация, в которой «расстояние между производителем и потребителем увеличивается весьма незначительно» [1]. Под этим выражением понимается следующее: конечный продукт, по-прежнему переходил из рук производителя в руки потребителя товара.

Что же касается дальнейшего развития товарного хозяйства, то оно, в основном, выражалось в расширении торговли и появлении категории торговцев-скупщиков.

В данной ситуации необходимо обратить внимание на то, что с течением времени рынком для сбыта произведенных изделий служил уже не базар или ярмарка, как это было ранее, а целая область.

В условиях зарождения форм товарного производства, возникающая конкуренция между кустарными производителями являлась достаточно слабой. В работе «Развитие капитализма в России» говорится, что конкуренция могла усиливаться в случае расширения рынка сбыта производимых кустарями товаров и охватывания этими рынками новых районов [1].

Для того что бы сдерживать конкурентов кустари применяли ряд единоличных и коллективных усилий. Результатом действий такого поведения являлось упрочнение своего положения, и закрепление на рынке с конкретным кругом покупателей. Основатели новых промыслов или лица, которые вводили в кустарное производство изменения, положительно сказывающиеся на товаропро-

изводстве, скрывали это от односельчан. Вывод очевиден — такое поведение было обусловлено нежеланием распространения подобных нововведений, которое послужило причиной для зарождения нового витка конкуренции [3].

В.И. Ленин вступал в полемику с экономистами-народниками, так как последние не видели в представителях сельской кустарной промышленности товаропроизводителей. По мнению народников между кустарями и крупными товаропроизводителями имелся некий глубокий антагонизм. Разницы между двумя вышеуказанными классами не существовало. Крупный промышленник стремился обеспечить себе монополию, боролся с конкуренцией с целью получения большего дохода. Такая же картина наблюдалась и у кустаря. Кустарь — это крестьянин, стремления которого подкреплены мелкими средствами, направленными на то, что бы отстоять те же классовые интересы, которые преследует и крупный промышленник [1].

Пореформенный период развития России сопровождался ростом мелких промыслов, которые выражали собой начальные шаги по зарождению и развитию капитализма в государстве [3]. Это проявлялось в двух основных направлениях. Во-первых, переселение кустарей и промышленников из развитых и освоенных районов на окраины. Во-вторых, зарождение и развитие новой промысловой деятельности, или напротив, расширения той деятельности, которая существовала в ряде районов.

Такое поведение, было связано с тем, что кустари определенных губерний (например, Нижегородской или Владимирской) начинали чувствовать конкуренцию, которая угрожала развитию мелкого домашнего производства. Естественным выходом из сложившейся ситуации оставалось переселение в другие области, с плохо развитым кустарным производством, а соответственно с меньшей конкуренцией. Это действие являлось необходимым, так как указывалось, что органы власти поддерживали такое заселение. Его результатом являлось перенесение промысловой деятельности на отдельные районы, а далее на всю страну [3].

Ряд условий пореформенной эпохи, который послужил неким толчком к развитию промысловой и кустарной деятельности, достаточно сильно сказался на сельской промышленности. Именно в этот период времени крестьянская жизнь несколько осложнилась, но возникала противоречивая ситуация. Потребности жилищной части населения значительно увеличивались. Другими словами, в населенных пунктах становилось больше людей, которым просто был необходим сторонний заработок. Именно они находились в поиске промысловой деятельности.

Таким образом, появлялась возможность наблюдать постепенную зарождающуюся связь между происходящим разложением крестьянства и ростом мелкой промысловой деятельности. Это было закономерно, так как «разложение земледельческого крестьянства необходимо

должно было дополняться ростом мелких крестьянских промыслов» [3].

«Капиталистическая работа на дому» — это домашняя переработка за сдельную плату материала, который был получен от предпринимателя [1]. В большинстве случаев работа встречалась в виде мелкой крестьянской промысловой деятельности. Описываемая работа на дому имела возможность встречаться на всех стадиях развития капитализма. Однако более всего она была привязана к мануфактуре. Этому находится простое объяснение. Мелкие крестьянские промыслы и крупное машинное производство имели возможность обходиться без упоминаемой выше «работы на дому». Напротив, для мануфактурного периода развития капитализма было свойственно сохранение связи работника с землей. Данные предоставляемые трудами В.И. Ленина действительно дают освидетельствование того факта, что в промыслах, которые организовывались по типу капиталистической мануфактуры, достаточно широко практиковалась раздача конкретной работы в домашних условиях [1].

Говоря о такой работе, необходимо в первую очередь сказать о том, что между капиталистом и кустарем (работником на дому) существовало большое количество посредников. Крупный промышленник или предприниматель просто не имел возможности лично раздавать необходимое сырье и материалы рабочим, которые зачастую могли находиться в соседних селениях. Описываемая нами в данном случае работа во всех случаях сопровождалась наличием антисанитарной обстановкой, в которой она проходила. Причины: нищета работника и как следствие отсутствие способов регулирования правилами условий своей работы. В.И. Лениным проводилась аналогия с крупными заведениями, в которых еще могла быть возможность борьбы с возникающими причинами аналогичного характера. «Либеральный вид капиталистической эксплуатации» — такое название дает исследователь работе в крупных заведениях [1].

Стоит обратить внимание и на распорядок дня рабочего, а точнее на длину рабочего дня, который является «непомерным».

При любой домашней работе, практически в ста процентах случаев наблюдается привлечение к труду женщин и детей. В работе приводится ряд данных, которые были взяты из описания женских промыслов в Московской губернии. Размоткой бумаги занято 10004 женщины; дети начинают работать с 5–6 лет, дневной заработок — 10 коп., годовой — 17 руб. Рабочий день в женских промыслах вообще доходит до 18 часов. В вязальном промысле начинают работать с 6 лет, дневной заработок — 10 коп.; годовой — 22 руб. Итоги женских промыслов: работниц 37514; начинают работать с 5–6 лет (в 6 промыслах из 19, причем эти 6 промыслов дают 32400 работниц); средний дневной заработок — 13 коп., годовой — 26 р. 20 к. [3]

Однако, у такого вида работы, имелся отрицательный момент. Он связан с тем, что работа на дому вела к сни-

жению уровня потребности работника. Другими словами, крупный предприниматель получал возможность выбора, в какой области и в каком количестве ему набирать работников. Промышленник искал работников в районах, где связь с землей являлась минимальной, и это обстоятельство играло ему (работодателю) на руку, так как нанятый работник выполнял свою работу практически за бесценок. Факт понижения заработной платы от центра промышленности к периферии является неопровержимым. Естественно, что крупные предприниматели прекрасно научились манипулировать и пользоваться возникающими условиями с целью задержки населения в деревнях.

Следующее, на что в труде «Развитие капитализма в России» обращается внимание, так это на так называемую раздробленность рабочих на дому. Как называл ее В.И. Ленин «не менее вредная сторона системы». Зарождение и процветание кабалы — вот к чему вела, по его мнению, раздробленность о которой мы говорили выше.

Несмотря на весьма отрывочный ряд статистических данных, можно сказать что «кустари» — это «масса капиталистически употребляемых рабочих» [1].

Следующий вопрос связан с пониманием термина «кустарная промышленность». В.И. Ленин пришел к выводу,

что это непригодное для научного исследования понятие. Под это понятие имеется возможность подвести любую форму промышленности. Эта форма промышленности могла включать в себя и домашние кустарные промыслы, и наемную работу на дому в крупных мануфактурах [1].

Данное определение, по выражению В.И. Ленина, являлось господствующим в массе разнородных описаний и определений, которые давались термину «кустарный промысел». К тому же определение было взято экономистами-народниками, которые сделали большой «шаг назад» [1] по сравнению, например, с писателем и исследователем Корсаком [5].

Таким образом, в Полном собрании сочинений термин «кустарная промышленность» рассматривался, прежде всего, как нечто экономически однородное, само себе равное, и противопоставляется капитализму. А уже под капитализмом понимали «фабрично-заводскую» промышленность. Однако это не так. В.И. Ленин не раз повторяет в своей работе, что одно не противопоставляется другому. Понятия кустарной и фабрично-заводской промышленности не являются антагонистическими, а напротив тесно связаны друг с другом и обладают взаимным влиянием.

Литература:

1. Ленин, В.И., Полное собрание соч., 5 изд., т. 3.
2. Полянский, Ф.Я., Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в., М., 1960.
3. Хромов, П.А., Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции, М., 1967.
4. Маркс, К. и Энгельс Ф., Соч., т. 23, гл. 13.
5. Корсак, А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. — М., 1861.

Военно-политическое положение Ташкента в конце XVIII — начале XIX века в российских источниках

Шукуров Рустам Журакулович, преподаватель

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами (Узбекистан)

История взаимоотношений Средней Азии и России всегда было и остается одной из важнейших научных тем. В частности, к XVIII — первой половине XIX века Россия приобрела довольно длительный опыт общения с мусульманскими народами своих внутренних территорий — Нижнего Поволжья, Урала, Кавказа, Сибири. Русские послы осуществляли постоянные дипломатические связи с Ираном, Индией, Китаем, Хивинским и Бухарским ханством. Но не смотря на их постоянство, в этот период довольно остро ощущался недостаток информации об этих странах. Однако, выгодное географическое положение среднеазиатских городов играли не мало важное значение в развитии дипломатических связей.

Особое место в развитии посольских связей сыграл Ташкент.

В 1800 г. Поездку в Ташкент совершил Т. Бурнашев вместе с Поспеловым, уже побывавший в 1794 г. В Бухаре, и который в дальнейшем и смог сделать сравнительный анализ таких городов, как Ташкент и Бухара. Оба этих чиновника были направлены в Ташкент «с целью узнать все подробности о добывании селитры и удовлетворить настоящие тамошнего владетеля (т.е. по просьбе Юнус Ходжи) в рассуждении осмотра и открытия близ Ташкента рудных приисков» [1, с. 102].

У них содержатся богатые сведения о Ташкенте и прилегающих к нему местностях, их природных условиях, об-

щественном устройстве города, занятиях населения. Помимо многих других поручений, а именно собрать сведения об экономике, важное значение придавалось изучению внутренней и внешней политики города. При этом Бурнашев сразу замечает то, что при начале правления Юнус Ходжи, в городе проявляется попытка двоевластия, т.е. два правителя стремились к управлению города, к созданию своих укреплений, своего вооружения. Все это привело к политической дестабилизации в городе, а затем и к экономическому упадку — земледелие и скотоводство пришло в упадок, садоводство было разорено, «вместо трудолюбивого в ремесле упражнения, каждый выходил с оружием в руках и всегда видел жизнь свою в опасности» [2, с. 146].

Здесь хотелось бы отметить, что укрепление города считалось одним из важнейших факторов развития региона. Вместо занятия хлебопашеством и разведением скота, население занималось укреплением города. Обнесенная вокруг всего города стена доставляла ему безопасность [2, с. 147].

Говоря о правлении в Ташкенте, хотелось бы обратить внимание и на то, что Владелец Ташкента Юнус Ходжа имел неограниченную власть над жизнью и имуществом его подданных. Владелец советовался со своими приближенными, а именно, со своими лучшими чиновниками. Однако, последнее слово все равно оставалось за правителем [2, с. 151].

Также при правителе существовал, так называемый Башчи-Хожа, особый чиновник, который следил за тишиной и благоустройством города, также имел право налагать денежные и другие поборы. В отсутствие Владельца Башчи-Хожа имел право распоряжаться полной властью правителя. Таким образом, к такому чину, как Башчи-Хожи сохранялось полное доверие со стороны правителя.

Правитель Ташкента разделил регион на части, где и управляют отдельные чиновники с полной властью, исключая лишения имений, право которой предоставляется только Владельцу. Однако, весь отчет о проделанной работе сдает Владельцу, тем самым и помогая ему в управлении городом.

Отдельное влияние удостоен такой пункт как вооружение. Как известно, крепкая армия и вооружение играет немало важную роль в организации управления государством. Автор отмечает то, что сам порох делался в Ташкенте, однако не в большом количестве, но действия пороха были хороши. Селитру для оружия изготавливали вывариванием. Свинец для оружия добывали в горах Каратау. В 1798 году Юнус Ходжа решил испытать успехи своего оружия. Собрав достаточное количество воинов, он пошел против киргизов-кайсаков [2, с. 156]. Первые сра-

жения не отмечались достаточным успехом Юнус Ходжи, однако его тактика дала ему преимущество.

Войско региона были разделены по знаменам и полкам, что было особенно удобным при нападении врагов. Войском предводительствовал всегда сам Владелец, при ком всегда находились его дети мужского пола, а делал он это для того, чтобы с молодых лет юноши-воины приучались к войне и не боялись грома оружия. Воинам всегда давались лошади, готовое оружие и все что потребуется в военных действиях. Причем следует отметить, что не все так искусно могли владеть оружием. Часть войска хорошо владела ружьем, другая часть умела искусно работать с копьями, остальная — могла также хорошо использовать в военных действиях лук. Благодаря этой тактике население могло оказать сильное сопротивление внешнему нападению. В армию набирали всех представителей мужского пола, т.к. считалось, что все Ташкентцы довольно крепкого телосложения, болезней особенных не бывает кроме оспы, горячки и других небольших припадков.

Во время военных действий берутся все большие пушки, причем есть отдельные отряды людей, следившие за их использованием. При каждом выстреле пушку сбрасывают, и специальные отряды воинов тут же их переносят и заменяют на новые. А сверх пушек имеются до ста больших ружей, и также существовали особого вида орудия, которые не мог видеть противник. В конечном итоге, при завершении орудий борьбы, воины принимают к рукопашной борьбе. В случае проявления робости воина, он поддается в бег, однако, в дальнейшем преследуется большей частью армией. Именно по этой причине, все воины были приучены сражаться до последнего. Образ подобного сражения, устройство и вооружение войска запугивал врагов и наводил страх на нападающих.

Также хотелось бы добавить, во время сражения кто если успеет что-либо захватить, безусловно принадлежит Владельцу, от кого и получают приличное вознаграждение.

Таким образом, во время прибытия Т. Бурнашева и Пospelова в Ташкент, было собрано больше сведений о политическом положении города Ташкента, которые и сыграли важную роль в истории формирования Ташкента. Но не смотря на это, Ташкенту не суждено было долго просуществовать. Юнус Ходжа старался сблизиться с бекствами, которые в свою очередь тоже враждовали с кокандским ханом. Военное столкновение произошло осенью 1800 года. Однако, военная мощь кокандского хана на много превосходила ташкентского правителя. И в 1807 году при повторном столкновении Ташкент был присоединен к Кокандскому ханству.

Литература:

1. Мушкетов, И. В. Туркестан. Т. 1 Ч.1 СПб., 1886.
2. История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI—I половины XIX в.

История Кокандского ханства XVIII — I половины XIX века в историографии российских исследователей

Якобжанов Жасур Жамшитжонович, преподаватель

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами (Узбекистан)

Издавна территория Средней Азии представляла большой интерес со стороны соседних государств, в том числе и России. В ходе многовековых исторических связей происходила и определённая тенденция взаимодействующих цивилизаций, что в свою очередь во многом меняло характер отношений между Россией и государствами Средней Азии. В частности, к XVIII — I половине XIX века Россия приобрела довольно длительный опыт общения с мусульманскими народами своих внутренних территорий — Нижнего Поволжья, Урала, Кавказа, Сибири. Российские дипломаты осуществляли постоянные посольские контакты с Ираном, Индией, Китаем, Хивинским и Кокандским ханствами. Однако, несмотря на их постоянство, в этот период довольно остро ощущался недостаток информации об этих странах. Лишь начиная с правления Петра I, российское правительство начинает уделять пристальное внимание детальному изучению сопредельных с Россией территорий, среди которых Средней Азии выделялось особое место. Было начато систематизированное, научно обоснованное практическое изучение Средней Азии. В качестве одного из важных инструментов для этого широко использовались различные экспедиции, военные и посольские миссии, перед которыми ставились задачи детального географического описания узбекских ханств, составления географических и топографических карт, изучения их политического устройства и экономического положения, поиска удобных путей на Восток. Собранные экспедициями материалы содержали бесценные, имеющие порой уникальный характер данные относительно некоторых важнейших элементов традиционных форм материальной культуры и межгосударственных взаимоотношений стран Средней Азии.

С течением времени стали устанавливаться контакты и связи Кокандского ханства с Россией. Начался обмен посланниками, велись торговые операции. Первым русским путешественником, побывавшим в Коканде, был офицер, переводчик Отдельного Сибирского корпуса Филипп Назаров [1, с. 197—199], описавший ханство в своих записках.

Поездка по Ферганской долине дала возможность Назарову познакомиться с ее природой и населением, его занятиями. Он имел возможность осмотреть и ханскую столицу. «Город сей весьма обширен и многолюден; в нем считают до четырехсот мечетей; расположен на ровном месте и не имеет никакого укрепления, кроме замка владетеля; изобилует ключами; в окружности лежат деревни, луга и пашни; земля солонцеватая. В городе улицы узкие, немощеные, дома сделаны также из глины; посреди города построены три каменных рынка, в коих производится торг

два раза в неделю; в нескольких местах находятся древние памятники и близ замка огромные, из жженого кирпича конюшни для аргамаков владетеля». [1, с.198]

Другим российским исследователем, побывавшим в Коканде, явился хорунжий Сибирского линейного казачьего войска Николай Ильич Потанин [2, с. 35—36] — отец знаменитого русского путешественника по внутренней Азии Г.Н. Потанина. В 1829 году ему было поручено сопровождать до Ташкента кокандских посланников, возвращавшихся из Петербурга на родину. Свои впечатления от путешествия Потанин изложил в докладной записке, уделив в ней большое место описанию столицы Кокандского ханства.

Подобно своему предшественнику, Потанин отметил ровное местоположение города, его тесные, кривые, немощеные улицы, двухэтажный ханский дворец, стоявший посередине города, возле берега Кокандсай и окруженный высокой глиняной стеной [2, с. 37].

Потанина поразили два кирпичных на сводах, моста с башнями при въезде и выезде, переброшенные через крупные арыки города — Кичиксай и Улькунсай. Один из них находился, по описанию Потанина, против ханского дворца — это позволяет уточнить местоположение тогдашней урды. Путешественнику бросилось также в глаза множество сооружений культовой архитектуры, среди которых, по его данным, было около 100 мечетей с фасадами из кирпича. Многие здания уже тогда были в плохом состоянии. Коканд представлял в то время крупный торговый центр. По данным Потанина, здесь функционировали шесть базаров. В двух из них торговали кокандские жители. Остальные предназначались для проходивших караванов и торговали три раза в неделю. Потанин отметил высокое качество продававшихся кокандских тканей из хлопка и шелка. [2, с. 34]

Записки Назарова и Потанина привлекали тем большее внимание, что 50—60-е годы XIX века были временем, когда царская Россия стала проявлять повышенный интерес к Средней Азии.

С 1849 по 1852 г. в плену у кокандцев пробыли два сибирских казака Миллюшин и Батарышкин. Их показания, дающие характеристику Коканда раннего периода царствования Худоярхана, были записаны действительным членом Русского Географического Общества А. Макшеевым. [3, с. 376—380]

Русское Географическое Общество публиковало в своих изданиях различные сведения о Кокандском ханстве. Наиболее существенный материал был собран к этому времени выдающимся русским востоковедом Владимиром Владимировичем Вельяминовым-Зерновым (1830—1904). Окончив

в 1850 году Александровский лицей, где он усердно изучал арабский и персидский языки, он поступил в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, а затем в 1851 году был откомандирован в Оренбург в распоряжение В.А. Перовского. Здесь он совершал поездки в глубь степей, изучал жизнь и быт их обитателей, начал практически знакомиться с местными тюркскими наречиями. Большое внимание он уделял архивным материалам, а также сведениям, полученным от «очевидцев», «добросовестных русских и азиатских купцов». Все это дало ему возможность, не побывав лично в Туркестане, написать исследование о Кокандском ханстве.

Вельяминов-Зернов приводит в своем исследовании ряд цифровых данных, характеризующих Коканд этого времени: в нем 30 000 жителей, 280 махалля, 8000 глиняных построек, 6 бань, 9 караван-сараев. Говоря о культовых сооружениях, он называет 360 мечетей и 12 медресе. Эти цифры столь же преувеличены, как и у его предшественников, но за ними реально ощущается роль религии и мусульманского духовенства в жизни города. Сообщил Вельяминов-Зернов и сведения о кустарных промыслах, которыми занимались жители Коканда. Женщины ткали хлопчатобумажные и шелковые ткани и шили из них на базар одежду. Мужчины занимались гончарным ремеслом и изготавливали железную, медную и серебряную посуду, которую чеканили орнаментальными узорами и украшали бирюзой.

Вслед за военными в Кокандское ханство начали проникать ученые. По поручению Академии наук в Среднюю Азию был направлен для зоологических и геологических наблюдений молодой ученый Николай Алексеевич Северцов.

Впоследствии Средняя Азия попала в орбиту постоянного научного внимания крупнейших русских ученых — П.П. Семенова-Тян-Шанского (1856—1857 годах исследовал Тянь-Шань), А.П. Федченко (провел ряд экспедиций по Южному Тянь-Шаню, Алаю и Памиру), И.В. Мушкетова (исследователь Средней Азии, проводивший геологические изыскания). Однако экспедиции, возглавляемые этими учеными в 70—80-е годы, проходили уже в условиях присоединения края к России.

Более подробные сведения о Кокандском ханстве содержатся у А.П. Федченко. Весной 1871 года Федченко [4, с. 29] выехал из Ташкента. Его сопровождала жена Ольга Александровна, такая же неутомимая, как и он, путешественница. В ее задачу входил сбор растений для гербария и зарисовка видов нового края, впоследствии изданных в виде альбома из 14 больших литографий.

Представитель замечательной школы русских географов Федченко был разносторонним ученым. Его в равной мере интересовали геология и климат, растительный мир и животные, этнография и антропология. Зорким взглядом исследователя он схватывал характерное в природе Ферганской долины. Это позволило ему впоследствии дать замечательную географическую характеристику Кокандского ханства.

Побывал Федченко и в городе Коканде. Город был обнесен высокой крепостной стеной. За въездными воротами начинались улицы, которые вели к центральной площади. Это был типичный среднеазиатский город с узкими и кривыми улочками, глиняными заборами и домами, шумным базаром, многочисленными мечетями и ханской цитаделью. В городе было много новых построек, воздвигнутых при последнем правителе Худоярхане, в том числе и торговые ряды. Имеющий высокое деревянное перекрытие, этот базар создавал приятную тень, необходимую в жаркие дни здешнего лета. Своей величиной и разнообразием товаров базар свидетельствовал о широкой торговле.

Особенно интересными показались путешественникам не сохранившиеся до наших дней кирпичные на сводах мосты. По их обеим сторонам были расположены лавки, где ремесленники продавали свои изделия. Это напомнило Федченко Замоскворечье XVII века, когда торги происходили около Москвы-реки, на ее деревянных мостах.

Среди низких жилых построек Коканда возвышались, оживляя силуэт города, памятники культового назначения, носившие типичные черты среднеазиатской архитектуры. Огромное впечатление на путешественников произвели стоявшие друг против друга, ныне не существующие, медресе Мадалихана и медресе Хак-кули-Минг-баши. Не меньше заинтересовали Федченко медресе Минг-аим и Али, постройку которых он датировал XIX веком. Их наружный вид отличался множеством ниш, куда выходили окна келий.

Строительство медресе продолжалось и при Худоярхане. Лучшее из них, отделка которого не была еще при посещении Федченко закончена, было выстроено Худоярханом и его братом Султан-Мурадом в память их умершей матери.

Будучи крупным религиозным центром, Коканд отличался и большим количеством мечетей. Кафедральной, мечетью в этот период была Джами-мечеть, где по пятницам, при большом стечении народа, совершались праздничные богослужения. Федченко с интересом поднимался на верх минарета Джами-мечети. С него, по преданию, сбрасывали преступников и уличенных в неверности жен.

Осмотрел Федченко и ханский дворец. Несмотря на то, что отделка дворца еще не была полностью завершена, его фасад, выложенный цветными изразцами, привел Федченко в восхищение. Он нашел много общего между характером этой изразцовой облицовки и той керамической посудой, которую он видел на базаре. Федченко заметил также, что изразцовый декор сильно уступал древним самаркандским памятникам по чистоте и яркости тона. Одновременно его подкупила прелесть новой кладки, свежесть поливы, отсутствие пятен и осыпей.

Из описания Федченко можно получить полное представление о внешнем виде дворца Худоярхана, построенного в традициях среднеазиатского зодчества с высоким порталом посередине, украшенным большой входной

аркой и четырьмя минаретами: два из них стоят по обеим сторонам портала, два заканчивают фасад с юга и севера.

Таким образом, труды многих путешественников на сегодняшний день являются ценными источниками попол-

нения знаний молодого поколения путем исследования какой-либо проблематики, которая в дальнейшем сумеет открыть новые страницы в истории нашего великого народа.

Литература:

1. Назаров, Ф. Записки некоторых народов и землях Средней Азии. СПб, 1821 г.
2. Потанин, Н. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина 1930 г. //Военный журн. 1931 г. № 4–5.
3. Макшеев, А. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб. 1890,
4. А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, т. I, ч. II, «В Коканском ханстве», СПб. — Москва, 1875).
5. <http://hokandi.narod.ru/history/krukovskaja/krukovskja-1.htm>

5. АРХЕОЛОГИЯ

Историография каменной индустрии хвалынской культуры

Попов Александр Сергеевич, студент

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

До последней трети прошлого века в Поволжье имелись лишь отдельные находки энеолитического времени: Криволучское погребение, скипетр из Куйбышевского музея краеведения, древнейшие подкурганные погребения типа Бережково I. Эти и некоторые другие находки свидетельствовали о том, что здесь должен существовать хронологический пласт, предшествующий ямной культуре. Однако, в Поволжье не удавалось найти и исследовать могильники и поселения этого времени. В связи с этим оставался неясным ряд важных вопросов, имеющих принципиальное значение для понимания не только эпохи энеолита и бронзы Поволжья, но и гораздо более широкой территории. Наиболее важный из них — это сложение ямной культурно-исторической общности, роль которой в древней истории Евразии трудно переоценить.

Дальнейшие исследования выявили такие памятники на территории Нижнего и Среднего Поволжья. По результатам археологического исследования 158 захоронений Хвалынского грунтового могильника, С.А. Агаповым, И.Б. Васильевым, В.И. Пестриковой в 1977–79 годах была выделена хвалынская энеолитическая культура. После исследования Хвалынского I рядом был открыт и изучен Хвалынский II грунтовый могильник. А в конце 1980-ых годов в Астраханской области были раскопаны несколько памятников хвалынской энеолитической культуры с частично или полностью сохранившимся культурным слоем: Кара-худук, Каир-шак VI. При этом Прикаспийские стоянки — чистые комплексы. На территории Поволжья ситуация иная, все стоянки где зафиксирована хвалынская керамика, заселялись неоднократно. Поэтому каменные орудия выделены лишь на нескольких поселениях. В Пензенской области на Верхней Суре В.В. Ставицким были найдены хвалынские материалы на стоянке Русское Труево I. И Гундоровское поселение открытое в результате пятилетнего изучения (с 1985 по 1989) под руководством Васильева И.Б., Мамонова А.Е., Овчинниковой Н.В. В ходе проведенных исследований за время изучения хвалынской культуры было выяснено, что она занимает большую часть Волго-Уральского междуречья, включая так же прилегающие к реке Волге районы правобережья. Таким образом, территория распространения памятников охватывает южную часть лесостепи и степь Поволжья и Приуралья, а на северо-западе заходит и в лесную зону.

И.Б. Васильев детально сопоставляя материалы хвалынской энеолитической культуры с памятниками ямной курганный культуры, показал существенную близость и преемственность их основных культурных компонентов, что дало основание предполагать их прямую генетическую связь. Соответственно приобретает прочную историко-научную базу концепция сложения ямной курганный культуры Волго-Уральского региона на основе хвалынской энеолитической культуры. Он также пришел к выводу, что хвалынская культура не может быть единственной подосновой для всех вариантов ямной культуры. Такое глобальное культурно-историческое явление как ямная общность, имевшая в истории народов Европы значение той единой индоевропейской подосновы, предопределившей все дальнейшее развитие индоевропейских народов, не могло иметь локального центра происхождения. Поэтому подосновой для ямной культуры является целый ряд родственных энеолитических культур: хвалынская, среднестоговская, новоданиловская [3. с. 61].

В публикации памятников хвалынской культуры разными учеными охарактеризован каменный инвентарь. Рассмотрим основные черты этих комплексов.

В коллекции стоянки Каир-шак VI, исследованной П.П. Барынкиным в 1989 г, насчитывается 409 единиц каменных артефактов. Из них 300 изделий без вторичной обработки. В качестве сырья использовался кремнь различного качества и цвета (от прозрачного темно-серого до белого опокowego) и кварцит, в основном темно-серый, но встречается розовый и желтый [1. с. 106]. Многие изделия данной стоянки представляют собой отходы первичной обработки, что отражает собой процесс обработки камня на месте стоянки. Среди изделий с вторичной обработкой преобладают пластины с краевой ретушью со спинки. Ретушь, частичная или сплошная, наносилась по одной-двум боковым граням. Другой массовый тип в коллекции памятника — скребки. Большая часть скребков (25 экземпляров) несет ретушь по одной-двум боковым граням, у цельных экземпляров ретушь заходит на тыльную часть изделия. Наконечники стрел в коллекции представлены симметричными изделиями треугольной формы с прямым основанием. Обломками представлены симметричные наконечники стрел вытянутой формы с вогнутым основанием. Так же в комплекс каменных орудий входит изделия, определяемое как «вкладыш», оно имеет характерную об-

работку: длинные стороны обработаны противоположающей ретушью, а торцевые стороны изделия обработаны с брюшка. К настоящему времени памятники с материалами данного облика не единичны, наиболее крупным из них является Кара-худук.

Каменные изделия стоянки Кара-худук насчитывают 485 единиц. Большая часть которых, изготовлена из кремня. Кварцитовых изделий в коллекции 61 экземпляр (12,5%) из них только два экземпляра с вторичной обработкой. Кремь, который использовался в качестве сырья, имел различный цвет: прозрачный темно-серый, коричневый, матовый, желтый, темно-серый полосчатый. Использовался кварцит серого и коричневого цвета. Значительная часть коллекции представлена изделиями без вторичной обработки и пластинами. Нуклеусы представлены сработанным и подготовленным к скалыванию экземплярами из кварцита. Среди изделий с вторичной обработкой наибольшее количество составляют скребки и пластины с ретушью. Характер ретуши различен — от слабой, не систематической по отдельным участкам грани до высокой, заходящей на верх спинки пластины. Особенно это касается крупных экземпляров, которые, вероятно, являются обломками ножей. В коллекции имеются несколько целых крупных ножей с ретушью со спинки по боковым граням. Острия на памятнике представлены 19 экземплярами. Они делятся на две выраженные группы. В первую группу выделяются изделия, длинная и узкая рабочая часть которых образована ретушью со спинки с одной — 3 экземпляра, или двумя гранями — 8 экземпляров. Вторая группа образована изделиями, которые имеют подработку с брюшка по одной или двум граням. Одно из орудий этой группы можно охарактеризовать как сверло [2, с. 123].

Следующая коллекции Гундоровского поселения. Памятник изучаемый в 1985–89 годах И.Б. Васильевым, А.Е. Мамоновым, Н.В. Овчинниковой. Достоверно хвалынскими можно считать 262 единицы каменных артефактов. Для комплекса орудий и отходов характерен следующий набор сырья: кремнистый известняк белого, серого, а так же в оттенках от желтоватого до красноватого цвета. Нуклеусы — 2 экземпляра представляют собой крупные конкреции, что свидетельствует о размере будущей заготовки. Все нуклеусы — 10 единиц относятся к максимально истощенным экземплярам. Судя по ним, отжим в усиленном варианте был характерен лишь на начальных этапах скалывания, в последствии пластины снимались с ядра простым отжимом до полного его истощения. Ножей 9 экземпляров и 5 из них изготовлены из кремня, 4 из кварцита. Они представляют собой ретушированные пластины двух типов: с овальным лезвием и отогнутой вершиной и с овальным лезвием и прямой вершиной [4, с. 287]. Такие аналоги известны в памятниках Прикаспия описанных мной выше которые являются эталонными для хвалынской энеолитической культуры. (Кара-худук, Каир-шак). Острия представлены 5 кремневыми экземплярами разделяемых на три группы.

Эти находки так же представлены на эталонных памятниках.

Каменный инвентарь первого комплекса стоянки Русское Труево I представлены 1 коническим нуклеусом, 292 кремневыми и 375 кварцитовыми отходами первичной обработки и сколами без следов вторичной обработки. 53 ножевидных пластины без ретуши, 129 кремневых и 2 кварцитовых орудия. Большинство орудий было выполнено из светло-коричневого кремня и качественного темно-серого полупрозрачного кремня. Две трети всех орудий изготовлено на ножевидных пластинах. Преобладают пластины, обработанные краевой ретушью со спинки по двум боковым сторонам. Большинство этих пластин, вероятно, служили режущими орудиями. Наконечники представлены 21 экземпляром, у большинства из них грани обработаны сплошной ретушью. Преобладают наконечники листовидной формы. По мнению В.В. Ставицкого каменный инвентарь поселения Кара-худук находит близкие аналоги в комплексе орудий Русско-Труевского населения [6, с. 20]. Так же стоит заметить, что вне хвалынского жилища найдены микропластины которые нельзя оставлять без внимания. Они изготовленные из черного прозрачного кремня. Стоит заметить, что данная микропластинчатая техника применялась в мезолите. Таким образом целесообразно поставить вопрос о возможном их отнесении к эпохе мезолита.

Коллекции могильников менее представительны: в I Хвалынском могильнике обнаружено 71 единица каменных изделий (без учета украшений каменных колец-браслетов и бус). Изделия сделаны из кремнистого известняка, а так же полупрозрачного халцедон коричневого и темных цветов. В технологии двусторонней обработки изготовлены 14 орудий, 11 из них это наконечники дротиков и стрел. Одно изделие возможно, является ножом изготовленным из кварцита. Но именно он не является характерным для хвалынской культуры. Место находки — вымытой участок берега, что ставит под сомнение отнесения изделия к данному комплексу. Коллекция каменных изделий хвалынского могильника II насчитывает 69 единиц. Только 24 экземпляра происходит из закрытых комплексов погребения. Остальные 45 найдены в слое и подъемном материале [4, с. 301]. Из этих 45 единиц к инвентарю хвалынской энеолитической культуры можно отнести 28 экземпляров, а остальные 17 единиц отнесены к иному комплексу по сырьевому и технологическим критериям и степени патицизации материала. Эти 17 находок исследователями не описывались как самостоятельный комплекс. Тем не менее, по сырьевому критерию, характеру обработки и характеру обработки камня они резко отличаются от комплекса хвалынской культуры, зафиксированного как по находкам могильника так и по поселенческим находкам. С другой стороны, эти находки имеют четкие аналоги среди палеолитических комплексов Среднего Поволжья. В коллекции представлено 2 нуклеуса и 3 ножевидных обломка. Среди пластин представлены ми-

кроформы и макроформы с правильной огранкой — 12 единиц. При этом 5 из них могли быть получены только усиленным отжимом. Эту технику в Поволжье принесли хвалынские племена. Кроме того в коллекции имеется резец из крупной пластины [4, с. 303]. И два скребка — один со скошенным оформлением лезвия и высокой спинкой, второй — на продольном технологическом сколе. Все эти изделия находят прямые аналоги на стоянках хвалынского типа.

Специальное исследование каменного инвентаря хвалынской культуры было предпринято И. В. Горашуком. Он охарактеризовал хвалынскую технологию как сочетание микропластинчатой и крупнопластинчатой тех-

нологии, технику двусторонней обработки для охотничьего инвентаря, а так же технику шлифовки для рубящих орудий. Эта работа оставила без ответа ряд вопросов. В частности сырьевая база микропластинчатого компонента нуждается в более пристальном изучении, которое возможно позволит отнести микропластинчатый комплекс к мезолиту.

Таким образом, рассмотрев каменные коллекции данных памятников нельзя не заметить, что в них используется разная сырьевая база, изучение которой представляется автором данной статьи необходимым для более точного понимания происхождения хвалынской энеолитической культуры.

Литература:

1. Барынкин, П. П. Энеолитический памятник Каир-шак VI из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев 1989.
2. Барынкин, П. П., Васильев И. Б. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев 1988.
3. Васильев, И. Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья выпуск 3. Самара 2003.
4. Горашук, И. В. Каменные орудия хвалынской культуры // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара 2010.
5. Иванов, И. В., Васильев И. Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в Голоцене. Москва 1995.
6. Ставицкий, В. В. Энеолитическое поселение Русское Труево I на Верхней Суре. Оренбург 2001.

Носители сейминско-турбинской традиции и «камень победы» (нефрит в эпоху героев и оловянных бронз)

Шалахов Евгений Геннадьевич, экскурсовод
ГБУК «Замок Шереметева» (пос. Юрино, Республика Марий Эл)

В настоящей статье нами рассматриваются возможные причины появления нефритовых изделий (колец и браслетов) в захоронениях сейминско-турбинского типа. Интерпретация колец из восточного полудрагоценного камня как сакральных предметов, связанных с культурой воинской элиты начала позднего бронзового века представляется автору наиболее убедительной. Самые богатые воинские погребения древних кочевников обязательно сопровождалось превосходным медно-бронзовым оружием и целыми комплектами плоских полированных нефритовых колец. Высокий статус представителей «княжеского» клана внутри сейминско-турбинских группировок подтверждает находка из разрушенного погребения на нижней площадке Юринского (Усть-Ветлужского) некрополя.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, сейминско-турбинский феномен (Сейма-Турбино), погребальный инвентарь, погребально-мемориальный комплекс, нефритовые кольца, сакральный предмет.

Регулярное обращение современных исследователей (Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Ковтун И. В., Грушин С. П., Мельничук А. Ф., Шалахов Е. Г.) к сейминско-турбинской проблематике вполне логичное явление. Осмысление роли феномена «Сейма-Турбино» в археологии бронзового века Северной Евразии идёт рука об руку с публикацией новых памятников. Большой интерес

представляют находки, сделанные на Урале и в Сибири [1, с. 44–46, рис. 2, 8–11, 3, 2–4; 2, с. 100–108; 3, с. 226–228; 4, с. 252–254, рис. 1].

Практически всё, то осталось от «Чингизовых провозвестников», начиная с Сейминской дюны и Бородинского клада — наследие яркой воинской культуры пришельцев с Алтая [5, с. 266]. Даже нефритовые кольца — функцио-

нально обособленная от бронз и кремня категория погребального инвентаря европейских некрополей — в среде сейминско-турбинского воинства ценились не только за красоту самого минерала. Плоские шлифованные кольца из «камня победы», как называли нефрит кочевники средневековья [6], могли быть амулетами «князей»-военачальников — вдохновителей великого Западного похода.

После О. Н. Бадера, проанализировавшего турбинскую коллекцию [7, с. 93–96], нефритовый инвентарь почти не привлекал к себе серьезного внимания археологов. Наш интерес к нему в основном обусловлен личным вкладом в изучение комплексов Усть-Ветлужского могильника — одного из базовых памятников типа Сейма-Турбино [8, с. 242; 9, с. 205–206; 10, с. 75–76].

Большинство сейминско-турбинских нефритовых колец получено ещё в прошлом веке: 11 экз. насчитывала серия изделий с Сейминской дюны [11, с. 101, табл. 2]; 36 экз. найдены в ходе неоднократных раскопок на Шустовой горе (Турбинский I могильник) [7, с. 93]. Кроме того, 1 экз. (обломок) происходит из могильника Турбино II [7, с. 120] и 2 экз. разбитых в древности (?) колец стали известны благодаря раскопкам Решенского могильника [12, с. 20].

В первые годы текущего столетия источниковая база по сейминско-турбинскому нефриту пополнилась благодаря находкам на Турбинском I [1, с. 46] и Усть-Ветлужском могильниках [10, с. 76] (рис. 1).

По цветовой гамме нефрит указанных памятников почти не различается. В коллекции Турбинского I могильника довольно многочисленны кольца «из водянисто-зеленого или серовато-зеленого прозрачного камня» [7, с. 93]. Половина сохранившихся нефритовых колец с Сейминской дюны «вырезана из такого же, как в Турбине, зеленого прозрачного камня со светлыми пятнышками; другая половина — из желтоватого камня с серыми пятнышками» [11, с. 120]. Усть-ветлужский комплект колец по цветовым характеристикам близок недоминантным для Сеймы и Турбина экземплярам: горная порода, обработанная в эпоху палеометалла, имеет зеленовато-жёлтый, коричневатожёлтый и светло-зелёный цвета.

О невыясненном до конца способе (или способах) ношения нефритовых колец воинами турбинского клана, ссылаясь на аналогии в глазковских древностях, высказался О. Н. Бадер: «... остается возможность предположения, что турбинцы, подобно прибайкальцам того же времени, нашивали их на головной убор или на одежду, на грудь. Последнему предположению соответствует нахождение трех колец вместе у конца могилы 70» [7, с. 96].

Впрочем, если интерпретировать нефритовые кольца сейминско-турбинских некрополей только как украшения (хоть и в контексте древнейшей саяно-алтайской этнической костюмной традиции), то придется обратить внимание на полное отсутствие каких-либо сведений о случайных находках подобных изделий вне погребально-мемориальных комплексов типа Сейма-Турбино.

Одной из причин появления нефритовых изделий в могилах сейминско-турбинского воинства может быть названа некая обрядовая практика древних, сопряжённая, очевидно, с космогоническими представлениями первых металлургов. Возможно, кольца из Сеймы и др. памятников играли роль жертвенных приношений мифическим существам, населявшим «нижний мир». Воплощенный в меди образ самого загадочного из этих фантастических существ — «ящера» с клювовидной мордой — присутствует среди предметов культового литья знаменитого Галичского «клада» [5, с. 271].

Наиболее обоснованной с точки зрения автора и позиций археологической эмпирики могла бы выглядеть интерпретация нефритовых колец как сакральных предметов, маркирующих высокий социальный статус небольшой группы посвященных воинов. Нашу мысль иллюстрирует богатый вещевой комплекс из могилы 70 Турбинского I могильника. В отличие от множества условных погребений, изученных на площадке некрополя, О. Н. Бадером зафиксированы четкие следы могильной ямы, на дне которой сохранились 3 топора-кельта, «крупный листовидный медный нож» и 3 нефритовых кольца [7, с. 37–38, рис. 21].

Широкая могильная яма, отмеченная О. Н. Бадером [7, с. 38], локализованный в её западной части нефритовый

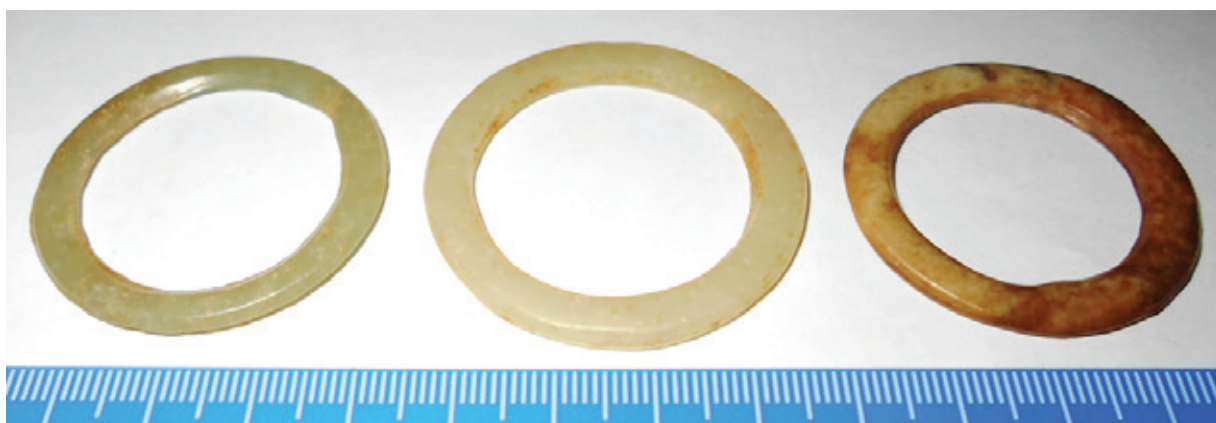

Рис. 1. Комплект нефритовых колец типа Сейма-Турбино из сборов на Усть-Ветлужском могильнике. Фото автора

инвентарь, а также «триада» медно-бронзовых кельтов, которые являются «этническим» оружием сейминско-турбинских популяций, указывают на захоронение представителя воинской элиты. Что для него при жизни были нефритовые кольца? Скорее всего, они выступали атрибутами, подтверждавшими лидерство в конкретном коллективе.

Общезвестно, что во многих культурах нефрит считался камнем воинов и правителей. Китайцы, арабы и монголы на протяжении многих столетий верили в магические свойства минерала, укреплявшего мужество завоевателей. Престижность нефрита и церемониального оружия из этого камня в сейминско-турбинское время прослеживается на примере топоров из Бородинского клада [13, с. 164, 166].

Статусные захоронения с большим количеством бронзового оружия и целыми комплектами нефритовых колец в одной могильной яме к западу от могильника Турбино I практически неизвестны. По-видимому, единственным на юге лесного Поволжья воинским погребением с подобным инвентарем останется усть-ветлужский кенотаф, обнаруженный автором статьи в начале июля 2001 г.

Остатки разрушенного оползнем погребального комплекса выявлены почти в самом центре нижней площадки Усть-Ветлужского могильника. В эрозионном обнажении дюны последовательно разобран участок грунта (примерно 40×40 см), содержащий находки из камня и металла. Предметы располагались следующим образом: у поверхности поднят крупный подтреугольной формы кремневый скребок; за ним на незначительной глубине параллельно береговой линии Чебоксарского водохранилища плашмя лежали 3 нефритовых кольца, не заходившие друг на друга; справа от колец находился бронзовый втульчатый кельт с деревянным вкладышем от топорика; между кольцами и кельтом отмечена тонкая медная пластинка, напоминавшая внешне обломок ножа или фрагмент какой-то накладки; чуть в стороне от указанных вещей залегал бронзовый пластинчатый нож-кинжал.

Металлические изделия, сопоставимые с известными общесейминскими образцами типологических разрядов К-14 и НК-6 (по классификации Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых) [12, с. 46, 92, 94–95], оперативно введены в научный оборот основным исследователем Усть-Ветлуги Б. С. Соловьевым [14, рис. 2, 9, 11]. Правда, в работе, посвященной абашевскому компоненту памятника, ссылаясь на мои находки, Б. С. Соловьев явно поспешил объединить в единый погребальный комплекс нож и кельт из захоронения с нефритом и «евразийский» металл — плоское тесло и нож с ромбической пяткой [14, с. 191] из другой обвалившейся летом 2001 г. древней могилы.

Уникальный для Марийского Поволжья нефритовый инвентарь типа Сейма-Турбино дождался публикации спустя 11 лет после обнаружения [10, с. 76].

В заключение не могу не коснуться вопроса о происхождении нефрита, собранного в сейминско-турбинских захоронениях.

Полвека тому назад О. Н. Бадер, опираясь на результаты минералогического исследования турбинской коллекции, писал: «Некоторые свойства нефрита среднеуральских месторождений и нефрита изделий из Турбинского могильника являются общими» [7, с. 95]. Правда, корифей уральской археологии считал, что «очень важный вопрос о происхождении турбинского нефрита — уральском или прибайкальском, памирском или каком-либо ином — остается открытым» [7, с. 95].

Ныне в археологической литературе превалирует мнение о том, что носителям сейминско-турбинских бронз были хорошо известны именно восточно-саянские (прибайкальские) месторождения нефрита [12, с. 244; 13, с. 164].

Признавая аргументированные доводы авторитетных коллег, автор склонен думать, что некоторая часть колец из погребений сейминско-турбинской воинской элиты может быть связана с обработкой нефритов апосерпентинитового типа, встречающихся на Южном Урале [15].

Литература:

1. Денисов, В. П., Жуковский А. С., Мельничук А. Ф. Новые материалы турбинско-сейминского хронологического горизонта Пермского Приуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. — 2011. — № 7. — с. 42–46.
2. Корочкова, О. Н., Стефанов В. И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском Озере под Екатеринбургом (раскопки 2009–2010 гг.) // Российская археология. — 2013. — № 1. — с. 100–109.
3. Молодин, В. И., Дураков И. А., Софеев О. В., Ненахов Д. А. Бронзовый кельт турбинского типа из Центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2012. — Т. XVIII. — с. 226–230.
4. Тишкин, А. А., Семибратов В. П. Бронзовый наконечник копья из Новиково (Бийский район Алтайского края) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы XVIII и XIX региональных научно-практических конференций. — Барнаул: Азбука, 2013. — с. 252–255.
5. Студзицкая, С., Кузьминых С. Галицкий «клад» — шаманский комплекс бронзового века // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое—первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки. — СПб.: Чистый лист, 2013. — с. 264–272.
6. Нефрит [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kamni-minerali.lact.ru/katalog-kamney/nefrit> (дата обращения: 25.12.2014).

7. Бадер, О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. — М.: Наука, 1964. — 176 с.
8. Кузьминых, С. В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // Краткие сообщения Института археологии. — 2011. — № 225. — с. 240–263.
9. Шалахов, Е. Г. Металлокомплекс могильника Усть-Ветлуга: о неизвестных находках 2001–2002 гг. // Альманах современной науки и образования. — Тамбов: Грамота, 2013. — № 4. — с. 205–207.
10. Шалахов, Е. Г. Погребальный инвентарь Юринского (Усть-Ветлужского) могильника сейминско-турбинского типа: кремль и нефрит // История и археология: материалы международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). — СПб.: Реноме, 2012. — с. 75–77.
11. Бадер, О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. — М.: Наука, 1970. — 176 с.
12. Черных, Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М.: Наука, 1989. — 320 с.
13. Шишлина, Н. Бородинский клад: продолжение поиска // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки. — СПб.: Чистый лист, 2013. — с. 156–169.
14. Соловьев, Б. С. Об абашевском компоненте Юринского могильника // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы международной научной конференции. — Чебоксары: ЧГИГН, 2003. — с. 188–192.
15. Евсеев, А. А. Нефрит_избранные находки [Электронный ресурс]. URL: http://geo.web.ru/druza/m-nephrit_0.htm (дата обращения: 29.12.2014).

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Мясная пища в свадебной обрядности туркмен: традиции и новации

Бекназарова Мая Атаевна, аспирант

Институт истории академии наук Туркменистана (г. Ашхабад)

Свадьба — самое радостное и торжественное празднество, сопровождающее жизнь каждого народа. Свадебный ритуал, являющийся одним из наиболее сложных комплексов традиционно-бытовой культуры, включает в себя и значительный пласт пищевой символики. По определению Е. Новик, «в свадьбе моделируются обменные отношения между двумя группами внутри коллектива, в результате чего происходит «переход» невесты (объекта, подлежащего «передаче») в группу жениха» [1, с.182]. Эти обменные отношения реализуются в цепи символических действий, включающих и пищевые обрядовые символы.

Изучение пищевой символики свадебного комплекса представляет значительный интерес в плане исследования традиционного мировоззрения туркмен. Вместе с тем, как отмечает Н. Шаханова, «материалы по пищевой символике могут быть использованы для характеристики этногенетических процессов и историко-культурных контактов данного народа» [2, с. 187].

В праздничных, в том числе и свадебных трапезах, отразились исторические и этнотерриториальные особенности питания туркмен. Для туркмен характерно сочетание двух моделей питания: тюркской скотоводческой и иранской земледельческой. Преобладание той или иной модели питания зависело от расселения отдельных племен, типа хозяйства, степени оседлости, этнокультурных связей с соседними народами. Меню свадебной трапезы туркмен зачастую сочетало в себе блюда, характерные для земледельческой и скотоводческой культуры.

Без обильного угощения не обходился ни один свадебный обряд. У большинства групп туркмен, в отличие от других среднеазиатских народов, большой пир «той» происходил в доме жениха и лишь у некоторых приамударыньских туркмен (хыдыр-или, баят) — в доме родителей невесты [3, с.325, 329].

В прошлом меню свадебной трапезы, включающее в себя основные черты всех праздничных трапез в целом, составлялось из наиболее почетных блюд. У кочевых огузов — предков туркмен, оно состояло из отварного мяса с бульоном и молочных напитков спиртового брожения [4, с.15]. В более позднее время, в связи с уменьшением содержания табунов лошадей и доения кобылиц,

обычай распития кумыса на свадьбе изжил себя и сохранялся до последнего времени только у ставропольских туркмен [5, с.165], но значение отварного мяса как непеременимого атрибута праздничного тоя повсеместно оставалось неизменным. Как отмечает В. Похлебкин, «туркменской кухне более, чем кухням других среднеазиатских народов, свойственны чисто мясные блюда, точнее блюда из одного мяса, прошедшего тепловую обработку без примеси других продуктов или гарниров» [6, с. 242].

Считалось, что каждый гость должен получить свою долю мяса. «Тойдан топукча» («С тоя хотя бы лодыжку») — гласит поговорка. Кроме свадебных блюд, подаваемых на торжестве, близкие родственники и друзья получали символическую долю и с мясного дара, преподносимого сватами. Основными блюдами на свадебном торжестве были мясные супы «гайнатма» или «чекдирме», к которым подавали различные хлебные изделия. «Гайнатма» («асма» у эрсаринцев и оламов) готовили, используя все мясо забитого животного, включая очищенные внутренности и конечности, в большом количестве воды. При приготовлении «чекдирме» мясо (за исключением конечностей) варили в небольшом количестве воды. Ставропольские туркмены и западные емуты угощали гостей обычно «бешбармаком» — отваренными в мясном бульоне кусками тонкораскатанного пресного теста, на которые выкладывали куски мяса и поливали соусом из жира с бульона, лука и молотого перца. Оседлые группы туркмен часто готовили такие блюда, как «дограма» — мелконакрошенные хлеб, мясо и лук смешивали и заливали бульоном, «япраклама» — крупно накрошенный хлеб заливали бульоном, сверху выкладывали куски мяса. Если у искони оседлых туркмен — мехинли «дограма» была обычным свадебным блюдом, то у салыров она шла как дополнение к основному блюду «гайнатма чорба». Текинцы Ахала чаще всего готовили мясную пшеничную кашу «ярма», которую подавали без хлеба, в чем этнограф А. Оразов видит пережиток древних скотоводческих традиций [7, с.33–34].

Традиции празднования свадьбы — «тоя» с широким размахом, обязательное приготовление нескольких мясных блюд характерны для туркмен и в настоящее время. Если рецепты приготовления таких блюд, как «до-

грама» и «ярма» по сей день остаются неизменными, то «япраклама» уже не включается в меню свадебных угощений, а «гайнатма чорба» готовится только из мяса (без внутренностей и конечностей), с добавлением томатов, картофеля. Меню свадебной трапезы обогащается различными салатами, холодными закусками. Обильное свадебное угощение готовят не только в доме жениха, но и в доме невесты.

На праздничном столе значительное место занимали и занимают плов, выпекаемые в казане различные виды хлебных изделий — «богурсак» (пишме), «челпек», «гатлама», однако исследование особенностей их потребления выходит за рамки данной статьи, и поэтому на них мы не будем останавливаться.

Этнокультурные особенности в распространении земледельческой и скотоводческой моделей питания проступают и при анализе состава меню ритуальных свадебных трапез, как бы санкционирующих обряд бракосочетания. Если в древнеиранской традиции символами сладкой жизни и плодородия считались крашенные яйца, орехи, свежие и сушеные фрукты, которые и включались в меню трапезы молодоженов, то в свадебном церемониале туркмен, у которых преобладали скотоводческие пищевые символы бракосочетания, главное место отводилось мясу, т.е. баранине.

Так, западные емути и ахальские текинцы в первый брачный вечер угощали молодоженов отварным бараньим сердцем, разделив его на две равные части, чтобы сердца молодых «соединились»; в некоторых аулах Ахала вместе с сердцем подавали еще и печень или почки (у махтуров). У мервских туркмен угощение молодоженов отварным курдючным салом и печенью должно было сделать их жизнь такой же сладостной, как сочетание этих продуктов. «Куйрык бауыр» — обрядовое блюдо из бараньей печенки с курдючным салом было одним из самых выразительных символов брака у казахов, киргизов, узбеков [2, с. 177].

Меню трапезы молодоженов у оседлых туркмен состояло из тюркских и иранских элементов сладкой жизни. Как отмечает Н. Лобачева, «смешение обычаев и обрядов разных культурных комплексов встречается в туркменских свадьбах на различных этапах свадебных церемоний и в различных пропорциях у разных туркменских групп» [8, с.325]. Так, у туркмен — емрели сноха жениха помещала между ладонями молодоженов кусочки сахара, соединяя их руки перед тем, как оставить наедине. Непосредственно перед этим в брачной юрте происходила ритуальная трапеза жениха и его друзей под названием «дош дограма» — «размельченная грудинка»: отварную грудинку (символ брака у кочевых тюрков), девять лепешек «гатлама», а также сахар размельчали, соединяли в одно и съедали, бросая при этом косточки от грудины за занавес, где сидела невеста [9, с.64–65].

Несмотря на некоторые изменения и дополнения, меню трапезы молодоженов в своей основе остается почти неизменным. Так, в большинстве районов и на сегодняшний

день снохе жениха, приехавшей со свадебным кортежем, в сыром виде преподносят сердце, печень, почки и курдючное сало животного, забитого в доме невесты, из которых в доме жениха и готовят ритуальное блюдо для молодоженов.

В целом, ритуальная трапеза молодоженов совершалась как магическое средство, направленное на обеспечение достатка будущей семье. Вкушение мяса от различных частей бараньей туши, по мнению Н. Лобачевой, «является проявлением магии плодородия — главного направления магической практики в свадебной обрядности» [8, с.299].

Свадебный ритуал у туркмен на каждом из этапов, будь то сватовство, непосредственно свадебная церемония, или послесвадебные взаимные посещения сватов и возвращение молодой в дом родителей — включал в себя обмен подарками между родственниками жениха и невесты. Обмен дарами по случаю свадьбы — явление глобального порядка, известное еще с первобытного общества. Свадебный дарообмен, по мнению Ю.И. Семенова, «связан с переходом от группового к индивидуальному браку, являясь той социальной гранью, которая отделяет первую ступень брака от второй» [10, с.197].

Анализ состава свадебного пищевого дарообмена у туркмен дает возможность определить соотношение и взаимодействие тюркских и иранских компонентов питания, которые зачастую тесно переплетаются друг с другом.

Обмен пищевыми дарами на свадебных торжествах осуществлялся как между родственниками (между организатором торжества и его родственниками и односельчанами), так и между сватами. В предметы родственного дарообмена не включались мясо или мясные блюда, поэтому здесь мы рассмотрим только дарообмен между сватами. Главными субъектами дарообмена выступали мать жениха и мать невесты, которые распределяли полученные дары среди своих родственников — участников церемоний. Предметами дарообмена между сватами служили баранина, хлебные изделия, сладости и готовые блюда, но в конкретном сочетании этих продуктов в «скатерти-подарке» — сачак наблюдались некоторые этнокультурные различия.

Система обмена мясными дарами с подробно разработанным знаково-символическим распределением частей туши, свойственная для скотоводческих тюрко-монгольских народов, была характерна для большинства групп туркмен, за исключением только искони оседлых. Традиции мясного дарообмена в прошлом освящены в работе М. Бердыева [11, с.117–118]. Мясной дарообмен между сватами «дөш алышмак» (обмен грудинкой) составлялся из наиболее почетных частей туши — головы, курдюка с крестцом, грудины и «двенадцати костей». Для приготовления мясного дара туша овцы обычно делилась по суставам и варилась в котле в «общем» супе; почетные части туши немного недоваривались и извлекались для составления дара, а остальные части, которые не считались «дарственными костями», шли вместе с бульоном на уго-

шение. У туркмен — эрсари практиковался и более архаичный способ приготовления дарственной туши — ее варили в отдельном казане целиком, не расчлняя на части. Обычай обмена грудинкой, являющейся как бы символом скрепления договора о браке у тюркоязычных народов, зафиксирован у узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков [8, с.298–333]. Баранью грудинку подавали и при приглашении зятя на угощение.

Если принимающая сторона не торопилась с вручением мясного дара, то могло последовать жесткое требование: «Дайте причитающиеся нам двенадцать костей!» («Он ики сүңкүмизи бериң!»). Если делегация была многочисленной, то принимающая сторона резала двух овец и доводила число костей до двадцати четырех. Грудинка и сверхпочетные крестец с курдюком (от этого куска не отрывались и почки), именуемые «гудалык», могли быть долей только сваты (гуда) или снохи (енге) — традиционного у тюркских народов «официального представителя» молодых.

После возвращения домой, мать жениха или невесты делились полученными дарами с членами свиты, с которыми поддерживали особо тесные отношения, т.е. отношения на уровне «взаимоодаривания овцами» («сөвүшли гатнашыян ер»). В противном случае этим связям мог быть нанесен существенный урон. У салыров, например, вареную голову овцы дарили родителям невесты, но последние никогда не одаривали ею родителей жениха, считая, что «одну голову», т.е. свою дочь они уже отдали им («овал бир баш бердик, ики баш бержек дәл»). В таких случаях голова становилась долей самой пожилой женщины из свиты матери жениха. «Двенадцать костей» раздавались остальным членам делегации согласно их статусу и степени родства. Большие трубчатые кости с мясом — берцовая, бедренная и плечевая — по значению приравнивались иногда к грудине и крестцу. Локтевая кость гары считалась малопочетной. Женщина, получившая этот кусок, могла бросить упрек словами, созвучными его названию: «Ганымына гары берди» (Врагу дала «гары») или «Гарып гөрүп гары берди» (Сочтя за беднячку, дала «гары»). Поэтому у салыров мать жениха или невесты, распределяя мясо среди членов своей свиты, отдавала только мясо с этой кости, а у марыйских текинцев, в отличие от ахальских, обычно вовсе не дарили ее. Мало ценились также лопатка и тазовая кость. У салыров женщина, получившая лопатку, поговаривала с обидой: «Мен палман дәл, пал бакжак дәл» (как известно, у тюрко-монгольских народов лопаточная кость применялась при гадании). Чтобы предотвратить возможную обиду, к таким кускам добавляли кусочки грудины или сала с крестца. У эрсари тазовая кость, которая как известно, имеет дырку, была наделена красноречивым символическим значением: при одаривании енге невесты нерасчлененной задней половиной туши обе тазовые кости вырезали и оставляли себе, подтверждая тем самым факт девственности невесты. У некоторых племен в дарообмен могли быть включены и некоторые другие кости.

Например, у салыров при нехватке костей, дальним родственникам давали ребра и шейные позвонки, а у нохурли шейные позвонки считались долей сваты.

Мясной дарообмен с персонификацией частей туши составлял неизменный компонент свадебных обрядов и сопутствовавших им трапез у скотоводческих народов Центральной Азии и Сибири. При этом совпадали не только обряды, но и некоторые их нормы. Например, у алтайцев и тувинцев, как и туркмен, грудинка и задняя часть туши (иногда крестец) считались долей родителей молодоженов [12, с.102–103].

В пищевом дарообмене народов Центральной Азии использовалось не только мясо, но и хлебные изделия, что, по мнению М. Бердыева, является результатом расположения между двумя полярными культурами: тюрко-монгольских скотоводческих и оседло-земледельческих индоевропейских народов [11, с.119]. Ритуализация тех или иных видов хлеба зависела от степени оседлости народов. У таджиков и узбеков-сартов — искони оседлых народов Средней Азии, центральным блюдом свадебного дарообмена был хлеб, испеченный в тамдыре. У туркмен предпочтение отдавалось хлебным изделиям, выпекаемым в котле (гатлама, челпек и богурсак), которые были символами праздничного торжества; без них не отправлялся ни один свадебный поезд. Хлеб, испеченный в тамдыре, мог быть использован только в родственном дарообмене, причем не столько как дар, сколько как «помощь продуктами» со стороны односельчан.

В целом, свадебная трапеза туркмен сочетала в себе черты и земледельческой, и скотоводческой культуры питания. Несмотря на некоторое своеобразие, у разных народов Центральной Азии наблюдается значительное число единых смысловых и семантических параметров пищевой символики свадебного комплекса. Это объясняется тем, что формирование этих представлений относится, вероятнее всего, ко времени существования единой тюрко-монгольской общности. Можно предположить, что этот комплекс складывался в однородной этнокультурной среде, с одинаковым уровнем социального развития еще в период сложения патриархальной общины, когда особенности предыдущего общественного и семейного строя еще были в достаточной силе. Этот этнический пласт, оказавшись составной частью ряда современных народов Центральной Азии, дал сходство в элементах культуры, в частности в их свадебных обрядах.

В современном туркменском обществе традиции свадебного дарообмена значительно трансформировались. Ведущая роль мяса постепенно отходит на второй план, а главными предметами дарообмена служат слоеные «гатлама», выпекаемые в котле «челпек», сладости. Во многих регионах о традиции мясного дарообмена на сегодняшний день помнят только старожилы, однако в некоторых селениях, например у нохурли, сарыков традиции дарообмена между сватами сохраняются, хотя и без соблюдения символической градации частей туши. В мясной дарообмен включается только грудинка, которой уже не

делятся с родственниками, а употребляют в пищу непосредственно в семье жениха или невесты.

Трансформация традиций мясного дарообмена в конце XX — начале XXI века, возможно, связана с изменениями в хозяйстве туркмен, современными реалиями празднования свадьбы, расширением ассортимента свадебных мясных блюд. По сравнению с жилищем и одеждой, пища меньше подвержена глобальным изменениям. Однако мясной дарообмен, свойственный скотоводческим народам Азии и Сибири, и сохранявшийся на протяжении веков, без сомнения должен был подвергнуться изменениям в обществе, где скотоводство уже не является основной отраслью хозяйства. Урбанизация, заключение экзогамных браков, смешанное проживание в городах

представителей различных племен привели к значительному размытию этнокультурных различий в пищевой обрядовой символике.

Несмотря на стойкое сохранение туркменским народом национальных традиций, меню свадебной трапезы туркмен значительно изменилось и дополнилось заимствованиями из мировой кулинарии. Проведение свадебного торжества в специально построенных «той меканы» — ресторанах на 500—1000 мест, за богато накрытыми столами стало традицией не только в городах, но и в сельской местности. И все же основные блюда туркменской кухни — дограма, ярма, плов, чорба продолжают оставаться неотъемлемыми блюдами праздничной трапезы туркмен.

Литература:

1. Новик, Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М., 1984
2. Шаханова, Н. Ж. Символические аспекты традиционной свадебной трапезы казахов // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989
3. Васильева, Г. П. О роли этнических компонентов в сложении свадебной обрядности туркмен // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968
4. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М. — Л., 1962
5. Курбанов, А. В. Ставропольские туркмены. Историко-этнографические очерки. СПб., 1995
6. Похлебкин, В. Национальные кухни наших народов. М., 2004
7. Оразов, А. Ритуальная пища туркмен // Материалы по исторической этнографии туркмен. Ашхабад, 1987
8. Лобачева, Н. П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. Москва, 1975
9. Таджов, А. Свадебные обряды туркмен-емрели // Материалы по исторической этнографии туркмен. Ашхабад, 1987
10. Семенов, Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974
11. Бердыев, М. С. Традиционная система питания туркмен. Ашгабат, 1992
12. Жуковская, Н. Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988

Исследователь Аллен Франк о болгаризации татарской идентичности

Тафаев Геннадий Ильич, доктор исторических наук, профессор

Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева (г. Чебоксары)

*Но дни будут идти, плестись,
На конце не поставишь точки,
Лишь в ушах вся истыкана жизнь
Ремингтона щелканьем четким.
Все равно: не грустишь, грустишь —
Юность чьей-то пятой поправа.
Соловьиная ночь, прости:
Попутру мне подняться рано.*

Михаил Сесель

Чтобы понять проблему «болгарской цивилизации» нам необходимо обратить внимание на деятельность исследователя Урало-Поволжского региона И. Н. Смирнова. Марийские, чувашские, да и татарские исследователи активно изучают научное наследство И. Н. Смирнова. Ак-

тивно используют его понятие «болгарская цивилизация» В. Д. Дмитриев и Г. И. Тафаев.

Как известно, будущий ученый болгарско-чувашской истории по происхождению был марийцем. Приведем его биографические данные из пособия «история и культура

марийского народа» [1]. В данном учебном пособии сказано: «И. Н. Смирнов (07.01.1856—15.05.1904) родился в селе Арино Моркинской волости. Его прадед (Андриян), дед (Яков), отец (Николай) работали священниками Моркинской и Аринской церквей. Они хорошо знали марийский язык. Яков Андриянович Смирнов на свои деньги открыл в Морках приходское училище, где учил грамоте детей местного населения. Очевидно, и Ивана ждала дорога в церковь, сан богослужителя. Поэтому родители не препятствовали его учебе в духовном училище, духовной семинарии в Казани.

Однако молодой И. Смирнов проявил завидный интерес к светскому образованию и в 1874 году поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. С отличными знаниями по всем предметам в мае 1878 года выдержал выпускные экзамены и получил золотую медаль.

В 1881—1882 годах И. Н. Смирнов защитил магистерскую диссертацию, был избран доцентом кафедры всеобщей истории, получил звание профессора. Он побывал за границей, где собирал научный материал о славянах в архивах Венеции и Рагузы, знакомился с работами западноевропейских историков и философов. Через 7 лет после окончания университета состоялась защита его докторской диссертации по истории южных славян.

Не без влияния ссыльного эстонского ученого М. Веске (активно изучал язык и фольклор финно-угорских народов Средней Волги) И. Н. Смирнов заинтересовался историей и этнографией нерусских народов Казанского края. Он издал серию фундаментальных историко-этнографических монографий: «Черемисы» (1889), «Вотяки» (1890), «Пермяки» (1891), «Мордва» (1895) и несколько научных статей. За эти работы в 1896 году он был удостоен Уваровской премии Академии наук и награжден Золотой медалью Императорского Русского географического общества.

Его труды, основанные на огромном фактическом материале, отличались свежестью взглядов и подходов к проблемам истории нерусских народов и получили широкую известность и научное признание. Очень скоро они были переведены на финский, французский языки. За свои исследования о финно-угорских народах Среднего Поволжья И. Н. Смирнов был избран членом Венгерского этнографического общества, финно-угорского общества в Гельсингфорсе (Хельсинки).

За свою короткую жизнь И. Н. Смирнов, а он умер от тяжелой и неизлечимой болезни, не достигнув и пятидесяти лет, написал почти 70 монографий, очерков, статей, отзывов, рецензий, в том числе «Очерки культурной жизни южных славян» (Казань, 1900—1904 гг.) в трех выпусках, ставших крупным достижением в русской славистике, «О значении знакомства с древним 'миром', «Наброски из истории финской культуры», «Доисторическое прошлое Поволжья», «Несколько слов о русском влиянии на инородцев в пределах Казанского края», «Задачи и значение местной этнографии» и другие.

Он оказал живительное влияние на формирование научных интересов и взглядов будущего профессора Н. В. Никольского (1878—1961), который еще в студенческие годы (Казанская духовная академия) этнографию коми, марийцев, мордвы, удмуртов изучал по его монографиям.

Долгое время в историко-краеведческой историографии И. Н. Смирнов считался одним из видных сторонников эволюционистской школы в российской этнографии, занимавшим при этом ее буржуазно-либеральные позиции. Лишь в последние годы признается, что, в частности, его «труд «Черемисы» стал значительным явлением в истории нашей науки... Многие положения и выводы книги И. Н. Смирнова не утратили своей научной ценности до настоящего времени и, бесспорно, должны быть в арсенале современного мариеведения» (Г. Айплатов). Между тем ещё в 1974 году работа ученого получила не совсем лестную оценку. Вообще ему вменялось оправдание правительственной политики в Марийском крае, отрицание классовой борьбы и участия населения края в «первых двух крестьянских войнах эпохи феодализма в России». Не признавалась оригинальность сочинения И. Н. Смирнова: якобы «многие фактические, цифровые и статистические сведения и материалы, а также толкование отдельных вопросов» оказались заимствованными у профессора Н. А. Фирсова.

Скорее прав был профессор А. С. Архангельский, когда писал, что И. Н. Смирнов «создал себе прочное имя в русской науке, имя, которое с уважением произносят и русские, и зарубежные ученые, — может быть за границей чаще и больше, чем в России». Швейцарский профессор Андреас Каппелер, к примеру, очень высоко оценивал и оценивает вклад И. Н. Смирнова в исследование богатой истории финно-угров России.

Как возникла работа И. Н. Смирнова? Вот как пишет сам автор: «Предлагаемый вниманию читателей очерк возник из отчета, который автор должен был представить историко-филологическому факультету в качестве члена снаряженной этим последним весной 1888 г. экспедиции для исследования черемис и собирания предметов их быта» [2].

Составитель А. Андреев отмечает, что И. Н. Смирнов писал о сильном влиянии тюрков на этноязык и этнокультуру черемис. В частности, отмечается: «Достоинством книги, на наш взгляд, является стремление выделить и увидеть в материальной и духовной культуре марийцев как свои особенности, так и заимствования, влияние другого компонента, особенно культуры соседних народов. По его мнению, в жизни, быту, духовной культуре марийцев преимущественно заметно влияние тюркских элементов, народов» [3].

К сожалению, автор не говорит о болгаро-чувашском влиянии. Он просто пишет о тюркском влиянии. Наиболее подробно о влиянии на черемис писали языковеды мира, а также региональные исследователи Н. И. Ашмарин, В. Д. Димитриев и другие. Недаром чуваш-горных

иногда называли черемисами. В.Д. Дмитриев в монографии «Чувашский народ в составе Казанского ханства в разделе «Об этнических терминах и источниках» писал следующее: «При использовании письменных исторических источников следует иметь в виду, что во второй половине XIV — первой половине XV вв. в русских летописях болгаро-чувашей нередко называли бесерменами, отличая их от татар, а в «Казанском летописце», указывая на бежавших в Приказанье и Заказанье чувашей после полного опустошения Болгарской земли в конце XIV — начале XV вв., автор называет «худыми (т.е. бедными. — В.Д.) болгарями».

«Вопрос о тождестве болгар, бесермен и чувашей проясняется и по сведениям о бесерменах-чуваших на реке Чепце в северной Удмуртии в XV — XVI вв. Первый документ, называющий переселившихся на Чепцу болгаро-чувашей чувашами, относится к 1510 г. Этот документ выявлен и опубликован М.В. Гришкиной. 18 декабря 1510 г. Московский великий князь Василий III выдал каринскому князю Девлечьяру Магмет Казыеву сыну жалованную льготную и несудимую грамоту на деревни в Чепецком стане Хлыновского уезда Вятской земли. В грамоте указывается, что «за ним (Девлечьяром. В.Д.) же де жили наши люди чюваша на Якимцове и на Иштинникове». А в жалованной грамоте Ивана IV от 6 мая 1542 г. трем казанским жителям было разрешено призывать на свои земли чувашей из Казанского ханства. Каринские князья в челобитной Ивану IV указывали, «что-де ис казанских мест казанские люди вотяки и чувашене хотят идти на мое великого князя имя на на Вятку жити, или у которых у вотяки и у чувашей жены их и дети в моей великого князя вотчине в полону (т.е. в плену. — В.Д.) на Вятке и они-де хотят прийти на мое же имя на Вятку жити за своими женами и за детьми, да не смеют-де идти без моего ведьяма». Просители получили согласие Ивана IV. Из этой цитаты видно, что и в Казанском ханстве болгаро-чуваши назывались чувашами. Согласно сохранившимся документам, чепецкие чуваша с 1522 г. одновременно именуются и бесерменами и в XVI, и в XVII веках. И.Н. Смирнов считал бесермен древнеболгарским населением. Исследователь истории и языка бесермен Т.И. Тепляшина анализирует высказывания многих ученых об этимологии этнонима «бесермене» и этногенезе бесермен. Она считает, что происхождение этнонима «бесермене» не связано со словом «басурмане». Как особая народность бесермене в письменных источниках появляются с конца XIV в. Они антропологически отличаются от татар, удмуртов и русских. «Покрой одежды, вышивки и головные уборы бесермен несколько напоминают чувашское». Она указывает на обнаружение в районе современного обитания бесермен болгарского погребения в с. Гордино. Исследуя язык бесермен, Т.И. Тепляшина приходит к выводу: «Язык бесермен подтверждает их болгарское (древнечувашское) происхождение. В фонетике и лексике языка бесермен сохранилось такого, что напоминает язык древнеболгарского типа» [4]

Далее о черемисах профессор отметил: «До конца XIV — начала XV вв. территорию нынешней Чувашской Республики севернее от реки Кубни между Сурой и Свиягой русские, начиная с XI в., считали черемисской землей. В связи с опустошением Болгарской земли, занимавшей территорию нынешних Самарской, Пензенской, Ульяновской областей, закамскую и юго-западную части нынешней Республики Татарстан и юго-восточную часть Чувашской Республики, оставшиеся в живых «худые болгары» — чуваша — заняли указанную выше территорию нынешней Чувашии — «черемисы» (горных марийцев). Часть горных марийцев сохранилась в нынешнем Горномарийском районе Республики Марий Эл, другая часть переселилась в Луговую сторону: ныне в семи районах левобережья совместно с луговыми марийцами живут горные; часть горных марийцев осталась в прежних местах, особенно на территории Моргаушского района современной Чувашской Республики, и ассимилировалась с чувашами. Несмотря на такие перемены, русские люди продолжали называть население Чебоксарского, Цивильского, Ядринского уездов «черемисами», «горными черемисами», а живущих в Свияжском, Казанском уездах XVII в. «худых болгар» и русские люди, и татары называли чувашами, марийцы — суасами. Вслед за русскими и западноевропейскими авторами, писавшими в XV — XVII вв. о населении Среднего Поволжья, чувашей указанных трех уездов называли черемисами. На карте А. Дженкинсона 1562 г. на территории нынешней Чувашской Республики помещена надпись: «Seremise gorni». Князь А.М. Курбский, описывая поход русских войск на Казань в 1552 г., писал: «Егда же переплывишася Суру реку, тогда и Черемиса Горняя, а по их Чуваша зовомые, язык (в то время слово «язык» означало «народ», «этнос», а язык называли «речью» — В.Д.) особый, начаша встречати по пяти сот и по тысяще их, аки бы радуящеся цареву пришествию, понеже в их земле поставлен он, предреченный град на Свияге». В другом месте своей книги он пишет, что Иван IV в 1552 г. из Казани возвращался в Москву «подле Волгу, зело притрудными стезями, по великим горам лежащими, на них же Чювашский язык обитает». В этих цитатах указывается не только на то, что под «горными черемисами» следует подразумевать чувашей, но определяется и граница территории, занимаемой ими в правобережье Волги от Свияги до Суры. Лингвист и этнограф Н.И. Золотницкий, имея в виду чувашей Чебоксарского, Ядринского, Цивильского, восточной части Козьмодемьянского уездов, писал, что болгаро-чуваши, утратив свою самостоятельность, с момента монголотатарского завоевания (вернее было бы сказать: со времени опустошения Болгарской земли. — В.Д.) более 300 лет скрывались под названием «черемисов». Фактически, они не скрывались, в челобитных себя всегда именовали чувашами, но чиновники их называли «черемисами» [5].

Историк и этнограф В.К. Магницкий в ряде своих опубликованных работ мотивированно доказывал, что «горные черемисы» на самом деле являлись чувашами.

Его волновало то, что историки не учитывали этого обстоятельства, вследствие чего «все, что следует относить к чувашам, приписывают их соседям, именуемым русскими «горными черемисами», а сами именующими себя «мари». Путем анализа многочисленных фактов этот вопрос разъяснен в статье В.Д. Димитриева. В русских источниках, следуя им — в западноевропейской литературе XV — XVII вв. территорию между Сурой и Свиягой севернее реки Кубни, до конца XIV — начала XV вв. занимаемую горными мари́йцами — черемисами, в ходе опустошения Болгарской земли освоенную чувашами, продолжали считать «черемисской землей» и ее обитателей называл «черемисами». Странно только, что на эту статью часто ссылаются представители казанской исторической школы, чтобы ложно «доказать», что чувашаи являются не болгарами, а «черемисами».

«В некоторых списках «Казанского летописца» чувашаи упоминаются под 1508 г. По-видимому, таким списком пользовался А.И. Лызлов при написании «Скифской истории», где он пишет об участии чувашей в торжествах в Казани в 1508 г. В опубликованных русских летописях наиболее раннее упоминание этнонима «чувашаи» относится к 1521 г. В письме к М.П. Петрову в июне 1925 г. Н.И. Ашмарин писал: «Все данные языка и истории говорят за то, что чувашаи — потомки древних болгар, но если это так, то следует думать, что древние волжские болгары были известны под именем, под этим названием только у других народов, сами же называли себя чувашами». Нами высказано предположение, что в Волжской Болгарии параллельно употреблялись этнонимы *сувар* и *суваз*. В арабской графике нет смягченного «с», «з». Слово «суваз» произносилось в форме «сюазь», как и указывал Н.И. Ашмарин. Позднее оно перешло в «чуваш», «чуваш». С XI в. этнонимы «сувар», «сувазь» ни в каких источниках не встречаются, а слово «сувар» сохранилось лишь в названии города Сувар.

Как уже указано выше, в IX — начале XIII вв. сформировалась древнечувашская (болгарская) народность путем объединения болгар, сувар и других болгарских племен, ассимилируя частично финно-угров — мари́йцев и оставшихся в бассейне Нижней Камы, Черемшана, Кондурчи и Кинели венгров, которые к 1236 г. не все еще были ассимилированы (тогда у них побывал венгерский монах Юлиан). После опустошения Болгарской земли в конце XIV — начале XV вв. оставшиеся в живых болгаро-чувашаи перебежали в Приказанье, куда еще в 70-х гг. XIV в. прибыла большая группа болгар во главе с их князем Хасаном (чув. *Хусан*), основала в 1370 (по В.Л. Егорову) или 1376 г. (по Р.Г. Фахрутдинову) город Старую Казань (*Иски-Казан* по-татарски, *Кив Хусан* по-чувашски), в Заказанье, где позднее образовались Верхняя, Средняя и Нижняя чувашские и другие даруги, в правобережье Волги между Волгой и Сурой севернее реки Кубни.

Все беженцы называли себя только чувашами, мари́йцы называли их суасами, удмурты — бигерами (болгарами), бессерменами» [6].

1. Таким образом, мы поняли, что влияние на черемис по утверждению Ашмарина было «как римляне». Получается, что языковеды мира отмечали, что в мари́йском (черемиском) языке до 1,5 тысяч болгаро-чувашских слов.

2. По мнению чувашского языковеда Н.И. Егорова таких слов доходит до 3 тысяч.

3. И.Н. Смирнов и Н.И. Ашмарин говорили о цивилизационном влиянии болгаро-чуваш на народы Среднего Поволжья.

4. После монголо-татарского нашествия и разгрома Волжско-Камской Болгарии значительная часть болгар ушла в леса Мари́й Эл и Удмуртии (Арской земли).

Исследователь Аллен Франк в монографии «Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России» много говорит о татарах и башкирах.

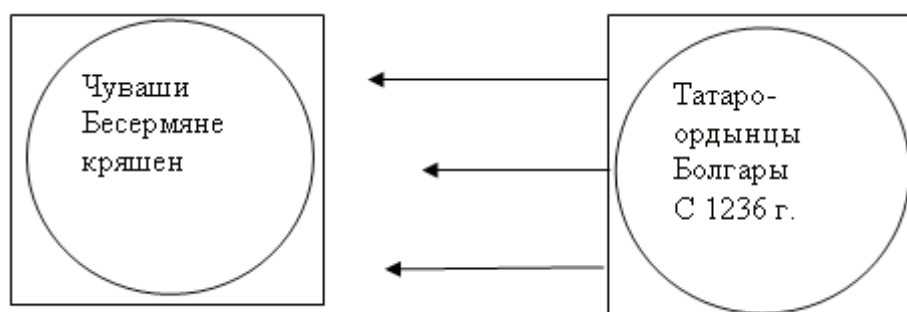
Монголо-татарское нашествие 1236 г.

Формируются:

1—3 Болгарский код (этногенез). В чем причина формирования болгарской идентичности у татаро-кыпчаков?

1. Термин «болгарская» он ставит в кавычках, то есть автор понимает, что оно условно для татар и башкир.

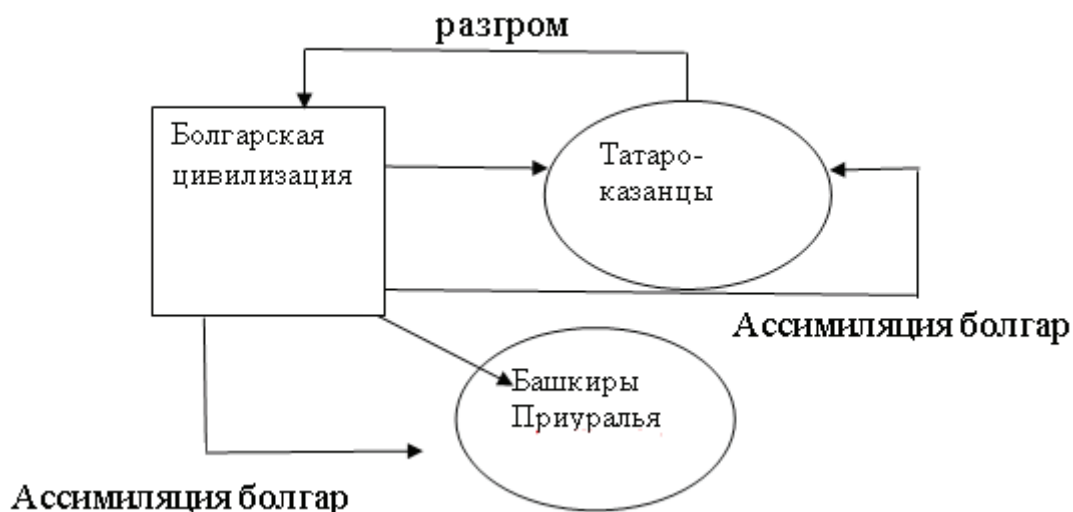
2. Чуваш автор не берет в расчет, а называет чувашских болгаристов «националистами».

3. Непонятно по какой причине зарубежный автор не относит чуваш к болгарам.

4. Непонятно по какой причине башкир относит к болгарам.

5. Всем понятно, что татаро-башкиры — это кыпчакский этнос и отношения к болгарам не имеет.

Аллен Дж. Франк в своем исследовании в разделе «Краткое этническое обозрение волго-уральских мусульман» [7] отмечает: «Данное исследование никак не претендует на то, чтобы быть историей волго-уральских мусульман, однако, сложность этнической истории и истории общинной идентичности заслуживает некоторого краткого освещения. Национальные идентичности (т.е. исторически-этнические нации) появились на исторической сцене относительно поздно, всего лишь в начале XX в., а их популярность — это результат внушения

в советскую эпоху. Важным элементом в этом процессе было создание национальных историй, которые отбросили в прошлое (иногда в древность) существование простейших национальных групп, действительно существовало подобное доказательство или нет. Централизация национальной идеи советского стиля не только выжила во время распада Советского Союза, но и смогла развиться в Волго-Уральском регионе, особенно в национальных республиках Татарстан и Башкортостан. Необходимо добавить, что специалисты по татарской истории за пределами бывшего Советского Союза в немалой степени оставались верны идее национальной истории татар» [8].

Далее автор указывает, что «В отношении национальных групп волго-уральские мусульмане разделились на две группы: татары и башкиры, каждая из которых с 1920-х гг. приобрела свою собственную «автономную» национальную республику внутри Российской Федерации, а также и сопровождение культурных институтов. Это умелое разделение, однако, опровергает очень сложную этническую историю в регионе, где мусульманские общества были разделены не столько ошибочными этническими линиями, сколько, возможно, частичным скрыванием некоторыми мусульманами своего происхождения и тонкими религиозными и общими различиями. Кроме того, использование этнонима «татары» для обозначения самой большой мусульманской группы в регионе также вносит путаницу. Этноним «татары» имеет длинную и сложную историю. Впервые он получил широкое использование в Европе и России после монгольских вторжений XIII в. для обозначения этих кочевников Центральной Азии (часто ошибочно пишется «тартар», и сегодня до сих пор встречается эта форма). Позже его стали использовать для обозначения центральных азиатов в целом, включая даже маньчжуров и их династию в Китае. В русском контексте он впервые был использован для обозначения центральных азиатов и первых тюркских мусульман-кочевников. Позже в России этот термин стал употребляться шире, для обозначения центральных азиатов в целом, были ли они тюрками, финно-уграми или сибиряками, были ли они мусульманами, христианами или язычниками. Этот термин также широко использовался для обозначения мусульман Кавказа [9].

«Волго-Уральском регионе термин «татары» обычно использовался русскими для обозначения местного мусульманского населения, часто видоизменяясь «волжские татары» или «казанские татары». С поднятием национального сознания многие из этих волго-уральских татар приняли имя «татары» как своё собственное, одни по понятным историческим причинам, другие ради удобства. В советские времена «татарская национальность» стала включать в себя не только волжских татар-мусульман, но также и крещёных татар (волжские татары-христиане), крымских татар (после изгнания с их собственных земель), астраханских татар (смешанная

группа, включающая ногайцев) и сибирских татар (ещё одна смешанная группа). Некоторые из этих групп имели этническую и политическую историю, не связанную с регионом Средней Волги, как, например, астраханские ногайцы и особенно сибирские татары. Другие, были этнически родственны с волго-уральскими мусульманами, но совсем не были мусульманами (т.е. крещёные татары), а крымские татары были «брошены» в татарскую национальность после их выселения в Среднюю Азию с целью покончить с официальным существованием отдельной нации крымских татар и представить на обсуждение (хотя бы бюрократически) их требования о том, что их национальные обиды должны разрешаться в рамках советских законов» [10].

Такова позиция автора. Автор монографии сделал акцент на исламскую составляющую. Он не обратил внимание:

- на христиан болгаро-чуваши;
- на христиан болгаро-бесермяны;
- на христиан болгаро-кряшен.

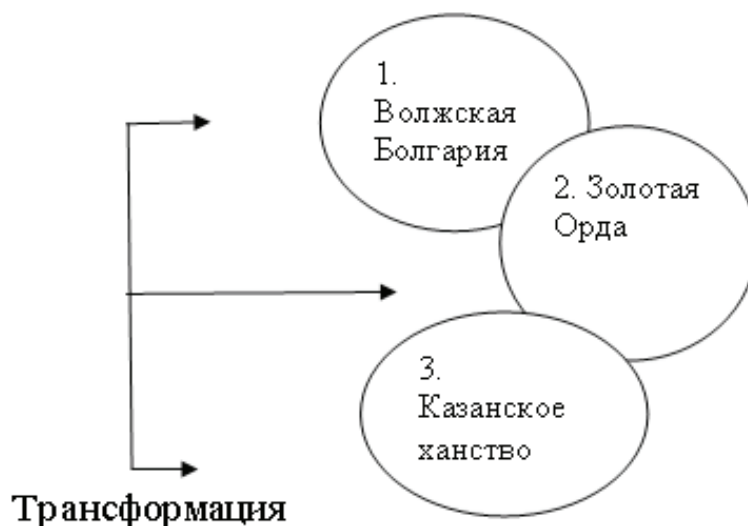
Вообще данные народы не рассматриваются А. Дж. Франком. Авторская позиция, конечно, однобокая. Он берет в расчет не этноязык, этнокультуру и этногенез народов Среднего Поволжья, а самоидентификацию по исламу, что не полностью научно — однобоко. Невозможно по одному исламскому (религиозному) критерию строить механизм «болгарской идентичности». Такой религиозный фактор ведет ученого (эксперта) к ложным выводам.

- чувашские ученые — националисты;
- татарские миссионеры оказываются несут правду истории и закрепляют «булгарскую идентичность»;
- получается, что Аллен Франк несет в себе цивилизационный (исламский) заказ.

В 2003 году в России была издана книга Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [11]. Можно сопоставить книгу-заказ А. Франка и позицию С. Хантингтона. Фактически они вписываются в понятие «информационной» войны. Кто кого? По А. Франку получается выращивание (конвертация-синтез) исламско-татаро-башкирской цивилизации внутри православной.

Именно в этом контексте и строится искусственное построение новой башкиро-татарской (болгаро-кыпчакской) цивилизации Золотой Орды и Волжской Болгарии.

1–3 трансформационный (политико-генетический) идеал булгарской самоидентификации. Фактически автор конвергенции (синтеза исторических эпох) формирует новую булгаро-кыпчакско-исламскую идентичность. Что дальше по А. Франку? «Они зачастую жили в регионах, где преобладали мусульмане, особенно на одном из двух берегов реки Камы и на севере Башкирии. Наряду с казанскими татарами и мишарями существовала другая большая мусульманская община, т.н. тептяри. Исторически тептяри были единственной общиной, проживающей в местности Уральских гор с XVIII в., особенно в Башкирии. Тептяри имели определённые землевладель-

ческие привилегии и, так как изначально не были исключительно мусульманами, стали таковыми к середине XVIII в. После того как советские переписчики тептяр 1926 г. не посчитали их за отдельную нацию, они зарегистрировали себя либо как татары, либо как башкиры, хотя сегодня всё ещё очевидно существование тептярской идентичности в большей или меньшей степени» [12].

«Башкиры — это другая основная мусульманская община в Волго-Уральском регионе. Лингвистическое положение башкир было сложным, т.к. башкиры Северного Башкортостана говорят на диалектах, по существу не отличимых от диалекта казанских татар. С другой стороны, южные башкиры говорят на несколько другом тюркском диалекте, разделяя многие лингвистические особенности с казахами и туркменами, а литературный башкирский язык основан на этих южных диалектах. Этническое происхождение башкир непонятно, но они упомянуты в трактате о путешествии Ибн-Фадлана как язычники, и многие учёные считают их произошедшими от средневековых венгров до их миграции в Центральную Европу. В любом случае есть небольшое сомнение, что исламизация башкир связана с исламизацией Золотой Орды под правлением Узбек-хана в XIV в. До XIX в. многие башкирские общины оставались степными кочевниками, в отличие от татар, и сохраняли многие особенности степных общин Центральной Азии. Первое и главное — они сохраняли систему племенной и клановой идентичности, которая сохранилась и по сей день, особенно в Южном Башкортостане. Возможно, самая важная особенность сохранения отдельной башкирской идентичности датируется периодом имперской России, когда власти наделили башкир эксклюзивными землевладельческими правами и другими привилегиями. В результате башкиры стали привилегированной общиной, и многие мусульманские (и немусульманские) общины пытались зарегистрировать себя башкирами; часто подобные группы интегрировались в башкирскую клановую и племенную систему» [13].

Далее автор пишет, что «Так во время имперской России внутри волго-уральской мусульманской общины существовало большое число этнических, общих и исторических различий, которые отличали одну общину от другой. Поскольку эти различия определяли индивидуальные общины, подобные виды идентичности не были неизменными, а скорее были гибкими и иногда частично совпадающими.

Тогда как выражения этнической и общей идентичности были центральными элементами в истории волго-уральских мусульманских общин, учёные имели склонность не замечать религиозного выражения идентичности. Игнорирование подобных элементов едва ли неожиданно в контекстах методологии советского или постсоветского происхождения и всё ещё распространено в бывшем Советском Союзе, но не менее очевидно в нескольких националистически вдохновленных работах, написанных на эту тему за пределами России. Этот факт указывает на недостаток упомянутой методологии, так как община появилась естественным образом и была очерчена религиозными условиями среди народов Центральной Азии, традиционно охватывая и волго-уральских мусульман. Это было в не меньшей степени правдой для мусульман, чем для язычников региона и местных христианских общин. Очень важно то, что религиозный компонент общинной идентичности был признан в Волго-Уральском регионе, особенно западные учёные признали, что многие волго-уральские мусульмане сохранили универсальную идентичность, будучи «мусульманами», предположительно без отличия самих себя от других мусульман. В действительности, как ещё будет обсуждаться в этой книге, мусульманская идентичность» [14].

Автор считает, что «Точно также, как они стараются определить исторически неизменное татарское национальное существование, многие современные татарские этнографы часто обозревают гибкость идентичностей среди волго-уральских мусульман» [15].

Выводы:

1. В процессе Урало-Поволжской фальсификации с 40 г. XX века все успешнее «болгаро-татарская идентичность» закрепляется в массовом сознании казанских татар.
2. На XXI век стало 1,950 тысяч татар (Татарстан и 2 деревни в Чувашии).
3. Экономическое влияние казанских татар, как известно, закрепляется в этнокультурном, а также в исламско-болгарском направлении.

4. Национальная идентичность формируется:

- болгаро-чуваши;
- болгаро-бесермяне;
- болгаро-кряшен;
- болгаро-татары;
- болгаро-ордынцы.

Литература:

1. История и культура марийского народа: Хрестоматия. — Йошкар-Ола, 1998. — 216 с.
2. История и культура марийского народа: Хрестоматия. — Йошкар-Ола, 1998. — С.15–16.
3. История и культура марийского народа: Хрестоматия. — Йошкар-Ола, 1998. — С.16.
4. Дмитриев, В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. — Чебоксары, 2014. — с. 57–58.
5. Дмитриев, В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. — Чебоксары, 2014. — с. 59.
6. Дмитриев, В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. — Чебоксары, 2014. — с. 60.
7. Франк Ален Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. — Казань: РИУ, 2008. — 266 с.
8. Франк Ален Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. — Казань: РИУ, 2008. — с. 17.
9. Франк Ален Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. — Казань: РИУ, 2008. — с. 17.
10. Франк Ален Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. — Казань: РИУ, 2008. — с. 18.
11. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603.
12. Франк Ален Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. — Казань: РИУ, 2008. — с. 21.
13. Франк Ален Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. — Казань: РИУ, 2008. — с. 22.
14. Франк Ален Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. — Казань: РИУ, 2008. — с. 22.

7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Городской быт Восточной Сибири XIX — начала XX вв. в музейной практике

Кожухарь Андрей Игоревич, магистрант

Евразийский лингвистический институт Московского государственного лингвистического университета (г. Иркутск)

Статья посвящена обзору экспозиционно-выставочной деятельности в Музее городского быта, филиале Музея истории города Иркутска, коллекции которого отражают повседневную бытовую культуру восточносибирского города на рубеже XIX–XX вв. Также рассмотрена деятельность структурного подразделения Музей чая, в котором представлена история восточносибирской купеческой чаеоторговли и ее влияния на городскую повседневность. Анализируется влияние межкультурных коммуникативных процессов, сопровождавших чайную торговлю, на повседневность Восточной Сибири и практика ее музеефикации.

Ключевые слова: городской быт, Восточная Сибирь, музейная деятельность, межкультурная коммуникация

В Восточной Сибири, в отличие от европейской России, дворянство было крайне немногочисленно и по большей части состояло из ссыльных и приезжего чиновничества. Таким образом, торговое сословие — купечество — приняло на себя значение структурообразующего элемента, формирующего устои и повседневный общественный уклад. Купцы делали значительный вклад в существование восточносибирских городов, а ведомый ими образ жизни постепенно транслировался в быт остальных сословий. Немаловажную роль в этом процессе сыграли и купцы-чаеоторговцы. И это не удивительно, учитывая само место Иркутска в системе чайной торговли. Именно чаеоторговцы во второй половине XIX в. стали преобладать среди восточносибирских купцов, и, говоря об их вкладе в общественную жизнь, можно судить о таковом вкладе восточносибирского купечества в целом. Кроме того, для купцов способность адаптации в той среде, в которой приходилось вести торговые дела, была залогом коммерческого успеха, а заимствования из восточной культуры, проникавшие сначала в быт самих купцов, а затем и прочих социальных групп, сформировали в восточносибирских городах моду на «восток». Она нашла свое отражение в предметах повседневного пользования, одежде, интерьерах, объектах декоративно-прикладного искусства и в некоторых элементах образа жизни в целом. Музеефицированные материальные свидетельства этого культурного обмена служат чрезвычайно важным и информативным источником, позволяющим увидеть эпоху так, как видели ее принадлежавшие к ней люди.

Межкультурные коммуникативные аспекты повседневности наиболее полно и информативно могут быть представлены в бытовых, интерьерных музейных экспозициях,

обеспечивающих своего рода погружение в историческую среду. Пример деятельности Музея городского быта, филиала Музея истории города Иркутска показывает продуктивность такого подхода. Его постоянная экспозиция и тематические выставки посвящены повседневной жизни иркутян конца XIX — начала XX вв. Необходимо отметить, что музей имеет некоторые проблемы с комплектованием, доля целевых закупок в котором начала расти лишь в последние годы. Основную же часть поступлений, по-прежнему, составляют предметы, переданные в дар иркутскими жителями, которые можно образно обозначить как «вещи из бабушкиных сундуков». Конечно, большинство из них нельзя отнести к раритетам, многие предметы нуждаются в реставрации; кроме того, в основном, в музей поступают экспонаты советского периода. Вместе с тем, даже при небольшом объеме фондов, относящихся к имперскому периоду, экспозиции создают атмосферу, позволяющую погрузиться в бытовую среду ушедшей эпохи.

Сам филиал располагается в доме, построенном в середине XIX в., который принадлежал семье купца Ф.М. Полканова. В 2009 г. здание было отреставрировано и передано музею для воссоздания интерьеров типичного иркутского дома среднего достатка рубежа XIX–XX вв. Дополнительно филиал включает подразделение, размещенное в отдельно стоящем здании постройки XIX в. Подразделение именуется «Музей чая» и содержит экспозицию, рассказывающую о чаеоторговой истории Иркутска и всего восточносибирского региона, его контактов с Китаем и Монголией. Чайная торговля была одним из ключевых аспектов исторического развития Иркутска и оказывала значительное влияние на повседневную жизнь иркутского общества, таким образом, экспозиции купе-

ческого интерьера Музея городского быта и Музея чая тесно взаимосвязаны. Обзор избранных коллекций и отдельных предметов, представленных в постоянных экспозициях и на некоторых временных тематических выставках, демонстрировавшихся в этих музеях, позволяет получить впечатление о том, как материальные свидетельства повседневной жизни могут работать в качестве музейных объектов и служить целям популяризации краеведческих знаний. В то же время, анализируя фонды музеев Восточной Сибири в целом, можно убедиться, что многие из этих предметов, сохранившиеся до наших дней, представляют собой весьма информативные источники по культуре городского быта XIX — начала XX вв.

К сожалению, фонды музеев экспонируются далеко не в полном объеме, поэтому важно обратить внимание на публикуемые каталоги музейных коллекций. Хотя имеется ряд содержательных изданий такого рода [1; 2], но они явно не охватывают все богатство культурно-бытовых коллекций восточносибирских и, в частности, иркутских музеев. В связи с этим, представляется важным отметить необходимость издания каталогов и путеводителей по экспозициям, представляющим историю повседневности восточносибирских городов, в том числе и по интерьерам иркутского Музея городского быта. Однако, как это часто происходит с выставками в российских региональных музеях, для коллекций Музея городского быта не публиковались каталоги, и данная проблема требует принятия соответствующих мер в ближайшем будущем, однако решение не может быть достигнуто исключительно самостоятельными усилиями музейных сотрудников. Для развития публикационной активности музеев требуются комплексные действия, в том числе, и на административном уровне.

В постоянную экспозицию Музея городского быта включены пять комнат: гостиная, столовая, кабинет, будуар и детская. Экспозиция детской и тематическая выставка «Мужское образование в Иркутске в конце XIX — начале XX вв.», представленная в 2010 г., отразили историю домашнего обучения и институционального образования для детей из иркутских городских семей указанного периода. Среди представленных экспонатов были некоторые книги и периодические издания для детей, такие как журнал «Задушевное слово», научно-популярные приложения к журналу «Нива», руководства и учебники по каллиграфии, географии, гигиене, математике и другим учебным дисциплинам, религиозная литература (1890-е — 1910-е гг.) [3, Инв. ОС 327, ОС 211а, ОС 238, ОС 1740, ОС 271—1, ОС 273—6, ОС 275—12, ОС 573—1, ОС 271—2]. Также выставлялись письменные принадлежности и некоторые фотографии учащихся (1910-е гг.) [3, Инв. ОС 143—26, ОС 1586, ОС 4—1, ОС 275—5, ОС 143—25, ОС 275—3, ОС 273—5, ОС 143—30, ОС 38—15, ОС 4—8]. Наибольший интерес представляют тетради и дневник, показывающий количество и темы уроков на каждый день и существовавшую систему школьных оценок. Кроме того, следует выделить стереоскоп и фотографические карточки к нему с видами различных пейзажей, природных явлений

и других стран, использовавшиеся на занятиях по географии в качестве учебных пособий (начало XX в.) [3, Инв. ОС 460—20, ОС 323].

В Музее городского быта был организован цикл временных выставок под названием «История одного предмета», который предполагал, что каждая выставка в цикле должна представлять эволюцию какого-либо бытового объекта на протяжении определенного исторического периода. В рамках этого цикла в 2012 г. были представлены выставки «Шкатулка», «Кабинетная скульптура» и «Чашка и подстаканник». На первой из них демонстрировались различного вида и предназначения шкатулки, изготовленные в разных декоративных техниках, российского, китайского и японского происхождения. Таким способом предполагалось отразить моду на ориентальную стилистику в восточносибирской повседневной культуре (1890-е — начало XX в.) [3, Инв. ОС 2359—53, ОС 1662—13, ОС 674—12, ОС 465—204, ОС 1631—23, ОС 733—4, ОС 1749—1, ОС 1047—2, ОС 184—1, ОС 1970—1, ОС 1692—2, ОС 1662—2, ОС 735—5]. Следующая выставка в этом цикле была посвящена металлическим и фарфоровым статуэткам и скульптурам, служившим для украшения гостиных, будуаров и кабинетов. Эти фигурки могли также выполнять функции ваз, подсвечников, карандашниц и пресс-папье (1890-е — середина XX в.) [3, Инв. ОС 1862, ОС 1631, ОС 1311, ОС 2427—23, 2427—24, 2171—8]. Эти две выставки отразили типичный подход к украшению восточносибирского купеческого городского интерьера конца XIX — начала XX вв., который подразумевал эклектичное сочетание европейского и азиатского влияния.

Третья выставка из того же цикла относилась как к Музею городского быта, так и к Музею чая. На ней были представлены чайные чашки, стаканы, подстаканники, чайники и другие предметы, связанные с сервировкой чайного стола и восточносибирской традицией чаепития XIX—XX вв. Хотя выставка включала некоторые предметы советского времени, они не упоминаются здесь, т.к. выходят за рамки рассматриваемой темы. Из предметов, относящихся к XIX — началу XX вв. на выставке были представлены деревянные пиалы, использовавшиеся чаоторговцами, путешествовавшими через Монголию, фарфоровая чайная посуда центральных российских и региональных сибирских фабрик, самовары, подстаканники [3, Инв. ОС 1842—17, ОС 1339—8, ОС 2041—1, ОС 2145—2, ОС 2145—3, ОС 466—4, ОС 628—8, ОС 2131, ОС 1613—6, ОС 744—4, ОС 744—5, ОС 1641—5, ОС 1871—1]. Также на выставке экспонировались несколько металлических банок и деревянных упаковочных ящиков для чая, призванных продемонстрировать не только как проходило чаепитие, но и какие сорта чая предпочитали иркутяне столетие назад [3, Инв. ОС 344—2, ОС 674—9, ОС 1692—3]. Три упомянутые выставки проходили в интерьерах гостиной и столовой, постоянная экспозиция которых также включает ряд характерных экспонатов, отражающих специфику восточносибирской бытовой культуры [3, Инв. ОС 295—1, ОС 27—45,

ОС 2937–1, ОС 2742]. Выставка скульптуры также задействовала интерьеры мужского кабинета, в постоянной экспозиции которого представлены вещи из обихода преуспевающего купца [3, Инв. ОС 1117–1, ОС 490].

Необычные аспекты повседневной жизни отразила выставка «Жестяная упаковка конца XIX — середины XX вв.», организованная в 2013 г. На этой выставке были представлены различные виды жестяной тары (1890-е — 1910-е гг.) для сладостей, производства известных российских фабрик «Абрикосова сыновья», «Эйнем», «Сиу и К^о», «Каргин и Савинов», «Жорж Борман» и др. [3, Инв. ОС 700–5, ОС 2157–1, ОС 2740–1, ОС 1778–5, ОС 2401–16, ОС 1672–1, ОС 2681, ОС 3020–5, ОС 344–9, ОС 1900–3, ВС 2791–4, ОС 2954–4], и для других пищевых продуктов — чая, меда, рыбных консервов, муки [3, Инв. ОС 2953, ОС 2620–8, ОС 344–3, ОС 2620–7, ОС 344–1, ОС 2469–1]. Так же были представлены упаковки для косметических средств: мыла, пудры, зубного порошка, крема, вазелина, талька [3, Инв. ОС 1692–4, ОС 1662–24, ОС 344–19, ОС 788–2, ОС 492–1, ОС 2427–5, ОС 674–8, ОС 344–21, ОС 344–7]. Основная идея этой выставки состояла в том, чтобы показать образцы упаковки рядом с копиями рекламы соответствующих продуктов, печатавшейся в «Сибирском торгово-промышленном календаре» (конец XIX — начало XX вв.). Таким образом, посетители имели возможность видеть, какие потребительские товары были распространены в Восточной Сибири в этот исторический период, как они рекламировались, насколько богат был ассортимент магазинов и сколько стоил тот или иной конкретный продукт. Выставка жестяной упаковки демонстрировалась в интерьерах гостиной, столовой и будуара. В постоянную экспозицию последней комнаты включены предметы, сопровождавшие женскую повседневность [3, Инв. ОС 2329, ОС 3038].

Временная выставка «Визит: Иркутский гостевой этикет на рубеже XIX–XX вв.», представленная в 2012 г.,

была подготовлена специально, чтобы продемонстрировать коллекцию визитных карточек, хранящуюся в Музее истории города Иркутска [3, Инв. ОС 1586–2, ОС 937–4, ОС 1948–1, ОС 2214–2, ОС 2214–3, ОС 937–5, ОС 1277–10, ОС 937–1, ОС 937–3, ОС 2214–1, ОС 1950–2]. Также на выставке экспонировались визитные аксессуары, такие как вечерние сумочки, шляпки, зонтики и т.п. [3, Инв. ОС 2779, ВС 1777, ОС 2439–6, ОС 2687–2, ОС 3031, ОС 2843, ОС 2359–46, ОС 1754–3]. Последняя выставка, на которой следует остановиться, называлась «Игровой досуг иркутян в конце XIX — начале XX вв.» Она была организована в 2013 г. и рассказывала о традиционном времяпрепровождении иркутской городской семьи среднего достатка в указанный период.

Опыт проведения экскурсий по временным выставкам и постоянным экспозициям Музея городского быта и Музея чая (в первую очередь, основная экскурсия «Повседневная жизнь иркутян конца XIX — начала XX вв.») подтвердил, что погружение в реконструированное бытовое пространство является более информативным и более понятным для посетителя. Узнавание предметов, аналоги которых, возможно, хранятся и у старших поколений его родственников или сопровождали его детство, помогает воспринимать историю региона через чью-либо личную или семейную историю. Процесс подготовки упомянутых выставочных проектов показал, что наиболее эффективным является представление краеведческой информации через историю повседневности жителей региона, чтобы обеспечить возможность взаимодействия с реальностью ушедшей, но оставившей след в музейных предметах. Кроме того, это позволяет продуктивно сочетать в рамках музейной работы экспозиционно-выставочную и научно-исследовательскую деятельность с целью более глубокого изучения социально-культурных процессов, т.к. информация, получаемая из музейных источников, это не просто сухие факты, но осязаемые свидетельства протекавшей жизни.

Литература:

1. Сибирский портрет XVIII — начала XX века в собраниях Иркутска, Красноярска, Кяхты, Новосибирска, Томска, Тюмени, Читы: Альбом / Вступ. ст. е.С. Зубрий, Л. Н. Снытко, А. Д. Фатьянов. Авт. — сост. Л. Н. Снытко. СПб., 1994. 172 с.
2. Чайный путь в коллекциях музеев Бурятии. Улан-Удэ, 2011. 72 с.
3. Фонды Музея истории города Иркутска

Христианские символы в Российской Императорской армии периода русско-японской войны

Марыжихин Вениамин Евгеньевич, аспирант

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (г. Комсомольск-на Амуре, Хабаровский край)

В начале 20 века наиболее ярко христианские символы отобразились на знаменах Российской Императорской

армии. Следует отметить, что знамя является важнейшим символом любой армии; в России, согласно «Уставу воин-

скому сухопутному», принятому царем Петром I в 1716 г., оно становилось и войсковой реликвией.

На всем протяжении военной истории менялись не только тактика боя, виды вооружений, но и знамена. Знамена Российской Императорской армии периода Русско-японской войны состояли из обязательных (полотнище, скоба, древко, гвозди, чехол и темляк) и необязательных (георгиевские и юбилейные ленты) элементов.

Их самой важной частью являлось полотнище, которое изготавливалось из шелковой материи высшего качества и крепилось непосредственно к древку с помощью специальных знаменных гвоздей. Полотнище знамени было цельнотканым, что «обеспечивало большую прочность и долговечность знамени, по сравнению с тяжелыми регалиями обр. 1883 г. На лицевой стороне выткано изображение Спаса Нерукотворного, причем каемка вокруг иконы по цвету повторяет кайму знамени» [3, 14]. Над иконой надпись «СЪ НАМИ БОГЪ». Именно изображение Спаса Нерукотворного чаще всего и встречалось на знаменах Российской Императорской армии.

Спас Нерукотворный — особый тип изображения Христа, представляющий Его лик на убрусе (плате), или Керамидион — лик Спасителя на глиняной доске.

О происхождении реликвии, послужившей источником иконографии, существуют две группы преданий, каждая из которых сообщает о её нерукотворном происхождении.

Общецерковное восточное предание о Нерукотворном Образе более древнее. Оно прослеживается с первой половины IV века и связано с посещением Иисуса Христа художником Фаддеем, посланного больным царем г. Эдессы Авгарем. После того, как Фаддей не сумел изобразить Христа, Спаситель умыл лицо, отёр его платом (убрусом), на котором остался отпечаток лика и вручил художнику. Согласно преданию, Мандилион стал первой в истории иконой.

Западный вариант предания возник, по разным источникам, от XIII до XV в. и, вероятнее всего, в среде францисканских монахов. Согласно ему, благочестивая еврейка Вероника, сопровождавшая Спасителя в Его крестном пути на Голгофу, подала Ему льняной платок, чтобы Христос мог отереть с лица кровь и пот. Лик Иисуса Христа запечатлелся на платке. Реликвия, именуемая «плат Вероники», хранится в соборе св. Петра в Риме. В западной иконографии отличительная особенность изображений «Плата Вероники» — это терновый венец на голове Спасителя.

Знамена с изображением Спаса Нерукотворного имели 14 и 15 сибирские стрелковые полки, участвовавшие в обороне Порт-Артура; кроме этого, 17 и 18 сибирские стрелковые полки.

Кроме Спаса Нерукотворного, на знаменах полков периода Русско-японской войны встречалось изображение и Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийского. Такие знамена имели, например, 93 пехотный иркутский Его Императорского Величества Великого Князя Михаила Алексеевича полк; 104 пехотный полк.

Согласно житию, святитель Николай родился в Малой Азии в III в., в греческой колонии Патара римской провинции Ликия, в семье состоятельных родителей-христиан, где и получил начальное образование.

«Николай был очень религиозным с раннего детства и полностью посвятил свою жизнь христианству» [4, 36]. Святитель Николай почитается как чудотворец; он также известен своим молитвами за моряков и путешественников, и как защитник оклеветанных, часто избавляющий их от судьбы невинно осужденных.

Лик другого христианского святого — великомученика Георгия Победоносца был изображен, например, на знамени 95 пехотного полка.

Святой Георгий — родился в III в. в Каппадокии в семье христиан. Поступив на военную службу, он, «отличавшийся умом, мужеством и физической силой, стал одним из тысяченачальников и любимцем императора Диоклетиана» [4, 665]. В 20 лет, после кончины матери, получив богатое наследство, юноша отправился ко двору, надеясь достичь высокого положения. Начавшиеся гонения на христиан застали его в Никомидии. Он раздал все свое имущество бедным и перед императором объявил себя христианином. Георгия арестовали и стали пытать; после восьмидневных тяжких мучений он был обезглавлен. Это наиболее почитаемый христианский святой.

На Георгиевских знаменах, на лицевой стороне в рамке под иконой, нашивался «отрезок Георгиевской ленты с вышитой по прибору надписью отличия, годом пожалования и вензелем Государя, пожаловавшего отличие» [2, 175].

Иногда на знаменах Российской Императорской армии изображались и апостолы; например, на знамени 19 пехотного полка был изображен святой апостол Петр.

Апостол Петр — это один из двенадцати апостолов (учеников) Иисуса Христа. Он родился в Вифсаиде, в семье простого рыбака Ионы, и, как и брат Андрей, тоже был рыбаком. Первоначальное имя апостола было Симон; имя Петр возникло от прозвища Кифа (арам. — камень), которое ему дал Христос. Став учеником Спасителя, Петр сопровождал Его на всех путях Его земной жизни.

Итак, образы Спасителя и христианских святых достаточно активно изображались на знаменах Российской Императорской армии и выполняли роль полковых святынь.

Кроме этого, христианские символы нашли свое отображение и в военных наградах. Российская наградная система была разработана и учреждена еще Петром I в 1698 г., и состояла из орденов, медалей и знаков отличия. Во время Русско-японской войны, а также после ее окончания, система наград дополняется новыми видами.

Наиболее распространенной была медаль «В память о Русско-японской войне», утвержденная 21 января 1906 г. по указу императора Николая II.

Диаметр медали — 28 мм. На ее лицевой стороне в нижней части, вдоль бортика, надпись: «1904—1905», над которой изображено окруженное лучами «Всевидающее Око». Это сложная символика-аллегорическая

композиция, изображающая Всевидающего Бога, появляется в русской иконографии с конца XVIII в. Сначала — как купольное изображение в храмах: на вершине свода или какой-либо его части; позднее из купольного оно переходит в изображение, выполненное на иконописной доске, как икона. Композиция проникла из католической иконографии, она неканонична. Догматическим основанием этого изображения являются слова: «Вот, око Господне над боящимися Его и уповающими на милость Его» (Пс.32:18).

На оборотной стороне медали — горизонтальная надпись церковнославянским шрифтом в пять строк:

«ДА
ВОЗНЕСЕТЬ
ВАСЪ
ГОСПОДЬ
ВЪ
СВОЕ
ВРЕМЯ»

Эти слова являются цитатой из Нового Завета:

«Итак, смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас Господь в свое время» (1 Петра 5:6).

А.А. Игнатьев, в своей работе «Пятьдесят лет в строю», утверждает, что изначально надпись состояла из фразы «ДА ВОЗНЕСЕТЬ ВАСЪ ГОСПОДЬ», но при утверждении этого проекта Николай II лично выбрал текст сразу в том виде, в каком он и присутствует на обороте медали.

Ею награждались военные, участвовавшие в Русско-японской войне, а также медицинские работники и священники, состоящие на службе; штатские лица, отличившиеся в боевых действиях. Причем, медали из разных металлов вручались разным категориям награждаемых.

Серебряный вариант предназначался для награждения защитников Квантунского полуострова и Порт-Артура. Награждены были лица, участвовавшие в данных военных событиях, в том числе, даже жители Порт-Артура, защищавшие его.

Вариант медали из бронзы полагался военным и морякам, независимо от звания и должности, в том числе добровольцам, которые побывали хотя бы в одном сражении против врага на суше или на море.

Медали из меди были вручены военным, не принимавшим прямого участия в боях, но «состоящим на службе в действовавших армиях и находившихся до дня ратификации мирного договора на Дальнем Востоке и вдоль Транссибирской магистрали и Самаро-Златоустовской железной дороги, в местностях, находившихся на военном положении. Аналогично с другими вариантами медали, ею награждались военные, моряки, пограничники, ополченцы, священники, врачи, если эти лица находились по обязанностям службы при войсках или врачебных заведениях» [4, 272].

Также во время этой войны происходили награждения Георгиевскими крестами нижних воинских чинов за храбрость. Награда представляла собой крест, с расширяющимися концами; в центре креста — круглый медальон с изображением великомученика Георгия Победоносца, поражающего копьём змия.

Кроме этого, в 1904 г. была учреждена медаль «За бой „Варяга“ и „Корейца“»; а после окончания войны — медаль Красного Креста «В память Русско-японской войны» (1906 г.) и медаль «В память похода эскадры адмирала Рожественского на Дальний Восток» (1907 г.).

К десятой годовщине начала обороны крепости — 14 января 1914 г. был утвержден, как нагрудный знак, крест «За Порт-Артур». Имелось две разновидности этого знака: серебряный — для награждения офицерского состава и светло-бронзовый — для нижних чинов.

Концы креста (42х42 мм) уширены на манер Георгиевского, но со скрещенными в центре мечами (рукоятками вниз); в розетке, стилизованной под шестибастионный многоугольник крепости, на белой эмали изображен черный силуэт эскадренного броненосца с хорошо различимыми бортовыми орудиями. На двух горизонтальных концах креста помещены крупные выпуклые надписи: на левом — «ПОРТЪ», на правом — «АРТУРЪ»; на обороте знака имеется штифт для крепления его на одежду.

Встречаются подобные кресты и из светлой бронзы, несколько отличающиеся от вышеописанного. Они не имеют в розетке эмали, корабль на них изображен в профиль (правым бортом).

Таким образом, на формирование системы наград Российской Императорской армии периода Русско-японской войны оказали значительное влияние символы христианства.

Литература:

1. Библия. Библейское общество, М., — 1995. — 1372с.
2. Вилинбахов, Г. В. Русские знамена / Г. В. Вилинбахов. — СПб., 2005. — 288 с.
3. Шеняков, Т. Н. Знамена и стандарты Российской императорской армии конца XIX — начала XXвв. / Т. Н. Шеняков. — М.: ООО «АСТ-Астрель», 2002. — 48 с.
4. Православная энциклопедия. Т.Х. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. — 751 с.
5. Чепурнов, Н. И. Наградные медали Государства Российского / Н. И. Чепурнов. — М.: Русский мир, 2000. — 768 с.

Биби-сешанба — богиня или святая?

Соколова Людмила Михайловна, преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Среди религиозных (или считающихся таковыми) представлений народов Средней Азии и обрядов, связанных с ними, большое внимание исследователей — этнографов и историков — привлекают церемонии в честь «святых» Биби сешанба и Биби мушкулкушод. Несмотря на то, что первые исследовательские работы в этом направлении опубликованы Андреевым М. С. [1] ещё в 1927 году, и далее последовали такие широко и полно разработанные исследования, как «Коран и розовое пламя» Рахимова Р. Р. [11] диссертационные монографии Горшуновой О. В. [4] и Аширова А. А. [2], а также ряд статей указанной тематики, всё ещё не решен вопрос об истоках и персоналиях культа.

Общая «составляющая» церемоний Бусешанба и Биби мушкулкушод — умиловительная и защитная (апотропеистическая). Религиозные обряды подразумевают «диалог» человека с божеством или с его посредником — святым. В конечном счёте целью религиозной церемонии лежит «задабривание» конкретного существа, пусть и трансцендентного. Не случайно главу, посвященную этим обрядам, Р. Р. Рахимов назвал «Терапия чёрной полосы». Обряды, посвященные «диалогу» с Бусешанба и Биби мушкулкушод проводятся следующим образом: в дом приглашаются нечётное число женщин, которые под руководством «специалиста-ведущей» участвуют в прослушивании сказания о Биби Сешанбе и Биби мушкулкушод и вкушают ритуальные блюда, приготовленные обычно на молочной основе.

В Намангане можно провести часть обряда «заочно»: передавать некоторое количество муки, ваты, масла и денег «женщине-специалисту», которые она использует для чтения у себя «на дому», затем по прошествии нечётного количества недель провести обряд уже с приглашением женщин. Как отмечает Д. С. Нарзуллаева в своей статье «Интерпретация образа «момо» в узбекском фольклоре», обычно слово «момо» применяется к пожилым женщинам с большим жизненным опытом. Женщины именно такого возраста являются руководительницами церемоний [9].

Состав участниц обрядов разнится. Так, Рахимов Р. Р. отмечает: «Чрезвычайно интересно, что угощать мужчин, включая даже детей мужского пола, обрядовой пищей или угощениями, поданными к дастурхану, никоим образом не полагается. Их присутствие на церемонии запрещено категорически. К участию в обрядовых действиях не допускаются даже женщины, сохраняющие фертильность, из опасения, что они могут быть беременны, а пол плода — неизвестен. Это объясняет и то, почему действующими лицами обряда являются пожилые женщины» [11].

В силу специфики обряда Биби мушкулкушод состав его участниц шире — обычно замужние, вдовы, разведённые женщины, девушки, у которых не складывается с замужеством. Немаловажно то, что изюмом, очищенным в ходе обряда, угощают и мужчин.

Молодёжь Намангана, как юноши, так и девушки, имеет крайне отдалённое представление об обрядах и их содержании. Более того, даже проводящие обряды и участвующие в них женщины не знают, к кому конкретно они обращаются с просьбой о помощи во время церемонии. На соответствующий вопрос они отвечают «Не знаю. Просто это **она** (мать)». В настоящее время в нашей, Наманганской, области существуют два места поклонения «Биби мушкулкушод» — её могила близ посёлка Кум-курган и ещё одна в черте Намангана на кладбище «Он бир Ахмад». Наличие двух могил говорит о вымышленности персонажа, а также свидетельствует о том, что в основе обряда лежит поклонение духу предков.

Следует отметить, что официальное духовенство не одобряет проведение указанных обрядов, мотивируя тем, что это «нешариатские деяния». Распоряжениями САДУМ «О недозволенности и вредности дел, совершаемых новоявленными нелегальными продавцами книг» сказания о Бисешанбе и Биби мушкулкушод вошли в перечень нежелательных изданий. Следовательно, обряды, о которых идёт речь, являются домусульманскими, так как трудно предположить, что столь устойчивый обычай появился в годы советской власти [14].

Попробуем определить «истинный облик» Бибисешанбы и Биби мушкулкушод, учитывая, что под термином

«узбекские обряды» подразумеваются реликты сосуществования различных религий и верований. Как пишет А. А. Аширов, «... с распространением и доминированием в регионе ислама архаические обряды не исчезли, адаптируясь и имплантируясь в ислам, они образовали с ним новый обрядно-мировоззренческий симбиоз, и в этом трансформированном и по своей сути синкретичном виде сохранились до настоящего времени» [2].

Следует отметить, что многие обряды народов Средней Азии формировались под влиянием культурно-мировоззренческого массива Малой Азии, в том числе религиозные церемонии иранского и таджикского этносов. Для того чтобы в дальнейшем было легче ориентироваться в приведённом ниже материале, приведём географическое определение Малой Азии: «Малая Азия — полуостров на западе Азии, составляет срединную часть Турции. Омывается Средиземным, Эгейским, Мраморным и Чёрным морями и проливами Босфор и Дарданеллы. Малоазийское нагорье —

нагорье в Турции. Внутренняя часть занята Анатолийским плоскогорьем, которое окаймляют Понтийские горы и Тавр. На востоке без резких границ переходит в Армянское нагорье, на западе — в систему хребтов и впадин, относящихся главным образом к бассейну Эгейского моря» [12].

Не случайно в монографии А. А. Аширова устанавливается сходство культа авестийского божества Митры и культа покровителя земледелия Бобо-дехкана и утверждается тезис об их генетической преемственности [2, с. 7]. Но Митру почитали не только в Иране, но и в Римской империи от Евфрата до Рейна, в Дура-Европосе отождествляли с Юпитером, в других случаях — с Зевсом. Митра-Михр входил в триаду верховных богов Армении [8, с. 157].

Мистическая обрядовая практика узбекского народа имеет общие черты и с ассирио-вавилонскими церемониями. Д. С. Нарзуллаева приводит текст заклинаний, в которых момо представлен как злой дух [9, с. 71–73]:

Момо бўлсанг, кўлга кўч, Зиён бўлсанг, чўлга кўч, Арвоҳ бўлсанг, гўрга кўч.	Если ты момо, переселяйся в озера, Если ты вред, переселяйся в пустыню, А если привидение, то переселяйся в могилу.
Момо кирна бўлсанг, чик, Арвоҳ кирна бўлсанг, чик, Жин кирна бўлсанг, чик.	Если вошла момо, то выходи, Если вошло привидение, выходи, Если вошел бес, то выходи.
Чик, бадбахт, чик! Чиқармасам менга лаънат, Чикмасанг сенга лаънат!	Выходи, несчастливый, выходи! Если не выведу, проклятие мне, Если не выйдешь, тебе проклятие!

При сравнении вавилонского заклинания в переводе ассириолога В. К. Шилейко обнаруживаются несомненные общие черты с приведённым узбекским текстом: «Злой дух, злой демон, злой призрак, злой чёрт, злой бог, злой бес, все эти злые, — да не коснутся моего тела, да не свирепствуют передо мною, да не проникнут они в мой дом, да не сломают мою ограду, да не проникнут в моё жилище» [3, с. 88–89].

С другой стороны на обрядность народов Средней Азии, хотя и не столь мощно, оказали влияние и индийские традиции. Р. Р. Рахимов, отмечая очистительную роль огня в рассматриваемых церемониях, пишет об индийских параллелях — Шиве и Агни [11]. И. Джаббаров, Г. Дресвянская пишут об изображении четверорукой богини во дворце древнего города Бунджихата VI–VIII века, и относят его к местным, индийским и греко-римским традициям [5, с. 133].

Те же авторы отмечают, что в живописи Пенджикента в пантеоне изображаемых богов были Марс, Сатурн, Венера и другие светила, которых почитали в определённые дни недели, отражённые в местном календаре [5, с. 134].

Таким образом, мы «имеем право» для определения истоков образов Биби сешанба и Биби мушкулкушод привлечь мифологию шумеров, греков, римлян и других народов, которые имели культурные связи с народами

Средней Азии, для чего обратимся к помощи космогонии. То, что некоторые сказания и легенды седой древности несут космогоническую информацию, мы показали в статье «Космогонические мотивы в узбекской народной сказке «Тахир и Зухра», опубликованной в журнале «Молодой учёный» № 17 (76, октябрь-2014 г.).

Сказание о Бибисешанбе, повествующее, как девушка изменила судьбу с помощью феи не просто напоминает, а в некоторых моментах является аналогом французской сказки о Золушке и русской «Крошечки хаврошечки». Надо отметить, что и в узбекской, и в русской сказках фигурирует корова, в то время, как «хавронья» по-русски означает *свинья*. В этой связи вспомним узбекское *говмиш* — молочная, дающая много молока корова, *говрон* — хворостина пастуха, русское *говядина*, санскритское *go* — корова, бык. На наш взгляд правильная лексема «говрошечка» со временем в русском языке приобрела неверное звучание, следовательно, узбекская и русская сказки объединены единым мотивом коровы-пряжи и ткачихи.

Легенда о Биби мушкулкушод, насколько нам известно, распространена меньше. Но если сказание о Бибисешанбе имеет такое широкое географическое распространение, следовательно, имеет и глубокие временные корни. Кроме того, на астральные истоки обрядов указывает их

привязка ко вторнику и среде. Рассмотрим таблицу наименований дней недели в языках Малой Азии и Европы. Таблица не претендует на абсолютную точность, так как счёт времени разных народов неоднократно менялся, менялось и количество дней в неделе — от семи до восьми и девяти. В таблице отражена, скорее, проекция на совре-

менность. Очевидно, что в языках латинской семьи ясно прослеживается связь дней недели с названиями планет, унаследованная, возможно от Вавилона. Частично совпадают названия в греческом и армянском языках. Полностью потеряна ныне связь с астрономией в современных таджикском и узбекских языках.

Язык	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Английский	Monday	Tuesday	Wednes-day	Thursday	Friday	Saturday	Sunday
Армянский	Երկուշաբթի «лусни»	Երեքշաբթի «грат»	Չորեքշաբթի «пайлацу»	Հինգշաբթի «луснтаг»	Ուրբաթ «арусьяк»	Շաբաթ «еревак»	Կիրակի «арегаки»
Греческий	Δευτέρα	Τρίτη	Τετάρτη	Πέμπτη	Παρα-σκευή	Σάββατο	Κυριακή
Итальянский	lunedì	martedì	mercoledì	giovedì	venerdì	sabato	domenica
Латинский	Lunae dies	Martis	Mercūri	Iovis	Venēris	sabbātum	dies Solis, dies domenica
Перевод с латинск.	«день Луны»	«день Марса»	«День Меркурия»	«день Юпитера»	«день Венеры»	«день Сатурна»	«день Солнца»
Старосла- вянский	Трудень Морена	Вторник Ярило	Третинник Велес	Четверток Перун	Пятък Макошь	Шесток Сварог	Дажьдбог Солнце
Вавилонский	Нанна?	Нергал	Набу	Мардук	Иштар	Нинурта	Уту?
Французский	lundi	mardi	mercredi	jeudi	vendredi	samedi	dimanche
Таджикский	душанбе	сешанбе	чоршанбе	панҷшанбе	ҷумъа	шанбе	якшанбе
Узбекский	dushanba	seshanba	chorshanba	payshanba	juma	shanba	yakshanba

На первый взгляд женской планете безраздельно отдана только пятница. Её хозяйкой является Венера, она же Инанна, Иштар, Нинхурсага, Афродита, Астарта, Тара. Её изображение также есть среди росписей Пенджикента. Понедельник является днём луны, но луна в Шумере принадлежала богу Нанна — отцу Утту и Инанны. Намного позже планета стала относиться к женским божествам Артемиде, Луне, Диане. Остальные дни недели находятся под покровительством мужских планет.

Почему всё же в Средней Азии женские обряды приурочены обычно ко вторнику и среде? Обратимся к статье Ш. Устаева «Дни недели в поверьях народов Южного Узбекистана», зафиксировавшей материалы юга Узбекистана 60-х годов XX в. В ней отмечается, что счёт недели вёлся от субботы, но воскресенье считалось первым от субботы днём. Кроме официального цикла сохранились ещё недели «базарного цикла», при котором отсчёт дней вёлся от базарного дня. Существовало ещё деление дней недели на «соатли» и «соатсиз кунлар» — позволяющие и не позволяющие дни. Куграды обязательно узнавали у «кун санар» — специальных лиц, ведущих счёт дням — о том, благоприятен ли тот или иной день для начинания дела [7, с. 148].

Овидий в своих «Метаморфозах» повествует:

45. Знай же однако: у разных дней и порядки различны, Каждое утро свои правила нам подает.

Будет «несудным» тот день, когда запрещаются сделки, Будет «судным», когда тяжбы вершатся в судах.

Но и не всякий ведь день напролет этим правилам верен:

День, несудный с утра, судным становится днем

После свершения жертв, когда в беспрепятственных пренях

Претору можно судить и выносить приговор.

Также бывают и дни для собраний на форуме Рима, А на девятые дни рынок бывает открыт.

Налицо практические сходные черты в календаре, что ещё раз подтверждает обширные связи народов Средней Азии.

Проследим некоторые соответствия обрядов с астральными патронами дней. Субботу (день Сатурна) считали самым благоприятным днём для начала земледельческих работ. Все хозяйственные и полевые работы начинались с этого дня. Именно поэтому в дни Навруза дехкане в субботу украшали быков разноцветными лоскутами, весенними цветами и выводили в поле для пахоты земли. Кузнецы, каменотёсы и другие ремесленники, имевшие дело с металлом, считали субботу днём Давида пайгамбара, и в его честь делалось жертвоприношение. Отрицательные стороны дня: путешественникам, торговцам запрещалось держать путь на восток, иначе «хозяин дня мог наказать слушников» [7, с. 149].

Если обратиться к мифологическим свойствам планеты Сатурн, то согласно народной этимологии, происхождение имени Сатурн связано с корнем *sat* — *сеять*, что делает его богом посева, семян. Также Сатурн в народе определяется как хтоническое божество мира мёртвых, следовательно, он — бог подземного царства, полезных ископаемых. Древние греки отождествляли Сатурна с Кроносом — богом неумолимого времени [8,

с. 417]. Совпадения народных обычаев и «свойств» планеты, как говорится, лежат на поверхности.

Рассмотрим мифологические параллели вторника. Вторник был наиболее насыщенным мифическими персонажами днем. Кунграды отдельных кишлаков проводили обряды Биби мулькулькушо, Биби Фатимы, Биби Зухро, Биби Сешанбы. Существует поверье, что, якобы, тот, кто в этот день стирает белье или моется, брызгает грязной мыльной водой на пищу Биби Фатимы и Биби Зухро...

В кишлаках Бибиширин, Дугоба покровительницей вторника признавали Биби Сешанбу. Жители кишлаков в этот день не мылись и не занимались стиркой. ... Было запрещено выносить из домов и давать кому-нибудь такие хозяйственные предметы, как ножи, мешки и т.д. Уезжать куда-либо также запрещалось.

Ткачи райцентра Байсун считали вторник днем госпожи Расанды. В этот день женщины не пряли, т.к. ослушницу могла наказать Хозяйка дня. Жители кишлаков Чупок, Пушти Урдак, Авлод этот день считали днем белизны. По их поверьям, даже близким родственникам нельзя было давать предметы белого цвета, а также запрещалось выносить из дома сахар, муку, молоко, белый материал [7, с. 152].

Здесь можно выделить несколько аспектов. Из материалов Намангана известно, что во время проведения церемонии женщины изолировались от мужчин, плотно задергивая занавеси на окнах и дверях. Итак: девственность, запрет на военные действия, покровительство ткачами и другим ремесленникам, охрана дома. Эти свойства присущи Афине. Надо отметить, что на узбекском языке *афиф* означает *девственный*, *целомудренный*, *чистый*, *непорочный*, *воздержанный*.

В свою очередь образ Афины не мог появиться из ниоткуда. Чтобы уточнить истинное происхождение богини (не из черепа Зевса, а из эволюции мифологических представлений народов древности), обратимся к сказаниям шумеров. Определяющим фактором здесь является прекрасное владение Афиной прядением и ткачеством. У шумеров богиней, владеющей этим ремеслом, была сестра бога Уту, осуществляющего движение Солнца по небу. В вышеприведенной таблице мы поставили знак вопроса рядом с его именем, исходя из того, что армянский учёный Таронечи убедительно, даже изящно доказал, что Уту не бог солнца, а скорее, сила тяжести, повинувшись которой Солнце описывает на небе восьмёрку — по-армянски *ут*. Он пишет: «... заблуждение состоит в представлении, будто бог Уту это и есть Бог Солнце. Ничего подобного, бог Уту — это олицетворенное в образе движение солнца на небе, которое, как известно, рисует на небе восьмерку — анналему и именно поэтому армяне называют восьмерку (*utc*) и именно отсюда исходит графическое изображение современной восьмерки. ... Бог Уту это не солнце, а тот, кто тянет это солнце вверх, к высшей точке, к кульминации!» [13].

В том же материале доказано, что древние шумеры и армяне воспринимали солнечные лучи как нити ткани,

как паутину, ткущуюся пауком. По-ассирийски *паук* — *аш*, по-армянски — *сард*. Получается, что паук руководит своими действиями, держа нити в руках, как полководец. Отсюда узбекское *сардор* — *предводитель*, *начальник*, *глава*, *главарь*, и русское *сердолик*.

Вернёмся к сестре анналемы Уту. В древнем Шумере её называли Утту. Известно, что бог Энки — «создал нить», «усовершенствовал ремесло женщины» и поручил его богине ткачества Утту. [8, с. 109]. Она упоминается в нескольких шумерских сказаниях, одно из которых говорит о наличии в Шумере женских ткацких домов. Таким образом, и Уту и его сестра-ипостась связаны одновременно с солнцем и с прядением. Но и Афина называлась Аглаврой — «световоздушной». Связь Афины с анналемой, движением Солнца по небу выявляется в мифе об Арахне, дочери Идмона, захотевшей стать выше Афины в искусстве ткачества, которую богиня превратила в паука.

Представляется также не случайным, что в сказании о Биби сешанбе и в сказке о Хаврошечке сироте помогает корова, прядущая нить. Корова во многих древних и архаических религиях — символ плодородия, изобилия, благоденствия, молоко является сакральным символом чистоты.

Перейдём к среде. Девиз среды: «чоши пош» (тадж.) — «что собрал, то рассыпь». В среду, как и в день Биби Сешанбы, нельзя было заниматься стиркой, мыться, выезжать в дальний путь. При необходимости можно было только перекочевывать с юга на север.

Среда была также и «рузи тёф» (тадж.) — днем целования праха священных мест (кишлаки Дербент, Сарыассия, Кучкак). Верующие мусульмане с утра этого дня направлялись в сторону мазаров, где делали жертвоприношения и просили об излечении болезней. ... Женщины просили у святого мазара исцеления от недугов, а те из них, у кого не было детей — ребенка. При этом они зажигали «чирок».

У кунградов кишлаков Шуроб, Паданг, Таскент, наоборот, среда являлась самым удобным днем для начинания дел [7, с. 152].

Патроном среды является Меркурий, как и древнегреческий бог Гермес, с которым он отождествлялся — бог торговли, проводник душ в потусторонний мир. Меркурий вхож в оба мира, он посредник между богами и людьми. Как видим, обрядовое содержание среды также соответствует «назначению» планеты. Поэтому во время проведения обряда мулькулькушо нет строгих ограничений в составе приглашённых, ритуальную пищу (изюм) могут есть и мужчины. В связи с этим, хотелось бы возразить уважаемому Р.Р. Рахимову, который пишет: «... интересующий нас персонаж выступает в двух ипостасях — патронесса вторника (тогда она именуется Биби Сешанбе) и небесной святой, слышащей молитвы мирян о помощи по средам (Биби Мушкылкушо). Значит, устраиваемые в указанные дни жертвенные угощения имеют целью поминать одну и ту же угодницу Божию» [11].

Однако патронами вторника выступают Марс и Афина, причём Афина в большей степени, как антипод Марса, а патроном среды является именно Меркурий. Подтверждением нашего мнения является, высказывание Анания

Ширакаци (VII в., который писал, что язычники считали Юпитер и Венеру добрыми, Сатурн и Марс злыми, а Меркурий был по своей природе нейтральным, т.е. принадлежащим обоим ипостасям [6].

Литература:

1. Андреев, М. С. Среднеазиатская версия Золушки (Сандрильоны) // По Таджикистану. Вып. 1. Ташкент, 1927.
2. Аширов, А. А. Древние религиозные верования в традиционном быту узбекского народа (по материалам Ферганской долины). Автореферат дисс. док. ист. наук. — Т., 2008.
3. Выходы вечности. Ассирийско-вавилонская поэзия. В переводах В. К. Шилейко. — М., — 1987, — с. 88–89.
4. Гошунова, О., В. Женское божество в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Средней Азии. Дисс. докт. наук. М. 2007.
5. Джаббаров, И., Дресвянская Г. Духи, святые, боги Средней Азии. — Т., 1983. — с. 133.
6. Израелян, А. Р. Следы культа близнецов в древней Армении // ИФЖ. 1980. № 3. с. 216–228.
7. Краеведение Сурхандарьи. — Т., 1989. — с. 148, 152.
8. Мифы народов мира. — Том I, II. — М., 1988. — с. 299.
9. Нарзуллаева, Д. С. Интерпретация образа «момо» в узбекском фольклоре. // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28 (243). Филология. Искусствоведение. Вып. 59. — с. 71–73.
10. Публий Овидий Назон. Метаморфозы // http://www.lib.ru/POEEAST/OWIDIJ/ovidii2_2.txt
11. Рахимов, Р. Р. Коран и розовое пламя: (размышления о таджикской культуре). — Санкт-Петербург: Наука, 2007. — 387 с.
12. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/106050/>
13. <http://forum.vardanank.org/index.php?showtopic=343332&st=80>
14. http://vsemirnaya-istoriya.ru/index.php?option=com_

Научное издание

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

III Международная научная конференция
Москва, январь 2015 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

Подписано в печать 24.01.2015. Формат 60х90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,94. Уч.-изд. л. 22,18. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
115093, г.Москва, Партийный переулок, д.1, корп. 58, стр.1